
Костанов Ю.А.
Слово и «Дело»

ББК 67.99(2) 95
К72

Книга подготовлена и издана Независимым экспертно-правовым советом при финансовой поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров, Института «Открытое Общество» и Национального фонда поддержки демократии.

К72 **Костанов Ю.А.**
Слово и «Дело»
М.: Р.Валент, 2006. — 328 с.

Автор — известный адвокат, ранее работавший прокурором. В книге помещены заметки Ю.А. Костанова о ряде известных уголовных и гражданских дел, тексты судебных речей, ходатайства и жалобы, публицистические статьи. Сборник может быть полезен для преподавателей и студентов юридических вузов, юристов-практиков, правозащитников, всех интересующихся вопросами осуществления правосудия в нашей стране.

© Независимый экспертно-правовой совет, 2006
© Художественное оформление, Мичурина В.П.,
Парамонов Д.А.
© Макет, Афанасьев А.Н., 2005

ISBN 5-93439-207-7

Костанов Ю.А.
Слово и «Дело»

Р.Валент
Москва 2006

*Ростовскому УСО 70-х
во главе со светлой памятью
Вениамином Борисовичем Лосевым*

Содержание

Об этой книге, о законности, о речах судебных (и не только)	6
Раздел I. Речи прокурорские	12
Дело Савкина	13
Дело Пилипенко	35
Дело о краже сарматских фаларов	43
Дело «Фантомасов»	63
Дело о греховной любви на вещественных доказательствах	110
Раздел II. Речи адвокатские	116
Дело Мирзаянова	117
Дело о жертве финансовых пирамид	129
Дело Худояна	137
Дело «Гранатометчиков»	147
Дело Голомидова	165
Раздел III. Ходатайства и жалобы	185
«Опознание» по выражению лица	186
Дело Андрееenkova	207
Дело Жигулиной	217
Раздел IV. Fiat justitia	226
Мешает ли УПК борьбе с преступностью	228
Perpetuum mobile	233
В нашем Отечестве пророки есть!	260
Советы молодым	275
Казнить нельзя помиловать	309

---

* УСО — Уголовно-судебный отдел — так когда-то назывались в прокуратуре отделы, нынче переименованные в отделы (управления) по обеспечению участия прокуроров в рассмотрении уголовных дел судами. Считается, что так правильнее. По логике переименователей Канадскую королевскую конную полицию следует переименовать в республиканскую автомобильно-компьютерную, а уж англичанам с их расположенным в Лондоне «Шотландским двором» (Scotland yard) и вообще позор.

Об этой книге, о законности, о речах судебных (и не только)

О чем и для чего эта книга?

По содержанию своему это, прежде всего — сборник речей устных и письменных, судебных и не только.

Речь — это не обязательно публично произнесенный спич. Речь, как известно, бывает и устная, и письменная. Речь — это любой связный текст, произнесенный либо написанный. По крайней мере, именно так понимает этот термин автор. Потому, наряду с речами*, произнесенными в судебных прениях, я счел возможным поместить в этом сборнике и образчики речей письменных — заявления и ходатайства, принесенные по разным поводам и по разным делам.

Зачем автор пускается в такую авантюру — публикацию речей? Речи опубликованные как небо от земли отличаются от речей произнесенных. Произнесенные в суде речи, как правило, проигрывают при чтении. Публикатор речей знаменитого Плевако** не обошелся без купюр, обнаружив многочисленные длинноты. А ведь никто из современников не посмел отозваться о речах Плевако, как о скучных и затянутых. Написанная речь по сравнению с произнесенной всегда выглядит «прилизанной», «гладкой». Читатель не воспринимает пауз и не слышит интонаций. Те полунамеки и умолчания, которые понятны слушателю, для читателя, не присутствовавшего в судебном заседании, — тайна за семью печатями. Речи, произнесенные в суде «на одном дыхании», прозвучавшие, как набатный призыв, при чтении могут вызвать ироническую усмешку и не более. Я не боюсь этого. Наоборот, надеюсь донести до читателя тот накал борьбы, тот дух беспощадного сражения, которыми отличаются судебные (и не только) баталии.

Я никогда судебных речей не писал заранее. Готовить речь заранее по материалам предварительного следствия — дело неразумное, во-первых, потому, что нельзя в судебное заседание идти с заранее сформулированными выводами — ведь отсюда и рождается обвинительный уклон, в основе которого убеждение

в приоритетности материалов и выводов следствия предварительного по сравнению с судебным; ход судебного заседания все в деле может изменить: то, что на следствии казалось неизбежным и достоверным, в суде при внимательном рассмотрении может обернуться своей противоположностью. Во-вторых, даже если выводы следствия в суде подтверждаются, то непосредственность исследования доказательств в судебном заседании наполняет сухую информацию, почерпнутую из следственных протоколов, такими житейскими подробностями, без которых судебная речь неинтересна и скучна. Написанная заранее речь прокурора не может быть ни чем иным, кроме как более или менее удачным пересказом обвинительного заключения. Написавший заранее речь адвокат всегда рискует не найти нужных возражений на доводы обвинения, основанные на материалах, отсутствовавших на предварительном следствии, но появившихся только в суде. Наконец, попросту очень трудно читать речь по бумажке вслух перед аудиторией. Стоит только на секунду оторвать взгляд от листа, как тут же начинаешь шарить глазами по конспекту в поисках места, с которого надо продолжать. По всему по этому речей я не писал. Но, если так, спросит дотошный читатель, то откуда публикуемые здесь тексты? Ответ прост — по сохранившимся аудиозаписям, черновым наброскам, схемам, по памяти, наконец*. Редакторская правка была минимальной. В большинстве речей изменены имена и фамилии подсудимых, потерпевших и свидетелей. Я не просил у этих людей позволения на упоминание их имен. Это не касается речей по делу братьев Тостопятовых, по делу Мирзаянова, по йошкар-олинским делам («дело гранатометчиков» и дело Голомидова), т. к. эти дела получили «большую прессу»: о деле Толстопятовых в свое время писали многие московские и местные газеты («Известия», «Труд», «Советская Россия», «Литературная газета»; ростовские — «Молот», «Комсомолец» и «Вечерний Ростов»), сообщали о нем центральное и местное телевидение (всесоюзный тележурнал «Человек и закон» посвятил этому делу даже несколько передач), в феврале — марте 2006 года вновь по первому и четвертому каналам телевидения прошло несколько передач об этом деле. Что касается Мирзаянова, то его дело возникло уже в эпоху демократии и гласности. Демократическая пресса прекращение уголовного дела в отношении него подава-

* Великий Кони не писал своих речей, но публиковал их. Тексты готовил по газетным репортажам, черновым заметкам и воспоминаниям. Нам, пигмеям, учиться у гениев не грех.

* Ей богу, я сам не склонен был называть столь претенциозно те наборы фраз, которые произносил, но название выступлениям сторон в судебных прениях по уголовным и гражданским делам заданы законом: и в УПК (ст. 292), и в ГПК (ст. 190) говорится, что «судебные прения состоят из речей...».

** Ф.Н. Плевако, Избранные речи. М.: Юридическая литература. 1993.

ла как свою победу. Все имена и фамилии были уже названы и не раз, а уж о самом Мирзаянове писали даже за рубежом.

Я посчитал допустимым прокурорские и адвокатские речи поместить под одной обложкой потому, что не вижу в них принципиальной разницы с точки зрения отношения к Закону — и в тех и в других случаях я отстаивал Закон.

Публикация речей судебных (и обвинительных даже в большей мере, чем защитительных) призвана показать, что уголовные дела не только должны, но и могут рассматриваться так, как это предопределено законом.

И еще одно соображение в пользу публикации судебных речей. Следователь (если он, конечно, следователь, а не простой регистратор и оформитель нашептываний и рекомендаций оперработников, стремящихся любой ценой повысить пресловутый «процент раскрываемости» — главный показатель их деятельности) должен уметь видеть судебную перспективу дела, понимать, как то или иное доказательство будет выглядеть, пройдя через горнило судебного следствия. Но где те следователи, которые, я уж не говорю — посещают судебные заседания, чтоб научиться этой премудрости, — нет, где те следователи, которые хотя бы допускают, что судьбу дела решает суд, который может с ними не согласиться и будет при этом прав? Между тем, именно сегодня, именно в ситуации, характеризующейся разгулом преступности, как никогда важно, чтоб следователи в своей деятельности ориентировались на суд (в том числе и на суд присяжных, с его более жесткими подходами к оценке доказательств).

Автору в бытность его прокурором часто приходилось поддерживать обвинение в суде. Большинство дел (так уж повезло) было расследовано качественно, доказательств было достаточно и они выдержали самую придирчивую проверку на судебном следствии. Были ведь и тогда весьма хитрые преступники, совершавшие не менее кровавые злодеяния, чем те, о которых сегодня чуть не ежедневно сообщает пресса. Но были и следователи, которые вместо того, чтоб жаловаться на несовершенство УК и УПК, просто работали. Результат этой работы — законный и обоснованный приговор. Автор надеется на то, что печатаемые в настоящем сборнике обвинительные речи будут рассматриваться не как образчики его красноречия, а как примеры отличной работы следователя, снабдившего гособвинителя надежным доказательственным материалом.

Были дела и другие, к расследованию которых следователи не приложили ни ума, ни сердца. Когда долг прокурора состоял не в том, чтоб обвинить, а в том, чтоб отказаться от обвинения. Примеры такого рода также помещены в настоящем сборнике. У грамотного юриста они могут вызвать удивление — неужели такое всерьез возможно? Я и сам без смеха не могу вспомнить о старушке, всерьез утверждавшей, что Пилипенко — убийца, т. к. считала, что он повывел из дома ... кошек. Или о «вещественных доказательствах — коврах», на которых согрешил с дружинницей — комсомолкой Степанюк. Тогда же, уверяю, мне было не до смеха. Это были реальные дела, — сомневающиеся могут разыскать их в архиве Ростовского областного суда. Отказ от обвинения, прямо скажем, не был тогда (как и теперь) широко распространен в прокурорской практике и начальством не приветствовался. Но, ведь, по большому счету, выбора не было: на одной чаше весов людские судьбы, — на другой сиюминутное расположение начальства.

Беззакония — и раньше и теперь — чаще всего объясняют нехваткой кадров. Низкая зарплата, тяжелая работа — все это не способствует сохранению квалифицированных кадров. Не буду с этим спорить — и надо ли? Все это верно. Но это тот самый случай, когда половина правды скрывает истину. А другая половина правды здесь коренится в нравственном аспекте проблемы. Ведь нужны не только грамотные, но и добросовестные, честные, увлеченные носители и защитники идей добра и справедливости, впрочем, не только в правоохранительных органах и судах — нужны такие и врачи, и учителя, и продавцы, и инженеры, и... Да где ж их столько взять? Тем более, что, по большому счету, и не ищут таких. С такими трудно — они правдолюбцы. А жить «по правде» всегда было трудно и для самих правдолюбцев и для окружающих. Проблема в том, что мы привыкли к двойным стандартам: вслух, «для других» — рассуждения о демократии и законности, о милосердии и гуманизме, а для себя, внутри себя, молчаливая (а иногда и не очень скрываемая) неандертальская убежденность в том, что на самом-то деле все это — и презумпция невиновности, и недопустимость пыток (да, да, читатель, пыток в двадцать первом веке в нашей любимой богом стране победившего православия), и рассуждения о гуманизме и целесообразности наказания — все это «факультет ненужных вещей», все это для красоты, для «показухи», это фиговый листок для Запада. Пусть думают какие мы цивилизованные — авось кредитов дадут, гуманитарной по-

мощи подбросят — вот уж будет чем поживиться! Не случайно передача системы исправительных учреждений из МВД в Министерство юстиции в нормативных актах мотивирована ссылкой на международные обязательства России, а о том, что это необходимо для реформирования средневековых казематов наших колоний и тюрем, наших пыточных СИЗО и ИВС — об этом как-то забыли упомянуть. Вот уже и один из очередных спикеров Государственной Думы заявил, что неплохо бы в стране возродить каторгу — пусть осужденные гниют там заживо. Непонятно — это он от незнания правды о наших колониях и тюрьмах или от желания смягчить в них режим? Ведь на царской-то каторге осужденные и работой были обеспечены и кормили там трижды в день и не за тридцать сегодняшних копеек, а за те еще копейки, когда за рубль и корову можно было купить.

Точнее было бы назвать нашу страну сегодня страной победившего ханжества. Если бы общество и состоящее у него на службе Правительство были искренни в своих заявлениях о борьбе с коррупцией, с организованной и не очень организованной преступностью, то и при нынешних зарплатах нашлись бы и следователи, и прокуроры, и судьи. Будет дело — будут и деятели. А без этого — можно повышать зарплату до космических высот, все равно за бизнесом и криминальными «заработками» не угнаться, да и разве честность и порядочность можно купить за деньги? Честному и порядочному нужно еще и сознание собственной правоты, сознание справедливости того дела, которому он служит.

Меня и моих коллег, пришедших в адвокатуру со следственной либо прокурорской работы, нередко упрекают чуть ли не в измене идеалам и принципам — вчера ловили преступников и обвиняли, а сегодня разваливаете дела! Пользуясь случаем, считаю нужным ответить «оптом» на эти упреки. Никто не вправе упрекнуть меня в незаконных методах защиты: я не подговариваю свидетелей, не подкупаю потерпевших, не передаю взятки следователям и судьям, не пользуюсь своими знакомствами в правоохранительных «верхах». И если дела, в которых я участвую, как защитник, «разваливаются», то это потому лишь, что слеплены были плохо. Я в адвокатуре делаю то же, что и раньше — защищаю прежде всего закон. Мои надзорные жалобы составляются мною так же, как раньше я составлял прокурорские протесты — только название иное. И кто из нас «предатель и изменник»: я и мои коллеги, или те, кто, присягнув «непримиримо бороться с любыми нарушениями закона,

кто бы их ни совершил»*, на деле попустительствует грубейшим нарушениям закона, растаптыванию прав и законных интересов личности? **Разве добиться расстрела невинного человека — это соблюдение прокурорской морали, а добиться его оправдания — это предательство?** И что это за мораль в таком случае?!

Публикуя в настоящем сборнике некоторые свои откровенные наблюдения и оценки, я не боюсь и упреков в подрыве авторитета любимой мною (и это не с иронией и не для красного словца сказано) прокуратуры. Наоборот, показав эти недостатки, я надеюсь способствовать выздоровлению.

Но достаточно предисловий. Как говорится: «Судебное следствие окончено, суд переходит к судебным прениям. Слово предоставляется государственному обвинителю».

* Из текста присяги прокурорских работников. — ст. 40 Федерального закона РФ «О прокуратуре Российской Федерации».

Раздел I

Речи прокурорские

В этом разделе помещено пять прокурорских речей, произнесенных мною в разное время в Ростовском областном суде. Три из них — обвинительных, две другие — об отказе от обвинения. Я всегда считал, что прокурор более свободен в формировании своей позиции в процессе, чем адвокат. Позиция адвоката всегда определена позицией его подзащитного или доверителя. Адвокат не вправе назвать своего подзащитного виновным и просить судей только о снисхождении, если подсудимый сам виновным себя не признает, — даже когда на самом деле он виноват и кроме как на снисхождение судей рассчитывать больше не на что. Прокурор же должен быть заинтересован только в одном — чтобы приговор судом был вынесен законный, независимо от того будет он обвинительным или оправдательным.

Существует, конечно, зависимость от собственного начальства, для которого оправдательный приговор, как правило, нежелателен. Ведь оправдание свидетельствует о том, что человека необоснованно привлекали к уголовной ответственности, что следователь и надзиравший за ним прокурор, как минимум ошиблись. А утверждает обвинительное заключение и направляет дело в суд руководитель прокуратуры, который, как правило, для гособвинителя начальник. По закону (ст. 17 УПК РФ), однако, государственный обвинитель независим и должен руководствоваться только законом, своим внутренним убеждением и собственной совестью. Остальное — от лукавого.

Дело Савкина

Краткий комментарий автора

Уголовное дело по обвинению Савкина и Зипунова рассматривалось Ростовским областным судом в 1969 году. Я работал тогда прокурором отдела прокуратуры Ростовской области по надзору за рассмотрением в судах уголовных дел и принимал участие в процессе по этому делу в качестве государственного обвинителя.

Утром 18 июля 1968 года на летном поле Ростовского аэропорта к водителю бензовоза Ковылеву подбежал окровавленный человек и попросил отвезти его в медсанчасть. Это был рабочий авиаремонтного завода Канунников. Медикам, обнаружившим у него более десятка проникающих ран, Канунников рассказал, что ранил его сослуживец Михаил Савкин, проживавший в авиагородке недалеко от аэродрома. По словам Канунникова, Савкин напал на него в своем гараже, куда они зашли, чтоб выкатить оттуда мотоцикл и отправиться за новым автомобилем для Канунникова. Савкин был задержан. При осмотре в гараже Савкина была обнаружена яма глубиной два метра, на дне которой было уложено несколько досок с вбитыми в них насквозь 150 мм гвоздями. На эти гвозди, по словам Канунникова, столкнул его в яму Савкин. При обыске в подвале дома Савкина были обнаружены паспорт и часы убитого за два года до этого сослуживца Савкина по прежнему месту работы — Сержантова. Кроме паспорта и часов Сержантова в том же подвале был найден ключ от сейфа отдела технического контроля одного из ростовских заводов — именно там Савкин и работал вместе с Сержантовым. Из этого сейфа через несколько месяцев после убийства Сержантова исчезла зарплата работников отдела. Оба преступления — и убийство Сержантова и кража денег из сейфа оставались нераскрытыми.

В результате расследования Савкину были инкриминированы и покушение на убийство Канунникова, и убийство Сержантова, и кража денег.

Подробности дела ясны из текста обвинительной речи.

Обвинительная речь

Товарищи судьи!

Савкин предстал перед судом по обвинению в преступлениях, одно упоминание о которых вызывает негодование всех честных людей. Жестокость преступления, однако не освобождает

от обязанности доказать виновность подсудимого. Поэтому главную свою задачу я вижу именно в том, чтобы обосновать обвинение — доказать, что Савкиным эти преступления совершены и выяснить, какими мотивами он руководствовался.

Преступления, о которых идет речь, отделены от нас значительным промежутком времени и совершались в тайне.

Среди допрошенных нами свидетелей нет ни одного, кто сказал бы (или хотя бы мог сказать): «Я видел, как Савкин убил Сержантова; Я видел, как Савкин украл деньги из сейфа». Лишь Канунникову, который был не только очевидцем, но и потерпевшим от последнего преступления Савкина, известны, и то далеко не все, подробности и только этого эпизода.

Единственный очевидец и участник преступлений — сам подсудимый.

Савкин, признав свою вину на следствии, затем полностью отказался от этих показаний и в суде категорически утверждает, что ни в каких убийствах и кражах он не виновен.

Цели подсудимого отличны, однако, от целей правосудия и даже, когда Савкин признавал себя виновным, он вовсе не обязательно делал это для установления истины. Поэтому основывать выводы на показаниях Савкина — в том числе тех, в которых он признает справедливым предъявленное обвинение, было бы, по меньшей мере, неосторожным. Гораздо более правильным представляется другой путь, когда на первый план выдвигаются доказательства, добытые независимо от разьяснений Савкина.

Нынешнее судебное разбирательство — итог дела, начатого три года назад. 13 апреля 1966 года, утром, в тридцати километрах от Ростова, в лесополосе был обнаружен труп мужчины с множественными повреждениями головы, характер которых несомненно свидетельствовал об убийстве. Убитым оказался рабочий Ростовского завода радионавигационной аппаратуры Владимир Сержантов.

Как попал он в это безлюдное место? Привезли ли его уже убитого или он сам пришел сюда, чтобы здесь, в лесополосе встретить свою гибель?

Смерть Сержантова наступила в результате множественных повреждений левой части головы сзади, сопровождавшихся переломами костей черепа. Повреждения были нанесены тупым орудием с большой силой. Судебно-медицинская экспертиза категорически исключила возможность причинения этих повреждений в результате аварии. Да и какая авария в лесополосе? Все

повреждения прижизненны, в момент их причинения Сержантов находился в вертикальном положении, — значит, Сержантов был убит ударами какого-то твердого тупого предмета. Убийца шел сзади и слева от своей жертвы.

Отсутствие следов транспорта на мягком грунте проселочной дороги, ведущей вдоль лесополосы, дает основание полагать, что Сержантов пришел сюда пешком; отсутствие следов борьбы на одежде и теле Сержантова приводит к выводу, что пришел он сюда добровольно, что нападение было для него неожиданным, а удары настолько сильны, что он — физически здоровый тридцатилетний мужчина — не успел ни убежать, ни оказать сопротивления.

Мы знаем теперь, что привело его сюда — где-то здесь в окрестностях Новочеркасска, он собирался купить мотоцикл. Мы знаем, что он был не один — в приобретении мотоцикла ему помогал какой-то человек, фамилию и имя которого Владимир Сержантов — всегда откровенный с родственниками и друзьями — скрывал ото всех.

Из показаний брата убитого и его матери известно, что 12 апреля утром, примерно в 11 часов, Владимир приезжал домой на такси — взяв 950 рублей и паспорт, он уехал за мотоциклом и домой уже не вернулся.

Ни в карманах одежды, ни рядом с трупом денег и документов не оказалось. Исчезли также часы Сержантова.

Желание купить мотоцикл появилось у Сержантова давно. И его родственники, и товарищи по работе здесь, в судебном заседании, показывали, что мысли о покупке мотоцикла Владимир высказывал еще за несколько лет до гибели. За 2 года до этого Сержантов завел сберкнижку и начал копить деньги. Наконец необходимая сумма собрана, но в магазине нет мотоциклов той марки, которая нравилась Сержантову. Он объездил все близлежащие города, писал на завод, писал живущему на Камчатке брату, надеясь, что хоть там будет в продаже такой мотоцикл, какой он хочет купить — все напрасно.

И вдруг, в марте 1966 года, Сержантов говорит брату, что ему кто-то обещает помочь приобрести мотоцикл «Иж-Юпитер» с коляской. Однако имени этого человека не называет. Не назвал Сержантов имени этого человека и свидетелю Базарову, которому тоже сказал, что наконец-то ему пообещали помочь достать мотоцикл.

Шли дни, Владимир все увереннее говорил о будущей покупке.

В последних числах марта он даже асфальтировал въезд с улицы во двор своего дома — чтоб легче было въезжать на мотоцикле.

10 апреля он снял со сберкнижки весь свой вклад — 720 рублей (в деле, на листах дела 27 и 98 в томе втором, есть и сама сберкнижка и справка сберкассы). Недостающую сумму — 230 рублей — занял у мужа своей сестры — Стадникова.

На все расспросы Владимир отвечал, что тот человек, который помогает ему купить мотоцикл, просил держать все дело в тайне — ведь мотоцикл будет продан без очереди, у продавца из-за этого могут быть неприятности. И только брату он проговорился, что человека этого зовут Михаилом, работают они на одном заводе. Еще раньше Владимир говорил брату, что этот человек живет в районе Аэропорта.

12 апреля, когда Сержантов заезжал домой за деньгами и документами, в машине кроме него и шофера такси никого не было. Значит, он еще только должен был встретиться с тем неизвестным посредником. Логично было бы предполагать, что Сержантов прямо из дому направится на встречу с этим человеком.

Так и случилось. Как показал в судебном заседании шофер такси Рытов, Сержантов от своего дома попросил подъехать к кинотеатру «Буревестник», где его ждал какой-то человек. У «Буревестника» в машину подсел Савкин. Это было не случайно. Сержантов вышел из машины, зашел в кассовый зал и вернулся оттуда уже вместе с Савкиным. Оказывается, Савкин ждал Сержантова.

Сев в машину, Савкин попросил отвезти его с Сержантовым в Новочеркасск. Рытов отказался выезжать за пределы Ростова и тогда они оба — и Сержантов и Савкин — стали уговаривать Рытова, обещая ему щедрые «чаевые». Но Рытов, вы помните, товарищи судьи, его показания, довез их только до заправной станции на Октябрьском шоссе, откуда Савкин с Сержантовым направились пешком к автовокзалу.

Но может быть все-таки не Савкин «помогал» Сержантову достать мотоцикл? Может быть, Савкин где-то на полпути расстался с Сержантовым, а дальше Сержантов отправился уже самостоятельно или с каким-то другим человеком?

По словам родственников и друзей, никаких знакомых, не считая того неизвестного Михаила, который обещал помочь купить мотоцикл, в тех краях у Сержантова не было.

Никаких знакомых, которые могли бы помочь приобрести мо-

тоцикл в окрестностях Новочеркаска, да и вообще знакомых в этой местности не было и у Савкина — когда ему понадобилось оформить покупку своего собственного мотоцикла, он направился в противоположном от Новочеркаска направлении — в хутор Большой Лог.

Человеком, который находился вместе с Сержантовым до его трагического конца был Савкин — потому что именно у него впоследствии оказались паспорт и часы Сержантова. И именно Савкин убил Сержантова:

■ потому, что и паспорт, и взятые им на время у жены брата — Луизы — часы, живой Сержантов ни при каких обстоятельствах отдать Савкину не мог;

■ потому, что именно Савкин на протяжении полутора месяцев обманывал Сержантова обещаниями помочь приобрести мотоцикл;

■ потому, что именно Савкин заманил Сержантова с деньгами, накопленными им для покупки мотоцикла, в лесополосу в 30 с лишним километрах от дома: хотя Савкин сам жил в той именно стороне, но Рытова-то он просил подвезти их с Сержантовым вместе за город, под Новочеркасск, — гораздо дальше своего дома, но гораздо ближе к месту убийства.

Ради этих денег, ради 950 рублей, которых потом не оказалось в карманах одежды на трупе, Савкин и убил Сержантова.

Сам характер взаимоотношений между Савкиным и Сержантовым исключает какие-либо иные мотивы для убийства — сколько-нибудь тесных отношений, которые могли бы породить скандалы, или споры, между ними не было; только в последнее время перед исчезновением Сержантова, как нам рассказали свидетели Клубнев и Маковецкая — товарищи Сержантова по работе — Сержантов и Савкин несколько раз уединялись и о чем-то беседовали.

Теперь мы знаем о чем!

Да и как мог Сержантов спорить с Савкиным — с человеком, под чьим влиянием он находился настолько, что слепо поверил его обещаниям и по просьбе Савкина скрыл ото всех — и от матери, и от брата, и от товарищей по работе — его имя; человека, за которым с почти тысячью рублей в кармане без всяких опасений пошел в безлюдное место.

Но, может быть, брат убитого — Анатолий Сержантов — говорит неправду, когда утверждает, что Владимир рассказывал о сослуживце по имени Михаил, живущем в районе аэропорта и о покупке мотоцикла в районе Новочеркаска?

В таком случае — откуда столько совпадений. Ведь Анатолий Сержантов Савкина раньше не знал и дал свои показания следователю за два года до того, как Савкин был задержан и его имя впервые появилось в следственных документах.

Может быть Рытов оговаривает Савкина? Но и Рытов с Савкиным не знаком; к следователю Рытов явился также более чем за два года до ареста Савкина, причем явился по собственной инициативе, после того, как работники милиции показывали в таксопарке фотографию Сержантова, разыскивая шофера, на машине которого тот уезжал из дома 12 апреля.

Может быть пакет с паспортом и часами Сержантова спрятал в подвале дома Савкина не сам Савкин, а кто-то другой? Но криминалистическая экспертиза утверждает, что стеклоткань, в которую были завернуты эти предметы, и проволока, которой пакет был обвязан, аналогичны стеклоткани и проволоке, найденным при обыске в квартире Савкина. Наконец, Канунникову показывал паспорт Сержантова не кто иной, как сам Савкин.

Однако же, 12 апреля 1966 года — рабочий день! Не мог же Савкин быть одновременно и на работе и в 30 километрах от Ростова!

Утром 12-го Сержантова видели живым мать и шофер такси Рытов. На следующее утро его уже нашли мертвым. Вечером 12-го апреля шел дождь, а подошвы туфель, обутых на трупе Сержантова, — сухие и чистые. Значит он был убит еще до начала дождя, — т.е. днем 12 апреля.

И если Савкин 12 апреля был весь день на работе, это значит, что Савкин не виновен в убийстве, это значит, что Рытов ошибся, а Владимир Сержантов рассказал брату о другом Михаиле. Но в деле есть справка завода радионавигационной аппаратуры (лист дела 150, том пятый) о том, что Савкина не было на работе 12 апреля 1966 года — нет его подписей в приемно-сдаточных актах.

Более того, товарищи судьи, в Вашем распоряжении есть дневник Савкина: из записи, сделанной 12 апреля, следует, что Савкин в этот день утром гулял по мосту через Дон и по проспекту Ворошиловскому — там же, неподалеку от моста.

Именно в этом районе находится кинотеатр «Буревестник», в кассовом зале которого, по утверждению. Рытова, как раз в это утро 12 апреля Савкин и встретился с Сержантовым.

Итак, Сержантова убил Савкин. Убил ради того, чтоб завладеть его деньгами.

Эти действия Савкина правильно квалифицированы органами предварительного следствия как разбой с применением в качестве орудия для нанесения телесных повреждений тупого твердого предмета — по пункту «б» части второй статьи 146 УК РСФСР. Поскольку причиненные телесные повреждения повлекли смерть потерпевшего, эти же действия Савкина правильно квалифицированы по пункту «в» части второй той же статьи.

Убийство Савкиным потерпевшего во время разбоя правильно квалифицировано по пунктам «а», «е» статьи 102 УК РСФСР, как убийство из корыстных побуждений, совершенное с целью последующего сокрытия разбоя.

Но убийство Сержантова было только началом преступной биографии Савкина.

В пакете, найденном при обыске в доме Савкина, были два ключа от дверного замка и ключ от сейфа.

Ключи эти, как оказалось, были ключами от замка входной двери помещения ОТК завода радионавигационной аппаратуры и от сейфа, стоявшего в том же отделе — от того сейфа, из которого в сентябре 1966 года были украдены деньги — 4 734 рубля.

Деньги эти оставила в сейфе работник отдела Марусенко, по совместительству исполнявшая обязанности кассира. Марусенко, заперев деньги в сейф, ушла с работы в 17 часов 12 сентября, а на утро денег в сейфе не оказалось.

Надо сказать, что деньги в сейфе оказались в результате случайного стечения обстоятельств — Марусенко, получив 12 сентября 1966 года в центральной кассе завода заработную плату для отдела, должна была всю сумму в тот же день выплатить работникам отдела. Не успев это сделать, Марусенко, вместо того, чтобы сдать остаток денег в центральную кассу, оставила их в своем рабочем сейфе. Кто, кроме Марусенко, знал, что деньги остались в сейфе?

Савкин и Козич — тоже контролер ОТК, — пришли получать зарплату как раз в то время, когда Марусенко уже собралась уходить и заперла отдел. Марусенко попросила их придти за деньгами на следующий день, сказав при этом, что зарплату получили не все работники отдела.

Кто из них был в здании заводоуправления в период с 17 часов 12 сентября до 8 часов утра 13 сентября? — Савкин.

12 сентября после окончания смены Савкин оставался на заводе — должно было состояться очередное занятие мотокружка, в котором он занимался.

Однако Савкин ушел с завода со всеми кружковцами и больше в этот день на завод не возвращался — когда же он мог совершить кражу?

Но, как показал в суде свидетель Малышев, занятие мотокружка началось в 17 часов или чуть позже, а Савкин пришел уже к самому концу — почти в половине седьмого.

Значит с того момента, как Савкин расстался с Марусенко в 17 часов, проводив ее до проходной и убедившись, таким образом, что она ушла с завода, и до его прихода на занятие мотокружка прошло больше часа — ходу же от проходной до места проведения занятий — несколько минут.

По заключению криминалистической экспертизы дверной замка ОТК и замка сейфа никаких повреждений не имели. В результате тщательного исследования эксперты пришли к выводу, что оба замка посторонними предметами не открывались — значит, преступник пользовался ключами.

Ключ от сейфа Марусенко оставила в ящике стола начальника отдела Саруханова — об этом было известно Савкину.

Ключ от входной двери отдела у Савкина был.

Ключ от сейфа исчез вместе с деньгами — 13-го сентября в ящике стола, где его оставила Марусенко, ключа не было.

Через несколько месяцев после кражи денег Савкин заявил, что потерял ключ от входной двери в помещение отдела.

И вот, спустя два года, оба ключа найдены в подвале дома Савкина, завернутые в стеклоткань и обмотанные для верности проволокой — причем и стеклоткань и проволока аналогичны стеклоткани и проволоке, обнаруженным в его же квартире.

Наконец, из показаний целого ряда свидетелей — сослуживцев Савкина по заводу радионавигационной аппаратуры — Кузеевой, Конобаева, Митюринна. Холостова и других, — мы знаем, что у Савкина, испытывавшего до этого материальные затруднения, в октябре 1966 года появились деньги: вернувшись в октябре из отпуска, он сделал несколько покупок на довольно значительную сумму: купил костюм, плащ, кое-что из мебели. Тогда же он уговаривал Конобаева продать ему свой мотоцикл.

На расспросы товарищей Савкин отвечал, что деньги ему дал отец, к которому он ездил во время отпуска.

Но мы допрашивали отца Савкина — нет, денег он сыну не давал. Допрошенный в суде брат Савкина — Владимир — тоже показал, что никто из родственников не давал (да и не смог бы дать) столько денег, чтоб их хватило на мотоцикл и другие покупки.

Нельзя поверить и в то, что Савкин делал все эти покупки на сбережения, оставшиеся еще от армии.

Человек, имеющий сбережения, не станет просить 20 рублей безвозвратной ссуды в профсоюзной организации в связи с тяжёлым материальным положением.

Итак, это преступление также совершено Савкиным. Органами предварительного следствия оно правильно квалифицировано по части третьей статьи 89 УК РСФСР, поскольку похищенная сумма бесспорно является крупной, а само хищение было совершено в форме кражи.

В одном ряду с обвинением в убийстве и краже как-то непривычно видеть обвинение в даче взятки, изготовлении и использовании подложного документа. Тем не менее, следующие (по времени) преступления, совершенные Савкиным — это подкуп и подлог.

Махинация с оформлением мотоцикла имеет глубокую внутреннюю связь с другими преступлениями Савкина. Связь эта заключается прежде всего в том, что Савкин, убивший ради денег Сержантова и совершивший кражу денег из ОТК, и здесь проявил себя как человек, для которого деньги — главное в жизни, который считает, что деньги могут все.

Мотоциклы Ижевского завода заслужили признание мотолюбителей и пользуются большим спросом. И, хотя с каждым годом их выпускается все больше, желающие купить Ижевский мотоцикл должны ждать своей очереди довольно долго.

Ждать? — Нет, Савкин ждать не собирался. Общий порядок его не устраивал. Он ищет возможности достать мотоцикл без очереди. И находит:

Сосед и сослуживец Савкина — Евсюков — давно уже записавшийся в очередь, раздумал покупать мотоцикл. А очередь его уже подходит. И деньги за мотоцикл в кассу магазина внес Савкин. Но в целях воспрепятствования различным правонарушениям — и, не в последнюю очередь, нарушениям порядка очередности при продаже мотоциклов — введено правило, по которому для регистрации мотоцикла в Госавтоинспекции необходимо предъявить справку автомагазина.

В магазине справку выдали, но записали в ней, что мотоцикл продан не Савкину, а Евсюкову, — ведь он, а не Савкин ждал очереди два года. И тогда Евсюков обещал Савкину выдать доверенность на право управления мотоциклом.

Вы слышали, как был удивлен Евсюков, когда Савкин ему сказал через несколько дней, что доверенность не понадобилась.

Савкин вышел из положения просто: поехал в один из ближайших от города хуторов, зашел в магазин и попросил заведующего выписать фиктивную справку о продаже мотоцикла. По случайному стечению обстоятельств хутором этим оказался хутор Большой Лог Аксайского района, а завмагом — заведующий магазином Больше-Логского рабкоопа Зипунов.

Я ни минуты не сомневаюсь, что большинство коллег Зипунова ответило бы на предложение Савкина отказом.

Зипунов, по его утверждению, тоже сперва не хотел выписывать справку, но сдался, когда Савкин предложил ему за это 30 рублей.

Справка эта сейчас находится в деле. Она была изъята в ГАИ Первомайского района, где Савкин по этой справке зарегистрировал мотоцикл и получил номерные знаки.

Заключение криминалистической экспертизы подтвердило показания Зипунова и самого Савкина о том, что рукописный текст справки исполнен Зипуновым, а оттиски штампа и круглой печати оставлены штампом и печатью Больше-Логского Рабкоопа.

Справка автомагазина о продаже мотоцикла Евсюкову изъята при обыске у Савкина и также находится в деле (том первый, лист дела 37).

На языке уголовного закона передача Савкиным Зипунову 30 рублей за выдачу фиктивной справки называется дачей взятки Савкиным и получением этой взятки Зипуновым.

Действия Савкина по этому эпизоду должны быть квалифицированы по части первой статьи 174 УК РСФСР, действия Зипунова — по части первой статьи 173 УК РСФСР.

Изготовление Зипуновым фиктивной справки должно быть квалифицировано статьей 175 УК РСФСР как должностной подлог, использование же Савкиным этой справки составляет преступление, предусмотренное частью третьей статьи 196 УК РСФСР.

Все преступления Савкина по странному стечению обстоятельств так или иначе связаны с мотоциклами:

Под предлогом покупки мотоцикла он заманивает в лесополосу Сержантова. Как предлог, чтоб в неурочное время пройти на территорию завода и украсть деньги из сейфа ОТК, использует занятия мотосекции.

Взятку дает — чтоб получить возможность зарегистрировать мотоцикл.

И, наконец, события, послужившие непосредственной причиной его ареста, происходят в гараже, в котором Савкин держал мотоцикл.

Что же произошло в гараже?

Утром 18 июля, примерно в 8-9 часов, Канунников, рабочий завода № 412, на котором в то время работал и Савкин, пришел к Савкину домой, имея при себе значительную сумму денег — 4 700 рублей. (Деньги эти потом были обнаружены следователем спрятанными под задней крышкой радиоприемника в квартире Савкина). Через некоторое время Канунников, весь израненный (врачи насчитали 11 проникающих ранений в груди и животе), выбежал на летное поле Ростовского аэропорта, где его подобрал шофер Ковылев и отвез в санчасть аэропорта.

Есть две версии, объясняющие что произошло между этими двумя событиями:

Первая версия сводится к тому, что между Савкиным и Канунниковым произошло недоразумение — Канунников, договорившись с кем-то о продаже машины, пришел к Савкину только для того, чтобы он подвез его к автомагазину на своем мотоцикле. В гараже Канунников случайно столкнул Савкина в яму и упал туда сам, а затем, испугавшись, что у него отнимут деньги, пытался наносить Савкину удары принесенным с собой шилом, но тому удалось шило отнять и, защищаясь, он несколько раз ударил шилом Канунникова.

Это версия Савкина.

Согласно второй версии — версии Канунникова — Савкин обещал ему помочь приобрести автомашину вне очереди, причем требовал от него сохранения их взаимоотношений в тайне. 18 июля Савкин сам пригласил Канунникова к себе домой — для того, чтобы оттуда отправиться за машиной, сам столкнул его в яму, сам начал наносить острым шилом удары Канунникову в грудь, спину и живот.

Кому из них поверить?

Савкин перешел на завод № 412, где работал Канунников, в январе 1967 года. Человек скрытный, необщительный, он ни с кем дружбы не вел, и его отношения с Канунниковым, с которым он работал на одном участке, долгое время ограничивались лишь чисто производственными вопросами. Даже общих разговоров в «курилке» они не вели — Савкин не курит.

Но вот весной 1968 года Канунников продал дом, деньги положил на книжку, а книжку принес на работу и показал сослуживцам — и добавил, что теперь он может осуществить свою давнюю мечту — купить автомашину.

Допрошенные нами сослуживцы Савкина и Канунникова — мастер участка Мякишев, техники Вологудов, Арапов, Рамишев-

ский — показали, что именно с этого времени Савкин и Канунников стали сближаться — часто уединялись, вели какие-то секретные разговоры.

Что их сблизило? О чем они разговаривали?

Ведь не было у них до сих пор никаких общих интересов и увлечений. Вы слышали заявление Арапова, как был удивлен он сближением этих совершенно разных людей — «антиподов», как он их назвал.

Неожиданное сближение Савкина с Канунниковым, после того как последний объявил, что собрался купить автомобиль, уединенные беседы их, покрытые завесой «секретности», — как все это напоминает беседы Савкина с Сержантовым перед его убийством!

Сходство здесь и в том, что, сказав жене и знакомым, что нашелся человек, который взялся помочь ему достать машину вне очереди, Канунников так же, как когда-то Сержантов, держит в тайне имя этого человека.

Но Канунников, в отличие от Сержантова, человек семейный, и, когда дело дошло до уплаты денег, он вынужден был назвать жене имя посредника. И назвал он имя Михаила Савкина.

Итак, даже если бы Канунников сам не рассказал бы об этом в суде — мы вправе сделать вывод, что основой сближения Савкина и Канунникова и темой их разговоров было именно посредничество Савкина в приобретении Канунниковым автомашины.

Есть еще одно обстоятельство, подтверждающее показания Канунникова в этой части — это обнаружение при обыске в подвале дома Савкина паспорта Владимира Сержантова. Значит, не выдумал Канунников всю историю с паспортом, значит, действительно показывал ему Савкин паспорт Сержантова. Откуда же иначе Канунникову знать, что у Савкина есть этот паспорт!

Савкин действительно показывал Канунникову паспорт Сержантова и сделал это для того, чтобы еще больше подчинить Канунникова своему влиянию: чтоб Канунников думал, что он не единственный «клиент» Савкина.

Зачем Савкин обманывал Канунникова, обещая помочь приобрести машину? Он же не имел никакой возможности оказать ему такую помощь. Ведь и свой-то мотоцикл Савкин купил случайно.

Затем, что уже тогда у Савкина появилась мысль об убийстве Канунникова.

Потому он не боялся показывать Канунникову столь серьезную против себя улику — паспорт убитого Сержантова, что считал — Канунников просто не сможет, не успеет никому рассказать об этом!

Второй раз Савкин встретил легковерного человека с большой суммой денег и большим желанием купить, только теперь уже не мотоцикл, а автомобиль.

Сходная ситуация порождает сходные действия. Используя тот же предлог, Савкин втерся в доверие к своей жертве, чтобы затем заманить в ловушку и так же, как когда-то Сержантова, убить.

Но автомобиль не мотоцикл, и за ним Канунников никуда за город — в какой-то хутор под Новочеркасском — не поехал бы.

Поэтому ареной событий и стал гараж Савкина.

Для совершения преступления Савкин выбрал будний день — чтоб никого из соседей-автомобилистов не было дома, и никто бы не услышал, что происходит в его, Савкина, гараже.

Чтоб не побеспокоили сослуживцы, Савкин сказал накануне Арапову, что уедет в этот день из города (хотя никуда уезжать не собирался и именно на этот день назначил Канунникову свидание).

При осмотре гаража Савкина в тот же день, 18 июля, было обнаружено, что все мелкие отверстия в стенах и дверях, даже отверстия для электропроводки — заткнуты бумагой. Вентиляционные отверстия были заложены кирпичом, причем при осмотре было установлено, что кладка свежая. Свидетель Хабургаян, владелец гаража, смежного с гаражом Савкина, показал, что вентиляционные отверстия Савкин заложил вечером 17 июля.

Нет, Савкин сделал все это не для того, чтоб, как он уверял нас в судебном заседании, неведомые злоумышленники с улицы не увидели его мотоцикла: заложены даже те отверстия, сквозь которые все равно мотоцикла не видно; даже те отверстия, сквозь которые в лучшем случае можно увидеть только дерматиновый занавес, за которым мотоцикл Савкина надежно укрыт от чужого глаза.

Действительная цель закладывания отверстий в гараже становится ясной, если сопоставить три обстоятельства:

- во-первых, заложены отверстия, через которые снаружи ничего разглядеть нельзя, но через которые в закрытый гараж проникает немного света;
- во-вторых, заложив вентиляционные отверстия, Савкин с по-

мощью Малинина, допрошенного в судебном заседании, проверил — слышны ли снаружи крики из запертого гаража;

■ в-третьих, как мы знаем из протокола осмотра, бумажные затычки не пожелтели от времени и не отсырели, что неминуемо должно было случиться, если бы они лежали достаточно долго; значит, затычки заложены накануне преступления и должны были ввиду недолговечности материала прослужить очень недолго, буквально 1-2 дня, т.е. именно то время, в течение которого Савкин намеревался осуществить свой преступный замысел.

Следовательно, закладывание отверстий в гараже сделано для того, чтобы во время совершения преступления ни один луч света не проник внутрь и ни один крик не вырвался наружу.

Но светозвукоизоляцией оборудование гаража не было завершено. Непосредственно перед тем, как он должен был привести в гараж Канунникова, Савкин укладывает на дно вырытой в гараже ямы доски с гвоздями*.

Доски с гвоздями не были частью помоста для мотоцикла, в чем пытается нас убедить Савкин, не только потому, что по такому сооружению мотоцикл никуда не вкатишь.

Когда в доме гость, хозяин не оставляет его, чтобы соорудить в это время помост для мотоцикла. А соседка Савкина — свидетельница Крикунова — показала, что видела с балкона, как Савкин забивал гвозди в доски, и было это в десятом часу утра 18 июля, то есть именно тогда, когда, как мы знаем, в его квартире сидел и ждал его Канунников.

Может быть, Крикунова ошиблась? Может быть, с ее балкона вообще не видно гаражей Савкина и Хабургаяна, возле которых, как она говорит, Савкин забивал гвозди? Может быть, из-за дальности расстояния она не могла видеть — Савкин ли это был и чем вообще этот человек занимался?

Но по делу проведен следственный эксперимент, в ходе которого установлено, что с балкона Крикуновой видны гаражи Савкина и Хабургаяна, а сама Крикунова различала незначительные по величине предметы и детали обстановки. Все это достаточно наглядно было проиллюстрировано снятым при производстве следственного эксперимента кинофильмом.

Сосед по гаражу, Хабургаян, заявил нам, что доски, в которые

* В гараже Козина была вырыта яма глубиной два метра, в которой при осмотре было обнаружено несколько досок длиной от полутора до двух с половиной метров. В каждую из досок было вбито насквозь в два ряда по несколько десятков 150-миллиметровых гвоздей. Доски лежали на дне ямы остриями гвоздей кверху.

Савкиным вбиты гвозди, принадлежат ему, Хабургаяну, и лежали утром 18 июля в его, Хабургаяна, гараже, ключ от которого был у Савкина. Это также подтверждает показание Крикуновой о том, в каком месте и когда Савкин забивал гвозди. Но, может быть, Савкин все же забивал гвозди не 18 июля, а в другой день?

День 18 июля резко выделяется из цепочки будней, он не был обычным днем для Крикуновой. В этот день арестовали Савкина, в этот день был произведен осмотр и обыск в его квартире, подвале и гараже.

Такие события случаются не часто, и во дворе только и было разговоров, что о Савкине и его аресте. И Крикунова утверждает, что видела, как Савкин забивал гвозди в доски именно в день его ареста! Может быть, это было не в десятом часу утра, а в другое время? Ведь не смотрела же Крикунова на часы по такому случаю!

Но Крикуновой и не нужны были часы, у нее свой отсчет времени: она увидела Савкина, забивавшего гвозди, через полтора-два часа после возвращения из ясель, куда отводила внучку, а отводит она внучку в ясли к восьми часам.

Может быть, Крикунова оговаривает Савкина?

Но о том, что она видела, как Савкин забивал гвозди, Крикунова сказала впервые не тогда, когда ее позвали к следователю, не тогда, когда она успела переговорить с кем-нибудь из заинтересованных в этом происшествии лиц. Как только во двор к ним приехали работники милиции и по двору поползли слухи, что в гараже Савкина за полчаса до этого ранили Канунникова, Крикунова сказала собравшимся во дворе соседям: «Не может быть, чтоб это сделал Савкин». Не может быть потому, что она сама видела его всего лишь за полчаса до этого. У нее ведь и мысли такой не было, что доски с гвоздями предназначены для преступления. Она не знала, как эти гвозди вбиты и куда эти доски будут положены! Она считала, что Савкин занимался хозяйством, и думала, что ее заявление об этом как раз и свидетельствует о невиновности Савкина. Так что и следа оговора в ее показаниях нет.

Но гвозди в досках могут сыграть в преступлении только вспомогательную роль. И Савкин, направляясь в гараж с Канунниковым, берет с собой заранее изготовленное им «шило».

«Шило», которое по размерам — длине и толщине металлической части* — следует назвать не шилом, а стилетом.

* Длина металлической части «шила» 17 см, толщина 8 мм.

Все утверждения, что «шило» изготовил и принес с собой Канунников, ни на чем не основаны. Экспертизой установлено, что на напильнике, принадлежащем Савкину, имеются частицы дерева, однородного с деревом, из которого изготовлена ручка «шила», а стержень «шила» составлял ранее одно целое с куском толстой проволоки, изъятой на кухне квартиры Савкина.

Если бы Канунников изготовил и принес с собой «шило», то ему надо было не только использовать савкинскую проволоку, но и принести с собой и втереть в лежащий в гараже напильник опилки дерева, из которого изготовлена ручка «шила».

А раз изготовил и принес в гараж «шило» Савкин, а не Канунников, то и напал с «шилом» в руках Савкин на Канунникова, а не наоборот.

Тем более, что Савкин во время схватки не получил никаких ранений. А это непременно случилось бы, если бы Канунников неожиданно напал на Савкина и пытался бы ударить его «шилом». В то же время Канунникову нанесено 11 колотых ран, причем их характер и размеры позволяют экспертам утверждать, что ранения причинены этим или подобным шилом-стилетом.

Причем мы с вами, товарищи судьи, можем уточнить вывод экспертов и утверждать, что ранения Канунникову причинены именно этим «шилом». Ведь Колунов встретил израненного Канунникова и отвез его в санчасть аэропорта сразу после того, как тот выскочил из гаража Савкина, из гаража, в котором оставался Савкин и в котором никакого другого шила-стилета не было.

Не были причинены ранения и в результате падения на вбитые в доски 150-миллиметровые гвозди — упал Канунников не на спину, не на живот или на бок, а на четвереньки, самортизовав ногами и руками. Ранения же расположены на спине, на груди и на животе.

Края ран — ровные, а не рваные, нет никаких царапин или ссадин, что является характерным для падения либо накальвания на гвозди.

Итак, Савкин обманом заставил Канунникова принести деньги — 4 700 рублей, обманом завлек его в гараж, где они упали в яму, вырытую Савкиным, на доски, уложенные Савкиным, на частокол гвоздей, вбитых Савкиным, в гараж, где специально изготовленным им шилом-стилетом Савкин нанес Канунникову 11 проникающих в грудную и брюшную полость ран. Причиненные Канунникову телесные повреждения отнесены экспертизой

к разряду тяжких, как опасные для жизни в момент нанесения. И это Савкин называет «недоразумением»! Нет, это не «недоразумение». Это вооруженное нападение на Канунникова с целью завладеть его деньгами. По своему характеру и интенсивности оно не только представляло опасность, но и причинило реальный вред здоровью Канунникова.

Действия Савкина по этому эпизоду надлежит квалифицировать по пунктам «б» и «в» части второй статьи 146 УК РСФСР. Поскольку Савкин ранее уже совершил разбойное нападение на Сержантова, его действия следует квалифицировать также и по пункту «д» части второй той же статьи.

Совершив разбойное нападение на Канунникова, Савкин не мог допустить, чтоб Канунников остался в живых, — это грозило Савкину неминуемым разоблачением и суровой карой. Размеры «шила», использованного Савкиным для нападения, нанесение ударов в места расположения жизненно важных органов — в грудь, живот и спину, величина гвоздей, вбитых в доски ямы, — все это свидетельствует о том, что Савкин хотел убить Канунникова, пытался это сделать, но не сумел по независящим от него обстоятельствам.

Способ совершения преступления: сбрасывание в двухметровую яму, на дне которой топорщились пятнадцатисантиметровые гвозди, нанесение множества ударов шилом-стилетом — говорит об особой жестокости, проявленной Савкиным при совершении преступления.

Поскольку Савкин пытался убить Канунникова для завладения деньгами и с целью облегчения и сокрытия разбойного нападения, а ранее он совершил убийство Сержантова, действия Савкина надо квалифицировать по пунктам «а», «г», «е», «и» статьи 102 УК РСФСР.

В гараже Савкина при осмотре и обыске было обнаружено три больших болта, обшитых тканью-бортовкой. Болты эти по прямому назначению в таком виде использовать невозможно — их никуда не ввинтишь и гайки на них не накрутишь. Зато их стало удобнее держать в руке.

Савкин объяснил, что он обшил болты бортовкой, чтоб использовать их для самообороны — для нанесения ударов в случае, если на него нападут злоумышленники.

И хотя больше оснований считать, что болты эти предназначены для схватки с Канунниковым, на случай, если «шило» и гвозди не помогут, кому еще собирался Савкин наносить удары этими болтами, не имеет значения.

Важно то, что они предназначены для нанесения ударов человеку, в связи с чем экспертиза и признала их холодным оружием ударно-раздробляющего действия.

Изготовление холодного оружия образует состав преступления, предусмотренного частью второй статьи 218 УК РСФСР, по которой также должен нести ответственность Савкин.

Итак, виновность Савкина по всем пунктам обвинения не вызывает сомнения. Теперь настала, наконец, пора обратиться к его собственным показаниям.

Показания Савкина прошли три стадии.

Вначале Савкин вообще не признавал в совершенных преступлениях.

Затем признался полностью — в течение нескольких месяцев на допросах подробно рассказывал о содеянном. Затем вновь отрицает вину.

В суде он признает только то, чего, даже по понятиям Савкина, нельзя не признать: нанесение телесных повреждений (без цели убийства) Канунникову, дачу взятки Зипунову, изготовление холодного оружия.

Те показания Савкина, в которых он признает себя виновным и подробно рассказывает о содеянном, как мы видели, полностью подтверждаются другими материалами дела.

Утверждение о том, что эти показания даны им под чьим-то воздействием, не соответствуют истине.

Показания эти оглашались в судебном заседании. Они изобилуют такими подробностями, которые могли быть известны только преступнику и которые извне никто подсказать не мог: где и как был убит Сержантов, каким предметом и куда Савкин наносил ему удары, где были спрятаны часы и паспорт Сержантова, где была спрятана после кражи денег на заводе пустая инкассаторская сумка и где были спрятаны ключи от сейфа и от помещения ОТК.

Откуда Савкину стали известны эти подробности? Якобы из записки с угрозами и инструкциями что говорить на допросах, как утверждает Савкин.

Но такая осведомленность авторов записки — свидетельство того, что они сами имеют непосредственное отношение к краже из сейфа. В таком случае они заинтересованы в том, чтобы держать эти сведения в тайне, а не сообщать их Савкину.

Савкин впервые рассказал о своих преступлениях не следователю. Впервые этот рассказ появился на 20 тетрадных листах,

исписанных убористым почерком. Записки эти предназначались не для следователя, а для неизвестного нам адвоката.

Зачем Савкин исписал эти 20 листов? По-видимому он считал, что адвокат не может использовать во вред подсудимому все, что узнает от него самого; в то же время для успешного осуществления защиты адвокату полезно знать, что же на самом деле совершил его подзащитный.

Почерковедческая экспертиза подтвердила, что записи эти исполнены Савкиным, да и он сам не отрицает своего авторства.

Уж эти-то записи, случайно попавшие к следователю, никак не могли быть инспирированы.

Почему Савкин отказался потом от этих показаний?

Савкин изменил показания во время осмотра места происшествия с его участием — запись об этом содержится в протоколе. Сперва Савкин указал, где были спрятаны ключи от сейфа (к тому времени уже обнаруженные и изъятые следователем).

Но часы и паспорт Сержантова в тот момент следователем еще не были найдены. И это не укрылось от Савкина, когда ему предложили показать место, где спрятаны эти предметы. У Савкина вновь мелькнула надежда уйти от ответственности — ведь если следователь до сих пор не нашел паспорта и часов Сержантова и без его, Савкина, показаний найти их не может, то дела Савкина не так уж плохи.

Теперь его уже не томила неизвестность, он знал, чем располагает следствие.

Как отмечал еще А.Ф. Кони, такая динамика признания подсудимого вообще характерна для случаев, когда преступник изобличается, как в настоящем деле, косвенными доказательствами:

«Сначала заподозренный сознается совсем неправильно; потом, когда улики группируются вокруг него, когда сила их растет с каждым днем, с каждым шагом следователя, обвиняемый подавляется этими уликами, ему кажется, что путь отступления для него отрезан, и он дает показания наиболее правдивые; но проходит несколько времени, он начинает обдумывать все сказанное им, видит, что дело не так страшно, каким показалось сначала, что против некоторых улик можно придумать опровержение, и тогда у него является третье сознание — сознание деланное, в котором он признается лишь в том, в чем нельзя не признаться»*.

* Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 3. М., 1967. С. 165.

Что же собой представляет Савкин?

Мы слушали его жену, товарищей по работе, читали его дневники.

Лучше всего человека характеризуют его деяния — мы видели, что он сделал, на что он способен.

Еще учась в военном училище, он делает такие записи в своем дневнике: «Были великие люди и будут они. Кончу академию, захвачу власть в свои руки и диктаторским путем установлю власть на земле.

Моя цель — власть над миром и прогресс всего человечества».

Как видите, уже тогда Савкин ценил себя куда выше всего человечества, не способного без твердой руки диктатора Савкина отыскать пути к прогрессу.

Довольно скоро наряду с прогрессом всего человечества Савкина начинают занимать и собственные интересы:

«Прогресс, но и себя не лишать того, что полагается каждому свободному гордому человеку!...

Право не дают, право в твоих руках, товарищ. И действуй, как считаешь правильным... Надо быть не жертвой других, а пусть другие приносят себя в жертву тебе».

Еще через некоторое время «польза отечеству» упоминается уже в самом конце перечисления жизненных устоев, а на одном из первых мест оказываются деньги:

«Радиотехник, офицер, деньги, уважение, удовлетворение и польза отечеству...»

Нет, любовь к деньгам и презрение к окружающим тогда еще не настолько развились в Савкине, чтоб процитированными записями можно было объяснить преступления, за которые мы сейчас его судим.

Но не за одну минуту, не за один день и не за один год человек становится убийцей.

По окончании училища Савкин попадает на службу в одну из воинских частей, расположенных в Сибири. Ему приходится обслуживать самолеты, работать на морозе, — у него стынут пальцы, и появляется хронический насморк.

Все это никак не соответствует его представлению о себе, как о сверхчеловеке. Как раз в это время (время уже не слишком отдаленное от переезда в Ростов) в его дневнике появляется цитата из «Преступления и наказания» Достоевского: «Люди делятся на две группы. Первая — люди обыкновенные, живущие в послушании, не способные сказать новое слово. Их призвание — рабская покорность. Вторая группа — люди способные

на протест, на самостоятельность поведения, имеющие дар или талант сказать новое слово.

...Но если ему надо для своей цели перешагнуть хотя бы и через труп, через кровь, то он внутри себя, по совести, может дать себе разрешение перешагнуть через кровь...»

Себя Савкин причисляет, конечно, ко второй группе.

Сплав безудержного честолюбия, презрения к людям, жажды власти для себя — вот, что представляет собой Савкин.

Развившаяся таким образом жажда наживы (а деньги никогда не были у Савкина на последнем месте) сделала Савкина опасным для общества человеком.

Презирая людей, превыше всего ставя собственную личность, он ни во что не ценит человеческую жизнь — становится способным «перешагнуть через труп», «пойти на кровь» и совершает убийство, пытается совершить второе.

Давно забыты мысли о всеобщем прогрессе и пользе отечеству, давно уже на первом плане «деньги, удовлетворение собой». Взведенная в молодые годы пружина раскрутилась: «пусть другие приносят себя в жертву тебе» — вот лозунг, вот руководство к действию, вот вся философия Савкина и весь он.

Товарищи судьи!

На скамье подсудимых рядом с Савкиным находится еще один человек — это бывший заведующий магазином Больше-Логского сельпо Зипунов. Это он за взятку выдал Савкину фиктивную справку, необходимую для регистрации мотоцикла.

Автором махинации с оформлением мотоцикла был, конечно, Савкин. Но Зипунов согласился на предложение Савкина без малейших колебаний и краска смущения не заливала его щек, когда он получал мзду за услуги.

Он был внутренне готов совершить преступление. Толчком, превратившим возможность в действительность, и явился визит Савкина.

Вчера Зипунов за 30 рублей продал свое право выдачи справки, а что он продал бы завтра?

Я обвиняю Зипунова во взяточничестве и должностном подлоге, за совершение которых он должен быть наказан тремя годами лишения свободы с отбыванием в исправительно-трудовой колонии усиленного режима*.

Я обвиняю Савкина в изготовлении холодного оружия, использовании подложного документа, даче взятки, в разбойных

* В соответствии с законодательством, действовавшим в 1969 году.

нападениях на Сержантова и Канунникова, совершенных с применением оружия и предметов, использованных в качестве оружия и причинивших потерпевшим в одном случае смерть, а в другом — тяжкие телесные повреждения.

Я обвиняю Савкина в убийстве Сержантова и покушении на убийство с особой жестокостью Канунникова, совершенные из корысти, с целью облегчить и скрыть разбойные нападения.

Товарищи судьи!

Любое уголовное наказание противно человеческой природе. Но наказание вызвано к жизни преступлением, оно лишь ответ на действия преступника.

Ответ на то, что совершил Савкин, может быть только один — смертная казнь.

Краткое послесловие автора

Подсудимые признаны виновными в полном объеме предъявленного обвинения. Савкин был приговорен к смертной казни, Зипунов — к лишению свободы.

Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, рассмотревшей дело в кассационном порядке, приговор оставлен без изменения. Президиумом Верховного Совета РСФСР ходатайство Савкина о помиловании отклонено. Приговор приведен в исполнение.

Дело Пилипенко

Краткий комментарий автора

Дело это рассматривалось Ростовским областным судом в 1970 году. Я участвовал в рассмотрении этого дела в качестве прокурора. Подсудимый обвинялся по п. «а» ст. 102 действовавшего тогда УК РСФСР (предусматривавшей в качестве наказания лишение свободы сроком от 8 до 15 лет либо смертную казнь). Дело слушалось на выезде в помещении Новочеркасского городского суда.

Возникло это дело, кстати, по инициативе самого Пилипенко при явном противодействии Новочеркасской милиции, сотрудники которой ничто же сумняшеся самого Пилипенко и предложили следователю как единственного подозреваемого. Ну что ж, как говорится, инициатива наказуема.

Грузчик продмага Пилипенко, своего жилья не имел и снимал угол у преклонного возраста старушки Пиголкиной, которая завещала ему свой домик на условии, как теперь говорят, пожизненного содержания. Вместе с Пилипенко у Пиголкиной снимали комнату трое студентов одного из новочеркасских техникумов. Накануне новогоднего праздника студенты уехали к родственникам в деревню, а Пилипенко ушел к своей знакомой Ларкиной. Случилось так, что Пилипенко загрипповал и пробыл у Ларкиной дня три. Придя в себя 3-го января, он забеспокоился — как там старушка, топлена ли в хате, есть ли у нее что поесть и попить. Поскольку после высокой температуры он чувствовал себя еще плохо, подруга его праздничных дней пошла вместе с ним. Придя к Пиголкиной, Пилипенко и Ларкина обнаружили ее лежащей на кровати и не откликавшейся на вопросы. Подошли ближе, потрогали, ан старушка уже и не дышит. Пошли к ближайшему телефону — в «скорую» звонить. Но там — полный афронт: «Сколько бабушке лет? Ах, семьдесят восемь? Мы к таким не выезжаем». Пошли в милицию: «Бабушка, мол, — умерла». В ответ опять: «А сколько лет бабушке? Ах, семьдесят восемь? Так она же, небось, своей смертью умерла. Милиция к таким не выезжает». Отправились обратно. Проходя по мосту через речку Тузловку, Пилипенко бросил в сердцах: «Сколько хлопот с ней. Бросить бы ее в Тузловку — и никакого беспокойства». Придя снова домой и попытавшись приподнять мертвое тело, они обнаружили на подушке под головой Пиголкиной кровь — и вновь побежали в милицию. В милиции их, как водится, и слушать не хотели. Кто знает, может, и «захоронили» бы старушку в Тузловке, если бы не случился тут в дежурке горотде-

ла судебный медик Левшин — фанатик своего дела и владелец инвалидного «Запорожца». Услышав о крови на подушке, Левшин вызвался съездить, посмотреть и о результатах сообщить дежурному. Приехав и наскоро осмотрев труп, Левшин обнаружил на голове трупа вдавленную рану, которая никак не могла быть нанесена собственной рукой. Сообщил дежурному — и дело закрутилось. А поскольку такие дела «крутятся», как правило, вокруг ближайшей и простейшей версии, первым (и единственным) подозреваемым стал Пилипенко, — как же: ранее судимый (правда, за мелкую кражу, но какое это имеет значение — судимый же!), частенько и не всегда умеренно выпивающий грузчик продмага, последний, кто видел старушку живой — кому ж еще, как не ему, быть убийцей! Когда стало ясно, что доказательств вины Пилипенко фактически нет, тогда вдруг появился свидетель, находившийся в Новочеркасской тюрьме в одной камере с Пилипенко, которому он, якобы, признавался в совершенном убийстве.

Однако не стоит здесь углубляться в подробности — они достаточно ясны из текста приводимой ниже речи.

Обвинительная речь

Товарищи судьи!

На скамье подсудимых — не лучший, по видимому, из жителей этого славного города. За свою жизнь успевший уже познать позор и горечь уголовного наказания, но так и не научившийся никакому ремеслу, не свивший своего гнезда. Как говорится, не построивший дом, не посадивший дерева и не воспитавший сына. Нехорошо, конечно, но все же одного этого мало, чтоб человека наказывать в уголовном порядке. Пилипенко обвиняется в совершении тягчайшего из преступлений — убийстве из корысти. По мысли следователя, Пилипенко, которому Пиголкина завещала свой домик, не смог дождаться ее смерти и, охваченный страстью к обогащению, ускорил события, нанеся Пиголкиной роковой удар молотком по голове. Ни один из допрошенных здесь его знакомых не назвал среди душевных качеств Пилипенко нежность по отношению к детям и престарелым или, допустим, доброту к животным. Скажем прямо — человек, таким образом характеризующийся, вполне может оказаться убийцей. Как, впрочем, может оказаться убийцей любой другой. Ведь корыстные убийцы — это совсем не обязательно судимые за мелкое хищение пьянствующие грузчики продмагов. Скорее наоборот, для пьяницы не очень характерно такое

убийство — из желания ускорить получение не слишком завидного наследства, которое довольно скоро и так могло бы ему достаться.

Потому для нас не столь важно что за человек перед нами — герой труда или лентяй, романтичный однолюб или развратник, пьяница или трезвенник, праведник или грешник. Для нас важно, прежде всего, убивал ли он Пиголкину или нет. Так обратимся к доказательствам.

Доказательств, вроде бы, не так уж и мало:

- это — протоколы осмотра места происшествия и изъятия вероятного орудия убийства — молотка;
- это — заключение судебно-медицинской экспертизы трупа Пиголкиной;
- это — показания племянницы убитой Рудовой и соседки убитой Кибальниковой;
- это — показания квартирантов убитой — Крутина, Левченко и Гайнова;
- это, наконец, показания сокамерника подсудимого — Будаева.

Рассмотрим, однако, эти доказательства попристальнее.

Протокол осмотра места происшествия зафиксировал обстановку в доме Пиголкиной на момент появления там работников милиции, местонахождение и позу трупа. Но никаких данных, изобличающих Пилипенко, протокол не содержит. Те следы Пилипенко, которые и могли бы быть обнаружены в доме, легко были бы объяснимы: Пилипенко там жил, Пилипенко вместе с Ларкиной был в доме, когда Пиголкина уже была мертва, подходил к кровати и касался трупа. Но нет — не зафиксировано в протоколе никаких следов его там пребывания. Нет в протоколе упоминаний и об обнаружении при осмотре орудия убийства — да еще и со следами рук Пилипенко.

Из другого протокола — протокола изъятия молотка из ящика рабочего стола следователя прокуратуры — известно, что предполагаемое орудие убийства — молоток — все же был из дома Пиголкиной изъят, отвезен в прокуратуру и хранился в ящике стола следователя без надлежащего оформления. Были ли на молотке следы рук и чьи — Пилипенко или кого-то другого, теперь неизвестно и уже узнать невозможно. По крайней мере, никто из допрошенных по делу лиц не заявлял, что видел этот молоток в руках у Пилипенко во время убийства или непосредственно после него; следов его рук там никто не обнаружил, и, следовательно, факт изъятия этого молотка из одного ящика Пилипенко ни в чем не изобличает.

Заключение судебно-медицинской экспертизы трупа Пиголкиной, объясняя, как и отчего наступила смерть, не отвечает на вопрос, кем она была убита. Объясняя как могла погибнуть Пиголкина, Пилипенко говорил в суде, что она не отпускала его из дому, когда он 30 декабря уходил праздновать Новогодье к Ларкиной; он вынужден был сильно оттолкнуть Пиголкину, старушка упала на кучу угля и, возможно, ударилась головой о кусок угля. Может так оно и было, но экспертиза не нашла на голове трупа следов этого сильного удара — ни гематом, ни кровоподтеков не было. Смерть же наступила от того, что кто-то нанес ей удар по голове «тупым твердым предметом с ограниченной поверхностью размером 4х4 сантиметра, возможно, ударной частью представленного на исследование молотка». Это был тот самый «молоток из ящика», о котором уже мною сказано достаточно. Итак, и заключение судебно-медицинской экспертизы не изобличает Пилипенко.

Показания Рудовой и Кибальниковой не в пример красноречивее. И та, и другая убеждены, что Пиголкину убил Пилипенко. Почему? — «А больше некому».

Кибальникова объясняет свою позицию просто: у Пиголкиной когда-то жило несколько котов. А потом этот зоосад исчез куда-то. Куда исчезли коты, убил ли их кто-нибудь или сами убежали от голодной жизни, Кибальникова не знает. Она не видела, чтобы Пилипенко их куда-нибудь нес, закапывал их бранные тела или, тем более, убивал. Не подтвердили особой ненависти Пилипенко к животным и жившие в том же доме Крутин и компания. Правда, коты, если и были, то исчезли еще до того, как Крутин, Левченко и Гайнов поселились в этом доме. Может быть, Кибальникова и права. Думается, что коты эти досаждали квартирантам, но даже вывод о том, что Пилипенко расправился с котами, ни на чем, кроме соседских предположений не основан. Тем более не могут служить показания Кибальниковой доказательством того, что Пилипенко убил Пиголкину.

Столь же «доказательны» и показания Рудовой. Эта племянница Пиголкиной, судя по ее показаниям, считает себя наследницей убитой; она кровно обижена завещанием, по которому дом доставался Пилипенко. Ее вывод о виновности Пилипенко основан на личных наблюдениях: она считает, что Пилипенко держал старушку впроголодь, из чего, по ее мнению, следует, что Пилипенко с нетерпением ждал смерти Пиголкиной. На мой вопрос: как часто она бывала в гостях у тети? Рудова ответила честно и без затей: на праздники. Работник горисполкома вряд

ли под праздниками имеет в виду праздники религиозные. И верно: Рудова уточнила, что навещала тетю на Новый год, Восьмое Марта, Седьмое Ноября и в день рождения. Маловато, чтобы составить себе четкое представление о меню Пиголкиной. Тем более, что, зная, по ее словам, о бедственном положении своей голодающей тети, Рудова ничего не сделала, чтобы ей помочь избавиться от якобы морившего ее голодом «кормильца» или хотя бы элементарно подкормить ее, подбросить продуктов. Ее показания, на мой взгляд, не Пилипенко изобличают в убийстве, а ее самою — в остром желании добиться аннулирования завещания и завладеть домом Пиголкиной.

Ларкина подробно и довольно красочно описала нам, как Пилипенко пролежал у нее с температурой все праздники, и как потом она вместе с Пилипенко обнаружила Пиголкину мертвой, и затем как они вдвоем пытались вызвать сперва «скорую», а потом милицию. Ни слова об убийстве. Очень большой фантазией надо обладать, чтоб считать ее показания доказательством вины Пилипенко! И даже фраза Пилипенко, которую вспомнила Ларкина: «Бросить бы ее в Тузловку!», ничего не доказывает. Во-первых, вряд ли убийца станет так сам себя изобличать; во-вторых, Пилипенко не говорил Ларкиной, что в Тузловку следует бросить живую Пиголкину, чтоб ее утопить. Он говорил о трупе, а не о живом человеке и фраза эта также его не изобличает.

Ничего не добавляют к общей картине и показания Крутина, Левченко и Гайнова. Они подтвердили слова самого Пилипенко о том, что отношения его с убитой не выходили за рамки того, что принято называть «нормальными»: никаких ссор они не упомянули, жалобы старухи на питание были, но не на скудость его, а на однообразие, что, согласитесь, довольно далеко от обвинений в попытках уморить голодом. Да и каких разносолов следовало ждать от Пилипенко? Когда они уехали на праздники, Пилипенко еще оставался дома вместе с Пиголкиной. Получается, что Пилипенко — последний, кого видели рядом с живой еще Пиголкиной. Он мог убить ее. Но от «мог убить» до «убил» — дистанция огромного размера.

Остаются еще показания Будаева, с которым Пилипенко содержался в одной камере в Новочеркасской тюрьме. По словам Будаева, Пилипенко сам рассказал ему, как убил старушку утюгом, а потом уложил труп на кровать. Почему-то Будаев особенно настаивал на утюге, как орудии убийства. Это странно, так как об этом утюге умалчивают все — даже в протоколе осмотра он не упоминается, судебно-медицинская экспертиза орудием

убийства назвала, как известно, другой предмет и в судебном заседании эксперт убедительно объяснил, почему он исключает возможность нанесения смертельного удара утюгом (как, впрочем, и куском угля при падении). Показания Будаева не совпадают не только с объяснениями Пилипенко, но и со всеми другими материалами дела, и потому не могут быть положены в основу обвинения. Я уже не говорю о странностях появления Будаева в числе свидетелей. Как ранее судимый и ожидавший этапа Будаев оказался в одной камере с подследственным Пилипенко? Почему еще не признанного виновным Пилипенко привезли сюда в автозаке под конвоем чуть не взвода автоматчиков, а уже осужденный за разбой и склонный к побегу Будаев привезен в зал суда одиноким лейтенантом спецчасти тюрьмы на «Волге»? Осужденный в тюрьме — с поясом, шнурками на ботинках и часами на руке — это тоже что-то новое. Согласитесь, что все это не способствует выводу о достоверности показаний Будаева*.

Сам Пилипенко почти признал себя виновным. Я говорю «почти» потому, что, заявив о своей виновности в убийстве, он нарисовал картину, явно не совпадающую с тем, что было на самом деле. Высота падения и вес Пиголкиной были недостаточны для столь сильного удара — не ушиб с последующим кровоизлиянием (что более характерно для ударов при падении) — вдавленная рана, грубо говоря, квадратное отверстие в голове размерами и конфигурацией совпадающее с размерами и конфигурацией того самого «молотка из ящика». Смертельный удар был столь силен и целенаправлен, что не мог быть нанесен случайно либо по неосторожности. Так наверняка бьют только умышленно. Наконец, судебные медики достаточно тщательно осмотрели труп перед вскрытием и утверждают, что никаких следов угля ни в ране, ни на тканях вокруг нее не обнаружено.

Таким образом, собранные следствием в течение почти полтора лет доказательства, как каждое из них в отдельности, так и

* Для тех, кто заподозрит меня в раскрытии государственных тайн при анализе показаний Будаева, сообщаю, что раскрытие тайны этого узника произошло еще до судебных прений. Процесс был открытый, в зале было порядочно публики. Появление Будаева в зале вызвало среди публики оживленные комментарии: адвокат спросил у него: «Который час?», — мотивировав свой вопрос тем, что у него самого часы, якобы, остановились; когда Будаев, глянув на часы на левой руке, ответил, из зала раздалась реплика: «Птичку не так подсадили». Так что государеву тайну раскрыл не я, а те следователи и оперработники, по чьей вине в обвинительном заключении появилась ссылка на его показания, а в списке свидетелей — его фамилия.

взятые в их совокупности не дают оснований для обвинения Пилипенко в убийстве Пиголкиной. Он мог ее убить, но столь же достоверно будет заявление о том, что мог ее убить и любой другой житель этого города. Чтобы осудить за убийство, мало сказать «мог убить», надо, основываясь на железной цепи улик, утверждать: «убил». Но нет у нас железной цепи улик, да и, по большому счету, улик нет вообще. Все возможности собирания новых доказательств напрочь утрачены — и безжалостное время, и неопытность следователей, хранивших орудие убийства в ящике стола, тому причина. Единственное, что я могу и обязан сделать — отказаться от обвинения. Правосудие торжествует, когда карает виновного, но еще большее торжество правосудия означает оправдание невиновного. Я прошу вас Пилипенко по предъявленному обвинению оправдать и из-под стражи его освободить из зала суда.

Краткий комментарий автора

Дело Пилипенко для меня оказалось этапным. Во-первых, по этому делу я впервые отказался от обвинения. Во-вторых, ситуация, сложившаяся вокруг этого дела, научила меня принципиальности и независимости в отношениях с собственным начальством.

По окончании судебного следствия председательствующий объявил перерыв для подготовки к прениям. Было это в четверг, прения назначены на понедельник, а в пятницу я вернулся в Ростов. Зашел к начальнику своего отдела — посоветоваться. Он направил меня в следственный отдел со словами: «Они (т. е. следственники) направляли дело в суд, может быть у них еще что-нибудь есть за душой». Я пошел советовать туда. Начальник следственного отдела сделал удивленное лицо и сказал, что ему некогда, а поступать в процессе гособвинитель должен по закону. Вернувшись в понедельник в Новочеркасск, я и произнес в судебных прениях публикуемую здесь речь.

По тем временам оправдательных приговоров суды почти не выносили. Тем более оправдательный приговор в областном суде, да еще по делу об убийстве, да еще по требованию прокурора! В случаях, подобных моему, дело могли направить на доследование (могли и осудить, но доследование было все же вероятнее). Председательствующий от необычности ситуации объявил перерыв и стал звонить в облсуд — заместителю председателя по уголовным делам — что, дескать, делать: «Обвинение тяжкое, а доказательств нет». Тот спросил: «А что проку-

пор?» — «Прокурор отказался от обвинения» — «Ну так оправдывай, они сами знают, что делают». За сим последовала защитительная речь адвоката с тем же требованием, а затем и оправдательный приговор. Вот тут-то и началось. Уже наутро во вторник моей скромной фигуре было посвящено оперативное совещание при прокуратуре области. Именно так — не делу, а мне, вернее моей позиции по делу. На совещании «именинником» был не следователь, а я. Воздали мне, что называется, «по полной», тем более, что я и не думал раскаиваться. А на ближайшем партсобрании (по тем временам едва ли не самая «страшная» инстанция) начальник следственного отдела добавил: «Не было бы к Костанову претензий, если бы это была принципиальная, выношенная позиция. На самом же деле он сомневался — накануне прений приходил советоваться. Это мальчишество, несерьезный подход к своему участию в деле». С тех пор я взял за правило не ходить за советами к «старшим товарищам». Ибо понял: к начальству надо идти с уже готовым решением — готовым проектом протеста или другого документа, подписание, утверждение или согласование которого входит в компетенцию ононого начальства (а если принятие решения не выходит за рамки моих собственных полномочий — и вовсе не ходить).

Для этого предлагаемое решение должно быть, разумеется, максимально обоснованным. Двоечники не украшают окружающего их мира. Нехорошо, конечно, идти неподготовленным на экзамен, но результат этого — плохая оценка — не сравним с результатом, который может последовать за неграмотным решением прокурора по делу. Здесь речь идет уже не о плохой отметке. Здесь цена ошибки — искалеченная судьба. Что касается судеб служебных, то ведь несправедливое осуждение совершенно несоизмеримо со служебными неприятностями. Со мной, в частности, после дела Пилипенко прокурор области не здоровался месяца два. И все. А Пилипенко, чья вина, как, надеюсь, убедился читатель, была совершенно не доказана, ушел из зала суда свободным.

Дело о краже сарматских фаларов

Краткий комментарий автора

Золотые сарматские фалары — древние украшения конской сбруи, принадлежавшие некогда сарматскому воину, а через много веков найденные археологами при раскопках и хранившиеся в Ростовском областном музее, были украдены оттуда неким Краюшиным, переплавлены и превращены частью в золотые слитки, а частью — в заготовки для зубных протезов и нательные крестики.

Читатель, вероятно, обратит внимание на суровость в рассуждениях о наказании, которому следует подвергнуть подсудимых. Здесь, увы, мне не хватило самостоятельности, я не сумел подняться выше типовых рассуждений того времени — позиция моя по вопросу о наказаниях полностью отвечала сложившейся судебной практике и представлениям большинства о справедливости. Думается, что сегодня я бы Краюшина потребовал наказать помягче, а что касается Лозинского, то ему бы и не вздумал просить у суда наказания в виде реального лишения свободы (впрочем сегодня у Лозинского по действующему УК и вообще усмотреть состава преступления было бы нельзя: к счастью сегодня закон не предусматривает уголовной ответственности ни за нарушение правил о валютных операциях, ни за частнопредпринимательскую деятельность).

Дело рассматривалось Ростовским областным судом в 1971 году. Обстоятельства дела просты и понятны из текста самой речи.

Обвинительная речь

Товарищи судьи! Фабула настоящего дела проста: 23-х летний Василий Краюшин, нигде в то время не работавший, в ночь с 30 июня на 1 июля этого года, проник при помощи веревочной лестницы через окно второго этажа в здание Ростовского областного краеведческого музея и похитил оттуда ценности, которые затем пытался реализовать.

К ответственности привлечены и предстали перед Вами сам похититель и человек, способствовавший реализации похищенного. (За которым, впрочем, есть и свои собственные грехи).

Предмет разбирательства по настоящему делу включает в себя еще два немаловажных обстоятельства: во-первых, похищены были вещи совершенно уникальные — золотые сарматские

фалары, найденные при раскопках в 1962 году, во-вторых, преступники совершили посягательство на святая святых нашей экономики — на нашу финансовую систему, нарушив правила о валютных операциях.

Я думаю, нет нужды задерживать долго Ваше внимание на доказанности вины подсудимых: их собственное признание, обнаружение при обысках золота в слитках и изделиях, обнаружение извлеченных из фаларов бирюзовых камней; показания свидетелей Корнолеповой, Голанова, Анатолия Лозинского — весьма красноречивы и в комментариях не нуждаются.

Для того, чтобы Ваш вывод о виновности Краюшина и Лозинского был полным, мало сказать, что была кража, надо сказать и что именно было украдено. И первый вопрос на этом пути, который перед нами возникает, — возможно ли вообще ограничиться только фабулой дела: влез, украл и продавал украденное?

Должны ли мы помнить о происхождении фаларов, об их уникальности. Об их научной, исторической, эстетической ценности, об их особом значении для нас с Вами, для всего нашего народа? Не будет ли учет этих обстоятельств нарушением требований судебской объективности и беспристрастности?

Нет! Мы не можем отрешиться от этих обстоятельств дела.

Мерилом всякого преступления является тот вред, который причиняет обществу преступник. А значит — мы должны выяснить, что значит для нас, для нашего общества, фалары, варварски уничтоженные Краюшиным.

Вы знаете, что они из себя представляли. Их всего было четырнадцать — два больших фалара, две большие золотые круглые бляхи и двенадцать малых. Предназначены они были, как Вы знаете, для украшения конской сбруи.

Два больших, величиной с чайное блюдце и двенадцать малых — меньших по размерам. Осталось только семь. Семь малых и ни одного большого.

Экспертиза, исходя из разных критериев, определяет их стоимость в пятьсот тысяч рублей.

Насколько верна эта оценка? Насколько нам нужно с нею согласиться?

Здесь прежде всего следует задать вопрос — нужно ли ценить фалары по весу золота и серебра, входящих в них? Или нужно избрать какие-то иные критерии?

Экспертиза, отвечая на поставленные перед нею вопросы, говорит, что стоимость фаларов определяется ею на основании трех критериев: стоимости входящих в них драгоценных метал-

лов, фактической стоимости фаларов, как уникальных предметов рубежа нашей эры; и, наконец, ценности фаларов, как высокохудожественных произведений сарматского искусства. Причем: «Два последних критерия являются главными в оценке изделий, хотя стоимость их и не может быть определена с абсолютной точностью» — это цитата из заключения экспертов.

Мне представляется, что точные размеры стоимости драгоценных металлов, входящих в фалары, не может иметь для нас решающего значения (как это впрочем и указано в заключении экспертизы).

Мы не можем стать на точку зрения, согласно которой стоимость, допустим, картин Рембрандта или Репина будет оцениваться по цене холста и рамы. Стоимость предметов искусства складывается не только из стоимости материала, из которого они сделаны.

Совершенно правильно экспертиза считает главными два других критерия — научную и художественную ценность, учитывает уникальность фаларов.

Должны ли мы относиться к фаларам как к ювелирному изделию, исходить при их оценке из тех же критериев, из каких исходим при оценке продаваемых в магазинах системы «Ювелирторга» изделий?

Нет, и еще раз нет, потому, что это ювелирные изделия особого рода; это изделия, изготовленные на рубеже нашей эры.

Их происхождение определяется историками, промежутком с III по I век до нашей эры, с большей точностью этого сделать нельзя. То есть, они были изготовлены, примерно, две тысячи лет тому назад. И, конечно же, критерии, которые мы сейчас предъявляем к ювелирным изделиям, не могут быть применены к предметам, изготовленным так давно.

Из чего же следует нам исходить?

Прежде всего, следует исходить, как я уже говорил, из уникальности, научной и художественной ценности.

Нам могут сказать, что определять столь высоко стоимость фаларов не нужно, не нужно соглашаться с такой оценкой. Почему? Потому, что их не нужно восстанавливать. Потому, что на вопрос: «Есть ли смысл в том, чтоб их восстановить? Исторический, научный, художественный, какой угодно?», — эксперты говорят: «Нет, такого смысла нет». Отсюда казалось бы и впрямь можно сделать вывод — если нет никакого смысла в их восстановлении, так и не было, по-видимому, смысла в том, что они были вообще; а раз так, то зачем столь дорого ценить уже

не нужны никому вещи? Значит и цена фаларов должна определяться стоимостью золота и серебра, из которого они были сделаны.

Мы не можем согласиться с таким доводом.

Нет смысла в восстановлении фаларов не потому, что они никому не нужны; не потому, что они не представляют никакой ценности, а потому, что их восстановить невозможно.

Потому, что в «восстановленном» виде, если здесь вообще применимо это слово — «восстановление» — они такой ценности представлять, безусловно, не будут.

Если изготовить их приближенные копии, то к ним мы должны будем относиться как относимся к изделиям, продаваемым «Ювелирторгом». Это будут произведения ювелирного искусства наших дней, лишь внешне напоминающие похищенные и уничтоженные Краюшиным фалары.

Насколько компетентна экспертная комиссия, состоящая из историков и археологов, когда она определяет стоимость фаларов как высокохудожественного произведения? Ведь эксперты не искусствоведы. Следует ли здесь верить экспертам?

Безусловно, следует, поскольку речь идет о высокохудожественных произведениях сарматского искусства, о произведениях искусства не нынешнего, не современного нам, а произведениях искусства двухтысячелетней давности — и потому первое и единственное слово, которое нужно услышать — это слово историков. И это слово было произнесено совершенно ясно и отчетливо: похищенные фалары стоили не менее пятисот тысяч рублей.

Достаточно ли точна эта оценка? Экспертиза говорит, что определить точно стоимость фаларов невозможно. Что значит определить размеры чего-либо неточно? Это значит определить их в каком-либо приближении, установить какие-то границы. Нам экспертиза говорит, что и здесь существуют такие границы, и что как раз пятьсот тысяч рублей — нижняя граница этого приближения. И потому, говоря о пятистах тысячах рублей, мы вот это сомнение, сомнение в определении точных размеров стоимости, решаем в пользу подсудимого в полном соответствии с нашим уголовно-процессуальным законодательством.

Понимал ли Краюшин, что похищает он не семь кусочков золота, а вещь «не имеющую цены» и оцененную в 500 000 рублей? Осознавался ли им истинный размер стоимости похищенных фаларов?

Ответ на этот вопрос должен быть положительным.

Конечно Краюшин, похищая фалары, не знал и не мог знать, что они будут потом оценены именно в 500 000 рублей.

Но он не мог назвать эту цифру не потому, что в оценке фаларов расхочется с экспертной комиссией.

Краюшин, конечно, не занимался подсчетами: сколько рублей и копеек стоят фалары, он не думал о том, что они стоят на самом деле для государства.

Да и часто ли мы встретим вора, который с бухгалтерской аккуратностью высчитывает цену вещи, которую он собирается украсть?!

Краюшин думал только о тех суммах, которые он сам извлечет из фаларов. Впрочем и эти суммы рисовались в его воображении не слишком определенно.

Что знал Краюшин о фаларах?

Краюшин решил украсть золото не из ювелирного магазина и не из не охраняемой никем ювелирной мастерской в Батaysке.

Он пришел в музей. И, похищая ценности из музея, он знал, что этим ценностям более двух тысяч лет.

Он сам сказал, что пришел в музей из интереса к истории. И в музее он смотрел не только на фалары. Но уж стенд с фаларами он изучал достаточно подробно!

На стенде была табличка с описанием экспонатов. Читал ли он это описание? Безусловно. Из этого описания Краюшин узнал, что римские чаши на том же стенде — серебряные (и потому их не украл). Из этого же описания Краюшин узнал, что фалары — золотые.

(Ведь если бы не было уверенности в том, что добычей будет чистое золото, то и рисковать было бы бессмысленно!)

Но в описании было сказано не только то, что фалары — золотые.

Было написано и что возраста они более чем двухтысячелетнего, и то, что принадлежали некогда сарматскому вождю, и что являются высокохудожественными изделиями сарматского искусства и даже то, что были выполнены в «сарматском зверином стиле».

Краюшин читал все это и, значит, понимал, на что посягает.

Понимал, что фалары представляют большую ценность не в «рублевом» исчислении, а в смысле культурном, в смысле историческом; являются памятниками цивилизации, существовавшей 2 000 лет назад.

Понимал он все это не в деталях. С него нельзя требовать тех же знаний, какие показали нам члены экспертной комиссии. Он может не знать, что курган, при раскопках которого были найдены фалары, называется Садовый; он может не знать, как назывались вкрапленные в фалары камешки; может быть, он не запомнил, что стиль, в котором они изготовлены, называется «полихромный звериный стиль».

Но эти детали и не важны.

Важно то, что он понимал, что это за ценности.

Но ведь историческая и культурная ценность, наличие значительного количества драгоценных металлов — это те именно критерии, из которых исходила в оценке фаларов экспертная комиссия.

А значит, Краюшину правильно вменено в вину хищение социалистического имущества на такую большую сумму — 500 000 рублей.

Я еще раз повторяю — у Краюшина не появилось и мысли о том, что фалары стоят пятьсот тысяч рублей. Не потому, что он ценил их дешевле. Нет.

Просто Краюшину незачем было оценивать фалары. Его интересовала только стоимость золота.

Главным в фаларах, и не только в фаларах, для Краюшина было золото.

Золото было его путеводной звездой. Оно его вело в Якутию, оно вернуло его сюда, оно его завело в музей; и оно, в конечном итоге, привело его на скамью подсудимых.

Столь же роковую роль сыграло золото и в судьбе Лозинского.

Сперва оно заставило его заниматься частнопредпринимательской деятельностью, затем — через нарушение правил о валютных операциях — привело его также сюда в этот судебный зал.

Характерно, что даже в музее Краюшин прежде всего обращал внимание на золотые вещи. Вы помните вопрос, который ему был задан о других экспонатах, увиденных им в музее. Вы помните это перечисление, которое он начал; он говорил о золотом горите, он говорил о золотом окладе ножен меча, он говорил о позолоченной рукояти меча, он говорил опять же о злосчастных фаларах.

Золото, золото, золото и золото.

Оно затмило все в его жизни, ничего другого, кроме золота он не видел.

Чтобы извлечь золото из фаларов, Краюшин не остановил-

ся и перед их разрушением. Не смутил его даже 2000-летний возраст фаларов.

Лозинский настолько был увлечен блеском монет и слитков, что совершенно не интересовался: откуда у Краюшина могли появиться слитки золота? Мы знаем, что в нашей области нет золотоносных рудников, не находят здесь и золотых самородков.

Да даже если бы и нашли, то это золото не должно находиться в свободном обращении. Лозинский прекрасно знает, прекрасно понимает, что не может у Краюшина золото просто так появиться. Не может он просто так его раздобыть.

Прекрасно он понимает, что Краюшину нужна бензиновая горелка, чтобы расплавить золото, (причем плавил он его даже дважды: один раз сам, один раз давал Лозинскому), ради этого расплавления он прибежал в больницу к Лозинскому за горелкой. Но Лозинский говорит: «Я, мол, не знаю для чего она ему была нужна. Может быть для рыбной ловли».

Видите ли, такие они большие друзья, что к больному, находящемуся на стационарном лечении Лозинскому прибегает Краюшин за бензиновой горелкой, для того только, чтоб грузило себе переплавить!

Но все эти вопросы Лозинского совершенно не волновали. Зачем ему это нужно?

Деньги не пахнут.

Золото очень ярко, золото звонко.

Незачем интересоваться еще чем-то иным, знать что-то еще. Незачем.

И Лозинский «не знает».

Он «не знает», зачем Краюшину горелка, «не знает», откуда у Краюшина золото, «не знает», почему он сам занимался частнопредпринимательской деятельностью. Он ведь так и отвечал на наши вопросы.

И точно также, как некий городничий не знал, почему оказалась высеченной унтер-офицерская вдова, и потому оказалось, что эта вдова сама себя высекла: точно так же Лозинский не знает, зачем ему понадобилась монета, которую он взял у Королеповой.

Вы слышали его ответ: «Я, — говорит, — хочу монеты коллекционировать, и, может быть, поэтому я ее себе оставил».

Но вот тут Лозинский сам себя как раз и высек.

Лозинский «не знал», а мы — знаем.

Кольца, как он сам сказал, данные им взамен монеты, стоили 152 рубля, а монета стоила почти 200 рублей.

Вот этой разницей вполне объясняется и все то, чего «не знал» Лозинский, и весь его интерес коллекционера к монетам. (Причем в этой коллекции, как ни странно, других монет обнаружено не было. Интересная коллекция!)

Если бы не было таких, как Лозинский, если бы Лозинский заведомо для Краюшина не был готов ему оказать помощь в реализации золота, то Краюшин не совершил бы кражи фаларов из музея.

Мы знаем, что Краюшин мог, безусловно, рассчитывать на помощь Лозинского.

Откуда мы это знаем? Это не домыслы и не предположения.

Задолго до кражи фаларов из музея, задолго до того, как мысль о самой краже появилась у Краюшина, он уже незаконно купленное в Якутии золото давал Лозинскому, и Лозинский из этого золота частным образом изготовил ему кое-какие ювелирные изделия.

Да, если бы не Лозинский, если бы Краюшин не знал заранее, что он сможет переплавить фалары и реализовать золото, то фалары, по-видимому, не были бы украдены.

Но это ни в коей мере не извиняет самого Краюшина.

Краюшин ранее судим, и никаких выводов для себя из этого печального факта не сделал.

Попал он в места лишения свободы несовершеннолетним, а вышел оттуда уже взрослым.

Краюшин предстал перед нами как «летун», не имеющий привычки к систематическому труду. Как человек, пытающийся легким заработком улучшить свое материальное положение. Как человек, который способен прокутить в ресторане за раз почти полтора рубля.

Вред, причиненный Краюшиным обществу, не исчерпывается теми пятью сотнями тысяч, в какие оцениваются фалары экспертизой. Не исчерпывается он и суммой валютных сделок. Вовсе нет. Есть вещи гораздо весомее и дороже золота.

Это человеческая культура и преемственность поколений, это дух народа, его прошлое, его традиции.

Две тысячи лет отделяют нас от сарматов.

За две тысячи лет на этой земле произошло множество катастроф: пожаров, наводнений, войн.

По этой земле прошли разгромившие сарматов полчища готов и гуннов;

■ здесь жили славившиеся буйными набегами хазары;

■ жили здесь печенеги и половцы;

■ прокатилась волна татаро-монгольского нашествия;

■ войны с Турцией Петра I и Екатерины II;

■ восстание Булавина и Разина, Гражданская и Великая Отечественная войны — а фалары все это время лежали в земле и ждали своего часа. Ничто их не тронуло и никакие катастрофы их не коснулись.

Наконец они обнаружены, описаны и выставлены в музее.

И мы видим, что и две тысячи лет назад люди также, как и мы, радовались красивым вещам, также, как и мы, стремились украшать свой быт — также, как и мы, стремились к прекрасному.

Фалары стали одним из мостиков, перекинутых через пропасть времени. Но вот появился Краюшин. И то, что не сделали готы, гунны, хазары и половцы; то, чего не сделали сотни и тысячи войн, наводнений, пожаров, сделал Краюшин.

Но наш гнев должен пасть на голову не одного только Краюшина. И не только Лозинский, как помощник Краюшина, заслужил этот гнев.

Одним из важнейших обстоятельств, способствовавших краже фаларов, была слабая охрана выставленного в музее национального достояния.

Мы знаем, что фалары уникальны. Мы знаем, что их стоимость чрезвычайно велика. В отличие от Краюшина, люди, которые хранили фалары, должны были думать об их действительной стоимости задолго до того, как мы их об этом спросили уже после кражи.

И, тем не менее, охрана фаларов была на недопустимо низком уровне.

И я от имени государства — как прокурор, от имени всего нашего народа — как советский гражданин, должен выразить крайнее возмущение по этому поводу.

Это национальное достояние, оно не принадлежит лично директору музея или хранителю музейных фондов, оно не принадлежит начальнику отдела вневедомственной охраны, на которых возложена забота о сохранности имевшихся в музее ценностей.

Как же эти лица и их подчиненные выполняли свой долг?

Внешне здесь все обстоит благополучно. Благополучно — если не вспоминать о том, что фалары все-таки украдены.

Работниками музея и работниками охраны соблюдены все требования действующих инструкций об охране ценностей, соблюдены требования заключенного между музеем и охраной договора.

Инструкции выполнены, договор соблюден — а ценностей нет!

Может быть Краюшин действовал столь хитроумно, использовал столь изощренные методы, что смог преодолеть сложную систему запоров и решеток? Но мы знаем, что это не так.

Мы знаем: не было решеток, не было сложных запоров.

Не потому, что они не нужны. А потому, что они не предусмотрены инструкцией!

Налицо та самая ситуация, о которой можно сказать: «Формально — нормально, а по существу — издевательство».

Налицо самое наибюрократическое отношение к порученному делу, стремление к «бумажному» благополучию и полное отсутствие интереса к действительному положению.

Вы помните, что на предложение поставить железные решетки на окна, директор музея ответил, что музей не тюрьма и решетки на музейных окнах не нужны.

Что это, как не издевательство над здравым смыслом?!

Так ретиво возражавший против решеток на окнах товарищ Зимовнов уже не директор музея. В музее оборудуется специальное помещение для экспонирования особо ценных экспонатов. Казалось бы, практические выводы из преподанного Краюшиным урока сделаны.

Сделаны, но не все.

И здесь приходится обратиться к инструкциям, и договору, которыми руководствовались музей и отдел охраны.

Учет и хранение музейных ценностей в нашей стране до сих пор производится в соответствии с инструкцией Министерства финансов СССР № 1319 от 16 сентября 1949 года и инструкцией Министерства культуры СССР от 2 апреля 1968 года.

Обе инструкции требуют, чтобы экспонируемые ценности были размещены в застекленных, запираемых и опломбированных стендах — и только.

Фалары находились под стеклом в опломбированном стенде. Кроме того (уже в соответствии с договором между охраной и музеем), стенд был заблокирован.

Что значит: опломбированный стенд?

Это значит, что на стенд навешена пломбочка — бумажная или свинцовая.

Что значит: заблокированный стенд?

Это значит, что если разбить стекло или сорвать замок со стенда, то на первом этаже у сторожа зазвенит звонок.

Пломбы сорваны, стекла разбиты, звонок зазвенел.

Что делает сторож?

Сторож — пожилая женщина, инвалид — в полном соответствии с требованиями договора звонит по телефону в милицию.

Если бы она и захотела, то не смогла бы справиться с Краюшиным. Но ведь от нее и не требовалось вовсе хоть как-то пресекасть его действия!!!

Дальнейшее известно. Милиция прибыла к музею с переулка Халтуринского до проспекта Соколова через 10-15 минут, а Краюшину за это время нужно было всего лишь сорвать фалары и пройти два метра от стенда до окна, выскочить в окно и убежать по другой улице.

И все — и фаларов в результате нет.

Формально мы не можем предъявить никаких претензий к музею и охране — они, по крайней мере, выполнили инструкции.

Но, как мы видели, соблюдение инструкций об охране ценностей и сама охрана ценностей — далеко не одно и то же. Вот на это, на качество инструкций об охране музейных ценностей и необходимо обратить внимание Министерства культуры СССР путем вынесения частного определения.

Однако вернемся к Краюшину.

Плохая охрана никогда не освобождает вора от ответственности.

Краюшин взял то, что плохо лежит. Раз плохо лежит, мы должны указать тем, от кого это зависит, чтобы лежало хорошо. В то же время мы обязаны с Вами наказать Краюшину, мы обязаны правильно квалифицировать его действия.

Действия Краюшина предварительным следствием квалифицированы статьей 93¹ и частью 1 статьи 88 Уголовного Кодекса Российской Федерации.

Хищение золотых фаларов из музея, поскольку они представляют собой столь большую ценность и оцениваются не менее чем в 500 000 рублей — правильно квалифицировано как хищение государственного имущества в особо крупных размерах статьей 93¹ Уголовного Кодекса.

Далее, действия Краюшина в части скупки золота в Якутии, продажи золота из фаларов и сделки с крестиками с Лозинским, квалифицированы частью 1 статьи 88 Уголовного Кодекса, как нарушение правил о валютных операциях.

Нарушены ли были такие правила?

Да, нарушены.

Потому, что, в силу статьи 1 Постановления ВЦИК и Совнаркома от 7 января 1937 года, в нашей стране исключительное право на совершение сделок с драгоценными металлами, камнями, валютой предоставлено только Государственному банку СССР.

Существующие изъятия — это приемка «Ювелирторгом» драгоценных металлов у населения — не включает те случаи, которые имели место. Лозинский не был представителем «Ювелирторга» и Краюшин государству ценности не сдавал.

Здесь имела место купля-продажа драгоценных металлов между частными лицами и правильно квалифицированы эти действия как нарушение правил о валютных операциях.

Если сделка с крестикам, заключенная между Краюшиным и Лозинским, Краюшину вменяется как нарушение правил о валютных операциях, то совершенно ясно, что действия Лозинского по этому же эпизоду должны квалифицироваться точно также.

Здесь одно преступление, совершенное двумя лицами, правильно квалифицированное по части 1 статьи 88 Уголовного Кодекса.

Кроме того, мы знаем, что Лозинский в рабочее время, работая ювелиром мастерской «Приборобытремонта» изготовил «бесквитанционно», как тут говорят, перстень-печатку для Краюшина, обручальное кольцо для его тестя, серьги для его тещи, два крестика для самого Краюшина и еще десять собирался сделать. Изготовил точно также «бесквитанционно» для Корнолеповой зубные диски и все эти действия Луганского должны быть квалифицированы нами не просто как «бесквитанционная» работа. Эта частная лавочка под вывеской государственной мастерской не может быть расценена иначе как частно-предпринимательская деятельность под прикрытием государственных форм, т. е. преступление, предусмотренное частью 1 статьи 153 Уголовного Кодекса.

Товарищи судьи!

Чтобы Ваш приговор был справедливым, надо не только правильно квалифицировать действия виновных, надо правильно, в соответствии с содеянным и иными данными об их личностях, определить наказание.

Содеянное Краюшиным характеризует его как человека, представляющего большую общественную опасность, и потому назначенная ему мера наказания должна быть очень суровой.

Я считаю, что на основании части 1 статьи 88 УК РСФСР, санкция которой предусматривает лишение свободы от 3 до 8 лет

с конфискацией имущества или без таковой, со ссылкой или без нее — на основании санкции этой статьи Краюшин должен быть наказан лишением свободы на длительный срок.

Санкция статьи 93¹ предусматривает возможность сурового наказания — от 8 лет лишения свободы и до расстрела. И за это преступление Краюшин должен быть наказан очень и очень сурово.

Избирая меру наказания Краюшину, мы, безусловно, не можем отрешиться от того громадного и невосполнимого вреда, который он причинил. Но мы должны помнить и о том, что рос Краюшин не в очень благоприятных условиях. Мы знаем, что задолго до своего совершеннолетия он приехал из Тбилиси — со своей Родины — в нашу Ростовскую область с матерью и отчимом. Уже в то время родного отца не было рядом с ним.

Мы слышали здесь, что его отношения с отчимом были натянутые.

В конце концов Краюшин стал жить один, отдельно от семьи, которую он не мог назвать своей.

Совершив преступление и отбыв за него наказание, он уже не вернулся к матери, не вернулся в дом, где хозяином был отчим.

Краюшин полностью сознался в том, что он сделал, и его показания способствовали расследованию — это в силу действующего законодательства является смягчающим обстоятельством.

Мы знаем, что его показания послужили изобличению Лозинского, то, что он говорил и здесь, и на предварительном следствии способствовало установлению истины.

Мы не можем сказать, что признание Краюшина появилось в результате какого-то воздействия, под каким-то давлением, хотя бы даже давлением собранных против него улик.

Он сознался сразу, как только был задержан. У него была возможность отпираться, препятствовать следствию, он мог, в частности, сказать, что золотые слитки, обнаруженные у него при задержании, не из музея. Но он этого не сделал.

И это смягчает его ответственность.

Обратимся к Лозинскому. Прежде всего нельзя, чтоб содеянное Лозинским померкло на фоне того, что сделал Краюшин.

Преступление Краюшина настолько из ряда вон выходящее, что невольное сравнение с ним Лозинского может привести к искаженным оценкам. Может даже показаться, что, по сравнению с Краюшиным, Лозинский почти и вовсе не преступник.

Но мы не должны так легко и просто оценивать этого человека. Во-первых, совершенные Лозинским преступления и сами по себе достаточно серьезны.

Во-вторых, «деятельность» Лозинского в известной мере обусловила кражу фаларов Краюшиным.

Наконец, Лозинский как человек не вызывает особых симпатий. И самое важное здесь то, что даже по сравнению с Краюшиным, Лозинский — человек не искренний.

Вы слышали его объяснения в суде. Все, что можно отрицать, он отрицает. Причем он не говорит: «Этого не было». Он говорит: «Я не знаю».

Мы то знаем теперь цену его «незнанию»!

Мы привыкли судить о человеке по его отношению к труду, по его отношению к порученному делу.

Вернувшись из армии, Лозинский стал ювелиром, поступил в «Приборобытремонт», ему доверили мастерскую в Батайске.

Но тут и выяснилось, что работник Лозинский не слишком хороший. И не в том суть, что он не выполнял плана.

Дело не в процентах, ими далеко не всегда можно проверить трудолюбие человека.

Судебное следствие показало, что Лозинский не знает и не стремится узнать элементарных правил пробирного надзора, а вот «левые» заказы выполнять уже научился.

Но надо учесть и другое обстоятельство.

Лозинский болен и болен тяжело. Болезнь его называется болезнью Верльгофа. Болезнь требует сложного лечения, нелегко переносится. Это конечно же должно сказаться на размерах наказания.

Следующий вопрос, который нужно решить — это вопрос о возмещении ущерба, а, значит, и о судьбе гражданского иска.

Говоря о гражданском иске, надо вспомнить, что предъявлен он не только к Краюшину, но и к отделу охраны.

Предъявление гражданского иска к отделу охраны вообще ни на каком законе не основано. В силу статьи 29 УПК РСФСР мы в уголовном процессе можем предъявить исковые требования только к лицу, совершившему преступление, либо к лицам, которые за его действия ответственны.

Какие лица имеются в виду? Ни в коем случае не отдел охраны.

Имеется в виду какая-либо организация, ответственная за своего работника, или имеются в виду родители, которые обязаны платить за вред, причиненный их ребенком.

Значит этот ответчик — отдел охраны — выпадает полностью. Вся сумма должна быть взыскана с Краюшина. Мы должны взыскивать с него 500 000 рублей.

Дальше возникает серьезный вопрос: в чью пользу взыскать эти 500 000 рублей?

В пользу музея? — Ведь гражданский иск заявлен музеем.

Ответ может быть только один: Нет, не в пользу музея.

Музей не должен быть вообще гражданским истцом в нашем процессе. Истец ненадлежащий.

Единственным истцом в этом процессе может быть государство.

Похищено было национальное достояние, похищена была часть всесоюзного музейного фонда. Собственником фаларов было государство, а не музей. Музей — только хранитель. Музей не имел никаких прав по оперативному управлению имуществом — он не мог совершить с фаларами никаких сделок. Поэтому музей ничего не должен получить в возмещение ущерба. Взыскать 500 000 рублей надо в доход государства.

Далее — вопрос немаловажный, как поступить с теми вещественными доказательствами, которые у нас имеются.

Очень легко решить вопрос о бензиновой горелке, веревке и порванных брюках Краюшина — все это, как не представляющее ценности, должно быть уничтожено по Вашему приговору.

Вопрос о бирюзовых камешках тоже решается просто — они, конечно же, должны быть переданы музею, поскольку они сохраняют еще определенную научную ценность. Как Вы слышали — их можно изучать: проанализировать их химический состав, произвести спектральный анализ.

Можно узнать, откуда они привезены и как они попали на Дон, потому что здесь таких камней нет. А это позволит выяснить, где они были изготовлены, какие товарные связи существовали у сарматов и т.д.

Несколько сложнее вопрос о том, как поступить с теми золотыми вещами, тем золотом, которое изъято у Лозинского и Краюшина.

Все то золото, которое было золотом фаларов, помимо вставленных Анатолию Лозинскому зубов, конечно, должно быть изъято и обращено в доход государства в погашение ущерба.

В силу санкции части 1 статьи 88, конфискация предметов валютных сделок обязательна.

Но, решая вопрос о конфискации, решая вопрос об очередности погашения ущерба и конфискации, мы должны решить его в пользу погашения ущерба.

Необходимо конфисковать то золото, которое осталось у Краюшина от 25 «якутских» граммов, т.е. перстень-печатку.

Кроме перстня из этого золота были изготовлены серьги, подаренные теще, и кольцо, подаренное тестю Краюшина. Эти люди являются добросовестными приобретателями, потому кольцо должно быть оставлено у тестя, а серьги — возвращены теще Краюшина.

Что касается Лозинского, то все, что он получил от Краюшина, все 25 граммов золота в оплату за крестики — должны быть конфискованы в силу санкции той же части 1 статьи 88, поскольку являлись как раз предметом валютной сделки.

Монету, которую получил у Корнолеповой Лозинский, также надо обратить в доход государства, поскольку эта монета составляет результат его противозаконного обогащения.

Наконец, еще один вопрос, который следует решить — это вопрос о тех безобразиях, иного слова я не нахожу, которые были выявлены по настоящему делу и которые прямого отношения к преступлению не имеют, но тем не менее, нетерпимы в нашем обществе.

Я прежде всего имею в виду действия Голанова — зубного техника, который, по существу, также как и Лозинский, занимается частнопредпринимательской деятельностью, используя государственные формы: Голанов частным образом изготавливает зубные протезы, используя для этого зубоврачебный кабинет, в котором он числится на работе.

Я считаю необходимым возбудить в отношении Голанова уголовное дело по признакам части 1 статьи 153 УК РСФСР.

Я имею в виду также крайне безответственное отношение администрации цеха № 2 ДГТФ к составлению производственной характеристики Краюшина. В ходе судебного следствия мы установили, что характеристика, подписанная начальником цеха, парторгом и председателем цехкома не содержит ни единого слова правды.

Полагаю, что по этому поводу должно быть вынесено частное определение.

Во время судебного следствия мы установили, что Лозинский приобретал инструменты для работы за свой счет — «Приборобытремонт» не снабжал его инструментами. Лозинский даже необходимостью приобретения инструментов пытался оправдать свои «левые» заработки.

Полагаю, что по поводу этого нарушения закона также должно быть вынесено частное определение.

Товарищи судьи!

Все сказанное дает основания признать обоих подсудимых виновными.

Я обвиняю Краюшина Василия Николаевича в том, что он украл из Ростовского областного краеведческого музея 2 больших и 5 малых золотых сарматских фаларов общей стоимостью 500 000 рублей — т.е. в преступлении, предусмотренном статьей 93¹ УК РСФСР.

На основании санкции этой статьи Краюшину надлежит определить наказание в виде лишения свободы сроком на 15 лет.

Я обвиняю Краюшина в том, что он купил в Якутии у неустановленного лица 25 граммов золота в слитках, в том, что продавал золото, выплавленное из фаларов, оплачивал золотом работу Лозинского по изготовлению крестиков — чем нарушил действующие в нашей стране правила о валютных операциях.

Эти действия Краюшина предусмотрены частью 1 статьи 88 УК РСФСР, на основании которой ему надлежит определить наказание в виде лишения свободы сроком на 8 лет.

По совокупности совершенных преступлений Краюшин, в соответствии со статьей 40 УК РСФСР, должен быть наказан пятнадцатью годами лишения свободы в исправительно-трудовой колонии строгого режима.

Я обвиняю Лозинского Николая Ивановича в том, что в оплату золотых крестиков он получил от Краюшина 25 граммов золота, чем нарушил правила о валютных операциях — т.е. в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 88 УК РСФСР. На основании этой статьи Лозинскому должно быть назначено наказание в виде трех лет лишения свободы.

Я обвиняю Лозинского в том, что, используя мастерскую «Приборобытремонта», частным образом изготавливал ювелирные и иные изделия из золота: крестики, зубные диски, кольцо, перстень и серьги — для Краюшина; зубные диски — для Корнолеповой.

Эти действия являются частнопредпринимательской деятельностью, за которую предусмотрена уголовная ответственность по части 1 статьи 153 УК РСФСР, на основании этой статьи Лозинскому надлежит определить наказание в виде 3-х лет лишения свободы.

По совокупности совершенных им преступлений в соответствии со статьей 40 УК РСФСР Лозинский должен быть наказан тремя годами лишения свободы в исправительно-трудовой колонии усиленного режима.

Краюшин, объясняя причины, толкнувшие его на преступление, говорил о необходимости вступления в жилищно-строительный кооператив и связанных с этим тратах.

Лозинский говорил о затратах на приобретение инструмента.

Я полагаю, Ваш приговор покажет, что преступление — не способ приобрести квартиру либо инструменты для работы.

Реплика государственного обвинителя

Товарищи судьи! Здесь только что было высказано опасение, что в отбрасываемой преступлением зловещей тени Краюшин выглядит более мрачной фигурой, чем он есть на самом деле.

Да, преступление отбрасывает зловещую тень.

Но преступление творится человеком! И если оно отбрасывает зловещую тень, то только потому, что зловещей ее сделал преступник.

И тень эта вовсе не непроглядная. Она не мешает увидеть, кто в чем и какой мере виноват, за что и в какой мере ответственен.

Как я и предполагал, больше всего возражений у защиты вызвало определение стоимости похищенных фаларов.

На первый взгляд возражения даже не лишены смысла. В самом деле, ведь до кражи никто не определил цену фаларов. Почему?

Потому, что, утверждает защита, оценить художественную, историческую и научную ценность в рублях — невозможно. Невозможно и даже кощунственно.

Любые оценки будут произвольными. Может быть, на самом деле фалары стоили не 500 000 руб., а гораздо больше — может быть даже миллион!

А раз так, то определять цену надо не на основе нематериальных и трудноуловимых критериев исторической, научной и художественной ценности, а по тому бесспорному и материальному, что было в фаларах — по весу золота и серебра.

Значит и в экспертной комиссии нам нужны не историки, а «специалисты золотоведы». Поскольку же в экспертной комиссии «золотоведов» не было, то и выводы ее (а значит и выводы обвинения, целиком согласного с экспертами) о размерах стоимости фаларов — сомнительны.

Однако, несмотря на кажущуюся их логичность, эти соображения не могут быть приняты во внимание.

Во-первых, неясно — что значит: «специалист-золотовед». Химик? Металлург? Товаровед? Ювелир?

В экспертной комиссии есть опытный ювелир с большим стажем работы, ранее длительное время работавший товароведом в «Ювелирторге». Почему его нельзя считать «золотоведом»?

И как же быть с тем обстоятельством, что фалары сделаны 2000 лет назад, а не руками наших современников?

Послушайся мы защиту, так, если бы Краюшин разбил древнегреческие амфоры, нам пришлось бы для определения стоимости амфор приглашать не историков, а гончаров и специалистов по керамической посуде!

Ценить фалары только по весу золота и серебра? Но в «Джонконде», например, нет столь «материальных» компонентов — а ценится она куда дороже фаларов!

Значит, видят в ней люди нечто неизмеримо большее, чем кусок холста, покрытый краской!!!

Да, может быть фалары, и стоят дороже. Может быть, они и стоят миллион рублей.

Но не может быть, говорят эксперты, чтобы они стоили меньше пятисот тысяч!

Действительно, раньше никто и не пытался оценить их. Да и зачем? В нашей стране такие вещи не продаются и не покупаются.

Но из этого нельзя делать вывод, что фалары следует ценить как золотой лом.

Их историческое, научное и художественное значение — бесценно. Но бесценный и не имеющий цены — это не одно и то же. А не имеющий цены — не значит оцениваемый в ноль рублей и ноль копеек, как, фактически, предлагается защитой.

Думается, что кощунство — не оценка культурного и исторического значения фаларов в полмиллиона рублей, а приравнивание их художественной, научной и исторической ценности к нулю.

Вам предлагается квалифицировать действия Краюшина исходя из тех сумм, которые он сам мог извлечь из похищенного.

Это, разумеется, также неверно

Говоря о вреде, причиненном хищением и определяя размеры этого вреда, мы, естественно, исходим из действительной стоимости похищенного — т.е. определяем размеры той брешы, которая пробита в имуществе собственника, а никак не выгоду самого преступника.

Наконец, два слова о Лозинском.

Действия его, расцененные обвинением как нарушение правил о валютных операциях, предлагается квалифицировать как

мелкое нарушение правил о валютных операциях — и, поскольку, таковое влечет только административную ответственность, предлагается Лозинского по этому эпизоду оправдать.

Согласно действующему законодательству мелким нарушением правил о валютных операциях, влекущим административную ответственность признаются сделки с валютой, если их сумма не превышает 25 руб.

Луганский получил от Краюшина в оплату за крестики 25, но не рублей, а граммов золота. Ну а грамм золота стоит не один или два рубля!

Нельзя, как предложено защитой, и применить к Лозинскому условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением к труду. Нельзя потому, что эта мера наказания применяется только к трудоспособным лицам. Лозинский же болен, и болен, как мы знаем, тяжело.

Товарищи судьи!

Вас просили о снисхождении, напомнили Вам, что наказание — это зло, оно причиняет страдания и обращаться с ним надо осторожно.

Да. Наказание — действительно зло. Но зло, которое преступник сам себе причинил.

Краткое послесловие автора

Оба подсудимых были признаны судом виновными в полном объеме предъявленного обвинения и приговорены к лишению свободы. Суд согласился с доводами прокурора и по вопросу о стоимости украденных фаларов.

Дело «Фантомасов»

Краткий комментарий автора

Дело братьев Толстопятовых было рассмотрено Ростовским областным судом в 1974 году. Оно в истории Российской преступности занимает особое место. В течение почти двух десятилетий в Советском Союзе не было уголовных дел о бандитизме — считалось, что последние банды были разгромлены и классовых, как и всяких иных корней бандитизм в стране не имел. Не случайно в речи по этому делу я с гордостью за свою страну заявил: «Гангстеризм — явление не для нашей почвы!» Боже мой, как же наивно звучат эти слова сегодня, и какую ностальгию испытываешь по тем временам, когда эти слова не вызывали усмешки!* Это было в стране, по-моему, второе после долгого перерыва дело, обвиняемые по которому осуждены за бандитизм. Время от времени возникали дела о преступных группах, совершавших вооруженные нападения, но, во-первых, явление это было вовсе не таким массовым, как сегодня, и, во-вторых, действия обвиняемых почти во всех случаях квалифицировались как групповой вооруженный разбой (в стране победившего социализма бандитизма не могло быть по определению). Но, повторюсь, дело это по уголовно-правовой квалификации действий осужденных было хотя и редким, но все же не единственным. Однако была в этом деле одна особенность, делавшая его уникальным. Братья Толстопятовы, Горшков и Самасюк были вооружены самодельными автоматами и револьверами. В те далекие времена автомат (не только израильский «УЗИ» или экзотический чеченский «Борз», но даже автомат Калашникова) было проще сделать самому, чем приобрести на черном рынке.

Почти пять лет — с октября 1968 по июнь 1973 года — «Фантомасы», как их называли за напаянные на головы при совершении одного из первых нападений для маскировки женские чулки, держали город в напряжении. За весь период своего существования банда совершила в общей сложности четырнадцать вооруженных нападений на кассиров государственных учреждений и предприятий, на магазины, на инкассаторов. Трое убитых (и еще один — бандит Самасюк — застрелен при задер-

* Автор скромно надеется, что эти слова не будут восприняты как свидетельство его приверженности рухнувшему тоталитарному государству. Речь идет только о том, что приятно было ходить по улицам, не боясь стать жертвой расплодившихся нынче мафиози.

жании), трое раненных (плюс раненый трижды — дважды в ходе нападений и один раз — при задержании — бандит Горшков), почти полтора ста тысяч рублей (по тем временам очень большая сумма) отнятых у государства денег. Сегодня масштабы их преступной деятельности не поражают воображения. Но были другие времена и другие оценки. По каждому эпизоду виновность подсудимых была доказана по самым строгим процессуальным меркам.

Предлагаемая судебная речь была произнесена мной в качестве государственного обвинителя — в бытность прокурором отдела по надзору за рассмотрением судами уголовных дел прокуратуры Ростовской области.

Обвинительная речь

Товарищи судьи! Весь ход судебного следствия и его результат приводят меня к выводу, что обвинение против подсудимых имеет достаточно оснований.

Это они в течение четырех с половиной лет выходили на улицы нашего города с оружием в руках; это они нападали на инкассаторов государственного банка и кассиров различных организаций; это они отнимали деньги, заработанные другими; это они убивали людей, пытавшихся оказать им сопротивление.

И вот теперь они сидят на скамье подсудимых: и те, кто нападал и убивал; и те, кто помогал им оставаться не пойманными — помогал своим молчанием.

Одни из них претендуют сейчас на какую-то особую исключительность, говорят о созданных ими изобретениях — как будто нелепой попыткой сконструировать вечный двигатель можно извинить убийства; другие пытаются оправдать свои действия собственной трусостью — как будто трусостью можно извинить или оправдать хоть что-нибудь.

Не в первый раз звучат подобные объяснения в этих стенах. Если настоящее дело и отличается чем-то от тех уголовных дел, которые Вы слушали раньше, то отличие это скорее количественное, чем качественное.

И философия их та же — обычная философия стяжателей и туенядцев: урвать побольше, отдать поменьше. Здесь наглость заступает место смелости и решительности, трусость — место рассудительности. Целью жизни становится обогащение, а чужая жизнь не ставится ни во что. Даже способ распорядиться награбленным тот же — пропить.

Город узнал о них 7 октября 1968 года, когда была захвачена

автомашина Ростовского часового завода под управлением Дзерона Арутюнова.

Нападение совершили Вячеслав Толстопятов, Самасюк и Горшков.

Показания Толстопятова и Горшкова об этом эпизоде даже в деталях совпадают с показаниями шофера Арутюнова и очевидца происшедшего — Мараховского, соответствуют факту обнаружения автомашины во дворе Дома Актеров. Самасюка по фотографии опознал Мараховский.

Как говорят сами подсудимые (и это подтверждается последующим развитием событий), машина им нужна была для использования при нападении на кассира у здания Областной конторы государственного банка. Нападение не состоялось — они понимали, что выскочивший из машины Арутюнов сообщит в милицию. Машину будут искать, появление этой машины возле Госбанка может быть замечено работниками милиции. А такие средства маскировки, как фальшивые номера, еще не были изобретены их преступной фантазией.

Не позднее чем через три дня после нападения на Арутюнова те же лица при участии Срыбного пытались напасть на кассиров Ростовской обувной фабрики.

Они вовсе не собирались с самого начала нападать на кассиров именно этой фабрики. Нет, они сторожили у здания Октябрьской конторы Госбанка любого кассира с большой сумкой — думая, что где большая сумка, там и большие деньги.

Чтобы нападение было удачным, они запаслись машиной, ее предоставил подсудимый Срыбный. Чтобы никто не заподозрил Срыбного в соучастии, ему заранее связали руки — пусть милиция думает, что машину отняли насильно.

Совершенно случайно кассиром с большой сумкой оказалась кассир обувной фабрики. Промешкав и не успев совершить нападение до того, как она села в машину, вся компания на машине Срыбного стала двигаться за грузовиком с кассиром. Но совершенно неожиданно для преследователей грузовик в нарушение правил движения свернул по переулку Островского налево и скрылся за воротами Обувной фабрики.

Об этом эпизоде мы можем судить на основании показаний и Вячеслава Толстопятова с Горшковым и Срыбного. Их показания объективно подтверждаются справкой Ростовской обувной фабрики о том, что именно 8, 9 и 10 октября 1968 года кассирами фабрики в Октябрьском районном отделении Государственного банка были получены деньги для выдачи зарплаты

рабочим и служащим, а также показаниями сопровождавших кассира — Маликова и Багдасарова, из которых следует, что деньги перевозились и на грузовом автомобиле, причем маршрут следования — по улице Козлова до переулка Островского и там налево (против установленного правилами направления движения) — до ворот фабрики.

Надо отметить, что показания Вячеслава Толстопятова, Горшкова и Срыбного достоверны еще и потому, что совпадают полностью, хотя даны были самостоятельно и никто из них до окончания следствия не знал, что говорят на допросах его соучастники — (а Вячеслав Толстопятов и Горшков не знали, что Самасюк убит, и, естественно, предполагали, что и он что-то говорит на допросах). Все трое повторили эти показания при выходе на место происшествия.

В судебном заседании Срыбный, не отрицая фактических обстоятельств, заявил, что он предоставил машину Толстопятову, Самасюку и Горшкову, т. к. его принудили к этому угрозами. Угрозы эти состояли только в обнажении оружия — сам Срыбный признал, что словесных угроз не было. Никто не говорил ему: «Отдавай машину, а то пристрелим!» Никто даже не направлял оружия на него, просто он видел оружие в руках у преступников. Но из показаний того же Срыбного известно, что оружие было извлечено из сумки одновременно с веревкой, которой ему связывали руки. Веревку же вытащили уже после того, как Срыбный согласился, чтоб его связали, а это было, разумеется, после того, как Срыбный согласился предоставить преступникам машину. Таким образом согласие Срыбного не было принудительным.

В октябре, ноябре и декабре 1968 года в городе было совершено еще четыре дерзких вооруженных нападения. Совпадение сообщенных очевидцами примет преступников, способа и характера их действий позволило сделать вывод, что все преступления совершены одними и теми же лицами.

Первым в этом ряду стоит нападение на магазин № 46, расположенный в поселке Мирном. Показаниями свидетелей нарисована достаточно подробная и яркая картина этого преступления.

22 октября, вечером, незадолго до ожидаемого приезда инкассаторов, в магазин с необычного вида автоматами и пистолетами в руках вошли трое. Лица их были закрыты черной тканью. Их устрашающий вид, открытая ими беспорядочная стрельба по стенам и потолку, заставили разбежаться покупателей — среди которых большинство составляли женщины, в том числе и женщины с детьми.

Один из налетчиков остался сторожить у дверей, двое других, угрожая оружием, двинулись к кассе. И тут их ждало первое разочарование — первое, но далеко не последнее на избранном ими пути: благодаря находчивости кассиров основная сумма денег оказалась надежно укрытой. Вся их добыча в этот раз, вместе с тем, что было похищено в отделах, составила всего только 526 рублей.

Но не ради такой ведь добычи создавались столь свирепого вида револьверы и автоматы!

На проверку оказалось, что оружие это не запугало именно тех, кого призвано было запугать — кассиры Орлова и Лунева, продавщицы Горюнова и Гунина не отдали выручки.

Поживившись малой толикой из штучного, хлебного и молочного отделов, разменной монетой из кассы, преступники стали выходить из магазина. И здесь их подстерегала еще одна неожиданность. Когда первые двое вышли из магазина, их попытался задержать случайно оказавшийся поблизости пенсионер Гурий Сергеевич Чумаков. Потомственный рабочий, всю жизнь проработавший кузнецом, защищавший Родину на фронтах Великой Отечественной войны и награжденный за проявленные им в боях против фашистских захватчиков мужество и самоотверженность орденом и медалями, этот человек бросился за уходившими преступниками — один за двумя, с куском трубы — против автомата и револьверов.

Это его, Чумакова, Вячеслав Толстопятов назвал в судебном заседании безличным словом «противник», а своем дневнике гораздо более определенно — «враг».

Нет, не обломок трубы — мужество советского гражданина, убежденность в том, что интересы общества — это и его интересы, готовность защищать эти интересы до последней капли крови — были его главным оружием.

И они, вооруженные до зубов, — побежали. Но оставался еще третий. Он вышел из магазина позже других и Чумаков его не видел. Он по подлому, в спину, расстрелял Чумакова из автомата.

Мы знаем теперь, что и это преступление совершили Вячеслав Толстопятов, Самасюк и Горшков. Мы знаем, что к месту нападения их подвез на грузовике Овчинников. Об этом подробно рассказали в суде и Овчинников и Горшков с Толстопятовым.

То, что говорят подсудимые, почти полностью совпадает со свидетельскими показаниями, подтверждается другими доказательствами.

Из показаний Горшкова и Вячеслава Толстопятова нам известно, что в дверях магазина оставался Горшков, что в кассах пытались взять деньги Самасюк и Толстопятов, что последним из магазина выходил Вячеслав Толстопятов и именно он убил Чумакова.

По данным судебно-медицинской экспертизы Чумаков был пробит четырьмя выстрелами — убийца стрелял в него сзади и справа.

По данным криминалистической экспертизы пули, извлеченные из трупа Чумакова, выстрелены из малокалиберного пистолета-пулемета, обнаруженного при обыске в тайнике во флигеле, который занимал Вячеслав Толстопятов.

Горшков говорит, что, убегая от магазина, потерял берет. Этот берет был обнаружен при осмотре места происшествия.

Овчинников рассказал, как они уезжали оттуда, и признал, что видел автомат на груди у Вячеслава Толстопятова.

Вячеслав Толстопятов рассказал об этом брату — и тот подтвердил на суде это обстоятельство.

Ровно через две недели, 5 ноября 1968 года, Вячеслав Толстопятов и Самасюк напали на шофера Ростовского Управления магистральных газопроводов Виктора Гарегиновича Арутюнова, пытаясь захватить автомашину.

Участие Вячеслава Толстопятова в этом нападении подтверждается прежде всего показаниями потерпевшего Арутюнова, опознавшего в Толстопятове именно того человека, который вместе с Самасюком — а Самасюка Арутюнов также опознал — остановили его машину на улице Текучева недалеко от Центральной городской больницы, причем Самасюк сразу занял место рядом с водителем, а Толстопятов, подойдя к левой передней дверце, открыл ее и потребовал, чтоб Арутюнов вылез из машины. Арутюнов, поняв, что имеет дело с преступниками, но не растерявшись, резко рванул с места, решив задержать Самасюка. Толстопятов же крикнул Самасюку: «Стреляй!», — и Самасюк начал стрелять. То ли от возбуждения, то ли от страха — не испугался ведь их Арутюнов, а стал сопротивляться! — руки его дрожали, он никак не мог попасть (это-то в рядом сидевшего шофера!), но, в конце концов, с третьего выстрела попал. Тогда Арутюнов свернул на трамвайные пути и остановил машину. Из остановившегося рядом трамвая выскочили люди и, хотя они никаких мер к задержанию преступников не принимали, те сочли за лучшее скрыться.

Вагоновожатая Цуник показала что, машина Арутюнова остановилась на трамвайных путях и два человека, пытавшиеся ранее, как она поняла, завладеть машиной, скрылись на территории ЦГБ. Вы помните, конечно, ее эмоциональные показания. И сегодня, через пять с половиной лет, она не может говорить об этом спокойно. Она остановила трамвай, призвала находившихся в вагоне мужчин выйти и помочь Арутюнову, на которого напали, но, никого не ожидая, выскочила сама с ломиком для перевода стрелок, однако Толстопятов с Самасюком уже удрали.

Показания Арутюнова и Цуник подтверждаются и объективно:

Самасюк Арутюнова ранил — у него было пулевое ранение грудной клетки справа, проникающее в грудную и в брюшную полости с повреждением нижней доли правого легкого. Как видите направление раневого канала соответствует взаиморасположению Самасюка и Арутюнова в салоне автомобиля.

При осмотре обнаружены следы автомобиля, ведущие от тротуара к трамвайным путям.

Арутюнов пояснил, что хотя Самасюк и попал в него только один раз, но выстрелов, которые Арутюнов воспринял как «громкие щелчки», произвел несколько. В салоне автомобиля была при осмотре обнаружена обрезанная свинцовая пуля от стандартного малокалиберного патрона. На мой вопрос: использовались ли ими стандартные малокалиберные патроны с укороченными пулями, Вячеслав Толстопятов ответил, что в одном из изготовленных им и его братом Владимиром кустарном револьвере ось канала ствола неточно совпадала с осью одной из камер барабана, из-за чего при стрельбе из этого револьвера использовались малокалиберные патроны с обрезанными пулями. Этот револьвер, по словам Вячеслава Толстопятова, и был у Самасюка при нападении на Арутюнова, и этот же револьвер изъят при обыске в доме Толстопятовых.

Показания Вячеслава Толстопятова по этому эпизоду несколько отличаются от показаний потерпевшего. Толстопятов, подтверждая все, о чем говорил Арутюнов, вместе с тем, пытается несколько умалить свою роль, выставляя на первый план Самасюка: дескать и не кричал он Самасюку: «Стреляй!», и вообще инициатором нападения был Самасюк, а он того даже отговаривал. Однако на самом деле Вячеслав Толстопятов был гораздо активнее. Это он подошел к машине со стороны водителя, он потребовал от Арутюнова оставить машину. Да и, кроме того, из них двоих водить автомобиль умел только Толстопятов и уже поэтому Самасюк без него не мог даже подумать о захвате машины.

Всего через двадцать дней после нападения на Арутюнова Вячеслав Толстопятов, Самасюк и Горшков совершили новое преступление — захватили автомобиль Радиотехникума, управляемый водителем Кушнаревым, подъехали на нем к Октябрьскому отделению Госбанка и здесь отняли сумку с деньгами у кассира АТХ — 5 Матвеевой.

Кушнарев и Матвеева подробно рассказали в суде, как это все происходило. Подтвердили их показания и Вячеслав Толстопятов с Горшковым.

Роли были распределены и исполнены следующим образом. Горшков остановил на улице машину (ею оказалась машина Кушнарера) и приехал на ней к уединенному месту у Зоосада, где его уже ждали Вячеслав Толстопятов с Самасюком. После связывания Кушнарера и захвата автомашины Вячеслав Толстопятов сел за руль, рядом с ним сел Горшков, а на заднее сиденье — около связанного Кушнарера — Самасюк.

У Октябрьского отделения Госбанка вся троица, остановив машину, стала ждать кассира с большой сумкой. На этот раз ею оказалась кассир АТХ — 5 Матвеева. Самасюк выскочил из машины с автоматом в руке, подбежал к Матвеевой, выстрелил из автомата рядом с ней в землю, выхватил из рук опешившей Матвеевой сумку деньгами и опять сел в машину. В сумке было 2700 рублей.

Как видите, по сценарию это нападение не слишком отличается от неудавшейся попытки напасть на кассира Обувной фабрики. Та же надежда на большие деньги в большой сумке. Вместо сговорившегося с ними Срыбного — ничего не подозревавший Кушнарев; вместо того, чтобы следовать неизвестно куда за машиной с кассиром, рискуя ничего не получить, — завладение сумкой тут же у банка.

Преступники узнаны Кушнаревым. Согласно заключению баллистической экспертизы обнаруженная на месте преступления гильза стреляна в малокалиберном пистолете-пулемете, изъятом при обыске в тайнике дома братьев Толстопятовых. «Газик» Кушнарера обнаружен во дворе школы № 70, то есть именно там, где, по словам подсудимых, они его оставили.

Таким образом, виновность подсудимых по этому эпизоду обвинения доказана не только с помощью их собственных показаний, но и доказательствами, полученными независимо от них.

Еще через месяц — 29 декабря 1968 года было совершено нападение на магазин № 21 Горпромторга, расположенный на

улице Мечникова. И здесь показания подсудимых по своему содержанию совпадают со всеми иными доказательствами.

Пешикова, Куровенко и Свентицкая показали, что внутрь магазина вошли двое, а третий остался в дверях — подсудимые объяснили, что в дверях остался Вячеслав Толстопятов, а Горшков с Самасюком вошли в торговый зал.

Показали свидетели, что высокий налетчик с пистолетом в руке направился к кассе, вытолкнул оттуда Пешикову, отпер кассу и забрал деньги (причем, когда Пешиковой среди других были показаны фотографии Самасюка, она в нем безошибочно узнала этого налетчика) — подсудимые подтвердили, что именно Самасюк взял в кассе деньги. Самасюк выгреб все, что там было, а денег в кассе оказалось почти полторы тысячи — 1498 рублей — сумма, хотя и не очень малая для такого небольшого магазина, но все же значительно меньше того, на что рассчитывали подсудимые.

Подсудимые заявили, что они ждали прибытия инкассаторов, но в обычное время инкассаторов все еще не было, они потом поняли, что инкассаторы в этот день прибыли в магазин № 21 с опозданием. Если это так, то это также может подтвердить виновность подсудимых. Осмотром инкассаторских явочных карточек установлено, что, действительно, 29 декабря 1968 года инкассаторы прибыли в магазин № 21 на сорок минут позже обычного.

Следующей была попытка завладеть зарплатой работников Химзавода имени Октябрьской революции. Этот эпизод свидетельствует о качественно ином этапе деятельности банды.

Объект нападения теперь уже не маленький магазинчик с тремя беззащитными продавщицами и не одинокие кассирши. Они уже не действуют «на авось», поджидая у банка случайного кассира с большой сумкой в наивной уверенности, что там, где большая сумка — там и большие деньги.

Здесь — предварительная разведка с примерным (и не очень далеко оказавшимся от истины) подсчетом размеров будущей добычи.

Здесь — четкое разделение ролей, потребовавшее привлечения новых участников: наряду с «боевиками» здесь появляются и наблюдатели, «сигнальщики», дело которых вовремя заметить машину с кассиром и дать знак тем, кто непосредственно должен совершить нападение.

Банда уже не просто «устойчивая вооруженная группа». Ее устойчивость определяется не только неоднократностью нападений. Самасюка нет, он в колонии отбывает наказание за хули-

ганство, но банда не затихла, не затаилась — готовится и совершается самое крупное (на тот момент) нападение. Здесь есть уже все то, что повторилось затем в последнем их преступлении — и распределение ролей, и предварительная разведка, и стрельба, и погоня, и неудача как итог.

Обо всем этом, как и о последующих событиях, мы можем судить по достаточно подробным и совпадающим в существенных деталях показаниям всех участников, причем как с той, так и с другой стороны, прежде всего по показаниям подсудимых: обоим братьев Тостопятовых, Горшкова и Денскевича.

Вячеслав Толстопятов показал в суде как он несколько раз приходил на завод — якобы для устройства на работу. Разговаривал с людьми, изучал вывешенные на стендах приказы и объявления. Ему удалось узнать по каким дням на заводе выдают зарплату, на какой машине деньги привозят из банка; выяснить, что за деньгами обычно вместе с кассиром ездит и вооруженный охранник, который относит мешок с деньгами из машины в здание.

Его показания подтвердили и уточнили и Владимир Толстопятов с Горшковым и Денскевичем. Из рассказа всех четверых, а также участников событий «с другой стороны» — охранника Плужникова, кассира Лосевой, бухгалтера Симутиной, отца и сына Коваленко, шофера Топчиева — вырисовывается следующая картина.

По разработанному ими вместе с Владимиром Толстопятовым плану предполагалось, что Вячеслав Толстопятов и Горшков дождутся у заводоуправления машины с деньгами, Вячеслав Толстопятов отберет у охранника банковский мешок с деньгами, а Горшков в это время отнимет у водителя ключи от машины, на которой они — уже с деньгами — благополучно скроются. «Засветившийся» во время разведочных визитов на завод Вячеслав Толстопятов опасался, что, если он вместе с Горшковым будет ждать машину с деньгами в непосредственной близости от проходной, то его могут узнать. Поэтому они решили ждать за углом — на Театральном проспекте. На случай, если машина подъедет по улице Текучева, из-за чего они увидят ее слишком поздно и не успеют подбежать к проходной, на улице Текучева должны находиться Владимир Толстопятов и Денскевич. В их задачу входило вовремя дать сигнал Вячеславу Толстопятову и Горшкову о появлении машины. Пожалуй, это была чуть ли не единственная часть их плана, которая оказалась реализованной — Владимир Толстопятов и Денскевич

стояли там, куда их поставили, и готовы были, что называется, «дать отмашку», если бы машина появилась с их стороны.

Во всем остальном, как известно, планы подсудимых не сбылись. Машина подъехала по Театральному проспекту, Вячеслав Толстопятов и Горшков увидели ее вовремя и вовремя подскочили к проходной. Но дальше жизнь внесла свои коррективы.

Вспомните, товарищи судьи, как ответил Горшков на Ваш вопрос зачем ему надо было участвовать в бандитских нападениях? Если братья Толстопятовы, объясняя что их толкнуло на это, говорили, что им необходимо было добыть средства на изобретательскую деятельность, то Горшкову не понадобились подобные оправдания. Для него деньги сами по себе объясняли все, сами по себе служили целью. Он ответил на этот вопрос с неподдельной искренностью и простотой: «Там должна была быть огромная куча денег!» Вспомните его жесты, его взгляд, даже здесь, в суде, загоревшийся каким-то бесовским огнем при одном упоминании о «куче денег». Я думаю, тот же огонь светился в его глазах, когда он увидел вожденное — сумку с деньгами в руках у охранника Плужникова. Наверное, в тот момент он вообще больше ничего не видел. По крайней мере, вопреки всем планам, он бросился сразу же не к водителю Коваленко за ключами, а к охраннику Плужникову — отнимать сумку с деньгами и только окрик Вячеслава заставил его вернуться к Коваленко.

Но не это, не оплошность Горшкова, сорвала преступные планы. Мужество работников завода стало причиной провала. То самое мужество, которое эти стратеги не приняли в расчет. Они, считавшие себя «сверхчеловеками», делавшие ставку только на силу и ни во что не ставившие человеческую жизнь, не могли думать об окружающих, иначе как о людях, безработно поднимающих руки при свирепом виде их револьверов и автоматов. Однако в жизни все оказалось иначе.

Плужников не испугался, не отдал денег. Наоборот, он сам, отступая к проходной и дальше — внутрь здания — от стрелявших ему под ноги налетчиков, стал доставать из кобуры свой «Наган». Толстопятов, не сразу поняв, что происходит, кинулся было за ним в проходную, но быстро опомнился и вернулся назад. Как говорится: «Не до жиру, быть бы живу». Нужно было спастись самим.

В это время Горшков пытался отнять ключи у Коваленко. Устрашающие выстрелы в забор рядом с Коваленко и даже выстрел — уже на поражение — в самого Коваленко того на самом деле не устрашили. Более того, раненый Коваленко сам отнял

автомат у Горшкова. И Вячеславу Толстопятову пришлось вместе с Горшковым уже не ключи — собственный автомат отнимать у Коваленко. Вячеслав выстрелил в него, снова ранил, вырвал автомат и они стали убегать. Вооруженные от безоружных, молодые и здоровые — от раненого старика. А к Коваленко уже спешили на помощь люди — в том числе и сын Коваленко. Налетчики подскочили к остановившемуся перед красным сигналом светофора грузовику, выдернули из кабины водителя, что им далось только потому, что они выстрелили в него и ранили в руку. На захваченном грузовике скрылись, уйдя от организованной Плужниковым погони, в ходе которой Горшков и был ранен в спину одним из выстрелов Плужникова.

Все это подтверждается не только показаниями подсудимых, потерпевших и свидетелей, но и объективно. При осмотре места происшествия у проходной завода из деревянных досок забора изъяты пули, которые, как показала экспертиза были выстрелены из самодельных револьверов, впоследствии найденных при обыске в тайнике флигеля братьев Толстопятовых. Коваленко был ранен в голову, пуля застряла в кожно-волосистой части; водитель грузовика Топчиев был ранен в руку, рана была также слепой, пуля застряла у него в руке. Обе пули были извлечены хирургами и оказалось, что обе они, как и найденная на асфальте и застрявшие в досках забора у проходной, выстрелены из тех же найденных при обыске револьверов и автомата.

Как показали Вячеслав Толстопятов с Горшковым, револьверы при этом нападении были у обоих. У Горшкова — тот, который они называли «зеленым», а у Вячеслава, соответственно, другой, не «зеленый», не имевший названия. На асфальте найдены и из забора извлечены пули, стреляные из обоих револьверов. Но эти пули — от выстрелов в Плужникова. Значит, в Плужникова стреляли оба.

Из раны на голове Коваленко извлечена пуля, стреляная из «зеленого» револьвера. Но еще одна пуля попала, как объяснил нам Коваленко, в нагрудный карман его пиджака и расплющилась о лежавшую там металлическую детальку автомобильного карбюратора. На фрагментах пули сохранились следы нарезов канала ствола, позволившие экспертам утверждать, что стреляна она была не из «зеленого» револьвера. Значит и в Коваленко стреляли оба — и Вячеслав Толстопятов, и Горшков.

И, наконец, из раны на руке Топчиева извлечена пуля, как утверждают эксперты, тоже не из «зеленого» револьвера. Значит в Топчиева стрелял Вячеслав Толстопятов.

Коваленко Владимир на следствии опознал Вячеслава Толстопятова и Горшкова как людей, нападавших на его отца и дравшихся с ним 21 апреля 1969 года. Их обоих опознала Симутина, которая уточнила, что именно Вячеслав, пытался вырвать у Плужникова мешок с деньгами и говорил ему при этом: «Брось, брось».

Несколько слов по поводу заявлений Денскевича о его «заблуждениях» — дескать не знал он, чем занимаются Толстопятовы и Горшков, не понимал своей действительной роли у Химзавода. Проверить в это никак нельзя — никаких сомнений и заблуждений после того инструктажа, который он получил, выходя «на дело», быть не могло: ему было поручено узнать о машине, в которой поедут за деньгами охранник и кассир, потом высмотреть эту машину, когда она уже с деньгами будет возвращаться обратно, и дать сигнал об этом Владимиру Толстопятову, который в свою очередь должен будет подать сигнал Вячеславу и Горшкову. Да и какие могли быть сомнения, если по его же словам, вечером накануне нападения в присутствии Денскевича проверяли и чистили револьверы. Не об охоте на дичь в Манычской пойме говорилось при этом — не охотничье это оружие. О предстоящем преступлении. Даже если и не было таких разговоров, само сопоставление оружия (а Денскевичу и автоматы показали) с характером полученных на следующий день инструкций не оставляло места для сомнений.

Оба они — и Денскевич, и Владимир Толстопятов — сделали то, что им было предписано. Машина вернулась не с той стороны, где они стояли, сигналы их не понадобились. Но они были на месте — в нужное время в нужном месте. И они были готовы подать сигналы, прекрасно понимая к каким действиям это будут сигналы. Владимир Толстопятов потом еще и участвовал в «разборе полетов» — обсуждали обстоятельства нападения и причины неудачи.

Из всего этого следует, что действия обоих — и Владимира Толстопятова и Денскевича — по этому эпизоду следует расценивать как действия участников банды и квалифицировать соответствующим образом.

После этой неудачи в действиях банды наступил почти полторагодичный перерыв. Тому были объективные причины. Самасюк находился в заключении, Горшков был ранен в спину, а Вячеслав Толстопятов не был столь храбр и безрассуден, чтобы нападать на кого либо в одиночку. Но затянулась рана у Горшкова. Пулю и не думали извлекать — к медикам не обращались,

а застрявшая в спине, она не задела позвоночника и каких-либо жизненно важных органов и, в общем, жить Горшкову не очень мешала. Кончился срок наказания у Самасюка и в июле 1971 года он возвратился в Ростов.

Всего через месяц после его возвращения банда совершила очередное нападение — на кассира УНР-112.

Самому нападению предшествовало, как нам поведал Вячеслав Толстопятов, два его визита в это управление — для разведки. Ему удалось выяснить когда в УНР-112 привозят деньги для выдачи зарплаты сотрудникам. И вот, в половине первого 25 августа 1971 года, когда кассир Горбашова с сумкой, в которой было 17 тысяч рублей, а также сопровождавшие Горбашову сотрудники УНР — инженер Марченко и шофер Лунев — вошли в здание УНР и стали подниматься на второй этаж, их на лестнице встретили Вячеслав Толстопятов с Горшковым. Вячеслав потребовал отдать ему деньги и выстрелил вверх для острастки. Горбашова испугалась и деньги отдала, после чего Вячеслав с Горшковым выскочили во двор, сели в стоявший там автобус — другого автомобиля не нашлось — и вместе со стоявшим снаружи «на стреме» Самасюком, уехали. Отъехав несколько кварталов, автобус бросили, оставив в нем сумку с 500 рублей мелочью — нести было тяжело.

То, что нападение происходило так, а не иначе, следует из объяснений Вячеслава Толстопятова и Горшкова, до деталей совпадающих с показаниями Горбашовой, Марченко и Лунева. Это подтверждается и тем, что Горбашова опознала в Вячеславе Толстопятове того из налетчиков, который стрелял в потолок, а Лунев — в Горшкове того, который отобрал сумку с деньгами; подтверждается и обнаружением при осмотре места происшествия застрявшей в стене пули и обнаружением автобуса УНР-112 там, где по их показаниям его бросили Толстопятов, Горшков и Самасюк; а также и тем, что в автобусе действительно найдена сумка с 500 рублей разменной монетой. Не каждый день оставляют в автобусах такую кладь.

Нападение на УНР-112 послужило как бы разминкой перед дальнейшим. Вечером 16 декабря 1971 года банда совершила налет на инкассаторов, приехавших к сберкассе № 0299, расположенной на улице Пушкинской неподалеку от Доломановского переулка.

Перестрелка, закончившаяся убийством инкассатора и захватом инкассаторской машины — это событие, взбудоражившее город. Инкассатор Маликов, находившийся в момент нападения

в помещении сберкассы, выбежавший на выстрелы на улицу и открывший ответный огонь по нападавшим; шофер-инкассатор Тезиков, в момент нападения находившийся в машине и выскочивший из нее, бросив свой револьвер; прохожие Михеев и Кибальников, наблюдавшие этот скоротечный бой со стороны; результаты экспертизы, установившей, что инкассатор Зюба погиб от огнестрельных ранений, а пули, извлеченные из трупа, а также пули и гильзы, найденные на месте происшествия, стреляны из того же пистолета-пулемета, который был использован при нападении на Химзавод имени Октябрьской революции. Все это позволяет достаточно ясно представить, как развивались события. Преступники, ожидавшие машину с инкассаторами на улице, уловив момент, когда бригада инкассаторов оказалась в машине не в полном составе — Маликов вошел в сберкассу за выручкой, — подскочили к машине и, угрожая автоматами, потребовали, чтоб Зюба и Тезиков вышли из нее. Тезиков подчинился и из машины выскочил, бросив свой револьвер на сиденье. Зюба, наоборот, открыл огонь из служебного револьвера «Наган». На выстрелы выбежал Маликов, тоже начавший стрелять в нападавших. К тому моменту, однако, Зюба был уже убит, преступники овладели машиной и уехали. Выстрелы Маликова «в догон» остановить их не смогли. Автомашина с трупом Зюбы через некоторое время была обнаружена на одной из городских свалок, но денег, которых по документам сберкассы должно было быть чуть больше 20 тысяч рублей, в машине уже не было.

То, что налет был совершен Вячеславом Толстопятовым, Горшковым и Самасюком при участии Владимира Толстопятова, стало ясно через полтора года — 7 июля 1973 года после задержания подсудимых, после обыска в упоминавшемся уже флигеле и обнаружения там тайника с оружием. Вячеслав Толстопятов и Горшков признали себя виновными по этому эпизоду, подтвердив все рассказанное свидетелями и сообщили, что Горшков был ранен одним из выстрелов Зюбы в руку. Они добавили к свидетельским показаниям то, чего никто из свидетелей не заметил: Владимир Толстопятов во время нападения находился неподалеку и наблюдал за происходящим, а потом наблюдал и за действиями прибывших на место происшествия милиционеров и следователей. Наблюдал, чтоб затем произвести «разбор» действий как самих бандитов, так и сотрудников милиции. Такой «разбор» с подробным анализом ошибок и выводами на будущее состоялся через несколько дней. Толстопя-

тов рассказал также, как он несколько дней подряд дежурил у сберкассы, чтобы определить время прибытия инкассаторов и численный состав инкассаторской бригады, выяснить, как и что делают инкассаторы у сберкассы.

При задержании у них был отобран один из тех кустарного изготовления пистолетов-пулеметов, из которых были стреляны пули, убившие Зюбу и пули, найденные на месте происшествия. Другой пистолет-пулемет был обнаружен при обыске в тайнике во флигеле братьев Толстопятовых. Гильзы, найденные на месте происшествия, были также стреляны в тех же пистолетах-пулеметах.

В машине, на которой Вячеслав Толстопятов с Горшковым и Самасюком пытались уйти от погони, обнаружен револьвер «Наган» № АС-671. То есть тот самый револьвер, который, судя по справке службы инкассации Госбанка, выдавался 16 декабря 1971 года Зюбе. Другой револьвер — № ДГ-2236 — был обнаружен в здании «Южгипроводхоза», именно там, где бросил его Черненко. При каких обстоятельствах он получил револьвер от Вячеслава Толстопятова, при каких обстоятельствах и где он его бросил, сам Черненко также подробно рассказал на суде. Согласно справке службы инкассации этот револьвер 16 декабря 1971 года был выдан Тезикову.

Подсудимый Дудников показал, что его 17 декабря 1971 года — то есть на следующий день после нападения — пригласили как хирурга в упоминавшийся уже флигель Толстопятовых, где он извлек из левой руки Горшкова пулю. Как человек, участвовавший в войне и знакомый с оружием, он понял, что это пуля от револьвера «Наган».

Подсудимый Зарицкий пояснил, что в декабре 1971 года, через несколько дней после того, как в городе был совершен налет на сберкасса, Вячеслав Толстопятов и Горшков рассказывали ему о нападении на инкассаторов, а на пачке денег, полученных им от Вячеслава, сохранилась банковская бандеролька с надписью: «16 декабря 1971 года».

Наконец, Михеев узнал в предъявленном ему на следствии в числе других лиц Вячеславе Толстопятове того человека, который сидел за рулем проскочившего мимо него фургона «Волга», стремительно отъехавшего от сберкассы после того, как он услышал выстрелы возле сберкассы. Кибальникова и Маликов опознали по фотографиям Самасюка как одного из нападавших.

Почти через полгода — 26 мая 1972 года — Самасюк при участии Вячеслава Толстопятова совершил нападение на ма-

газин № 44 Октябрьского райпищеторга, что находится на Долмановском переулке. Нападение это было спонтанным, заранее оно не планировалось. Вячеслав Толстопятов с Самасюком ехали по Долмановскому на мотороллере «Вятка», которым к тому времени обзавелся Вячеслав. Увидев магазин, Самасюк предложил Вячеславу захватить выручку. У того не было возражений. Остановились. Вячеслав остался снаружи у мотороллера. Самасюк же, войдя в магазин, подскочил к кассе и, угрожая кассирше Реутовой револьвером, выхватил из кассы деньги — их оказалось три с половиной сотни рублей — и, на глазах у перепуганных Реутовой и продавщиц — выбежал из магазина.

О том, как возникла идея напасть на магазин, как Самасюк вошел в него с револьвером в руке и как через несколько минут выскочил оттуда с деньгами, которых оказалось триста с чем-то рублей, как они уехали с места происшествия на мотороллере подробно рассказал Вячеслав Толстопятов. Подтвердил его рассказ и Горшков, которому было известно об этом со слов Вячеслава и Самасюка.

О том, что произошло в магазине, показали в судебном заседании кассирша Реутова и продавщицы Телепнева, Волгина и Напрасникова. Показания их совпадают не только в общих чертах, но и в частности. По их словам 26 мая 1972 года, днем, около половины четвертого, в магазин вошел высокий плотный мужчина, примерно 30 лет, который, угрожая не то револьвером, не то пистолетом (женщины в типах оружия разбираются неважно) забрал из кассы часть выручки — несколько сот рублей — скрылся. В магазине в это время покупателей не было. Сразу после налета была проведена инвентаризация и был установлен размер недостачи — 357 рублей.

По фотографии, предъявленной им на предварительном следствии в числе других, все четверо узнали нападавшего в Самасюке.

Наконец, при обыске во флигеле Толстопятовых был обнаружен мотороллер «Вятка» в полуразобранном состоянии. По утверждению Вячеслава Толстопятова, именно на этом мотороллере они подъехали 26 мая 1972 года к магазину № 44 и уехали оттуда.

Спустя полгода — 4 ноября 1972 года — подсудимые, угрожая оружием, захватили «Волгу», принадлежащую Ростовскому отделению Грузавтотранса. В нападении участвовали Вячеслав Толстопятов, Самасюк и Горшков. Остановившийся по их просьбе водитель Иван Семенович Азивский, ничего не подоз-

ревая, согласился отвезти эту троицу к Кирпичному заводу. У Кирпичного завода, в пустынном месте, к удивлению и ужасу Азивского, пригрозив револьвером, заставили его из машины выйти и залезть в багажник, предварительно связав ему руки. Через несколько часов у клуба Кожевенного объединения, на глазах у вышедших на улицу покурить участников вечера отдыха эта «Волга» буквально врезалась в дерево. Моторный отсек был смят, лобовое стекло разлетелось вдребезги. Пассажир выскочил из машины и убежал, а водителя, бывшего в нетрезвом состоянии, сердобольные граждане на попутке отправили в больницу*.

После этого, услышав какие-то стуки в багажнике, собравшиеся вокруг машины люди багажник открыли и извлекли оттуда связанного Азивского.

Азивский подробно рассказал об обстоятельствах его пленения и захвата автомашины, опознал Вячеслава Толстопятова как одного из налетчиков. Опознал он и Самасюка — по фотографии.

При осмотре автомобиля обнаружилось, что на нем поверх настоящих установлены фальшивые регистрационные номера «02-47 РОФ». Во время обыска в доме Толстопятовых были обнаружены куски изолянты, которая по заключению экспертизы аналогична ленте, использованной для изготовления этих фальшивых номеров. Найден был при обыске и трафарет цифры «4». Экспертами установлено, что именно этот трафарет использовался при нанесении цифры «4» на фальшивых номерах.

О том, для чего был захвачен автомобиль, подробные показания дали оба брата Толстопятовых и Горшковых. В резуль-

* Водитель — т. е. Вячеслав Толстопятов — по дороге пришел в сознание и уже на территории Центральной горбольницы почти рядом с травмпунктом, нащупав в кармане револьвер, понял, что не милиция его сюда привезла, объяснил своим «спасителям», что если они сдадут его в травмпункт, то их же будут потом на допросы вызывать, притом неоднократно, а он себя уже прилично чувствует и каких-то сорок метров до травмпункта и сам дойдет. Хозяин машины и его приятели вовсе не горели желанием подвергаться допросам, высадили Вячеслава, развернулись и уехали. Вячеслав, смыв с лица и рук кровь под краном, оказавшимся на улице рядом с травмпунктом, пешком добрался домой. Если бы прибывший к клубу Кожевенного объединения автоинспектор, выслушав очевидцев происшествия и извлеченного к тому моменту из багажника Азивского, сразу связался с городским УВД, а дежурная служба сразу организовала поисковые мероприятия, то Вячеслав мог быть задержан в этот же вечер. Но автоинспектор долго не хотел верить Азивскому и вообще заявлял, что прежде, чем искать бандитов, ему нужно найти понятых и составить протокол. Когда в УВД сообщили, наконец, о случившемся, то было уже поздно — поиски результатов не принесли.

тате нам известно, что Вячеслав Толстопятов, Самасюк и Горшков, взяв с собой оружие — целый арсенал: два револьвера «Наган», один самодельный револьвер и два самодельных автомата — один малокалиберный и второй, стрелявший шариками калибра 7,9 мм — собрались напасть на инкассаторов, приезжающих за выручкой в магазин «Стрела» — довольно большой продовольственный магазин, расположенный, однако, в некотором отдалении от больших магистралей. Наблюдая за магазином, они выяснили, что инкассаторы подъезжают к нему уже в конце маршрута с выручкой, полученной в других точках.

На «Волге» Грузавтотранса с Азивским в багажнике они подъехали к магазину и стали ждать инкассаторов. Ждали долго, ожидание наскучило и потому съездили за вином. Вернулись и снова стали ждать. От скуки выпили. Спьяну чуть не поссорились: Горшков, обиженный на инкассаторов за простреленную руку, требовал чтоб Самасюк «шариковый» автомат отдал ему — уж больно хотелось отомстить, а этот автомат и калибром побольше и пороха в патроне — вдвое. Самасюк возражал и даже стукнул автоматом об пол машины. От удара произошел произвольный выстрел — пробило шляпу Самасюка чуть ли не в сантиметре от виска. Пуля пошла дальше — пробитой оказалась крыша автомашины. Действительно в крыше автомобиля и в распорной планке есть пулевая пробоина, которая по мнению экспертов могла быть причинена выстрелом из этого самого «шарикового» автомата.

Не дождавшись инкассаторов, отвезли Горшкова домой, мешок с оружием — в тайник, а машину решили бросить на привокзальной площади. По дороге, на спуске у Клуба кожевников, пьяный Толстопятов не справился с управлением и машина врезалась в дерево. При ударе Вячеславу Толстопятову выбило несколько зубов, он вынужден был обратиться к стоматологам. Зубные врачи Ситникова и Русанова опознали его как человека, обращавшегося по поводу травматического удаления зубов через несколько дней после 4 ноября.

В автомашине при осмотре обнаружены пятна крови той же группы, что и у Вячеслава Толстопятова. Автолента, которой был связан Азивский, по заключению экспертизы представляет собой часть ленты, изъятой при задержании Вячеслава Толстопятова и Горшкова: лента не только однотипна, но и края разрезов совпадают.

Неудача привела к выводу о необходимости более тщательной подготовки нападений. Следующее преступление — напа-

дение на кассира проектного института «Южгипроводхоз» характеризуется прежде всего длительными подготовительными действиями. Как показал в суде Вячеслав Толстопятов, они — а главным образом он сам — несколько раз «выходили на место» — ходили по зданию института, уточняли местонахождение кассы, по вывешенным на стендах приказам и распоряжениям, по разговорам сотрудников в столовой и коридорах пытались уяснить сколько в институте работников и каков размер их заработка, по каким дням в институте выдают зарплату. По прикидкам Вячеслава и Владимира Толстопятовых выходило, что в день выдачи зарплаты кассир должен привезти из банка примерно 250 — 280 тысяч рублей, а зарплату в институте выдают 7 и 22 числа каждого месяца.

Горшков в мае 1973 года заболел и попал в больницу. Столь масштабное нападение совершать вдвоем было бы совсем неразумно. И тут Вячеславу подвернулся Черненко. Подсобный рабочий овощного магазина, никогда не задумывавшийся над соответствием своих действий закону — он производил впечатление человека бывалого и готового на все. На работе своей кроме прочего Черненко еще и развозил товар на грузовом мотороллере по торговым точкам. Это пришлось весьма кстати. Ему и было поручено во время нападения ожидать вместе с мотороллером неподалеку от «Южгипроводхоза». Предполагалось, что, захватив сумку с деньгами и выбежав с нею из здания института, Вячеслав Толстопятов и Самасюк передадут сумку Черненко, который вместе с деньгами скроется с места происшествия на мотороллере и доставит деньги в условленное место.

Как показали Вячеслав Толстопятов, Черненко и Горшков (узнавший об этом со слов посетившего его в больнице Вячеслава), 22 мая 1973 года, Вячеслав Толстопятов, Самасюк и Черненко прибыли к зданию «Южгипроводхоза» и готовы уже были приступить к своей преступной операции, как вдруг Вячеслав Толстопятов уже в здании института столкнулся со своей знакомой Козловой. Она узнала Вячеслава, они остановились, поговорили даже о чем-то. Эта невинная беседа имела серьезные последствия: Вячеслав тут же принял решение «операцию» отменить, так как испугался, что Козлова может связать нападение с фактом его появления в институте, что грозило разоблачением. Более того, опасаясь второй подобной встречи, Вячеслав Толстопятов во время состоявшегося-таки через две недели нападения на «Южгипроводхоз» не рискнул вообще входить в здание института.

Козлова подтвердила в судебном заседании, что 22 мая 1973 года она действительно встретила в институте знакомого ей еще по школе Вячеслава Толстопятова, между ними состоялась беседа, содержания которой она не запомнила.

Сведения о величине привозимой в день зарплаты в «Южгипроводхоз» суммы денег будоражили ум и не давали покоя. От нападения на институт решили не отказываться и совершить его в ближайший день зарплаты — тот самый роковой для подсудимых день 7 июня 1973 года, последний день их преступной деятельности.

Обстоятельства происшедшего в этот день известны во всех подробностях. В этот день Вячеслав Толстопятов с Горшковым, Самасюком и Черненко прибыли к «Южгипроводхозу» заранее. Горшков и Самасюк вошли в здание, поднялись на второй этаж и возле кассы стали ожидать кассира с деньгами. Черненко остался внизу недалеко от вахтера, чтобы в случае чего прикрывать отход Горшкова и Самасюка с деньгами. Вячеслав Толстопятов ждал снаружи здания, так сказать, в резерве. Он должен был присоединиться к Горшкову и Самасюку, вместе с ними захватить какой-либо автомобиль и на нем скрыться. Владимир Толстопятов прибыл к «Южгипроводхозу» самостоятельно, независимо от этой четверки. Он, как и в ряде предыдущих эпизодов, должен был наблюдать снаружи за всем, что произойдет, чтоб потом устроить «разбор полетов». Разбора, однако, не состоялось, ибо сразу после нападения и захвата денег Вячеслав Толстопятов и Горшков в результате вполне кинематографической погони были задержаны с поличным, а Самасюк избежал задержания только потому, что во время погони, будучи ранен, умер на мешке с деньгами. Вы, должно быть, помните рассказ Горшкова о том, как в пьяной компании Самасюк говорил, что хотел бы умереть пьяным на мешке с деньгами. Именно так это и произошло.

Итак, Горшков с Самасюком ждали возле кассы, пока появится кассир с деньгами. Ждали и дождались. Кассир Пономарева подошла к кассе не одна. Вместе с ней было несколько человек — те, кто сопровождал ее в банк, и те, кто присоединился к ним из числа ожидавших зарплату непосредственно в здании института. Денег было много — 124 500 рублей, ноша была и объемной и тяжелой. Поэтому на этот раз они были не в сумке, а в рюкзаке, который нес один из сопровождавших Пономареву мужчин — Амерханов. Как только кассирша Пономарева стала отпирать замок, к ней и ее свите подскочили с револьве-

рами в руках Самасюк и Горшков. Самасюк вырвал у Амерханова из рук рюкзак с деньгами, и они с Горшковым пошли на выход. Спустились вниз, прошли мимо вахтера и ожидавшего там же Черненко и вышли на улицу. За ними шло несколько человек — Муравицкий, Саркисов, Козлова, Кузина Кравцова, Пономарева, Манесси, Шаповалова, Амерханов. Они возмущенно требовали вернуть деньги и не отставали от налетчиков, несмотря на то, что те грозили оружием.

Эта необычного вида группа людей привлекла внимание проходившего мимо грузчика соседнего «Гастронома» Володи Мартовицкого. Разобравшись, по видимому, в обстановке, он схватил Горшкова за плечо и потребовал отдать рюкзак с деньгами. Горшкову и Самасюку, несшим тяжелый рюкзак и огрызавшимся на пристававшего преследовавшей их группы работников «Южгипроводхоза», было вовсе не до Мартовицкого. Во всяком случае появление этого решительного парня — Мартовицкого — резко изменило баланс сил и создало реальную угрозу задержания или, по крайней мере, возврата денег. Но для того и ожидал снаружи Вячеслав Толстопятов, чтоб застраховать от таких неприятностей. Он крикнул Горшкову, чтоб тот пригнулся, и хладнокровно — и немудрено, не впервой, — расстрелял Мартовицкого из автомата. Эти выстрелы оказались роковыми не только для Мартовицкого. Неподалеку находился сержант милиции Русов — к его помощи обратилась Кравцова, которая, выйдя вместе со всеми на улицу, бросилась искать милицию. Сориентировавшись по звукам выстрелов, Русов, на ходу достав пистолет из кобуры, подбежал к месту событий. Он увидел удалявшуюся троицу, двое — это были Горшков с Самасюком — несли рюкзак, а третий — им был Вячеслав Толстопятов — бежал за ними с автоматом в руках. На предупредительные окрики и выстрелы вверх преступники не реагировали и Русов открыл огонь на поражение. Его выстрелами был ранен Горшков — уж так ему везло, что когда бы и кто в них ни стрелял — охранник Плужников, инкассатор Зюба или теперь вот сержант милиции Русов — Горшкова обязательно ранили. Выстрелами Русова был ранен и Самасюк и, как выяснилось позднее — смертельно. Самасюк — в агонии, и Горшков — в запальчивости и азарте — продолжали бежать к проспекту Ленина, где Вячеслав Толстопятов уже захватил случайно стоявший у тротуара «Москвич», вытолкнув из него хозяина — Корзунова. На этом «Москвиче» и пытались они удрать. Но Фортуна уже повернулась к ним спиной. Случайно оказавшиеся неподалеку и наблюдавшие

перестрелку замполит Противопожарного управления Салютин и его водитель Дорошенко, посадив Русова в свою машину, начали преследовать налетчиков. В погоню включился и участковый инспектор Октябрьского райотдела милиции Кубышта, успевший сообщить в Управление. И как ни грозил автоматом своим преследователям Горшков, как ни старался уйти от погони Толстопятов, их догнали и задержали. В «Москвиче» оказались мертвый Самасюк на рюкзаке с деньгами, револьверы, автомат и три самодельных гранаты. Четвертая граната была у Толстопятова, но он ею не воспользовался.

В здании «Южгипроводхоза», в полуподвальном помещении рабочий института Ларин обнаружил револьвер «Наган», тот самый, который был выброшен Черненко в дыру в полу туалета, о чем он сам рассказал, будучи задержан на следующий день.

Задержанные Вячеслав Толстопятов и Горшков признались сразу во всех преступлениях — да и странно было бы ожидать иного после задержания их с поличным, после тут же проведенного у Толстопятовых дома обыска, в ходе которого был обнаружен тайник с оружием, боеприпасами, масками, заготовками фальшивых автомобильных номеров.

Многочисленные свидетели: сотрудники «Южгипроводхоза» Пономарева, Муравицкий, Саркисов, Козлова, Кузина, Кравцова, Пономарева, Манесси, Шаповалова, Амерханов, случайные очевидцы, наблюдавшие все происходившее на улице — Сальников, Домникова, Буцанова, хозяин «Москвича», на котором преступники пытались уйти от погони — Корзунов, сотрудники милиции и Управления противопожарной охраны Русов, Салютин, Дорошенко и Кубышта подробно описали происшедшее. Амерханов и Саркисов опознали по фотографиям Самасюка.

Виновность подсудимых подтверждена не только показаниями свидетелей. Пули, извлеченные из тела Мартовицкого, выстрелены, как утверждают эксперты, из того самого автомата, с которым задержаны Вячеслав Толстопятов и Горшков. Гильзы, найденные при осмотре места происшествия у здания «Южгипроводхоза», стреляны в том же автомате. Пуля из трупа Самасюка и пистолетные гильзы на месте происшествия стреляны из служебного пистолета Русова. На одежде Самасюка и Горшкова, на левой руке Вячеслава Толстопятова обнаружены следы сурьмы — верный признак того, что они стреляли и сами. Обивка салона «Москвича» обильно испачкана кровью, совпадающей по группе и типу с кровью Самасюка. Наконец,

ранение Горшкову причинено pistolетной пулей — а из pistolета стрелял в него Русов.

Роль основных участников этого нападения — Вячеслава Толстопятова и Горшкова — ясна и понятна: их многие видели, они сами во всем признались, они схвачены с оружием в руках и с деньгами, которыми пытались завладеть. Не то Черненко. Его мало кто заметил в круговороте событий, оружие — тот самый полученный от Вячеслава Толстопятова «Наган» — он не только не применил, но и вообще избавился от него, как только услышал стрельбу на улице. Черненко утверждает, с одной стороны, что он совершенно не догадывался, с кем имеет дело, с другой — что был Самасюком и Толстопятовым запуган. Я полагаю, что оба утверждения ни в коей мере не соответствуют действительности.

Когда накануне 22 мая 1972 года Самасюк и Толстопятов предложили ему «идти на дело», он прекрасно понял о каком «деле» идет речь. На известном жаргоне «дело» означает «преступление». И обстановка и характер беседы подтверждают, что имелось в виду именно такое значение этого слова. Не оставляли сомнения в преступном характере «дела» и полученные Черненко указания — ждать с мотороллером в условленном месте и затем скрыться с этого места в обусловленном направлении; и обещанные ему за это суммы — все равно 100 рублей, как утверждает сам Черненко, или 30 тысяч, как говорит об этом Вячеслав Толстопятов. Ведь и 100 рублей не платят за такие услуги: приехать, постоять и уехать, — если, однако, эти услуги не носят преступного характера.

Из показаний Вячеслава Толстопятова известно, что 6 июня 1973 года в доме Черненко и в его присутствии состоялось обсуждение готовящегося налета на «Южгипроводхоз». Обсуждению предшествовал разговор, в ходе которого Самасюк и Толстопятов рассказали о нескольких совершенных бандой преступлениях, не упомянув, правда, о своем в них участии. Однако простое сопоставление этого рассказа с последовавшим тут же обсуждением предстоящего на следующий день нападения на «Южгипроводхоз» и с тем, что было известно всему городу о существовании бандитской группы, неминуемо приводит к выводу, что Черненко не мог не понять, что собой представляют Самасюк и Толстопятов. В самом деле, уже пятый год по городу идет молва о существовании банды, совершающей вооруженные нападения на кассиров, на инкассаторов, это не просто досужие разговоры — дважды по местному телевидению к насе-

лению по этому поводу обращалось руководство городской милиции. И вот к Черненко обращаются люди, говорящие о вооруженных нападениях, показывающие оружие — что еще нужно, чтоб понять: они, как минимум, причастны к этим нападениям. И не запугивал его никто. Утром 7 июня перед нападением, когда Вячеслав Толстопятов и Черненко вышли из дому и обнаружилось, что у Черненко нет темных очков для маскировки, Толстопятов пошел к себе во флигель за очками. Черненко ждал его на улице. Причем Толстопятов оставил на попечение Черненко сумку с оружием — чего бы он никогда не сделал, если бы они с Самасюком накануне вечером его запугивали: ведь запугивание несовместимо с таким доверием. Да и вообще запуганный Черненко не годился бы для той роли, которая ему была поручена.

Черненко знал, куда и с кем идет, и шел он туда движимый не страхом, а стремлением получить обещанные 30 тысяч.

Теперь он пытается представить дело так, как будто 7 июня, поразмыслив и еще раз испугавшись, отказался совершать преступление. В подтверждение своих слов Черненко ссылается на то, что он оружия, данного ему для прикрытия Самасюка и Горшкова так и не применил, и даже наоборот — забросил револьвер в полуподвальное помещение через дыру в полу туалета.

Да, Черненко действительно не применил оружие 7 июня, но не потому, что не хотел, а потому, что в этом не возникло необходимости. Когда Черненко промешкав, вошел в здание после Самасюка и Горшкова, он остался недалеко от входа — не потому, что не хотел идти с ними, а потому, что идти и не надо было — в его задачу входило «прикрытие» их от вахтера, когда они будут выходить из здания. К тому же он просто не знал, в какую сторону они направились. Оставшись один, Черненко не ушел, не бросил соучастников — дисциплинированно оставался на месте до тех пор, пока Самасюк и Горшков с захваченными деньгами не вышли из здания наружу. На этом функции Черненко были исчерпаны. Никаких мер по их прикрытию Черненко не предпринимал, потому, что в них не было нужды — как показали Козлова, Саркисов, Кузина и многие другие свидетели, никто, в том числе и вахтер института, не пытался задержать преступников. Их попросту не от кого было «прикрывать».

Сочтя свою миссию выполненной, Черненко, дрожа от пережитого возбуждения и страха быть пойманным, направился в буфет. По его собственным словам именно здесь в буфете, ког-

да он, наливая трясущимися руками кефир в стакан, услышал с улицы звуки выстрелов, и произошло с ним это таинство отказа. Поздно, однако, ведь деньги к этому моменту уже давно были захвачены. Нельзя отказаться от преступления, в котором принял участие, после того, как оно уже совершено

Длинная цепочка их преступлений началась с изготовления братьями Толстопятовыми четырех малокалиберных револьверов. И Толстопятов Вячеслав и Толстопятов Владимир пытаются уверить Вас, что револьверы они сделали из «эстетических» соображений. Странные, однако, представления об эстетике! Я же полагаю, что уже в те годы в их головах зрели планы последующих нападений.

Потому, что не выжиганием по дереву и не чеканкой по металлу удовлетворяли они свои художественные потребности. Нет. Они сделали огнестрельное оружие. Но, как цинично заявил в суде Вячеслав Толстопятов: «Речь идет об оружии, которое стреляет, а если стреляет, то оно и убивает». И не из «эстетических» соображений украл Вячеслав Толстопятов малокалиберные патроны в руководимой им стрелковой секции.

Потому что истинные намерения человека узнаются не из его слов, но по его делам, а все четыре револьвера были впоследствии использованы при совершении преступлений.

Два из четырех револьверов сделал Владимир Толстопятов. Позднее ни один экземпляр оружия не был изготовлен без его участия. Этим его роль не ограничивалась. Он знал о каждом преступлении, давал советы, хранил оружие и деньги — и получал деньги. В 1971–1972 годах фактически состоял на содержании банды. Он заявил, что знал только о четырех нападениях, когда же его стали допрашивать по эпизодам, то сам признал, что ему было известно практически обо всех нападениях. Причем обо всех, кроме нападения на магазин № 44 Октябрьского райпищеторга, куда Вячеслав Толстопятов и Самасюк заскочили по дороге, Владимир знал заранее. Вспомните показания Горшкова о том, как они вернулись после нападения на магазин № 46 на поселке Мирном и убийства Чумакова — напуганные, под впечатлением происшедшего высказывали мысли о том, что больше совершать преступлений не надо. Как реагировал на эти разговоры Владимир Толстопятов? Он стал им говорить, что на их руках — кровь и обратной дороги нет, стал живописать «прелести» уличного боя, познанные им во время штурма Кенигсберга в Великую Отечественную войну. А для него самого эти «прелести» заключались в обладании оружием, которое прида-

ет силу и в... убийствах! Горшков назвал его «замполитом», духовным отцом, вдохновителем преступлений.

Горшков прав, говоря, что Владимир Толстопятов выходил к месту совершения преступлений. У Химзавода имени Октябрьской революции его видел Денскевич, у «Южгипроводхоза» его заметил Черненко. Он выходил на место, он проводил предшествующий и последующий инструктажи потому, что был вдохновителем и одним из организаторов преступлений.

Толстопятовым и их компаньонам постороннее внимание, особенно внимание милиции, было совсем ни к чему: таков уж был их образ жизни. Когда 16 декабря 1971 года Горшков был ранен, возникла проблема с извлечением пули и вообще с лечением. Обращаться к медикам было опасно. По телевидению было передано обращение к ростовчанам с информацией о нападении на инкассаторов и с просьбой сообщить все, что кому-либо станет известно о преступниках. В частности было сказано, что нападавшие могли быть ранены в перестрелке — ведь в машине обнаружена кровь не только инкассатора Зюбы. Они понимали, что больницы обязаны сообщить в милицию обо всех поступивших туда с огнестрельными ранениями.

Незадолго до нападения на инкассаторов Самасюк познакомился с Зарицким. Они быстро сошлись, познакомился с ним и Вячеслав. 17 декабря, на другой день после нападения на инкассаторов, когда Горшков лежал во флигеле с перебитой рукой, Вячеслав и Самасюк обратились за помощью прежде всего к Зарицкому. Они думали, что он — старший инженер Ростоблприборобслуживания — человек, как им казалось, занимающий руководящую должность, должен иметь знакомства в медицинском мире. Это было не так, но они об этом не знали. Они просили его найти врача и щедро заплатили ему за помощь. Зарицкий деньги взял. Помочь — не помог, но деньги взял. Это была та самая пачка денег, на обертке которой сохранилась банковская бандеролька с датой «16 декабря 1971 года». Эта бандеролька изобличает Вячеслава Толстопятова, ибо бандеролька с датой нападения на инкассаторов свидетельствует о возможной причастности того, у кого была пачка денег с такой бандеролькой, к этому нападению. Но не в меньшей мере она изобличает и Зарицкого. К нему обратились с просьбой найти хирурга, который на дому согласится пользоваться больного с огнестрельной раной и будет при этом держать язык за зубами. Обратились на другой день после телевизионного обращения о нападении на инкассаторов, из которого он узнал и

том, что нападавший мог быть ранен, и о том, что преступники завладели деньгами в банковских упаковках. А на пачке денег — банковская бандеролька с датой нападения. И не случайно Зарицкий сейчас, через три года, помнит об этой бандерольке и этой надписи. Она прочно и вполне обоснованно связалась в его сознании с нападением. Он понял, кто совершил это нападение.

Братья Толстопятовы были весьма занятыми людьми: они конструировали и изготавливали оружие, разрабатывали планы нападений и реализовывали эти планы. Однако эту деятельность при всем желании нельзя было отождествлять с общественно полезным трудом. А в нашем обществе, уж так оно устроено, молодой здоровый, но нигде не работающий мужчина привлекает внимание окружающих, и не только соседей. И, чтобы избежать настойчивых расспросов участкового, Вячеслав Толстопятов в апреле 1972 года попросил Зарицкого дать ему справку о том, что он будто бы работает в Ростоблприборобытремонте. Попросил и получил. Из этой справки следовало, что Вячеслав Толстопятов успешно трудится в Сальском отделении Ростоблприборобытремонта. Просьба была весьма прозрачна: «Дай справку, а то участковый беспокоит». Знал Зарицкий, что справка нужна, чтоб перед милицией выглядеть законопослушным гражданином. И знал он не только то, что они ранее совершали преступления, а и то, что и еще будут их совершать: к этому времени отношения Зарицкого и Вячеслава были уже достаточно близкими и ему успели рассказать о прошлых нападениях и о планах на будущее. Ведь и его самого приглашали принять в них участие.

И пусть он потом требовал от Вячеслава вернуть справку обратно — как говорится, поезд уже ушел.

Как показал в судебном заседании Вячеслав Толстопятов, со слов Самасюка ему было известно о подделке Зарицким своей трудовой книжки. Подтвердил это и сам Зарицкий. Да и мудро было бы не подтвердить — действительно Зарицким при поступлении на работу в Ростоблприборобытремонт была предъявлена трудовая книжка с поддельной записью об увольнении с предыдущего места работы. Слова об увольнении за прогул были вытравлены, а на их место было вписано, что Зарицкий уволен по собственному желанию. И сделал это Мардиросов — человек без определенных занятий, если не считать определенными занятиями систематическую подделку документов за небольшую плату или, если у кого нет наличных, за

выпивку. Зарицкий свел Вячеслава Толстопятова с Мардиросовым и тот изготовил для Вячеслава поддельную трудовую книжку, поставил оттиски фальшивых штампов о приеме и увольнении в паспорте.

В ходе следствия стало известно, что Мардиросов подделал трудовую книжку еще и некоему Кузнецову — человеку, не имеющему никакого отношения к настоящему делу.

При обыске в квартире Мардиросова обнаружилась целая лаборатория: здесь и клише для штампов разного рода — о прописке, о приеме и увольнении; здесь и набор химикалиев для травления и выведения записей. Экспертизой установлено, что травления во всех трех трудовых книжках — и Зарицкого, и Вячеслава Толстопятова, и Кузнецова — произведены с помощью тех химикалиев, которые были в подпольной лаборатории Мардиросова. Оттиски штампов в этих трудовых книжках и в паспорте Вячеслава Толстопятова проставлены именно теми клише, которые найдены в той же лаборатории.

Не только Зарицкому предлагалось принять участие в нападениях.

В октябре 1972 года такое предложение было сделано Козлитину и Берестневу. Им рассказали о банде, показали оружие. Они же, хотя согласия участвовать в банде и не дали, однако и в милицию не пошли. Подробные показания об этом дали Вячеслав Толстопятов, Горшков и Козлитин.

Берестнев, который на предварительном следствии признавал себя виновным, теперь утверждает, что был пьян и не слышал, о чем говорили с Козлитиним Самасюк, Толстопятов и Горшков. Однако Толстопятов показал, а Козлитин подтвердил эти показания, что Берестнев не только слышал и понимал, о чем идет речь, но что ни оба — и Козлитин и Берестнев — выстрелили по разу из автомата — и этого выстрела Берестнев не слышал?

Наконец, и это само важное, на другой день Берестнев сказал Вячеславу — и этого не отрицает и сам Берестнев — что он не согласен участвовать в преступлениях. Если он ничего не слышал накануне вечером, то о чем он мог говорить утром? Как вообще можно отвечать, пусть даже и отказом, на предложения, которых не слышал?

Группа в составе Вячеслава Толстопятова, Самасюка и Горшкова была устойчивой группой, действовавшей длительное время — более четырех с половиной лет — и совершившей значительное число нападений на государственные учреждения и организации, на отдельных граждан.

Группа была вооружена — кустарно изготовленными пистолетами-пулеметами, автоматом, револьверами и ручными гранатами. С 16 декабря 1971 года вооружение группы пополнилось двумя револьверами системы «Наган»

Устойчивость и вооруженность группы, характер ее деятельности, позволяют назвать эту группу бандой и предопределяют квалификацию действий оставшихся в живых ее участников — Вячеслава Толстопятова и Горшкова — как бандитизм по статье 77 УК РСФСР.

Но бандит не только тот, кто, взяв в руки автомат, стрелял в инкассаторов. Бандит и тот, кто вооружил банду, кто вложил автомат в руки убийцы, кто советами и подсказками помогал разрабатывать планы нападений, кто принимал и прятал награбленное.

Роль Владимира Толстопятова в создании оружия и в организации банды, участие его в обсуждении совершенных и готовящихся преступлений, его выходы к Химзаводу и «Южгипроводхозу», получение им значительной части награбленных сумм — все это заставляет признать его полноправным участником банды и квалифицировать его действия той же статьей 77 УК РСФСР.

Таким же образом надлежит квалифицировать и действия Черненко, давшего согласие вступить в банду и с оружием в руках принявшего участие в совершенном бандой нападении на «Южгипроводхоз», поскольку участие в отдельных совершаемых бандой нападениях закон также называет бандитизмом.

Действия Срыбного и Денскевича должны быть квалифицированы как пособничество бандитизму по статьям 17 и 77 УК РСФСР, поскольку не принимая непосредственного участия в нападениях, первый — предоставил бандитам автомашину для совершения нападения, а второй — указаниями о передвижениях автомашины у Химзавода содействовал нападению на этот объект.

Действия Зарицкого также должны быть квалифицированы по статьям 17 и 77 УК как пособничество бандитизму, так как выдача им справки о месте работы Вячеславу Толстопятову есть ни что иное, как заранее обещанное укрывательство — заранее обещанное потому, что со слов Толстопятова и Самасюка Зарицкий знал, что они готовятся к совершению новых преступлений.

Как мы все здесь убедились, старший инженер в Ростоблприборобьтремонте — инженер только по названию. На самом деле это администратор, его функции — функции управленческие.

Подтверждение факта работы гражданина в этой организации — это реализация административно-хозяйственных полномочий. Подписав справку о том, что Вячеслав Толстопятов работал в Сальском отделении Ростоблприборобьтремонта, Зарицкий действовал как должностное лицо. Поскольку Вячеслав Толстопятов в Сальском производственном цехе никогда не работал — справка является фиктивной, а подписавший ее в качестве старшего инженера Ростоблприборобьтремонта Зарицкий должен также нести ответственность за должностной подлог по статье 175 УК РСФСР.

За подделку совместно с Мардиросовым собственной трудовой книжки и ее последующее использование Зарицкий должен отвечать по части 1 статьи 196 Уголовного кодекса. Дополнительной квалификации по части 3 статьи 196 здесь не требуется, потому что использование подделанного документа самим подделывателем охватывается диспозицией части 1 этой статьи.

Дудников. Он не принимал участия в совершаемых бандой нападениях, не исполнял в ней никакой постоянной роли. Мы могли бы считать его членом банды, если бы он оказывал ее участникам медицинскую помощь систематически. Однако, когда к нему после извлечения пуль вновь обратились в связи с тем, что Горшков повредил подзавившую было руку, а затем — в связи с травмой Вячеслава Толстопятова, полученной им 4 ноября 1972 года, — Дудников в помощи отказал. С Дудниковым никто не делился планами будущих преступлений; предполагать, что Горшков и с перебитой рукой будет участвовать в налетах, Дудников был не обязан. Таким образом, прикосновенность его к банде ограничивалась операцией по извлечению пуль из руки у Горшкова и длительным молчанием и о банде, и о своем к ней касательстве.

Можно ли считать Дудникова пособником? Нет, поскольку он не содействовал организации банды и совершению бандитских нападений ни советами, ни указаниями, ни предоставлением средств. Не устранял Дудников и каких-либо препятствий, которые мешали Толстопятову, Самасюку и Горшкову совершать новые нападения. О нападении на инкассаторов, в результате которого и возникла надобность в его помощи, Дудников до нападения не знал, и потому о заранее обещанном укрывательстве вообще не может идти речь.

Таким образом, Дудников не совершил ничего такого, что действующее законодательство рассматривает как пособничество.

Можно ли действия Дудникова квалифицировать как укрывательство?

Дудников не укрывал ни самих преступников, ни орудия и средства преступления, ни предметы, добытые преступным путем. Но диспозиция статьи 18 Уголовного кодекса РСФСР предусматривает ответственность также и за укрывательство следов преступления. Следует ли наличие пуль в теле Горшкова расценивать как следы преступления? Да, следует. В случае задержания Горшкова пули могли быть легко обнаружены при судебно-медицинском освидетельствовании — и это не предположение: по показаниям допрошенной в судебном заседании рентгенотехника Ситниковой, не будучи даже специалистом в судебной медицине, она легко угадала, что инородные тела, отобразившиеся на рентгенограммах Горшкова — это пули. Их обнаружение неминуемо повлекло бы выяснение причастности Горшкова к нападениям. Поэтому извлечение пуль объективно было укрывательством следов преступления.

Сознавал ли это Дудников?

Безусловно. Более того, как он сам заявил в суде, единственной целью произведенной им Горшкову операции было не излечение, а только лишь извлечение пуль.

Таким образом, действия Дудникова должны быть квалифицированы статьей 88² УК РСФСР, как заранее не обещанное укрывательство бандитизма*.

Следующую ступеньку на этой лестнице занимают Козлитин с Берестневым. Их вина — только в том, что, зная с октября 1972 года о существовании банды и о совершенных ею преступлениях, они не сообщили об этом органам власти. Это деяние должно быть квалифицировано статьей 88¹ УК РСФСР как недонесение о бандитизме.

И, наконец, Мардиросов. Надеюсь, вы, товарищи судьи, согласитесь, что и три эпизода подделки трудовых книжек — Толстопятова, Зарицкого и Кузнецова — и подпольная лаборатория — да что там, лаборатория, — целый подпольный цех по подделке документов — свидетельствуют именно о систематическом занятии Мардиросовым этим малопочтенным делом. Таким образом, он за систематическое изготовление и использование поддель-

* Мне стыдно сейчас за этот пассаж. Слава богу, суд оказался гораздо нравственнее прокурора и квалифицировал действия Дудникова только как недонесительство, справедливо указав, что извлечение пуль составляло профессиональный долг Дудникова. Как врач, он обязан был это сделать и нести за это ответственности он не должен. Другое дело, что и как врач он показал здесь себя не с лучшей стороны.

ных документов должен нести ответственность по части второй статьи 196 Уголовного кодекса. Так же, как и в отношении Зарицкого, дополнительной квалификации по части третьей этой статьи не требуется.

Для того, чтобы Ваш приговор был справедливым, недостаточно убедиться в виновности подсудимых и недостаточно правильно применить уголовный закон. Необходимо еще и выяснить, что они собой представляют, что толкало каждого из них на совершение преступлений, каковы были мотивы их действий.

Бесспорно, главный герой этой затянувшейся истории — Вячеслав Толстопятов. Человек он, нельзя не признать, незаурядный. Но для надежного жизненного успеха к способностям нужно еще и трудолюбие. А этого Вячеславу, как, впрочем, и его брату Владимиру, явно не хватало. Зато самомнения и самолюбования — с избытком. В судебном заседании исследовался дневник Вячеслава. Записи в нем весьма характерны. Здесь и рассуждения о друзьях, с откровенностью и простотой именуемых «идиотами со спрямленными мозговыми извилинами», здесь и рассуждения о законе, как о флажках для волка. И прозвучавшее уже в суде тоскливое откровение неудачника: «Я мог бы стать всем, кем захотел, у меня были те же права, что и у каждого из Вас».

Не хочу спорить с этими утверждениями. Вячеслав Толстопятов лучше меня знает, какие у него друзья, лучше меня может объяснить, как он воспринимает закон. Да и кем он мог стать — не прокурору судить. Но в том-то и дело, что друзей каждый себе выбирает сам, так же, как и каждый сам выбирает свой путь — с большинством людей, соблюдая законы, или волчий путь насилия и разбоя, когда закон воспринимается как «флажки для волка».

Человек он не добрый, скорее даже злобный. Вспомните, с каким хладнокровием он упоминает в дневнике об убийстве Чумакова и Зюбы, о ранении Коваленко. Даже о ранениях Горшкова он пишет без всякого сострадания, как о досадной помехе деятельности банды и не более того. А ведь это товарищ его детских игр, друг еще со школьных лет, соратник по общему делу, наконец.

Образ жизни Владимира Толстопятова, получавшего от банды своего рода стипендию, — чистопородное туеядство. Поманиловски мечтая о вечных двигателях и неуничтожимости движения, он длительное время нигде не работал, искал, как он

говорил в судебном заседании, «художественную работу». Единственное такое «художественное» место, куда он то поступал, то увольнялся оттуда, когда надоест, — это место художника в Ростовском зоопарке. Вы, должно быть, бывали там и видели табличку на клетке с явным слонем: «Слониха Меланья» и с указанием где слоны живут и чем питаются. Такие вот таблички и есть образец «художественности» в поисках которой проводил свою жизнь Владимир Толстопятов. Ответ на вопрос о мотивах его участия в банде прост и никакого отношения к живописи не имеет. Человек, не желавший осложнять свою жизнь систематическим трудом, на самом деле искал способ захребетного существования. И, как ему казалось, нашел. Вячеслав, с его планами создания банды и добывания денег с оружием в руках, пришелся как нельзя кстати. Казалось бы, старший брат должен был остановить младшего: уж если других не жалко, то уж собственного брата пожалеть, что называется сам Бог велел: ведь опасно, ведь и ранить, а то и убить могут, ведь и в тюрьму снова попасть можно. Но Владимир и не думал отговаривать брата, наоборот, помогал планировать преступления, помогал создавать оружие. Когда после первого убийства — убийства Чумакова — «боевики» растерялись и дрогнули духом, никто иной, как Владимир, стал поднимать их «боевой дух», говорил, что они прошли крещение кровью, что обратной дороги нет, что перестрелки на городских улицах — удел настоящего мужчины. Трижды прав был Горшков, называя его духовным отцом бандитов!

О жизненной философии обоих братьев ярко свидетельствуют их «изобретения». Это либо оружие, либо «двигатель без топлива», светильник типа «утренней зари» и трансформатор энергии. Прежде всего, нельзя не отметить абсурдность попыток во второй половине двадцатого века создать вечный двигатель, либо — усложненный вариант того же вечного двигателя — «трансформатор энергии» состоящий из батарейки от карманного фонарика, к которой предполагалось подключить целую гроздь электромоторчиков, которые, в свою очередь, должны вращать электрогенераторы, призванные обеспечить электроэнергией чуть ли не целый город средней величины (прямо какой-то «Днепрогэс» от батарейки!), либо светильник из нескольких лампочек для карманного фонарика (прямо какая-то извращенная любовь к карманным фонарикам!), который будто бы способен осветить пол-Ростова.

Не вдаваясь в технические подробности, должен, помимо технической абсурдности, отметить и философскую основу этих, ч

позволения сказать, изобретений. По сути своей они все — это попытки получить что-либо из ничего, получить проценты с вложенных денег, это попытки жать там, где не пахал и не сеял. Они ведь и учиться ничему не хотели, черпая свои технические идеи из популярного журнала «Техника — молодежи». Ведь и учеба связана с затратой сил — духовных, интеллектуальных, а тратить силы на систематический труд, безразлично то ли на производстве, то ли в школьном классе — не в правилах обоих братьев.

Все разговоры Вячеслава Толстопятова о благородных целях, ради которых, якобы, они занялись добычей денег*, на самом деле ничего не стоят. Нельзя осчастливить человечество бесплатной энергией от вечного двигателя или чудо-светильниками «по типу северного сияния либо утренней зари», убивая отдельных представителей этого самого человечества. Да и на самом-то деле ни одного копейки из добытых денег не пошло на мирное конструирование. Все потрачено на изготовление оружия, сооружение тайника и бесконечные пьянки.

Что касается оружия, то и оно весьма характерно. Это не какие-то новые самостоятельные разработки. Это пистолеты-пулеметы, основанные на конструкциях, известных еще с первой мировой войны, это револьверы, принцип действия которых разработан еще в середине прошлого века. Спрашивается, откуда недоучившийся даже в средней школе Вячеслав Толстопятов мог знать о конструкциях пистолетов-пулеметов и револьверов? Отвечая на этот вопрос, надо вспомнить о том, что Вячеслав Толстопятов заведовал, хотя и не очень долго, малокалиберным тиром ДОСААФ, где не только имел дело с оружием, но и внимательно изучал висевшие, как и во всех подобных тирах, плакаты со схематическим изображением устройства автоматов и револьверов. Ничего особенно сложного, кстати, в этом устройстве нет. Мальчик двенадцати лет, когда хочет сделать что-нибудь стреляющее, начинает медную трубку серой от спичек и делает самопал, когда той же целью озабочен

* В судебном заседании братья Толстопятовы утверждали, что бандитские нападения они чуть ли не вынуждены были совершать, чтобы добыть деньги для изобретательства. А изобретения их должны были осчастливить человечество: «двигатель без топлива» — этакие магнитные паруса для улавливания дующего во Вселенной электронного ветра — вариант вечного двигателя; «светильник "Северное сияние" или типа утренней зари», который с помощью нескольких маломощных лампочек призван был осветить сразу полгорода; «трансформатор энергии» — цепь из электромоторов и электрогенераторов, долженствующих, питать друг друга энергией — еще один вариант вечного двигателя.

тридцатилетний мужчина, у него получается то самое, что получилось у братьев Толтопятовых.

Оружие может создаваться и с благими целями — для того, чтоб обеспечить армию вооружением для защиты своей страны, дать гражданам средства самозащиты, для стрелков — спортсменов, наконец. Братья Толстопятовы изготовили оружие другого сорта. Оно не имеет прицельных приспособлений, что делает его бесполезным для чего угодно, кроме одного — выстрелить в упор. Это тот же бандитский обрез, только образца 70-х годов. Особая мощь выстрела объясняется просто: поскольку из-за конструктивного несовершенства автоматы давали осечки (подвели неподробные схемы на плакатах), горе-конструкторы набивали больше пороха в патроны, наивно считая, что сила пороха все преодолет.

Нет, не забота о счастье человечества, путь к которому лежит чрез реализацию их изобретений, двигала братьями Толстопятовыми. Нужда в оружии для совершения преступлений толкала их на изобретение устрашающего вида автоматов и револьверов, заставляла все больше и больше пороха набивать в патроны. А действительным мотивом совершения преступлений было желание жить, не работая, сладко есть и мягко спать за чужой счет.

Те же корыстные мотивы двигали и Горшковым. Лучше всего о мотивах он сказал сам: «Там же должна была быть огромная куча денег», — о чем же еще говорить?! Огромная куча денег, застывшая свет — из-за этой «огромной кучи» он не сошел с преступного пути даже когда пуля инкассатора Зюбы раздробила ему кость. Сейчас в суде Горшков может вызвать жалость — как же, он не сам это все придумал, его, несмышлениша, чуть ли не угрозами вовлекли; он раненный и потому несчастный инвалид с изуродованной, сгибающейся там, где не должно, рукой, как большая птица с подбитым крылом. Но совсем не так он выглядел до задержания.

Это ему принадлежит емкая фраза: «Кто стрелял, тот не думал промахнуться». А ведь это он стрелял — и убил — в инкассатора Зюбу, стрелял — и попал — в шофера Химзавода Коваленко, стрелял в сержанта милиции Русова. «Стрелял и не думал промахнуться!» И не мешало ему его «подбитое крыло» участвовать в попытке нападения на магазин «Стрела», он даже оспаривал у Самасюка право стрелять в инкассаторов из самого мощного их «шарикового» автомата. И не помешала ему перебитая рука захватить деньги в «Южгипроводхозе». И не от

запуганности он был столь активен в магазине № 46, где он шарил по прилавкам в поисках выручки, или в УНР-112, где он пугал шофера Лунева.

Рядом с Горшковым на скамье подсудимых Черненко. Человек, у которого есть свой угол, но который гнезда там не вьет, проживая то у одной, то у другой из своих многочисленных любовниц. Работник, более известный на работе прогулами и пьянками, чем трудовыми успехами. Он легко согласился на предложение принять участие в налете, продемонстрировав тем самым не столько завидное легкомыслие, сколько внутреннюю готовность совершить любое преступление. Любое, в том числе и самое тяжкое: ведь ему вручен был револьвер и Черненко выразил готовность применить его при необходимости. Как только его позвали, он, ослепленный блеском обещанных тысяч, сразу согласился, нимало не смущаясь тем, что, возможно, придется и применить выданный ему револьвер. Все мотивы его в этом блеске, который сродни большой куче денег у Горшкова.

В ряду тех, кто, сам не принимая участия в бандитских налетах, помогал им своими услугами и советами, своим молчанием, первым нужно отметить Зарицкого. Можно было бы назвать его интеллигентом — если под интеллигентностью понимать образованность. Это человек, наделенный высшим образованием и делавший попытку продвинуться в своем образовании дальше — он, как мы слышали, даже сдал один кандидатский экзамен. По видимому не только стремление к материальному благополучию, с которым у нас обычно связывают образование и карьеру, двигало им на жизненном пути. Человек энергичный и далеко не глупый, он не мог удовлетвориться работой рядовой. Его интересовала возможность руководить производственными процессами и он стал инженером. Но работа на производстве требовала полной отдачи и большого напряжения, а руководящий пост, даже если он и не очень высокий, таит в себе массу соблазнов. Зарицкий не выдержал напряжения и не устоял перед соблазнами. Ростобприборбытремонт, несмотря на длинное название, по масштабам деятельности ни какого сравнения не выдерживает с вертолетным заводом, на котором Зарицкий работал до этого. Из большого мира, в котором люди мечтают об открытиях и совершают их, из мира, в котором решают проблемы освоения воздушного пространства и повышения обороноспособности страны, он перешел в мир малых дел, в котором главное не создание новой винтокрылой машины, а успешное выполнение плана по ремонту электробритв и будильников. Ростоблприборо-

бытремонт для Зарицкого не временное отступление, это выход из игры. Эта тихая заводь, в которой водятся Мардиросовы, Самасюки и Толстопятовы. Он не более, чем недоноситель, но симпатии его — на их стороне. Немудрено, эти симпатии поддерживались показным уважением. Им было лестно пить с ним в одной компании — как же в такой компании инженер с высшим образованием сдававший кандидатский экзамен! Почти академик! Ему же было приятно ощущать себя окруженным таким вниманием. Попади он в компанию своих прежних товарищей — да кто его там заметит, кому он там будет интересен?! А здесь, среди людей, чьи познания в науке и технике не выше уровня популярных заметок журнала «Техника — молодежи»... Его симпатии, однако, здесь не только поддерживались возможностью ощущать себя выше окружающих, но и щедро подпитывались деньгами.

Денскевич, если верить официальным характеристикам, активный профсоюзный лидер, радетель за рабочие интересы. Но вряд ли эти листки бумаги отражают его натуру. Радение за рабочие интересы вряд ли совместимо с участием его в попытке оставить без зарплаты весь рабочий коллектив Химзавода. Перед нами — то, что он сделал. И никакие разглагольствования о его активной профсоюзной деятельности, о защите им не щадя живота своего интересов рабочего коллектива не заслонят того, что он помогал бандитам отнять деньги, заработанные рабочими завода. Думается, что и здесь перевесило простое соображение о том, что часть этих денег, заработанных другими, должна была достаться ему и стать его деньгами.

Особое место на скамье подсудимых занимает Дудников. Высококвалифицированный врач с большим стажем, вылечивший за свою жизнь, наверное, не одну сотню больных — и обвинение в пособничестве бандитизму. Что может быть у него общего с братьями Толстопятовыми и их бандой?

Кто он — стяжатель, готовый ради денег помочь кому угодно и в чем угодно? Или запуганный бандитами безвольный человек, не нашедший в себе сил ни для того, чтобы им противодействовать, ни для того, чтобы сообщить о них органам власти?

Чтобы выяснить это, необходимо установить: получал ли Дудников деньги за операцию по извлечению пуль из руки и поясицы Горшкова или нет.

Мы слышали на этот вопрос два ответа: «Да, получил, полторы тысячи», говорит Вячеслав Толстопятов. «Нет, не получал. Операцию сделал и не сообщил никому потому, что был запуган», — утверждает Дудников.

Кто из них говорит правду?

Показания Вячеслава Толстопятова по этому вопросу противоречивы. Но противоречия эти касаются только частностей. В существе же своем они одинаковы от первого допроса на предварительном следствии до последних объяснений в дополнениях к судебному следствию.

Человеческая память устроена таким образом, что обстоятельства незначительные, мелкие детали и подробности стираются в ней прежде всего. Если бы Толстопятов во всех показаниях одинаково говорил о мельчайших деталях свои расчетов с Дудниковым — вот тогда мы должны были бы сказать: это показания деланные, показания заученные. Нелепо было бы ожидать, что по прошествии полутора лет после передачи Дудникову денег, на предварительном следствии, и тем паче здесь в суде, когда времени прошло еще больше, Вячеслав Толстопятов сможет точно сказать в какой карман Дудникова или в какое отделение его портфеля он положил эти деньги. Тем более, что для Вячеслава Толстопятова это обстоятельство имеет не то что второстепенное, но третьестепенное, даже пятистепенное значение в той массе фактов и фактиков, о которых он дает показания.

Эти деньги — переданы они Дудникову или не переданы — ни в коей мере не влияют на судьбу самого Толстопятова. Для Дудникова же этот вопрос очень важен. Квалификация его действий от этого действительно не зависит. Но ведь вопросы квалификации — это не единственные вопросы, которые должны быть здесь решены. И для Дудникова далеко не безразлично как Вы решите: продал ли он свою честь и совесть за деньги или был принужден к произвести злополучную операцию под страхом быть убитым, искалеченным, либо под страхом потерять родных.

Поскольку незаинтересованность — один из основных критериев истинности показаний, постольку, с этой точки зрения, показания Вячеслава Толстопятова более правдивы.

Убеждает в правдивости этих его показаний и то обстоятельство, что в других случаях, когда он говорит, что платил кому-либо деньги — Зарицкому или Овчинникову, Фисенко или Рябову — деньги действительно были уплачены. Причем Овчинникову, заплатив 40 рублей после нападения на поселке Мирном, Вячеслав почти через два года принес еще тысячу (по крайней мере, он считал, что тысячу) рублей, когда уж и вовсе можно было этого не делать: этих денег Овчинникову не обещали.

Показания Дудникова об этом не убедительны не только в силу его глубочайшей заинтересованности. Если верить Дудникову, то единственное, что заставило его сделать операцию по извлечению пуль — это угрозы со стороны Самасюка и Вячеслава Толстопятова, это страх за свою жизнь, жизнь и здоровье родителей. Я допускаю, что даже и без специально произнесенных угроз в той ситуации мог испугаться и человек с более крепкими нервами, чем у Дудникова. Имея дело с убийцами, он вполне мог предполагать, что и с ним они церемониться не будут.

Но ведь Дудников согласился оказать помощь больному на дому в частном порядке еще до того, как узнал с кем имеет дело, до того, как могли прозвучать угрозы. Ведь даже по собственным его словам он узнал, что ему предстоит пользоваться человеком с пулевыми ранениями только когда осмотрел Горшкова. А согласие оказать ему помощь он дал прежде осмотра, прежде чем вообще вошел в этот флигель, еще в вестибюле больницы, где встретили его Самасюк и Вячеслав, пришедшие туда в поисках врача для Горшкова.

И уж никак не согласуется с запуганностью Дудникова его отказ оказывать медицинскую помощь бандитам и дальше — когда Горшков вновь повредил руку, когда Толстопятов лежал во флигеле весь исцарапанный и израненный после эпизода с автомашиной Азивского. А вот с показаниями Толстопятова о том, что Дудников получил только часть обещанной суммы, этот отказ согласуется полностью. Да и, в конце концов, не сидел же постоянно рядом с Дудниковым с 17 декабря 1971 года и по день ареста Самасюк с револьвером в руке!

И если страх и душевное смятение были столь сильны, что это мешало Дудникову спокойно работать, сделало его раздражительным и нервным — уж чего проще от этого страха избавиться: снять трубку, набрать «02» и, не, называя даже себя, сообщить о своих пациентах. Пусть не на второй день, пусть через месяц, полгода, год — когда никто из бандитов о нем бы и не вспомнил.

Дудников этого не сделал. Да, он боялся, может быть боялся и Толстопятова с Горшковым и Самасюком. Но прежде всего он боялся другого — боялся того, что в конце концов с ним случилось. Боялся разоблачения. Я не спорю с тем, что Дудников трус, ему виднее. Но от трусости до преступления — один шаг. И никогда еще преступление не было прощено от того, что преступник — трус!

Тем более, что это — высокооплачиваемая трусость. И заплатили за нее не только и не столько Толстопятов и К^о. Заплатило прежде всего общество, заплатили мы с Вами — здоровьем шофера Азивского и жизнью Володи Мартовицкого!

Ведь позвони Дудников в свое время в милицию — бандиты не смогли бы, не успели совершить новые злодеяния.

Слишком дорого заплатили мы за его страх!

Дудников смолчал — и преступления продолжались. Так врач, человек самой гуманной профессии, потворствовал убийцам.

Но в деле есть и еще одно обстоятельство, наглядно характеризующее Дудникова. Вячеслав Толстопятов обратился к Дудникову с просьбой оказать Горшкову медицинскую помощь.

Ни Толстопятов, ни тем более Горшков, в медицине не разбираются. Они не знают — должна ли эта помощь ограничиться извлечением пуль или нужны еще какие-то меры. Дудников — хирург первой категории — сразу понял что для восстановления функции руки надо принять меры к сращению раздробленной кости, устранить повреждение нерва. Однако он только извлек пули и ничего не сделал больше, прекрасно понимая, что если Горшкова оставить без врачебной помощи, то мышцы руки атрофируются и рука утратит свои функции.

Более того, Дудников ни словом, ни намеком не обмолвился о необходимости такого лечения, ведь он понимал, что Горшков на него куда жаловаться не пойдет.

А теперь в судебном заседании инвалидность Горшкова Дудников ставит себе чуть ли не в заслугу: «Я, дескать, бандита не лечил». Да, Горшков — бандит, это не оскорбительная кличка, это юридическая квалификация его действий. Но решать судьбу бандита Горшкова должны Вы, товарищи судьи. А Дудников — не следователь, не прокурор и не судья, он — врач. Как гражданин, Дудников обязан был сообщить о бандитах в милицию — и не сделал этого. Как врач, Дудников имел дело с пациентом Горшковым и обязан был оказать ему необходимую медицинскую помощь — и не оказал ее.

И в этом весь Дудников, вся его социальная суть.

В судебном заседании Дудников несколько раз упоминал о своем военном прошлом — и о том, как он добровольно пошел на фронт, и как находился в концентрационных лагерях. В его личном деле в Райвоенкомате нет никаких данных об участии Дудникова в войне. Не сохранилось таких сведений и в архивах Министерства обороны. Тем не менее это еще не значит, что

Дудников говорит неправду. В лихую военную годину не все могло попасть в архив.

Давайте поверим Дудникову в том, что он ушел на фронт добровольно — ушел и тут же попал в окружение, из которого не пытался выбраться. Поверим ему и в том, что он находился в концлагерях. Но лучше всего Дудникову было бы здесь — промолчать об этом.

Не ему, укрывавшему бандитов, убивших Чумакова и Зюбу, которые честно исполняли долг, защищая Родину, говорить здесь о войне.

Отчего совершили преступление Срыбный, Козлитин и Берестнев? Я думаю ответ на этот вопрос следует искать прежде всего в их характеристиках.

Козлитин и Берестнев, оба исполнительны, оба справляются со сменными заданиями.

И тем не менее:

«...работает без особого напряжения, ...в общественной жизни не участвует и никакого интереса к ней не проявляет...» — Это о Берестневе.

«...Вел себя скромно и общительно, в пререкания со старшими не вступал, в общественной работе участия не принимал» — Это о Козлитине, о его работе в УНР-108. Ничем не отличается от этой и его характеристика за период работы на вертолетном заводе. А та, что дана Козлитину за период работы в Севкав-энергоремонте вместились всего в шесть слов: «Замечаний не имел, порученную работу выполнял».

В отличие от Козлитина и Берестнева Срыбный к работе относился плохо. На этом, правда, различия и заканчиваются. Во всех имеющихся в деле характеристиках и из Автопредприятия № 3 и из «Южгипроводхоза», где он, как оказалось, когда-то работал, одна и та же фраза «В общественной жизни коллектива участия не принимал».

Люди разные, а характеристики по сути одинаковые. Безразличие к общественным интересам, общественная пассивность, составляющая основное содержание мещанства, и послужила психологической основой того, что с ними произошло. Именно так: не того, что ими содеяно, а того, что с ними произошло. Ибо мещанин всегда плывет по воле волн, туда, куда его тянет поток. Лишь бы без лишних волнений и тревог. Мещанин никогда ничего не видит и не хочет видеть дальше и шире того узенького мирка, который составляет его ближайшее окружение. Личное благополучие, собственное спокойствие для них

превыше всего. Пусть вокруг стреляют и убивают — закрыть глаза и заткнуть уши — не их же убивают, лишь бы не в них стреляли.

Особенностью Мардиросова является хроническая стойкая нелюбовь к систематическому труду. Имея среднее специальное образование, он практически вообще не работал по специальности.

Мардиросов уже был в ссылке за тунеядство и отбывал наказание за подделку документов, но это не привило ему ни отвращения к фальшивкам, ни любви к труду: за последние три года трудовой стаж Мардиросова не составил и трех месяцев! Большую часть своего времени Мардиросов проводил в пивном баре, где знакомился с Зарицкими и Кузнецовыми, которым подделывал документы, а те расплачивались за «услуги» выпивкой. В своей подпольной деятельности Мардиросов был неразборчив — ему было все равно кому и какой документ подделать, кем и как этот документ будет использован.

Одиннадцать человек — и у каждого свой жизненный путь, свой характер, своя дорога на скамью подсудимых. И в то же время — сколько между ними общего!

Это и пристрастие к спиртному, и нежелание заниматься общественно полезным трудом да и вообще трудиться, и глубокое безразличие к общественным интересам.

Это и фарисейство:

- фарисейство братьев Толстопятовы, которые рассуждали здесь об экономии энергии и лампочках, способных имитировать северное сияние и свет утренней зари;
- фарисейство Горшкова, который извинялся здесь перед родственниками убитого им Зюбы;
- фарисейство всех прочих, которые вспоминали здесь о любых своих заслугах, вплоть до участие в школьной самодеятельности.

Каждый из них считает себя чем-то обиженным и в чем-то обделенным: Мардиросову не доплатил денег Зарицкий; Черненко в обиде на Самасюка и Толстопятова — за то, что они втянули его в эту историю; Горшков — на братьев Толстопятовых — за то, что у него больше всех ранений, но меньше других он попользовался деньгами. И даже Вячеслав Толстопятов — и тот в обиде на Самасюка, который без спросу брал деньги из тайника.

Но никто не обижается на самого себя за бездарно прожитую жизнь, за собственную искалеченную судьбу.

И никто, по большому счету, не раскаивается в том зле, которое он причинил людям. Ибо признать свою вину и раскаяться — далеко не одно и то же. Все они искали какие-то оправдания, говорили, что их вынудили обстоятельства (не было, мол, средств на изобретательство), что их втянули, запугали, но никто не принял ответственности на себя.

Но, пожалуй, наиболее характерной чертой, объединяющей большинство подсудимых, является трусость.

Боялись Козлитин, Берестнев и Срыбный, боялись Дудников и Черненко.

Но больше всего — братья Толстопятовы, Самасюк и Горшков.

Они боялись продавцов и кассиров, на которых нападали, боялись Русова и Мартовицкого, Чумакова и Зюбу, отца и сына Коваленко, Плужникова и Арутюнова — боялись задолго до того, как с ними встретились.

По их словам огнестрельное оружие понадобилось для того, чтобы совершать нападение на вооруженных людей. На самом деле среди тех, на кого они направляли оружие, были вооружены только охранник Плужников и инкассаторы.

Не было оружия ни у обоих Арутюновых, ни у кассира АТХ-5 Матвеевой, ни у продавцов и покупателей магазина № 46, ни у работников «Южгипроводхоза», ни у Володи Мартовицкого.

Не было, конечно, оружия ни у кого из работников магазина № 21 на улице Мечникова. Как сказал Горшков: «Это маленький, тихий магазинчик, где работают одни женщины», — но, идя и туда они взяли собой автоматы. «Для уверенности», — сказал тот же Горшков.

И напрасно Вячеслав Толстопятов пытается уверить нас, что такими они стали уже на исходе их преступной деятельности. Нет, магазин на Мечникова — не конец, это начало — он был ограблен в декабре 1968 года.

И уж не о храбрости их свидетельствуют так называемые средства маскировки — черные очки и маски, поднятые воротники и женские чулки, напяленные на головы.

Вспомните запись в дневнике Вячеслава Толстопятова о несостоявшемся нападении на «Южгипроводхоз» 22 мая 1972 года: «Деньги привезли, но в отличие от тех раз в машине оказался представитель власти, то есть просто милиционер. И сразу же мои бойцы попятись...»

Они боялись сами и поэтому пытались запугать других.

Но вот запугать-то им никого не удалось.

Смелость и наглость — не одно и то же.

Верзила Самасюк направлял револьвер на кассира магазина № 46 Орлову, а Вячеслав Толстопятов стрелял в это время «для уверенности» рядом с ней из автомата; Горшков целился из автомата в продавщицу магазина № 21 на Мечникова Романовскую. Всякий раз они были убеждены, что отпора не получат. Что это? Смелость? — Нет! Это наглость.

Начав с револьверов, они перешли к автоматам, все больше пороха набивая в патроны. При аресте их арсенал составляли 6 револьверов, 5 автоматов и ручные гранаты. Но оказалось, что смелость и уверенность в себе рождает не револьвер в кармане и не автомат в руках.

Любовь к своим детям, своему городу, своей стране, готовность защищать их в любую минуту и против любого нападения — вот та руда, из которой выплавляется истинное мужество.

Именно такие люди и вставали на пути бандитов.

Это и сохранившие выручку кассиры и продавцы магазина № 46.

Это и пенсионер Чумаков, шоферы Арутюнов, Коваленко и Топчиев.

Это инкассаторы Зюба и Маликов, сотрудники Управления противопожарной охраны Салютин и Дорошенко, работник милиции Русов и грузчик продмага Володя Мартовицкий.

С самого начала своей деятельности преступники чувствовали, что они выступают не только против инкассаторов и работников милиции, их противником становился всякий честный человек.

Гангстеризм — явление не для нашей почвы. Они не могли не быть пойманы.

Их задержание было неизбежно, оно — необходимость, нашедшая дорогу сквозь случайности.

Мы знаем, что Алексей Русов, Владимир Мартовицкий, Геннадий Дорошенко и Виктор Афанасьевич Салютин за проявленные ими мужество и находчивость награждены орденами и медалями.

Я думаю, что Вы, товарищи судьи, вынесете определение, в котором поднимете вопрос о награждении Чумакова и Зюбы, Коваленко и Плужникова, за мужество и отвагу, проявленные ими в борьбе с бандитами.

Преступлениями причинен материальный ущерб, в связи с чем заинтересованными организациями предъявлены гражданские иски. Иски нахожу обоснованными и подлежащими удов-

летворению. Отвечать по этим искам должны братья Толстопятовы и Горшков солидарно. В размере сумм, полученных ими от Вячеслава Толстопятова, должны отвечать и Дудников с Зарицким, с которых надлежит взыскать по полторы тысячи рублей.

Считаю обвинение против всех подсудимых доказанным, на основании чего:

■ я обвиняю Мардиросова Юрия Рубеновича — в подделке и использовании подделанных документов, за что он должен быть наказан в соответствии с частью третьей статьи 196 УК РСФСР пятью годами лишения свободы с отбыванием в ИТК строгого режима;

■ я обвиняю Берестнева Николая Ивановича и Козлитина Юрия Ивановича в недонесении о бандитизме, за что они должны быть наказаны в соответствии со статьей 88¹ УК РСФСР тремя годами лишения свободы в ИТК общего режима каждый;

■ я обвиняю Дудникова Константина Матвеевича в укрывательстве бандитизма, за что он должен быть наказан в соответствии со статьей 88² УК РСФСР пятью годами лишения свободы в ИТК общего режима;

■ я обвиняю Срыбного Евгения Андреевича, Зарицкого Виктора Николаевича и Денскевича Бориса Константиновича в пособничестве бандитизму и считаю, что в соответствии со статьями 17 и 77 УК РСФСР они должны понести наказание:

Срыбный — в виде лишения свободы сроком на пять лет в ИТК усиленного режима без конфискации имущества;

Зарицкий — в виде лишения свободы сроком на шесть лет в ИТК усиленного режима;

Денскевич — в виде лишения свободы сроком на десять лет в ИТК усиленного режима без конфискации имущества;

■ я обвиняю Черненко Александра Ивановича, Горшкова Владимира Николаевича, Владимира и Вячеслава Толстопятовых — в бандитизме.

В соответствии со статьей 77 УК РСФСР надлежит –

Черненко — лишить свободы сроком на двенадцать лет с отбыванием этого наказания в ИТК строгого режима с конфискацией имущества;

Горшкова, Владимира и Вячеслава Толстопятовых подвергнуть смертной казни — расстрелу — с конфискацией имущества.

Краткое послесловие автора

Суд согласился с прокурором по всем пунктам обвинения, кроме одного: действия Дудникова квалифицированы как недо-

носительство, а не укрывательство. Вячеслав и Владимир Толстопятовы, а также Горшков приговорены к смертной казни, остальные подсудимые — к лишению свободы на различные сроки. Кассационные жалобы осужденных Верховным Судом РСФСР оставлены без удовлетворения. Приговор приведен в исполнение.

Дело о греховной любви на вещественных доказательствах

Комментарий автора

Дело это рассматривалось Ростовским областным судом в 1975 году в выездном заседании в Краснодаре, потому что дело изначально было краснодарским. Был в Краснодаре в городском отделении милиции на Центральном рынке оперуполномоченный ОБХСС* Геннадий Степанюк. Будучи человеком энергичным и фанатиком милицейской работы, он избобличил группу взяточников в милицейских рядах, чем тут же снискал нелюбовь начальства и коллег. Придравшись к тому, что Степанюка застали в служебном кабинете в недвусмысленной позиции с дружинницей, его уволили из органов охраны общественного порядка** за поступок, порочащий звание офицера советской милиции и заключившийся во вступлении в интимную связь «с комсомолкой-дружинницей в служебном кабинете на вещественных доказательствах*** — коврах». Справедливо полагая, что действительной причиной увольнения является не дискредитация «вещественных доказательств — ковров», а месть за разоблачение коллег в милицейских мундирах, Степанюк стал обжаловать увольнение. Сотрудники министерства разделяли, по видимому, позицию своих краснодарских коллег и многочисленные жалобы Степанюка оставляли без удовлетворения. Шли месяцы, а Степанюк продолжал бомбардировать Министерство своими письмами. Но все на свете имеет конец, терпение сотрудников управления кадров МООП**** РСФСР — тоже. Когда Степанюк в одном из писем в сердцах написал: «Что же мне их обоих (имелись в виду начальник краевого УООП***** и его заместитель по кадрам) убить, что ли, а потом на суде рассказать всю правду?!», кадровики обрадовались и направили эти жалобы в прокуратуру края с просьбой возбудить в отношении Степанюка уголовное дело по признакам статьи 193 действовавшего тогда УК РСФСР, предусматривавшей ответственность за угрозу убийством по отношению к должност-

ному лицу, примененную «в целях прекращения служебной или общественной деятельности или изменения ее характера в интересах угрожающего». Не надо удивляться тому, что дело это было возбуждено и после длительного расследования направлено в суд для рассмотрения. Трудно было ожидать иного: начальник краевого УООП был депутатом Верховного Совета РСФСР и членом бюро крайкома КПСС. Еще на следствии была сделана попытка заклеить Степанюка как сумасшедшего, но, к чести краснодарских судебных психиатров, они не нашли у Степанюка никаких психических расстройств. Степанюк заявлял отводы краснодарским судам, отводы эти удовлетворялись. Когда служители краснодарской краевой Фемиды чуть ли не в полном составе оказались отведенными, дело председателем Верховного Суда РСФСР было направлено для рассмотрения в Ростовский областной суд. Обеспечить участие в деле государственного обвинителя было поручено прокуратуре Ростовской области. Так я и оказался в качестве прокурора в этом процессе. Дело, как было сказано выше, рассматривалось в Краснодаре.

Суд с самого начала проходил неординарно. Сперва Степанюк обратился к суду с просьбой: «Товарищи судьи...» Но просьба его не была даже выслушана: «Мы Вам не товарищи!», — обрезал его председательствующий. «А как я должен обращаться к суду?» — «Надо говорить: "Граждане судьи" — «Я привык так обращаться к задержанным и требовать такого обращения к себе от задержанных. Я не преступник и не хочу обращаться к суду так, как к власти должны обращаться преступники». Кончился этот диалог тем, что Степанюк обращался к суду и прокурору так: «Достопочтенный суд! Многоуважаемый прокурор!» Можете себе представить как это воспринималось тогда, если и теперь еще, в эпоху нормативно установленного такого обращения, никак не укоренится обращение к судье: «Ваша честь!» Определившись с этикетом, Степанюк (он был не под стражей) возмутился тем, что ему не предоставили стол — дабы разложить свои записки и кодексы. Просьба эта после некоторого препирательства с судом была удовлетворена. Так что в зале суда не только была скамья подсудимых, но целый мебельный гарнитур.

Виновным он себя, естественно, не признал. Объяснил, что sacramентальная фраза, инкриминированная ему как преступная угроза сразу двоим милицейским начальникам, объясняется запальчивостью и желаниям привлечь внимание министерства к краснодарским беззакониям, а вовсе не желанием путем угроз добиться восстановления на работе в милиции.

* ОБХСС — отделы борьбы с хищениями социалистической собственности и спекуляцией — предшественники нынешних УЭПов — управлений по борьбе с экономической преступностью.

** Так в то время назывались органы внутренних дел.

*** Вещественными доказательствами эти ковры были признаны ранее по другому делу.

**** Так, соответственно, именовалась МВД.

***** Как читатель должно быть догадался, УООП — это то же, что УВД.

Я от обвинения отказался и попросил Степанюка за отсутствием состава преступления оправдать.

Обвинительная речь

Товарищи судьи! Если верить обвинительному заключению, то перед нами очень опасный преступник. Шутка ли — угрожать убийством не кому-нибудь — самому Главному краснодарскому милиционерскому начальнику и его заместителю! Да еще и осквернить священные ковры в статусе вещественных доказательств находившиеся в величественных стенах служебного кабинета! Если, однако же, верить подсудимому, то это вовсе и не было угрозой. Просто риторический вопрос, заданный, правда, в несколько экстравагантной форме, возможно и неуместной в официальном обращении в государственный орган, но употребленный им по запальчивости и потому извинительный. Как же на самом деле следует расценивать фразу Степанюка «Убить бы их обоих, что ли?», содержащуюся в знаменитом письме в Министерство охраны общественного порядка РСФСР, том самом письме, которое лежит сейчас перед Вами на судебном столе? Можно ли квалифицировать эти слова как уголовно наказуемую угрозу убийством? Вправе ли мы подвергать Степанюка за эти слова уголовному наказанию?

Надругательство над «вещественными доказательствами — коврами», супружеская неверность Степанюка и обоснованность его увольнения, которым так много внимания уделено было и на предварительном следствии, могли бы привлечь и мой интерес, если бы я счел доказанным, что упомянутая фраза в письме Степанюка Министру охраны общественного порядка РСФСР может считаться угрозой должностным лицам в том смысле, который придает этому понятию статья 193 УК РСФСР.

Итак, Степанюк не отрицает, что письмо написано им, что, написав: «их обоих», он имел в виду начальника краевого УООП Мезикова и его заместителя по кадрам Карагодина, подтвердила это и почерковедческая экспертиза. Казалось бы, что еще нужно для признания Степанюка виновным? И задача прокурора упрощена до предела — вина доказана, осталось только предложить суду размер наказания, которое следует применить к подсудимому.

Но нет! Доказав, что эту угрожающую фразу написал подсудимый, надо еще убедиться в том, что эти действия уголовный закон признает преступлением. Иными словами: содержат ли действия подсудимого все признаки состава преступления?

В данном случае необходимо установить не только тот факт, что угрожающую фразу написал подсудимый, но и реальность этой угрозы: насколько реально воспринимали ее Мезиков и Карагодин, считал ли подсудимый, что они воспримут эту угрозу как реальную, и что он сделал для того, чтоб они ее восприняли именно таким образом.

Думается, что как раз этого, не смотря на тщательность, я бы даже сказал дотошность исследования материалов дела в судебном заседании, мы не установили. Надо напомнить, что предварительное следствие, длившееся почти год, не оставило без внимания ничего, что могло иметь хоть маломальское отношение к делу. Уж, кажется, здесь собраны материалы, позволяющие узнать не только что написал Степанюк, но и что он думал и даже что еще только собирался подумать. Все эти материалы Вами исследованы, в деле не осталось ничего, что Вами не исследовано. Нет и ничего такого, что надо было бы исследовать дополнительно.

Из всех исследованных в судебном заседании материалов следует, что Степанюк не вкладывал в упомянутую фразу реальной угрозы. Эти слова действительно были написаны им в запальчивости, т. к. он считал себя необоснованно уволенным из мести за разоблачение группы взяточников в милицеских мундирах. Возмущенный бесчисленными отказами Министерства на свои жалобы, он понял, что нужно использовать какие-то неординарные, необычные формулировки, чтоб привлечь внимание к той несправедливости, о которой писал.

В крамольной фразе не утверждается, что если Мезиков и Карагодин не выполнят каких-то условий Степанюка, то они будут им убиты. Фраза эта носит отвлеченно-предположительный характер и реальной угрозы не содержит.

Более того, обязательным признаком состава преступления, предусмотренного статьей 193 УК РСФСР является направленность угрозы на прекращение либо изменение служебной деятельности потерпевшего в интересах того, кто угрожает. Не всякая угроза должностному лицу влечет уголовную ответственность, но только «примененная в целях прекращения служебной или общественной деятельности или изменения ее характера в интересах угрожающего». А этой-то взаимосвязи между угрозой и деятельностью Мезикова и Карагодина письмо Степанюка как раз и не содержит. Он свое письмо посылал не им, а в министерство. И не для того, чтоб Мезиков с Карагодиным, испугавшись, восстановили его на работе, а чтоб минис-

терство, разобравшись с краснодарскими милицейскими деятелями их наказало, а в отношении Степанюка восстановило справедливость.

Он не думал даже о том, что его письма будут прочитаны теми, на кого он жаловался. Степанюк мог, конечно, догадаться, что в России, — увы!, — в нарушение российских же законов, жалобы на чиновников, тем более руководящих, не принято проверять без участия тех, на кого жалуются. Мог, конечно, догадаться, но не был обязан знать, что содержание его писем будет доведено до сведения тех, для чьих глаз они вовсе не предназначались. Эти несостоявшиеся догадки вменить Степанюку никак нельзя. Но все это, собственно говоря, менее всего относится к последней жалобе Степанюка, той самой, которая и есть, по сути, предмет нашего судебного разбирательства. Эта жалоба вообще не рассматривалась. Теми, кому была адресована, жалоба была тут же переправлена в прокуратуру Краснодарского края. Мезиков и Карагодин узнали о ней уже после возбуждения уголовного дела — так что, если бы даже угроза и носила реальный характер, обвинять Степанюка можно было бы не в угрозе должностным лицам, а лишь в покушении на это преступление. Фактически же не было и покушения.

Итак, то, что инкриминировано Степанюку, реальной угрозы потерпевшим, направленной на изменение их деятельности в его интересах, не содержит. Из этого следует, что Степанюк должен быть оправдан за отсутствие в его деянии состава преступления.

Послесловие автора

Итак, я отказался от обвинения. Защитник, естественно, разделил эту позицию. Суд, однако, с нами не согласился и направил дело на доследование. Я принес в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР частный протест, в котором предлагал определение о доследовании отменить и дело производством прекратить. Протест мой заместителем прокурора республики был отозван, о чем я был извещен пространном письмом, вызвавшим недоумение и усмешки у меня и моих коллег по отделу: в письме сообщалось, что Степанюку было предъявлено обвинение «в угрозе убийством должностным лицам через третьих лиц предположительно», а если я считаю, что дело надо прекратить, то, получив его на доследование, я и могу, дескать, это сделать. Недоумение мое было вызвано тем, что к расследованию я никакого отношения не

имел, дело возвратили Краснодарскому краевому прокурору и прекратить его я, соответственно, никак не мог. Усмешки же были вызваны абсурдностью квазиюримической конструкции об «угрозе убийством через третьих лиц предположительно». Через некоторое время я получил от Степанюка письмо. Он сообщил, что краевая прокуратура дело прекратила по не реабилитирующим основаниям — за утратой обвиняемым общественной опасности ввиду изменения обстановки (ст. 6 УПК РСФСР). Степанюк не был согласен с таким решением и спрашивал совета. Я посоветовал ему обратиться в Прокуратуру Союза и сам тоже туда написал. Наши усилия увенчались успехом, дело было истребовано в Прокуратуру Союза ССР, где и было прекращено за отсутствием в действиях Степанюка состава преступления.

Дело Мирзаянова

Краткий комментарий автора

Дело Мирзаянова в 1993–1994 годах широко освещалось в печати. Бывший сотрудник Государственного российского НИИ органической химии и технологии Мирзаянов после увольнения из института, как указано в постановлении о прекращении в отношении него уголовного дела, «предпринял попытки привлечь внимание общественности к возможной экологической опасности при использовании отравляющих веществ. С этой целью он подготовил материал для опубликования и дал интервью различным средствам массовой информации о проблемах разработки в России токсических веществ». Когда в зарубежных газетах появились статьи и интервью Мирзаянова, в институте, естественно, забеспокоились: ведь Мирзаянов продолжал считаться носителем государственных тайн, — не выдал ли он каких-либо секретов при не санкционированных контактах с иностранными журналистами? Последовало обращение в Министерство безопасности, возбуждение уголовного дела, следствие, а затем суд, взявший Мирзаянова под стражу и направивший дело на рассмотрение. Когда дело поступило для нового расследования в прокуратуру, и.о. Генерального прокурора России его прекратил за отсутствием в действиях Мирзаянова состава преступления. Под арестом Мирзаянов успел пробыть 40 дней.

После прекращения дела Мирзаянов предъявил иск о возмещении морального вреда, вызванного незаконным его привлечением к уголовной ответственности и незаконным арестом, к институту, к Генеральной прокуратуре РФ и к Федеральной службе контрразведки (возникшей на руинах упраздненного Президентом Министерства безопасности). Дело рассматривалось Перовским районным судом Москвы в 1994 году. Я в этом процессе представлял интересы ФСК. Я считал, что моральный вред в таких случаях в силу действовавших тогда Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и ГК РСФСР должен быть возмещен, но ФСК, по моему мнению, нельзя было признавать правопреемником Министерства безопасности.

В гражданском процессе представитель стороны выступает дважды: первый раз с обоснование иска (истец) или возражениями на иск (ответчик), и второй раз — в судебных прениях. Кроме того, представитель стороны вправе задавать вопросы представителю другой стороны. Я счел необходимым поместить в настоящем сборнике наряду с возражениями на иск и

Раздел II

Речи адвокатские

Осенью 1993 года, оставив государственную службу (к тому времени я работал начальником управления юстиции г. Москвы), я стал адвокатом Московской коллегии адвокатов «Адвокатская палата»*, в каком-то качестве пребываю до сих пор. Моя адвокатская практика оказалась гораздо более разнообразной, нежели прокурорская. Начинать пришлось с выступлений в суде по делам гражданским, что, в общем-то, было для меня довольно неожиданно — ведь до этого я в качестве вначале следователя, а затем прокурора участвовал в расследовании и судебном рассмотрении дел только уголовных. Как говорится, с судьбой не поспоришь — пришлось осваивать цивилистику. Из шести помещенных здесь адвокатских речей, произнесенных в судах общей юрисдикции, одна — по гражданскому делу.

* Это было до принятия закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

После принятия этого закона мы коллегию вынуждены были переименовать. Теперь она называется «Адвокатское партнерство».

выступлением в прениях также и ответы на вопросы истца, поскольку они помогают лучше понять мою позицию в процессе.

1. Возражения на иск

Сегодняшнее судебное заседание представляет особый интерес: нам сегодня приходится рассматривать дело по иску о возмещении морального вреда, причиненного неправомерными действиями следственных органов. Как адвокат, как бывший прокурор, как юрист вообще, я считаю, что дела такого рода чрезвычайно важны для укрепления законности и правосудия в России. Если те люди, которые занимаются следствием или руководят следствием на всех уровнях, будут знать, что они сами и подчиненные им следователи будут отвечать за свои незаконные действия не только в дисциплинарном порядке, но еще и рублем в суде, в ряду общих мер, направленных на укрепление законности, эта будет одна из самых важных.

Ни минуты не хочу оспаривать вывод о том, что, если итоговым документом по делу истец признан невиновным, то вся длинная процедура ведения следствия с принудительными мерами, безусловно, причиняет ему нравственные, и не только нравственные, страдания. Законодательство о возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконным привлечением к уголовной ответственности, предусматривая возможность возмещения материального ущерба, о моральном вреде умалчивает. Но статья 131 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик прямо указывает, что моральный вред подлежит возмещению независимо от возмещенного материального вреда. В этом разногласий у нас с истцом нет.

Но в этом деле есть еще один аспект и немаловажный. Вопрос о том, кто и за что должен возмещать. Федеральная служба контрразведки Российской Федерации, интересы которой я представляю, никакого отношения к этому делу не имеет по той простой причине, что она возникла уже на руинах упраздненного Министерства безопасности в декабре прошлого года. Все, что пишет в исковом заявлении истец, касается Министерства безопасности, чьи следователи расследовали это дело, и тех оперативных мероприятий, которые проводились по делу оперативными службами опять-таки этого министерства. Возникает вопрос: должна ли Федеральная служба контрразведки нести ответственность за действия МБ в порядке правопреемства? По существу это главный вопрос настоящего дела. Мне думается, однако, что для ответа на него нужно сперва ответить на два

других. Первый: с какого момента действия, направленные на привлечение к уголовной ответственности, должны считаться неправомерными, а значит и порождать его право на возмещение морального вреда; и второй: является ли ФСК в полной мере правопреемником МБ. Я думаю, ответ истца на мой вопрос лишней раз подтверждает, что у нас речь идет не о том, что у государства вообще не должно быть никаких тайн (давайте, мол, все всем рассказывать), — наоборот; истец подтвердил мою собственную мысль, состоящую в том, что страна имеет право и обязана заботиться о своей безопасности, в том числе и путем сохранения государственных секретов, которые в любом случае нельзя делать достоянием людей, могущих их разгласить. Истец здесь очень хорошо сказал — да, он допущен к секретам; да, он не разглашал государственную тайну, хотя и считал своим гражданским долгом предупредить людей о грозящей им экологической катастрофе. Здесь у нас с истцом тоже нет расхождений.

Ситуация выглядит таким образом — есть работник института, проводящий определенную работу по разработке химического оружия, человек этот допущен к государственным секретам и является носителем секретной информации. И вот он передает какую-то часть известных ему сведений в средства массовой информации, появляется статья в печати. По-видимому, до этого никакие оперативные службы специально Мирзаяновым не интересовались. Однако все мы согласимся, что такого рода не контролируемый спецслужбами переход информации опасен для государства. Ведь все мы знаем, в каком мире живем и полностью разоружаться перед всем миром нашей стране, помилуйте, нельзя. Вопрос не в этом. Появилась статья в газете. Статья излагает информацию, полученную человеком, работающим в секретном институте. Хозяином этой секретной информации является сам институт. Что должен сделать институт? Что должны сделать работники правоохранительных органов? Они должны оценить, содержит ли эта информация какие-либо секреты. Вправе ли правоохранительные органы осуществлять такую проверку? Безусловно, вправе, и, более того, обязаны. Даже, если зам. директора института — полковник КГБ, все равно, как зам. директора по режиму, он обязан поставить в известность руководство. Что делает институт? Он сообщает в Министерство безопасности, то самое министерство, на которое возложена задача охранять государственные секреты нашей страны. Нужно ли, правомер-

но ли проведение какого-либо расследования? Я думаю, сотрудники Министерства безопасности были обязаны его провести. Что делает дальше МБ? Оно проводит свои проверочные действия, на которые в соответствии с Законом «Об оперативно-розыскной деятельности» оно имело право. Хочу отметить, что все эти действия пока еще направлены не персонально на обвинение Мирзаянова, а направлены лишь на проверку сведений, сообщенных институтом. А дальше оперативное подразделение обращается к следователю с просьбой решить вопрос о возбуждении уголовного дела. Что это значит? Это означает предложение дать правовую оценку собранным оперативными службами МБ материалам. И я думаю, что даже, если следователь возбудил уголовное дело, то и в этом еще персонально для Мирзаянова нет никаких обстоятельств, влекущих последующие требования о возмещении морального вреда. Речь идет лишь о проверке. Причем уголовное дело, предварительное следствие — это на сегодняшний день наилучшее средство, поскольку, во-первых, оно обеспечивает наибольшую надежность результатов этой проверки, а во-вторых, в силу целого ряда процессуальных гарантий в наибольшей мере обеспечивает права и свободы гражданина.

Что происходит дальше? Следователь на основании собранных ранее материалов расследования оценивает полученную информацию, и, если он признает собранные материалы достоверными, — он предъявляет обвинение, если нет — он должен прекратить свою деятельность, прекратить уголовное дело. Вся ответственность за дальнейший ход следствия лежит на том, кто выносит постановления и на том, кто осуществляет надзор, т. е. может отменить постановления следователя. Вот с этого момента, когда действия следователя носят персонально обвинительный характер, возникает, в случае признания человека невиновным, право на возмещение морального вреда.

Вот поэтому мне и кажется, что ФСК России не может считаться правопреемником МБ России в части тех действий, которые влекут возмещение морального вреда. Мне понятна ироническая усмешка истца, я понимаю отношение на сегодняшний день средств массовой информации к этой проблеме, но, тем не менее, я хочу призвать вас исходить не из отвлеченных представлений, а из буквы закона. Вот законодательный акт, о котором я говорил, это Указ Президента России № 2233 от 21 декабря 1993 года. Здесь очень короткая преам-

бульная часть. Как утверждается вполне обоснованно Президентом Российской Федерации, «система органов ВЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ и МБ оказалась не реформируемой». Вот она, цепочка полного правопреемства, когда функции каждого предыдущего органа передавалась последующему, при этом передавались все абсолютно функции. Все! Президент решил эту цепочку порвать. И читаю дальше: «с целью создания надежной системы безопасности» решил Министерство безопасности упразднить и создать Федеральную службу контрразведки. Это новая служба! Даже старые работники, профессионалы, честные нормальные люди перешли в ФСК через обязательную для них аттестационную комиссию, о чем нам известно из многочисленных публикаций в прессе на эту тему. Можем ли мы сегодня на вновь рожденную Службу возлагать всю ответственность за грехи ее предшественников? Наверное, можем, но не все, можем но только в том смысле, что государство в целом осталось, и органы государства, перенявшие функции ранее существовавших, но упраздненных органов, от имени государства в целом должны возмещать ущерб, иначе и быть не может. В Указах Президента об упразднении МБ нет ни слова о правопреемстве. Логика этих Указов состоит в том, что правопреемником должна быть ФСК. Но ФСК не имеет в своем составе следователей, на нее не возложена функция предварительного следствия. Указ Президента «Об утверждении положения о ФСК» содержит подробное изложение задач, возложенных на Федеральную службу. Нет здесь предварительного следствия! К Положению прилагается структура ФСК — здесь перечислены все управления Службы — но Следственного управления тоже нет. Известно, что следственный аппарат бывшего МБ, дела, которые на тот момент расследовались, неоконченные производством, переданы в ведение Прокуратуры. Вот я и считаю, что если ФСК в соответствии с этими указами является правопреемником МБ, то она может быть правопреемником министерства, исключительно в рамках тех функций, которые ей переданы. Повторяю, функция расследования уголовных дел в Федеральную службу контрразведки не передана и в этой части правопреемства ФСК в отношении МБ существовать не может. Те же действия, что совершали другие службы Министерства в период предварительного следствия, не могут быть признаны основанием для возложения на правопреемников этих служб обязанностей по возмещению морального вреда.

2. Ответы на вопросы

Вопрос представителя Мирзаянова адвоката Асниса: В документе, направленном УЭБ МБ* России в Следственное управление, указывается, что проведенные мероприятия свидетельствуют о совершении Мирзаяновым преступления, предусмотренного статьей 75 УК. Нигде не говорится о решении вопроса о возбуждении уголовного дела. Считаете ли вы, что в письме УЭБ МБ России говорится о наличии в действиях Мирзаянова состава преступления?

Ответ: Я не считаю, что письмо содержит указанные положения. Поскольку из того, что вы сейчас прочитали, не следует, что действия Мирзаянова содержат состав преступления. В письме указано, что эти действия содержат признаки состава преступления. Отдельные признаки действительно содержатся и вот дальше уже дело следствия, образуют ли эти признаки совокупность, которая позволит следователю предъявить обвинение и признать, что в действиях Мирзаянова содержится состав преступления или нет. А признаки эти есть. Чего уж далеко ходить. Есть газетная статья, а в ней написано, какую работу ведет институт, какое оружие создает и т.д. Есть информация которая ушла, и нужно дать правовую оценку этим действиям. Надо установить, проверить и принять решение. Таков нормальный ход действий в нормальной стране. Оперативные службы не превысили своих полномочий. Они должны были провести эту проверку и провели ее. И очень хорошо, что они уже сегодня приучены к тому, что обращаются по вопросам о возбуждении уголовного дела к следователю. Очень плохо, что следователь не должным образом оценил эту информацию, судя по тому, что пишет и.о. генерального прокурора в своем постановлении.

Вопрос адвоката Асниса: Вы считаете, что следователь незаконно привлек Мирзаянова к уголовной ответственности?

Ответ: Я считаю, что постановление о прекращении уголовного дела за отсутствием состава преступления автоматически делает незаконными все персонифицированно-обвинительные действия. А то, что следователь возбудил уголовное дело, еще не носит персонифицированно-обвинительного характера. Пока еще нет лучшего способа проверки, чем урегулированное нормами УПК расследование по возбужденному уголовному делу. Дальнейшие действия свидетельствуют о том, что оценка действий Мирзаянова была ненадлежащей. Основанные на этом

* Управление экономической безопасности Министерства безопасности.

процессуальные действия, связанные с задержанием, содержанием под стражей, ограничением свободы, арестом, были незаконными. А само по себе возбуждение уголовного дела, мы с вами это знаем, не преддрекает вопроса о виновности лица.

Вопрос Мирзаянова: Вы признаете, что все было сделано незаконно. Но КГБ в очередной раз сменило кожу. К вам все, и следствие тоже, обратно возвращено. Вы сидите в тех же зданиях, у вас работают те же люди, а вы сваливаете на Прокуратуру и вроде бы и отвечать некому?

Ответ: Вы это не совсем так понимаете. Я ни одной минуты не думал и никогда не говорил о том, что ваш ущерб не подлежит возмещению, и что вам незачем предъявлять свои требования. Я говорил том, что ФСК не является надлежащим ответчиком. Что касается ваших эмоциональных слов о том, какие люди сидят в каких кабинетах, и что следствие обратно возвращено. Я, во-первых, должен заметить, что никакого нормативного акта о возврате следствия в ФСК пока не существует. Есть какие-то неясные замечания в прессе, что этот вопрос рассматривается. Такого решения не принято и будет ли принято, неизвестно. А исходить из предположений прессы о будущем законе в исковых требованиях нельзя. Что касается ваших рассуждений о тех людях, которые работают в ФСК, то помилуйте, правопреемство определяется не тем, кто сидит в каких кабинетах. Никто не знает, сколько людей оттуда ушло. Почитайте те же газеты, в которые вы обращались, защищая экологию. Прочитайте, сколько людей из этих служб, высочайших профессионалов, сегодня оказалось неизвестно где, в каких-то коммерческих фирмах, охранных агентствах, и вообще неизвестно с какой стороны баррикад оказались в битвах на наших улицах. До того, как я стал адвокатом, я много лет работал в прокуратуре и готовил протесты на судебные приговоры в отношении сотен людей, незаконно осужденных, и то сейчас мне, уже как адвокату, говорят: «Вот ваша прокуратура, там был Вышинский». Помилуйте, когда, на какой точке мы сможем набраться смелости и сказать: «Да, тогда было то, а сейчас есть это»? Когда наша страна перестанет копать только в грязи и начнет, наконец, что-то делать? Неужели сегодня то, что делается вокруг, нас с вами не останавливает? Есть у вас основания взыскивать все это, но давайте взыскивать с тех, кто виноват. Завтра уже можно разогнать и ФСК, ведь так может продолжаться до бесконечности. Нельзя же разрушать собственную страну. Что у нас сегодня делается с армией, с органами безопасности, с органа-

ми внутренних дел! Ведь мы же с вами заинтересованы, чтобы можно было свободно жить и спокойно ходить по улицам. Сейчас, если вам угрожают убийством, вам некуда обратиться, никто вас не защитит. Где-то эта цепочка должна быть прервана. Президент, я опять ссылаюсь на его указы, остановился на МБ. Да, впервые не просто переменяли вывеску, впервые тех прежних работников если и приняли в ФСК, то через переаттестацию. Потому что наивно считать, что там работали только мерзавцы и нарушители закона. С другой стороны, в этой стране негде больше искать профессионалов. Говорят, в Германии всех судей ГДР отправили в отставку, потому что у них менталитет иной. Откомандировали туда судей с западных земель. К нашему с вами сожалению у нас нет запасной страны, нет другого такого русского народа, у которого были бы свои профессионалы — и вот этих-то, которых заменить нечем, давайте в отставку? Мы все — вчерашний русский народ, мы все — вчерашняя Россия, мы все родились вчера. И нам надо на ходу перестраивать себя. Поэтому, когда создавалась ФСК России, туда, бесспорно, взяли лучших профессионалов. Ведь подготовить профессионала-разведчика — это не просто взять теплофизика или геофизика и посадить на руководящее место в УВД. Вот он умный, грамотный, он демократ, он все сделает. Нет, эта должность требует высокого профессионализма. Здесь много надо знать вещей, которых не знает никто другой. Я ведь не пойду заниматься химией, хотя и я могу сказать: «Я демократ, я прекрасно все понимаю». Я профессионал в своем деле, меня готовили этому. Контрразведчиков готовили к другому. Таких профессионалов на улице нет. Поэтому ФСК взяла себе старые кадры и провела их через переаттестацию специально для того, чтобы преемство традиций было уничтожено. ФСК должна быть правопреемником МБ только в рамках переданных ей функций. Не потому, что она виновна в тех делах, не потому, что она продолжает традиции беззакония, а потому что государство сегодняшнее, тоже родившееся вчера, должно отвечать за то, что делалось, и возместить причиненный ущерб. Ведь ущерб реабилитированным по делам 1937 года возмещают не те люди и не те ведомства, которые этих людей уничтожали, а совсем другие ведомства и совсем другие люди от имени всего государства в целом. Также и здесь. Не считая себя преемником традиций, мы говорим: вот эти функции нам перешли — мы отвечаем, эти функции не перешли — пусть отвечают ведомства, в ведении которых они перешли. Вот и все.

3. Выступление в прениях

Рассматриваемое сегодня дело чрезвычайно многоаспектно. Ставится вопрос о праве человека опубликовать для всеобщего сведения даже секретные сведения с целью предупредить глобальную катастрофу. Имеет ли право гражданин, получив информацию о том, что совершаются действия, посягающие на коллективную безопасность, предупредить общество об этом даже путем разглашения сведений, формально носящих характер государственной тайны? Думаю, что на этот вопрос можно ответить положительно. Я не буду ссылаться на международные документы, хотя, думаю, они подтвердят мое мнение. Во всех этих конвенциях, например, не запрещается разработка химического оружия, хотя запрещается его производство. Конечно, этот комплекс проблем выходит за рамки сегодняшнего процесса. Если гражданин, исходя из высоких и очень уважаемых убеждений, имеет право такую информацию разгласить, то и государство, чьи интересы затронуты, имеет право защитить себя. Мы говорим сегодня о равноправии гражданина и государства. Это равноправные субъекты. Государство вправе ставить вопросы о своей защите. Если будет установлено, что гражданин действовал неправомочно, он должен нести ответственность. Кто же должен устанавливать границы этой защиты? Видимо, организация, которая является хозяином разглашенной информации. В нашем процессе институт, в котором работал Мирзаянов, был вправе, более того — обязан обратиться в компетентные органы, чтобы право свое на защиту реализовать. Надо было проверить: была ли эта информация секретной или не была, не были ли опубликованы другие данные, исчерпывается ли разглашение только этой статьей или были еще другие. Институт поставил МБ в известность об утечке этой информации. МБ как орган, несущий ответственность за сохранность государственной тайны, должно было, без сомнения, все это проверить. Здесь утверждают, что оперативные службы МБ и институт обратились с просьбой возбудить уголовное дело. Помилуйте, ни в одном документе, предоставленном нам истцом ничего подобного нет. Там написано: «Прошу решить вопрос о возбуждении уголовного дела». Открываем УПК — это глава седьмая «Возбуждение уголовного дела» — то есть обращение в следственные органы с просьбой решить вопрос о возбуждении уголовного дела содержит в себе ни что иное, как просьбу решить вопрос: есть основание — возбудите уголовное дело, нет основания — откажите. Следовательно, получив эту

информацию должен решить вопрос: возбуждать или не возбуждать это дело. Я бы мог поставить на этом точку. В этом случае речь идет только об обращении в компетентные органы с просьбой разобраться. Никаких приказных формулировок и однозначного требования возбудить уголовное дело в материалах нет. Здесь нам говорят, раз следователь возбудил уголовное дело, то это предрешает все дальнейшее. Но ведь дело для того и возбуждается, чтобы выяснить: эти признаки состава преступления образуют сами по себе всю совокупность состава или нет? Возбуждение уголовного дела, с моей точки зрения, не предрешает виновности гражданина Мирзаянова. А вот дальнейшая деятельность следователя предрешала направление расследования и персонифицировала обвинительные действия. Следователь, к сожалению, ошибся.

Истец называет формальными наши возражения по вопросу правопреемства. Но это не формальное возражение — это закон. Как это может быть: хочу — буду правопреемником, не хочу — не буду правопреемником? Все эти вопросы должны решаться на основании закона. На сегодняшний день никаких нормативных актов, кроме тех, которые цитировались, не имеется. А говорить о том, что если сегодня ФСК сидит в знаменитых зданиях КГБ на Лубянской площади, то оно должно расплачиваться за все, начиная с 1917 года, по меньшей мере, наивно. Ведь мы знаем, что на руинах КГБ организовались такие спецслужбы, как ГУО, СВР, ФАПСИ и другие ведомства и каждое, в пределах своей компетенции, несет часть того бремени правопреемства КГБ, которое возложено на них в соответствии с переданными им функции. Они не могут быть правопреемниками других органов. Министерство безопасности также было расформировано, и мне уж точно известно, что на его руинах было образовано не только ФСК, но и другие ведомства, например, Федеральная пограничная служба. Но никому не придет в голову, чтобы солдат, с которым что-то случилось в погранвойсках, предъявлял свои претензии не к этой службе, а к ФСК России лишь на одном том основании, что ранее это было МБ. Ведь главный вопрос нашего процесса — это ненадлежащее выполнение сотрудниками следствия своих функций. На сегодняшний день следствие и его кадры в Прокуратуре. Значит, она должна нести ответственность за эти действия. Я не возьмусь решать вопрос, нужен ли возврат этих функций ФСК, не убежден, что следствие нужно возвращать. На сегодняшний день нет ни указа Президента, ни постановления Государственной Думы, которые бы решали эту проблему.

Обсуждая все эти проблемы, мы не должны забывать, что следователь — это лицо процессуально самостоятельное и несет полную ответственность за свои действия. И когда следователь решает вопрос о возбуждении уголовного дела, задерживает лицо, предъявляет обвинение, вся полнота ответственности лежит на нем и на прокуроре, который за этими действиями осуществляет надзор. Тем не менее, когда следователь возбуждает уголовное дело, когда проводит проверку полученных сведений, — это еще действия правомерные и дальнейший ход следствия не предрешают, но когда он неправильно оценивает собранные материалы и заключения экспертизы, арестовывает гражданина, лишая его законных прав и свобод — это уже неправомерно и дает основания для предъявления иска о возмещении морального вреда.

Исполняющий обязанности генерального прокурора прекращая дело, мотивировал это тем, что в ходе повторной экспертизы эксперты пояснили, что сведения, изложенные в статье, не содержали государственной тайны. То есть исполняющему обязанности генпрокурора, чтобы сделать вывод о невиновности Мирзаянова, необходимо было получить заключение экспертизы, без которого нельзя было решить, была ли это утечка секретной информации и было ли разглашение государственной тайны. Но экспертизу можно проводить, как известно, только по возбужденному уголовному делу. А это подтверждает и правомерность, и обоснованность возбуждения уголовного дела. Что касается дальнейшего, то следователю надо было просто решить вопрос о наличии либо отсутствии состава преступления в действиях истца, но он с этой задачей не справился.

На основании изложенного просил бы суд освободить Федеральную службу контрразведки от ответственности по данному иску.

Послесловие автора

Суд, согласившись со мной, в иске к ФСК отказал, а иск к Генпрокуратуре и институту удовлетворил. По протесту прокурора и жалобе института решение в кассационной инстанции было отменено, со ссылкой на Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 года «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» и Положение «О порядке

возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда» которые возмещения морального вреда не предусматривали. Немудрено, в 1981 году наша юриспруденция вообще считала кощунством саму постановку вопроса о материальном возмещении морального вреда. При новом рассмотрении дела Мирзаянову было отказано в иске уже в полном объеме. Такова была тогда позиция и Верховного Суда Российской Федерации. Однако со времени издания упомянутых Указа и Положения к моменту рассмотрения дела прошло более десяти лет и на дворе задули новые ветры: осталось совсем немного времени до принятия в декабре 1995 года нового ГК РФ, в статье 1100 которого предусмотрено, что «Компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда в случаях, когда:...вред причинен гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ». Но гражданское законодательство не имеет обратной силы, и дело это уже не пересматривали.

Дело о жертве финансовых пирамид

Краткий комментарий автора

Дело Кати Климовой рассматривалось Хорошевским районным судом Москвы в 1995 году. Защищать ее должен был другой адвокат. Но случилось так, что она (это обаятельная и умная женщина, грамотный юрист) оказалась занята в большом процессе и из-за ее занятости Катино дело пришлось несколько раз откладывать (в том, другом, деле невозможно оказалось сразу определить хоть приблизительно дату окончания). Совершенно неожиданно судья позвонила мне и сказала, что она по вине защитника — адвоката моей коллегии затягивает дело и что раздражение, возникшее у нее из-за этого, может перекинуться на подсудимую, а это было бы несправедливо и она бы этого не хотела. По сему судья попросила меня адвоката заменить (если, конечно, сама Катя не будет против). В конце концов пришлось Катю Климову защищать мне. Я пишу об этом потому, что такого рода случаи судейского благородства, — коллеги подтвердят, — увы, встречать приходится крайне редко. В моей более чем сорокалетней практике этот случай единственный.

Дело это случилось в разгар эпопеи развала финансовых пирамид — «Властилины», МММ, «Чары», РДС и других. «МММовская» афера была самой нашумевшей — видимо потому, что создатель ее — некто Мавроди — сумел свою компанию лучше всех разрекламировать. Изображение трех летящих бабочек и лозунг: «Из тени в свет перелетая» — эмблема компании — красовались всюду: на троллейбусах и в вагонах метро, на огромных уличных щитах и маленьких листовках, рассылаемых по почтовым ящикам. Не многим менее нашумевшей была эпопея ИЧП «Властилина». Ее жертвами стали многие артисты (и народные тоже), ученые (академики и доктора наук в том числе), художники — интеллигенция любит быть обманутой. Телевидение, радио, газеты — все было поставлено под ружье. И реклама сработала. Когда пирамида рассыпалась, потерпевших оказалось очень много — суды были в буквальном смысле завалены исками.

Молодая семья Климовых жила не слишком богато. Денег хронически не хватало на необходимое, а хотелось многого. И тут такая возможность — вкладываешь рубль, а всего через пару месяцев получаешь два! Но денег не было и на это. Их не

было вообще. Решено было занять. Муж Кати Климовой в конце июня 1994 года занял 8 миллионов рублей и вложил их в ИЧП «Властилина» на срок 2 месяца. Через два месяца — 2 сентября — сумма должна была удвоиться. В конце августа молодым супругам подвернулся дачный участок. В расчете на выигрыш во «Властилине» заняли еще денег и купили участок за шесть с половиной миллионов рублей. Но в начале сентября «Властилина» рухнула — Не только выигрыша, но и вложенных денег получить не удалось. Супруги продали участок, который не успели даже почувствовать своим, вернули часть долгов (те деньги, которые и были заняты для покупки участка). Но остался еще долг — те 8 миллионов, которые вложили в дело. Подошел срок возврата, а отдавать было нечем. Начались мало-приятные попытки «выкрутиться», перезанимая и переодалживая. А, как известно, занимаешь чужие и на время, а отдаешь свои и навсегда. Пришло время возврата долгов.

Одним из кредиторов Кати была ее сослуживица — главный бухгалтер организации, в которой Катя работала. Когда Катя возвращала ей часть долга (та потребовала возврата в долларах), то увидела, что у нее в сейфе лежит большая пачка «зеленых». От безысходности появилась мысль — украсть. Дурное дело не хитрое. Через два дня после того, как она увидела деньги в сейфе главного бухгалтера, Климова, уходя с работы примерно в 18 часов, уже находясь в проходной, вспомнила о продуктах, оставленных в холодильнике, стоящем в помещении отдела, и вернулась. Направляясь к холодильнику и проходя мимо кабинета главного бухгалтера, она увидела, что дверь в комнату, в которой никого не было, приоткрыта. Климова вошла в кабинет, открыла ящик стола, где, как ей было известно, главбух прятала ключ от сейфа, достала ключ, отперла сейф, взяла сверток с деньгами (потерпевшая уверяла, что там было 7100 долларов США и 390 немецких марок), положила его в сумку и, заперев сейф, вышла из кабинета. Затем, забрав из холодильника продукты, ушла с предприятия.

На допросе у следователя (а она, естественно стала одной из основных подозреваемых, поскольку уходила из отдела последней) Климова призналась сразу и сразу же вернула деньги. Она заявляла, что 270 немецких марок из украденных ею денег продала неизвестному ей лицу у обменного пункта за 567 000 рублей. Остальные, — которых на самом деле оказалось 6300 долларов США, — запечатав в конверт, спрятала. В суде брат Климовой показал, что 270 марок обменял на рубли он, а не Катя.

Обвинялась Климова в краже в крупных размерах и в нарушениях правил о валютных операциях (тогда статья 1627 УК РСФСР еще не была отменена).

Защитительная речь

Ваша честь! Уважаемые заседатели!

Екатерина Климова предстала перед Вами по обвинению в краже семи с лишним тысяч долларов и почти четырехсот немецких марок, в дважды совершенном нарушении правил о валютных операциях. Преступления эти закон признает весьма опасными и предусматривает за их совершение суровое наказание. Я попытаюсь доказать Вам, что содеянное ею в действительности не столь опасно, как утверждает автор обвинительного заключения. Я попытаюсь убедить Вас в том, что и наказание, которое Вы определите ей, не должно быть особенно суровым.

Обстоятельства этого дела просты, они подробно изложены в показаниях немногочисленных свидетелей, потерпевшей, да и самой Кати Климовой. Обстоятельства эти должны быть столь свежи в Вашей памяти, что повторять их нет никакой нужды, тем более, что у защиты с обвинением здесь почти нет расхождений. Катя Климова доказательствами изобличена и виновной себя признала полностью. Впрочем, слово «изобличена» здесь вряд ли подходит. Климова ни минуты не отпиралась. На первом же допросе у следователя, даже кажется не успевшего ей объяснить, в чем она подозревается, Катя тут же выложила всю правду, ту самую правду, которая обременяла душу и не могла не вылиться в полном признании.

Я сказал, что у защиты с обвинением здесь почти нет расхождений. Это «почти» относится, во-первых, к сумме, к размерам похищенного. В обвинительном заключении утверждается, что Климова похитила из сейфа Камышевой 7100 долларов и 390 марок. Эти цифры были названы следователю самой потерпевшей. Климова же говорит, что денег оказалось существенно меньше — 6200 долларов и 270 марок. Брат Климовой, менявший марки на рубли в обменном пункте, подтвердил, что их было 270. Больше никаких доказательств, позволяющих пролить свет на это обстоятельство, нет. В силу недвусмысленных указаний закона, следующих из принципа презумпции невиновности, возникшее противоречие должно быть разрешено в пользу Климовой. Но не только это требование закона, позволяющее не выяснять, кто говорит правду, а кто нет, диктует вывод о правдивости Кати Климовой. Климова сама денег не пересчи-

тывала. Сколько их было в пакете с долларами, она узнала уже у следователя, когда был составлен протокол добровольной выдачи денег, в котором надо был указать сумму, и потому деньги пересчитали. Долларов там оказалось 6200. Но в суде выяснилось, что и потерпевшая величину своей пропажи уяснила не сразу — свидетель Сарухин — племянник Камышевой — показал, что только в последующие три дня они с Камышевой подсчитали и определили, что пропало 7100 долларов и 390 марок. Там была пачка денег, из которой Камышева время от времени какую-то часть изымала, затем возвращала обратно, но итоговой суммы не подбивала — пример тому возврат денег Климовой в день пропажи: как Вы помните, Катя именно в этот день вернула Камышевой 300 долларов, из которых 100 Камышева вернула, посчитав купюру поддельной. Положив деньги на место, Камышева заперла сейф, никаких подсчетов не произведя. Так что сумма эта выведена, что называется, «на острие пера». Никто, однако, этих подсчетов ни разу не перепроверял. Я вовсе не утверждаю, что Камышева намеренно завысила пропавшую у нее сумму денег. Вряд ли она таким образом хотела дополнительно заработать. Но, с другой стороны, нет никаких оснований считать, что Климова часть суммы утаила, дабы таким образом поправить свое материальное положение. Возможно ли такое хладнокровное поведение после того, как она, никем не понуждаемая к этому, призналась в содеянном и вернула деньги? На квалификацию действий Климовой по этому эпизоду указанное обстоятельство не влияет, да и для назначения наказания, по большому счету, не слишком важно — было там на сотню марок больше или меньше.

Во-вторых, я не могу согласиться с обвинением Климовой в совершении с валютными ценностями двух сделок. Климова признала, что она 14 ноября возвратила Камышевой часть долга, использовав в качестве средства платежа доллары США. Признает это и Камышева — второй участник той же сделки. Что касается обмена 270 немецких марок на рубли, то, как в судебном заседании показал брат Климовой — Константин Свечков, он, увидев в руках у сестры немецкие марки, сам предложил ей обменять марки на рубли, что и сделал в тот же день в обменном пункте напротив американского посольства. Если это правда, то значит Катя Климова не продавала этих марок неизвестному человеку и этот эпизод вменен ей необоснованно. Заявление Свечкова опровергнуть невозможно, да и вряд ли он возводит поклев на самого себя. Показания же Климовой на

предварительном следствии об этом эпизоде объясняются просто: ей не хотелось втягивать в это дело брата, а на фоне обвинения в хищении крупной суммы денег обвинение в валютных сделках, даже при отягчающих обстоятельствах, казалось ей не столь страшным. Как бы то ни было, достаточных доказательств для признания ее виновной в незаконном обмене 270 марок не добыто, а версия, прозвучавшая в суде не опровергнута, да, пожалуй, и не может быть опровергнута. А это значит, что эпизод этот из обвинения подлежит исключению и действия Климовой в этой части должны быть переквалифицированы на часть 1 статьи 162⁷ Уголовного кодекса.

В этом деле есть одно обстоятельство, отличающее его от других подобных. Катя Климова после всего случившегося осталась в той же организации и фактически в том же коллективе. Они с потерпевшей продолжают оставаться сослуживицами, они сталкиваются друг с другом на работе (хотя и реже, чем раньше), их окружают одни и те же люди. Они знают в подробностях что произошло и, тем не менее, их сочувствие на стороне не Камышевой, а Кати Климовой.

Почему коллектив просит передать ему Климову на перевоспитание, а сама потерпевшая просит не наказывать ее строго? Почему молодая, только что получившая высшее образование женщина, пошла на это? Не этому же учили ее родители и школа и не этому наставляли в институте. Что толкнуло ее за приоткрытую дверь кабинета Камышевой в тот роковой вечер?

Не найдя ответа на эти вопросы нельзя вынести справедливого приговора, ибо справедливым приговор может быть только тогда, когда Вы выясните не только то, что именно человек сделал, но и почему он это сделал, какими побуждениями руководствовался.

Бывшее государственное предприятие — 22-й территориальный центр междугородных связей и телевидения, где работают и подсудимая и потерпевшая, — ныне входит в акционерное общество «Ростелеком». Акционирование по-русски — процесс своеобразный. Предприятие, которое раньше было всенародным, которое раньше принадлежало нам всем — в том числе и нам с Вами — теперь выкуплено у трудового коллектива. Каждый получил свою долю, и доли эти были различны. Если руководители предприятия получили, как Вы слышали от потерпевшей, немалые суммы, то рядовым членам коллектива достались копейки. Социальной справедливостью, разумеется, тут и не пахло. А уж о сторонних людях, вроде нас с Вами — ведь собственность-то

была всенародная — авторы этого экономического чуда и вовсе забыли. Это была приватизация по принципу «одним бублик, другим — дырку от бублика». Понятно, что «бублик» достался руководителям предприятия, начальству. Начальство и теперь оказалось у руля, а рядовые члены коллектива — в проигрыше.

Эта несправедливость была понята всеми. Обида и неудовлетворенность, неудовлетворенность и обида — вот действительные итоги этой приватизации.

Деньги, вообще-то, нужны всем, одним больше, другим меньше. Чаще, увы, оказывается так, что достаются они вовсе не тем, кто больше нуждается. Молодая семья Климовых, как и большинство молодых семей, начинала «с нуля», нуждалась, конечно, в каких-то суммах на обзаведение, на устройство своего семейного гнезда. Но, как раз у них денег не было, деньги от приватизации, деньги, которые, казалось, были общие, достались тем, у кого без того уже есть свой дом и дом этот — полная чаша.

И вот на такого человека, обделенного и обиженного, обрушивается вся мощь средств массовой информации, рекламирующих разного рода финансовые и инвестиционные фирмы, сулящие баснословные барыши и очень быстро. Вы помните это время — утром, едва отойдя ото сна, Вы уже подвергались атаке: по радио и телевидению вас призывали внести деньги в банк «Чара»; выйдя на улицу, Вы не могли не увидеть на громадном плакате трех летящих бабочек — эмблему «МММ», Вы входили в троллейбус — и там встречали те же призывы: отдайте деньги «МММ», «Чаре», «Властилине», «Селенге». В метро, в автобусе, в трамвае, в магазине, столовой — всюду одни и те же призывы. Вы возвращались вечером домой, но и дома невозможно было укрыться: Вам на всех телевизионных каналах и программах объясняли, как выгодно вложить деньги во «Властилину», которая сулила уже через две недели вернуть вдвое больше вложенного. Соблазн был велик, а деньги были так нужны... А слову печатному, слову, звучащему с телеэкрана, мы так привыкли верить. А вокруг кое-кто уже успел и обогатиться. И, главное, деньги были так нужны и — никаких надежд заработать их быстро и много... И более искушенные в жизни люди попались на эту удочку, да что там удочку — в эти сети. Попались и Катя Климова с мужем. Они одолжили у друзей восемь миллионов рублей и внесли их во «Властилину» под обещания получить через два месяца ровно вдвое больше. Но бесплатный сыр бывает известно где. И ловушка захлопнулась — им нехватало всего несколь-

ких дней; увы, «Чара» лопнула раньше, чем Климовы успели получить свою сверхприбыль. Положение стало теперь совершенно безвыходным. К прежнему безденежью прибавились немалые долги без всяких надежд на возможность их возврата в обозримом будущем. Возникло ощущение надвигающейся катастрофы — срок уплаты надвигался, а денег не было и взять их было негде.

В жизни почти каждого человека бывают минуты, когда нужда подпирает и, кажется, уже нет никакого выхода. Когда от рокового поступка могут защитить только нравственные устои, но представления о долге перед окружающими, составляющие самую суть нравственности, покрываются туманом обиды на общество, загнавшее тебя в угол, обобравшее тебя до нитки и щедро вознаградившее других, не более заслуживающих этого, да еще может быть и за твой же счет...

Тут все сошлось — и безвыходность ситуации, и обман со стороны того самого общества, которое ханжески призывало к добродетели, — обман если не совсем отключивший нравственный тормоз, то, по крайней мере, резко его ослабивший, — и соблазн: в виде открытой двери в пустую комнату, беззащитного сейфа с деньгами и ключа в ящичке. На что она рассчитывала? На то, что в обезлюдевших после рабочего дня комнатах никого нет, помещения бухгалтерии пусты, и никто не увидит, как она взяла деньги? Но именно эта пустота, это отсутствие во всем здании людей кроме нее и охранника предельно сужает круг поиска: если в здании никого, кроме Климовой нет, то и деньги взять больше некому. На нее первую падет (и пало) подозрение. Совсем немного усилий ума нужно было, чтоб понять. Но в том то и дело, что не рассуждала она в тот момент. Рассудочность как бы отключилась вовсе. Она была в состоянии полного умопомрачения.

Это состояние скоро сменилось другим — не менее, если не более мучительным. Я думаю, что не боязнь разоблачения была причиной ее терзаний. Хладнокровный преступник, взвесив все «за» и «против», быстро бы понял, что от первого подозрения до обвинительного приговора — дистанция огромного размера. Да и чем могло располагать следствие? Показаниями вахтера о том, что Климова по окончании рабочего дня возвращалась в бухгалтерию, когда там никого уже не был? Но ведь если в здании было только два человека и один из них взял деньги, то совсем необязательно этот один и есть Климова. Деньги надежно спрятаны. Никакого осмотра места происшеств-

вия с изъятием отпечатков (если они там и были) не производилось, и Климова это знала. В общем, если бы она не хотела признаваться, то вынудить ее это сделать под давлением улик следствие никак не могло. Нет, признание Климовой не было вынужденным. Это было признание человека, отягощенного содеянным, жаждавшего покаяться, жаждавшего очиститься своим признанием. Очиститься во что бы то ни стало, несмотря на угрозу неминуемого наказания. За эти несколько дней Климова чуть не наизусть выучила соответствующие ее деянию статьи Уголовного кодекса, идя к следователю, она прекрасно понимала, что ценой ее признания будет позор наказания, а может быть и лишение свободы, долгая разлука с близкими. Но ничто уже не могло остановить ее. Она не могла жить дальше, неся в себе свой грех. Она уже судила себя судом своей собственной совести, и судила жестоко. И сегодня, когда ущерб возмещен, а виновница раскаялась — нужно ли ее наказывать реально?

Я прошу Вас об одном — какое бы наказание Вы ни сочли нужным назначить Климовой, назначьте его условно. Она Вас не подведет.

Послесловие автора

Признав Климову виновной в краже 6300 долларов и 270 марок, а также в нарушении правил о валютных операциях по эпизоду использования иностранной валюты в качестве средства платежа при возврате долга, суд приговорил ее к лишению свободы условно.

Дело Худояна

Комментарий автора

Дело Худояна рассмотрено Бабушкинским районным судом Москвы в начале 1995 года. Дело это — пример того, как стремление милицмейских чинов повисить показатели раскрываемости любым путем само порождает преступления. Еще в советские времена в нашей стране были самые высокие в мире показатели раскрываемости. Практика сегодняшних дней показывает, что процентомания и сегодня «живее всех живых». Один из начальников Московского ГУВД демократической эпохи сделал то, что советским милицмейским начальникам и не снилось — издал приказ, в котором установил нормативы: сколько нарушителей правил движения, сколько хулиганов — мелких и немелких, сколько уголовных преступников должен задержать, выявить и привлечь каждый сотрудник милиции — от постового до инспектора МУРа, от члена экипажа патрульного автомобиля до инспектора Управления по борьбе с экономической преступностью. В конце месяца, квартала, года всю милицию охватывала небывалая активность. Добро бы речь шла о раскрытии действительных преступлений. Но, увы, преступления совершаются и раскрываются не по календарному графику. Проще «организовать» преступление самим и тут же его раскрыть. Любой и каждый мог неожиданно для себя стать преступником.

Так произошло и с Худояном. Скромный директор пекарни с небольшим магазином на одном из рынков Москвы с утра того рокового для себя дня 22 декабря 1993 года никому давать взятку не собирался — да, по большому счету, и не за что было. Но человек предполагает, а кто-то другой (в данном случае не Бог, разумеется, — грех подозревать Бога в таком коварстве) располагает. В пятом часу вечера в магазин к Худояну явился сотрудник муниципальной милиции Букреев для проверки соблюдения правил торговли. Букрееву не понравилось как были оформлены документы на право торговли табачными изделиями и спиртным. Букреев считал, что у Худояна не магазин, а палатка, и к имеющимся разрешительным документам необходимо было еще получить разрешение на уличную торговлю, а Худоян с ним не был согласен. Спор был как у Остапа с ксендзами («Бога нет, — сказал Остап...»): «Это магазин», — говорил Худоян, — «Нет палатка», — твердил Букреев. «Магазин» — «Палатка» — «Магазин» — «Палатка»

ка». В результате этого диспута, в ходе которого в кабинет несколько раз заглядывал напарник Букреева с автоматом на плече, Букреев, стал писать административный протокол, приговаривая: «Штраф 2 миллиона платить будешь. Штраф 2 миллиона платить будешь» (по тем временам деньги немалые), а на просьбы Худояна протокола пока не составлять, повременить пару недель, дать возможность, если уж на то пошло, переоформить разрешение так, как считает нужным Букреев, тот отвечал: «Ах, через две недели? А что я сегодня начальнику скажу? Что Худоян через две недели разрешение принесет? Начальник мне скажет, чтоб я тогда за зарплатой через месяц приходил. Как я без зарплаты жить буду?». Худоян эти сетования на возможное сидение Букреева без зарплаты расценил как весьма прозрачный намек на взятку и со словами: «Причем здесь начальник, зачем протоколы, пойдди, отдохни с ребятами», — засунул Букрееву в нагрудный карман френча пачку пятитысячных купюр (в обвинительном заключении написано: «насильно вложил»). Букреев не отринул подачки, но пробормотал, что не может сам решить этот сложный вопрос — брать или не брать деньги — т.к. ему надо посоветоваться с товарищами. В этот момент в кабинет вошел сотрудник ОБЭП* Косинов и тут уже другие протоколы стали составляться, увезли Худояна в РУВД, и домой он вернулся через год и два месяца. У Букреева под мышкой был диктофон, с помощью которого записана была беседа его с Худояном. Да и пришли они с Косиновым к Худояну не просто так, не неожиданно для Букреева появился там Косинов, не проверка соблюдения правил торговли была целью визита, а разоблачение взяткодателя Худояна — протокол об административном нарушении был забыт, как только прозвучало это слово: «Взятка». Никто на МПП «Икар-М» (так именовалось предприятие, директором которого был Худоян) никаких двухмиллионных (и любых других) штрафов не налагал (а ведь за этим шли!). Более того, в деле имелись рапорта Букреева и Косинова, из которых видно, что они изначально направлялись на рынок бороться с взяткодателями, мешающими работать Московской краснознаменной милиции. Рапорта эти столь красноречивы, что я не могу удержаться от того, чтобы их здесь привести.

Рапорт Букреева (подан до проверки в магазине Худояна):

* Отдел по борьбе с экономическими преступлениями.

«Начальнику ОЭП УВД
СВАО г. Москвы

Рапорт

Докладываю о том, что во время несения службы и проверке коммерческих структур ответственные лица предлагают взятки в виде денег, либо различного рода товаров.

С целью документирования и пресечения преступной деятельности ответственных лиц коммерческих структур, прошу выделить сотрудников ОЭП

21.12.93 Ст. о/у ОММ СВАО* г. Москвы
Букреев С.А.».

Соответственно и о/у ОЭП КМ УВД СВАО** Косинов сообщал рапортом своему начальнику, что «22.12.93 проводилась проверка по выявлению фактов дачи взяток сотрудникам милиции со стороны коммерческих структур, действующих на территории СВАО г. Москвы. В ходе проверки установлено, что 22.12.93 ок. 17-30 по адресу Изумрудная, 3, Худояном Н. А. была дана взятка сотруднику отдела ММ СВАО в сумме 100 000 р. за несоставление адм. протоколов».

Итак, задача — выявить «факты дачи взяток» в конце года. И если само «ответственное лицо коммерческой структуры» не догадывается дать, то пригрозить ему штрафом и намекнуть при этом прозрачно — чтоб уж точно дал. Тогда и «выявлять» сразу окажется что, и раскрытым это «выявленное» можно будет показать. Да не какое-то там тривиальное хулиганство, а тщательно маскируемую дачу взятки!

Для лучшего понимания ситуации надо заметить, что Букреев — здоровый мужчина лет тридцати, даже в суд явившийся увешанный оружием и спецсредствами — тут и пистолет на боку, и дубинка, и наручники, и рация и что-то там еще из того же ряда. Оставляю на усмотрение читателя представить, как смотрелся на его фоне Худоян, и так выглядевший сильно старше своих пятидесяти лет, Худоян, изможденный тюрьмой и болезнями, чуть не отдавший Богу душу в тюремной камере.

Усматривая в действиях Букреева элементы вымогательства взятки, я не мог ставить вопрос об оправдании Худояна на ос-

* Старший оперуполномоченный отдела муниципальной милиции Северо-восточного административного округа.

** Оперуполномоченный Отдела по борьбе с экономическими преступлениями Криминальной милиции Управления внутренних дел Северо-восточного административного округа.

новании примечания к ст. 174 действовавшего тогда УК РСФСР*, поскольку допрошенный в суде сотрудник отдела торговли подтвердил, что нарушение правил торговли Худояном было допущено, а отсюда следовало, что попытки добиться несоставления протокола были неправомерны. Для признания же действий Букреева вымогательством следовало доказать, что он угрожал правомерным интересам Худояна.

Остальное понятно из текста защитительной речи.

Защитительная речь

Ваша честь! Уважаемые заседатели!

Отправной точкой для защиты в любом уголовном процессе является обвинение. В нашем процессе это — утверждение обвинительного заключения о том, что подсудимый 22 декабря позапрошлого года предложил старшему инспектору отдела муниципальной милиции Букрееву сто тысяч рублей за то, чтобы тот не составлял протокол об административном правонарушении, якобы совершенном Худояном, причем автор обвинительного заключения утверждает, что Худоян «насильно вложил в карман верхней одежды» Букреева эти деньги. Так и видится ужасающая, хуже — жуткая — картина: непорочная девица — милиция, этакая Красная шапочка с букетиком незабудок — и злой волк-искуситель, коварный Худоян, пытающийся ее соблазнить. «Насильно вложил», — написано в обвинительном заключении, — Букреев, дескать, сопротивлялся, а Худоян преодолел это робкое сопротивление и вложил-таки!

Вы видели обоих. Постарайтесь представить себе как это выглядело: вооруженный Букреев, его напарник с автоматом, время от времени заглядывающий в комнату, и Худоян, у которого после его пленения в Абхазии один вид оружия вызывает содрогание; молодой и здоровый Букреев, которому немолодой и далеко не здоровый Худоян насильно вкладывает деньги в карман.

Вглядитесь пристальнее, и Вы увидите, что повадки нашей Красной шапочки в темно-сером мундире никак не соответствуют этому образу невинной девушки. Не румянец свежести и непорочности на ее щеках, не краска смущения на лице ее, а толстый слой дешевой косметики, не широко раскрытые от испуга глаза, а ужимки и подмигивания опытной соблазнительницы.

* Упомянутое примечание гласило: «Лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если в отношении его имело место вымогательство взятки или если это лицо после дачи взятки добровольно заявило о случившемся». Аналогичная норма есть и в действующем УК РФ.

Вчитайтесь в материалы дела, вспомните показания работников милиции Букреева и Косинова — и Вы поймете, что Худоян был обречен стать взяточдателем в тот декабрьский вечер.

Оставим пока в стороне показания самого Худояна. Достаточно четкая картина происшедшего вырисовывается из показаний Букреева и Косинова, их рапортов, магнитофонной записи разговора Букреева с Худояном.

Букреев поначалу утверждал, что пришел он в магазин МПП «Икар-М» для проверки соблюдения правил торговли, и что Косинов появился там совершенно неожиданно для него. Он, Букреев, даже, якобы, не знал, что Косинов участвовал вместе с ними в этом рейде. Также начинал свои показания в суде и Косинов. После оглашения их рапортов их показания изменились и существенно. Еще бы! Ведь мы с Вами из этих рапортов увидели, что визит милиционеров к Худояну был вовсе не случаен — они пришли для «выявления фактов дачи взяток сотрудникам милиции», а вовсе не для проверки соблюдения правил торговли. Главное «выявить факты дачи взяток», а проверка соблюдения правил торговли — только предлог. И появление Косинова не было неожиданным для Букреева. Букреев сам потребовал направления вместе с ним сотрудника ОЭП, как указано в его же рапорте, «с целью документирования».

Но прежде чем документировать, надо еще добиться, чтобы Худоян дал взятку, и именно для того Букреев составляет протокол о нарушении правил торговли. Ни для чего иного этот протокол не был нужен, не случайно он так и не был пущен в ход, МПП «Икар-М» не было оштрафовано, и о протоколе забыли сразу после задержания Худояна. Именно для того, чтобы Худоян попытался дать взятку понадобились Букрееву намеки на двухмиллионный штраф, хотя Букреев — не суд и не административная комиссия и не ему дано определять вид и размер административных взысканий. Для этого же Букреев завел разговор о зарплате, которую ему перестанут платить, если протокол не будет составлен.

Расчет был безошибочен. Мы часто слышим разговоры о коррумпированности милиции, о том, что милиция занимается поборамми с продавцов — особенно с малых торговых точек: ларьков, киосков и маленьких магазинчиков. Это, по-видимому, не просто беспочвенные слухи, если предложение провести мероприятие «по выявлению фактов дачи взяток работникам милиции» не вызвало у милицейских начальников удивления: ведь «факты дачи взяток» — это одновременно и факты получе-

ния взяток. Лучше всех о милицейских поборах знают те, кого обирают, — торговцы на рынке. Именно поэтому Худоян воспринял слова Букреева как более чем прозрачный и обычный намек на необходимость дать взятку. На его месте точно также понял бы Букреева любой психически нормальный человек.

Кто такой Букреев? Муниципальный милиционер. Муниципальная милиция — не криминальная милиция. Ее задача, согласно Закону РФ «О милиции» — поддержание общественного порядка. Букреев не обучен выявлять замаскированные, не очевидные преступления, разоблачать взяточников и взяткодателей, он не знает о процессуальных гарантиях, он толком не знает, как это нужно «документировать» — для этого и понадобился сотрудник ОЭП Косинов. Букреев же обучен другому: вступить в перестрелку, догнать, схватить, надеть наручники и привести. Это он знает, умеет, на это «натаскан». И вдруг перед ним ставят качественно иную задачу: выявить взяткодательство, разоблачить взяткодателя. Ему говорят: «Ответственные лица коммерческих структур дают взятки сотрудникам милиции». Он с его прямолинейным профессиональным правосознанием эту установку воспринимает просто: «Все ответственные лица коммерческих структур — взяткодатели». Не просто «ответственные лица», а чуточку иначе — «все ответственные лица». Совсем малое почти незаметное, казалось бы, отличие — всего одно слово, всего три буквы, а как меняется смысл задачи Букреева! Не нужно думать, кто из этих «ответственных лиц» потенциальный преступник, а кто — нет. И сразу кажется допустимым провоцировать любого из них — ведь все они преступники, все они взяткодатели, и провокация здесь уже не грех. Он угрожает — двухмиллионным штрафом, но одной угрозы штрафом мало, чтобы подтолкнуть человека к даче взятки, и он заводит разговор о своей зарплате, без которой ему не прожить. До слов Букреева о зарплате Худоян если и подумал о том, что деньгами можно хотя бы приостановить составление протокола, то предложить деньги попросту боялся. Своими рассуждениями Букреев рассеял сомнения Худояна, дал ему понять, что он, Букреев, не только не против деньги получить, но даже нуждается в них. Букреев буквально подстрекал Худояна дать ему деньги. Иначе истолковать эту беседу просто нельзя.

Вы не можете не согласиться с тем, что не сочинил бы Букреев этот злосчастный протокол об административных нарушениях, не угрожал бы он штрафом, не заговорил бы он о своей нужде в деньгах, так и не стал бы Худоян давать ему денег.

В обвинительном заключении квалификация действий Худояна как покушение на дачу взятки мотивируется тем, что Букреев от получения взятки отказался. Ни минуты не сомневаясь в том, что если, считать доказанным передачу денег Худояном Букрееву, то это и вправду покушение, а не оконченное преступление, полагаю все же, что никакого отказа от получения денег со стороны Букреева не было. Ведь стоило бы Букрееву четко и недвусмысленно заявить, что взятку он не возьмет, и никаких денег Худоян не стал бы вкладывать ему в карман. Не думаете же Вы, в самом деле, что Худоян их и вправду насильно вложил Букрееву в карман! Но такой расклад Букреева не устраивал. Провокация могла сорваться. И Букреев тянул до последнего, уклончиво мямлил, что сам он таких вопросов не решает, что ему надо посоветоваться с товарищами. Он тянул до самого прихода Косинова. Вы слышали магнитофонную запись их беседы. Действия Букреева представляют собой именно подстрекательство к даче взятки с элементами вымогательства.

Взяточничество известно человечеству с древнейших времен. Еще в Библии написано: «Не принимай даров, ибо дары закрывают глаза берущих и превращают дело правых». Но уже тогда люди понимали, что главным в этой паре является не взяткодатель, а лихоимец, что главная опасность исходит от него. Не случайно слова Библии обращены к тому, кто берет. В нашем деле лихоимец не просто взял, он сперва убедил в том, что ему нужно дать, больше того — что ему нельзя не дать.

Большие сомнения возникают по поводу того, что именно, сколько именно денег вложил Худоян в карман Букреевского френча. На первом допросе у следователя Худоян суммы вообще не вспомнил. Действительно: не считая взял, не глядя, из сейфа пачку мелких купюр и, так и не сосчитав, сунул Букрееву в карман. Но Букреев с Косиновым ведь должны были сосчитать деньги сразу при задержании Худояна? Ведь Косинов в своем рапорте пишет о ста тысячах, откуда ж сомнения, спросите Вы? А вот откуда. Должны были, да долга этого не исполнили. Почему Косинов упоминает в рапорте именно эту сумму непонятно, ибо когда дело после столь героически проведенного дознания направлялось в прокуратуру, то в препроводительном письме, оглашенном Вами в судебном заседании, было написано, что направляются прокурору: «1. Уголовное дело в 1 томе на 24 листах; 2. Деньги в сумме 50 тысяч рублей». А в скобках рядом с цифрой, обозначающей сумму, указано для верности: 50 x 10. Причем сперва было напечатано: 50 x 20,

а потом от руки исправлено — 50 x 10. В конверте же, подшитом к делу, находится сто тысяч рублей. Дача взятки — преступление умышленное. Если и дознаватели в спокойной обстановке своих кабинетов не смогли сосчитать и потому не знали, сколько денег их коллегой получено, то уж Худоян, в той нервной обстановке денег не считавший, тем более не знал этой суммы. Нет никаких оснований считать, что он хотел дать Букрееву именно сто тысяч и ни копейкой меньше. Откуда вообще взялось там сто тысяч, сегодня можно только гадать, но вряд ли эти гадания будут успешными, ведь «лишние» пятьдесят тысяч могли принадлежать и самому Букрееву. В конце концов, были у него с собой какие-то и свои деньги, ведь даже муниципальным милиционерам приходится иногда платить в магазинах и для того носить с собой хоть немного денег. Да и сумма не шибко велика — вполне можно забыть что такие деньги в кармане затерялись. В силу требований закона всякое неустраиваемое сомнение надо толковать в пользу подсудимого. Поэтому если Вы признаете Худояна виновным в даче взятки, то в приговоре Вашем размер этой взятки должен быть указан вдвое меньший, чем в обвинительном заключении: не сто тысяч, а пятьдесят.

Никакой приговор не может быть справедливым, если он не учитывает мотивов содеянного, побуждений, которые двигали подсудимым. Представьте себе ситуацию глазами Худояна, как она ему виделась в тот момент. Пожилой и много натерпевшийся в жизни человек. Совсем недавно переживший крах спокойной и благополучной жизни в Абхазии — все разметала война, стыдливо называемая политиками грузинско-абхазским конфликтом. От того, что это всего лишь конфликт, Худояну легче не стало: дом его разрушен, хозяйство развалено, а сам он оказался в плену, был избит автоматными прикладами по голове и последствия этих травм — и физических и душевных — до сих пор еще не прошли. Из плена удалось вырваться и бежать из охваченной войной Абхазии. Куда бежать? Не на родину предков — Армению — там своя война, а войной Худоян уже сыт по горло. Не в Грузию же — от грузино-абхазского конфликта. И он бежал в страну, которая уже несколько столетий называет себя гарантом мира и спокойствия на Кавказе, как, впрочем, и на всей территории бывшего СССР. Он прибыл в город, где давно уже живет его взрослая дочь со своей семьей; город, который люди его поколения привыкли считать самым главным советским городом, привыкли здесь искать справедливость. Он нашел в Москве работу и жилье. Казалось бы, жизнь наладилась. Но

город наш давно перестал быть столицей пролетарского (да и всякого иного) интернационализма. Уж не судьям я должен рассказывать, что вовсе не большинство среди Ваших подсудимых составляют кавказцы. Но останавливают в метро и на улицах милиционеры для проверки документов — просто так, без всякого повода, именно «лиц кавказской национальности». Форма носа, цвет волос, акцент — вот их вина. Ведь и Букреев с Косиновым направились в магазин к Худояну не потому, что у них была информация о том, что именно он является тем самым «ответственным лицом коммерческих структур», которых они взялись разоблачать в тот вечер, и не потому, что вокруг не было других магазинов, магазинчиков и ларьков — а все потому же, потому, что Худоян — «лицо кавказской национальности».

Как должен был чувствовать себя Худоян перед Букреевым? «Лицо кавказской национальности», постоянно ожидающий милицейского окрика или властного жеста, постоянно «выдергиваемый» из толпы прохожих или пассажиров метро и вынужденный каждый день по несколько раз оправдываться без вины перед каждым постовым милиционером? Как он должен был себя вести с Букреевым — безоружный и беззащитный, избитый в плену автоматчиками и от этого страдающий постоянными головными болями, с уверенным в себе напористым, вооруженным Букреевым, сопровождаемым, к тому же, автоматчиком? Как должен был он реагировать на слова Букреева о том, что начальник пригрозит тому лишением зарплаты из-за него, Худояна?

Так Худоян и попал в тюрьму, в которой находится до сих пор — вот уже четырнадцать месяцев. Жизнь в тюрьме вообще не сахар. В наших сегодняшних следственных изоляторах — в особенности. Ужасающая скученность — восемьдесят человек в камере, рассчитанной на двадцать пять арестантов, которые, собственно говоря, уже не сидят там, а стоят: «сидят» стоя, как в автобусе в часы пик, потому что даже сидят они там на нарах по очереди. Спертая атмосфера, полное отсутствие свежего воздуха. Никаких витаминов, питание, которое и питанием-то, даже пониженным, назвать стыдно. В этой обстановке у Худояна разыгрался жесточайший фурункулез, из-за которого он чуть не отдал Богу свою многострадальную душу. Я при очередном визите в СИЗО застал Худояна в тяжелейшем состоянии и с большим трудом, только после обращения в городскую прокуратуру добился помещения Худояна в тюремную больницу, где он тут же был прооперирован. До этого — никаких ле-

карств, никакой вообще медпомощи, в результате чего болезнь пошла внутрь. А ведь фурункулез — это золотистый стафилококк, без своевременного лечения выжить может не каждый, да еще в тюремных условиях.

Худоян сегодня вину свою признал. Он сказал Вам, что раскаялся в содеянном. Думаю, что это действительно так. Но никто и никогда не узнает, почему он, не признававшись раньше, признался сегодня: от того, что это действительно так все и было, он действительно деньги Букрееву дал, а потом наступило раскаяние, или от того, что он просто устал сидеть в тюрьме. В любом случае ему нельзя ставить в вину его прежнее непризнание вины и в любом случае нельзя усомниться в искренности его раскаяния. Раскаяния то ли в даче взятки, то ли в том, что он хотя бы разговаривал об этом с милиционером. Я думаю, что никогда в жизни он больше ни одному милиционеру и рубля не подаст.

Ваша честь! Уважаемые заседатели! Неужели же то, что сделал Худоян и то, почему он это сделал, требует еще какой-то кары? Неужели все то, что он уже перенес, недостаточное для него наказание? Я прошу Вас — назначьте ему такое наказание, которое будет полностью исчерпано отбытым предварительным заключением. Пусть Худоян из этого зала уже не возвращается в тюремную камеру.

Послесловие автора

Суд, признав Худояна виновным, приговорил его к лишению свободы в размере отбытого им срока и из-под стражи освободил из зала суда.

Дело «Гранатометчиков»

Комментарий автора

Осенью 2000 года я принял участие в кассационном рассмотрении Верховным Судом России уголовного дела двух бывших милиционеров — Кислицина и Москвичева, осужденных Верховным Судом Республики Марий Эл за покушение на убийство, незаконное приобретение и ношение оружия. Если верить приговору, они бросили две гранаты в квартиру своего сослуживца, с которым за день до того у них произошла бурная ссора. Изучив дело перед судебным заседанием, я обнаружил в нем целый «букет» процессуальных нарушений, чрезмерно пышный даже для постсоветского российского правосудия.

Фабула дела, как она была изложена в обвинительном заключении, проста. Сотрудники одного из предприятий Йошкар-Олы Крячок и Бакутина, вопреки запрету охраны, сорвав замок, зашли в офис фирмы. Охранник Кислицин запер их там снаружи и вызвал милицию. Крячок вылез из офиса через окно, отпер помещение и вместе с Бакутиной уехал, не дождавшись милиции.

Через день вечером кто-то позвонил в дверь квартиры Крячка. Когда Крячок открыл дверь, то увидел двоих мужчин, которые, не входя внутрь, бросили в квартиру две ручные гранаты. К счастью, от взрыва гранат никто не пострадал — сгорели лишь некоторые предметы мебели и были опалены обои. Крячок погнался за злоумышленниками, но догнать их не смог.

Ночью в милицию были доставлены Кислицин и другой охранник — Москвичев. В ходе долгой беседы с сотрудниками МВД Республики Марий Эл Кислицин признался в том, что это он и Москвичев бросили гранаты в квартиру Крячка. Когда эти показания Кислицина предъявили Москвичеву, признался и он. Но вот загвоздка — потерпевший Крячок утверждал, что гранаты в него бросили другие люди. Крячка водворили в ИВС «в порядке ст. 122 УПК РСФСР». Просидев немного за решеткой, Крячок «вспомнил», что неизвестными гранатометчиками были именно Кислицин с Москвичевым.

После этого Крячка из-под стражи выпустили, а Кислицина с Москвичевым перевели в следственный изолятор. Как только это случилось, Крячок заявил, что показания о виновности Кислицина и Москвичева были даны им в результате угроз со стороны работников милиции, и что на самом деле Кислицин и Москвичев ни в чем не виноваты. Кислицин и Москвичев также отказались от своих «признательных», как теперь говорят (хотя

кому и за что признательны эти люди?), показаний. Кислицин заявил, что признался после того, как его избили: били по ушам, по голове пистолетом. Москвичев заявил, что ему грозили поместить в общую камеру с лицами, которых он ранее, как работник милиции, привлекал к ответственности; ему объясняли, что его заpiresательство бессмысленно — ведь Кислицин уже признался. Обещали квалифицировать содеянное по более «мягкой» статье Уголовного кодекса. Отказавшись от своих признаний, в последующем — и на предварительном следствии и при судебном рассмотрении дела — Кислицин, Москвичев и Крячок своих показаний более не меняли.

Чтобы опровергнуть заявления Кислицина о применении к нему насилия, следователь приобщил к делу справки из ИВС и СИЗО, согласно которых у Кислицина при водворении в эти учреждения никаких повреждений не имелось и никаких жалоб на здоровье он не предъявлял. Проведенная по настоянию защиты судебно-медицинская экспертиза подтвердила, однако, наличие у Кислицина травматического разрыва барабанной перепонки и шрама на теменной части головы. Срок причинения повреждений соответствовал времени, указанному Кислицинным. Знакомые Кислицина подтвердили его алиби и то, что вечером накануне задержания ни в каких драках он не участвовал и никаких повязок у него на голове не было.

Допрошенные следователем (а затем и судом) работники милиции, естественно, категорически утверждали, что Кислицин и Москвичев признавали вину свою добровольно, никто им не угрожал, никто Кислицина не бил, и вообще у Кислицина на голове была марлевая повязка уже тогда, когда к нему приехали домой, чтоб его задержать.

Несмотря на явные и многочисленные натяжки и противоречия, Кислицин и Москвичев были осуждены за покушение на убийство, незаконное приобретение и ношение оружия — один к шести, а другой к восьми годам лишения свободы. Приговор этот Верховным Судом России был, однако, при кассационном рассмотрении отменен и дело направлено на новое рассмотрение. Мое ходатайство об изменении меры пресечения обоим оставили без удовлетворения, Кислицин и Москвичев (которых этапировали в Москву для участия в кассационном заседании) были возвращены в Йошкар-Олу под стражей.

При новом рассмотрении дела по первой инстанции Верховным Судом Республики Марий Эл (разумеется, в ином составе) подсудимые виновными себя так и не признали, потерпевший

их вины также не подтвердил, работники милиции все также уверяли, что Кислицин и Москвичев признавались в совершении преступления добровольно и искренне, а Крячок — якобы столь же искренне их изобличал.

Новым было лишь то, что Крячок в зале заседания находился под стражей — ему припомнили старые грехи, возобновили ранее прекращенное дело о покушении на убийство, сопряженное с изнасилованием; пол дня Крячок участвовал в нашем судебном заседании в качестве потерпевшего, а пол дня — в соседнем зале в качестве подсудимого. Процесс по делу Крячка закончился раньше. Его оправдали и уже на прениях в нашем процессе он появился без охраны.

Гособвинитель потребовал Кислицина и Москвичева признать виновными по всем пунктам обвинения и приговорить их к такому же наказанию, как и в первый раз.

За сим слово было предоставлено защите.

Защитительная речь

Ваша честь! Уважаемые заседатели!

Должен сказать, что я во многом согласен с обвинителем. Почти два года уже прошло с тех пор, как прогремел этот роковой взрыв в квартире Крячка. Я тоже думаю, что намерения гранатометчиков были достаточно очевидны. Гранаты — первая была брошена вообще непосредственно в самого Крячка, вторая — в его квартиру. Думаю, что злоумышленники понимали, что от этих взрывов и Крячок может погибнуть, и диван сгорит, и обои опалются. Речь идет о покушении на жизнь человека, о причинении имущественного ущерба, и, конечно, — если люди носили с собой гранаты — о незаконном приобретении (законно у нас в стране гранаты частным лицам не продаются) и ношении этих гранат. То есть все, видимо, с квалификацией правильно. Я согласен и с тем, что люди, виновные в таком преступлении, заслуживают сурового наказания, может быть именно такого, о каком говорит прокурор.

На этом, впрочем, сходство наших представлений об этом деле и заканчивается. Дальше идут одни разногласия. Наказаны ведь должны быть только виновные люди. Я же считаю, что вина подсудимых совершенно не доказана и намерен просить Вас не о снисхождении — об оправдании.

На чем, собственно, держится обвинение?

По мнению прокурора это, конечно, показания самих подсудимых, в которых они себя признавали виновными, это те пока-

зания потерпевшего Крячка, в которых он называл виновными подсудимых, это вся информация о так называемом конфликте 31 августа, это, наконец, данные осмотра места происшествия, заключение экспертизы о том какие там были гранаты, сколько их было и т. д.

Сразу скажу о протоколе осмотра места происшествия и о той самой экспертизе о гранатах. Я не склонен считать, что эти доказательства хоть как-то подтверждают вину подсудимых. Никаких вообще следов пребывания подсудимых когда бы то ни было на этом месте протоколом осмотра не зафиксировано. Ни фамилии их там не написаны, ни отпечатков пальцев, ни следов обуви — ничего этого нет.

Что касается заключения экспертизы, то эксперты сказали сколько там было гранат, какие это были гранаты, но, опять же — кто их бросал там не сказано. Ни на одном из осколков гранат, которые мы сегодня осмотрели, никаких следов того, что именно подсудимые вбросили эти гранаты в квартиру Крячка, нет.

Это доказательства события преступления, но не виновности подсудимых.

Виновность же, как утверждает обвинение, подтверждается показаниями потерпевшего и подсудимых. Именно об этих показаниях, прежде всего, обвинитель говорит, что в деле нет доказательств, полученных с нарушением закона. Позволю себе с этим не согласиться. Показания Крячка, Кислицина и Москвичева, — те показания, в которых подсудимые признавали себя виновными, а Крячок узнал в Кислицине и Москвичеве неведомых злоумышленников, получены с грубейшими нарушениями закона.

Начнем с показаний Крячка. Он единственный из допрошенных по делу лиц видел действительно виновных — тех, кто бросал в него гранаты. Кислицина и Москвичева он знает давно, если бы это были они, не узнать их не мог и работники милиции, которые с ним беседовали, это понимали. Я не знаю, чем Кислицин и Москвичев насолили милиции, но я верю Крячку, когда он говорит, что его в милиции заставляли назвать эти фамилии. Почему нужно верить показаниям Крячка в судебном заседании и не принимать в расчет его изобличительных показаний на предварительном следствии?

Как только его освободили, Крячок вернулся к прежним утверждениям и до сих пор их придерживается. Ну а кто лучше него знает — подсудимые там были, подсудимые бросали гранаты или кто-то другой? Следователь? Оперработчик? Обвини-

тель? Кто больше всего заинтересован в том, чтоб этих людей вычислить, привлечь и наказать? Он уже пострадал, ему и после этого покушения, как мы слышали, еще угрожали, он заинтересован в наказании виновных, чтоб обезопасить себя. И вот он, видевший этих людей, говорит о подсудимых: «Нет, это не они бросали в меня гранаты», — и утверждает иное только тогда, когда его незаконно задерживают.

Крячок — человек, (обвинение это особенно подчеркивает, неоднократно напоминает нам об этом), — обиженный Кислициним. Это его вместе с Бакутиной не пускали в офис накануне, а когда они все-таки туда вошли, там их заперли; это он вынужден был вылезать через окно, чтоб освободиться самому и освободить Бакутину. Обвинение полагает, что, коли Крячок, вылезши из офиса, на чем свет стоит ругал тех, кто его запер и грозил им карами земными и небесными, так уж бесспорно они и бросили гранаты в Крячка — чтоб, дескать, предупредить его предполагаемую месть. Предположение более чем спорное. Думается, наоборот. Не он их — они его запирали и вынудили вылезать через окно, не у них на него — у Крячка на них обида. Если уж у Крячка есть основания говорить неправду, то прямая выгода сейчас — обвинить обидчиков, отомстить им за унижение. И раз уж он дает в суде показания вопреки этой обиде, показания их защищающие, то таким показаниям и нужно верить, ибо эти показания не отягощенные личным интересом, а данные вопреки ему, показания объективные.

Наконец, изобличительные показания Крячка получены с грубейшими нарушениями закона. Показания эти даны им только после того, как он был задержан и водворен за решетку. Ни одного из обстоятельств, указанных в законе в качестве оснований и поводов к задержанию, нет и в помине. А перечень этих обстоятельств, приведенный в статье 122 УПК, как известно, является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит.

Задержание может производиться только по возбужденному уголовному делу. Настоящее дело возбуждено по признакам статьи 119 УК. Крячок же задержан по подозрению в преступлении, предусмотренном статьей 220-й, то есть статьей, по которой дело не возбуждалось, и уже потому задержание это незаконно. Далее, показания эти получены у Крячка следователем Бахтиным 4-го числа. Однако еще за сутки до этого следователь Фомин вынес постановление о направлении дела по подследственности в прокуратуру. С этого момента Бахтин вообще при-

касаться к этому делу не мог без письменного поручения прокурора либо следователя прокуратуры, Бахтин теперь по этому делу не следователь, теперь он человек посторонний. Одно лишь то, что он вообще умеет допрашивать, еще не означает, что он вправе это делать всегда, когда ему это заблагорассудится. Я много лет работал прокурором и следователем и научился проводить допросы, так что же, я тоже могу сейчас пойти и по любому делу допрашивать кого мне захочется!?

И это называют доказательством, полученным без нарушения закона?

Показания эти в силу известных положений статьи 69 УПК не имеют юридической силы, потому что они даны по принуждению, даны человеком, незаконно задержанным, даны на допросе, проведенном ненадлежащим должностным лицом. Таково требование закона, хочется это обвинителю или не хочется, но закон следует исполнять, и прокуратуре — в особенности.

Впрочем, марийская прокуратура требования закона не всегда считает для себя обязательными. Я вчера с удивлением услышал оглашенный Вами и приобщенный к делу по ходатайству прокурора документ — копию приказа прокурора Республики Марий Эл о назначении господина Доронина исполняющим обязанности заместителя прокурора Республики. Может быть его и можно было назначить исполнять эти обязанности, но никакой закон не позволяет лицу, таким образом назначенному на должность, санкционировать аресты. А ведь аресты по этому делу были санкционированы господином Дорониным в качестве и.о. Зам. Прокурора Республики! Такое отношение к закону проливает свет на многое в настоящем деле.

Обвинители и защитники нередко обращают внимание судей на исключительность уголовных дел ввиду каких-то особых обстоятельств. Сохраняя традицию, скажу, что и это дело тоже исключительное. Оно исключительно не только потому, что отличается от всех других, поскольку уголовные дела — это дела о людских деяниях и нет двух одинаковых дел, ибо нет двух одинаковых людей. Причина исключительности этого дела в другом. Это дело вообще эпохально, ибо с него начинается новая эпоха в развитии беззакония в нашей стране. Мы уже, к сожалению, начинаем привыкать к тому, что показания незаконными методами получают у подозреваемых и обвиняемых, когда их незаконно задерживают и даже применяют физическое насилие. Но здесь впервые незаконно задержали для получения нужных милиции показаний потерпевшего.

Незаконность этого задержания подтверждается еще и тем, что Крячка из-под стражи выпустили, как только он дал требуемые работниками милиции показания, и по этому делу, по этому подозрению, послужившему причиной задержания, так ведь и не стали привлекать. Потом, как известно, его все-таки привлекли к уголовной ответственности, но — по другому делу и по другому обвинению. Весьма показательное это совпадение — «вспомнили» его старые грехи в тот именно момент, когда Крячок заявил, что не Кислицин и Москвичев бросали гранаты в его квартиру. Но теперь известно и другое — дело по его обвинению направили в суд, а суд Крячка оправдал!

Итак, считать показания Крячка доказательством виновности подсудимых нельзя.

Тем более не доказывают вины Кислицина и Москвичева их собственные показания, в которых они признавали себя виновными.

Если обвинение их показаниям предлагает верить, то давайте уж доверять во всех основных позициях. Но вот вопрос: каким именно показаниям верить? Ведь показания их отличаются, причем достаточно существенно. Вообще-то, если два человека говорят об одном и том же, то они почти всегда говорят по-разному и это понятно: люди по-разному воспринимают окружающий мир, разные люди запоминают разные обстоятельства даже одного и того же события. Однако различия эти касаются незначительных деталей. А здесь различия существенны: Кислицин говорил, что они пешком пришли к дому Крячка, пешком ушли, добежали до улицы Подольских курсантов и разбежались. А Москвичев говорил, что их на машине Яцко подвозил. Казалось бы, Москвичеву можно верить, потому что его никто в милиции не бил — не только Кичкин и его сотрудники говорят об этом, но и сам Москвичев показал, что не трогали его. Но показания Москвичева в этой части опровергаются показаниями объективно не заинтересованного человека — Яцко, который утверждает, что в это место и в это время он Кислицина с Москвичевым не подвозил.

Эти показания Кислицина и Москвичева противоречат и одному весьма существенному для настоящего дела объективно установленному обстоятельству. И тот и другой, когда говорили о гранатах, которые приобретали, носили, кидали и взрывали — то есть совершали с ними довольно много манипуляций и разглядели их, как Вы понимаете, достаточно подробно — оба говорят только о гранатах РГД. Но ведь на месте происшествия, как

мы знаем из заключения экспертизы, были взорваны две гранаты разных типов: одна граната РГД, а другая — РГ-42. Эти гранаты очень сильно отличаются по внешнему виду, спутать их невозможно. Почему же они оба говорили о только гранатах РГД? Ведь такая граната должна была быть только у одного из них, а у другого должна была быть граната РГ-42. Почему Кислицин на допросе нарисовал (если это слово применимо к каракулям, появившимся из-под его пера) нечто похожее на гранату РГД?

Ответ прост — Крячок и Егоров, сперва опрошенные на месте происшествия а затем и допрошенные раньше Кислицина и Москвичева, разглядели только одну гранату. Одна граната попала Крячку в шею, скатилась вниз, Крячок на нее не успел даже посмотреть, а другую гранату он увидел и оттолкнул ногой. Эту вторую гранату увидел Егоров и оттолкнул ногой ее под диван. Работники милиции, прибывшие на место происшествия, первое, что должны были сделать, — это побыстрее опросить очевидцев. Иначе как строить последующую работу — и оперативную работу, и работу следователя? Иначе зачем вообще было приезжать на место? Они так и поступили. И, как объяснил Крячок в судебном заседании, он им сказал, что была взорвана граната РГД — а он разбирается в гранатах, и по внешнему ее виду понял, что это была граната РГД. Именно отсюда идут показания Кислицина и Москвичева о гранатах, а не от их собственного знания. Ведь если они признаются и говорят при этом правду, то и должны правильно назвать то, что вбрасывали в квартиру Крячка. Почему же они оба называют оба гранату РГД? Ведь одна из гранат должна была быть гранатой РГ-42. Они разительно отличаются и спутать их невозможно. Одна граната представляет собой нечто вроде консервной банки от сгущенного молока с длинной ручкой — это граната РГ-42 времен Великой Отечественной войны, образца 42-го года. Вторая — круглая со швом по середине — РГД. Почему они назвали оба только одну гранату? Да потому, что оперработники не знали еще к моменту их допроса, что гранат вообще взорвалось две и они были разные. Вот и цена этим показаниям: не следователь от Кислицина и Москвичева получил информацию, а наоборот — Кислицин и Москвичев «признавались» так, как им диктовали работники милиции.

Обвинение утверждает, что у Кислицина и Москвичева были мотивы, побуждающие их к убийству Крячка. Почему? А потому, что Кислицин запер Крячка с Бакутиной в офисе фирмы и Крячок, когда выбрался оттуда, чем-то грозил своим обид-

чикам. Сразу замечу, что Москвичев их там не запирали и вся эта история имеет к нему весьма косвенное отношение. Оба — Кислицин и Москвичев — недавние работники милиции. Изначально непонятно почему это вдруг люди, по несколько лет проработавшие в милиции, человека, которого они же и обидели и который из-за этого им угрожал, хотят убить. За время работы в милиции каждый из них задерживал многих, многие им грозили и, если каждого после этого убивать, то вокруг них уже давно бы образовалась пустыня!

Вообще кто кому грозил, кто обижен? Крячок — Кислицину и Москвичеву. Но тогда логично было бы, если бы Крячок, вымещая свою обиду, реализовал угрозы и пытался отомстить обидчикам. Обвинение же утверждает, что обиделся Крячок на подсудимых и они за это стали ему мстить — за то, что они его обидели! Это какая-то вывернутая наизнанку логика, не соответствующая логике нормальных людей.

Обвинение утверждает, что алиби у подсудимых ложное. Их алиби, дескать, подтверждают только люди близкие к подсудимым, люди заинтересованные: друзья, знакомые и родственники. Это Очиева, которая была в этот вечер с Москвичевым дома, это жена Кислицина и его сын, это Орлович, Лежнева, Гуляев и Смирнов — люди, с которыми Кислицин в день, когда был задержан, вместе угощался шашлыком. По мнению следствия, они не искренни и выгораживают подсудимых.

Я думаю, что такой вывод следствия несколько опрометчив. Я бы не назвал всех этих людей близкими друзьями Кислицина, это совсем не так. Вот, например, последний допрошенный вами свидетель из этой компании — Смирнов — человек, который Кислицин видел тогда не то первый, не то второй раз в жизни. Чтобы назвать Смирнова близким другом Кислицина, надо иметь очень богатое воображение. Во время его допроса в судебном заседании Смирнов с трудом что-то вспоминал, из него с трудом приходилось буквально вытаскивать ответы на вопросы. Нет, никак он не производит впечатление человека, способного фантазировать. Но ведь он четко стоит на одном: был Кислицин за их столом, ел он шашлык вместе со всей компанией и было это именно тогда, когда, по мнению обвинения, он должен был быть совсем в другом месте! Столь же ясны и непротиворечивы показания и других участников этого пикника. Искренен допрошенный в суде малолетний сын Кислицина, искренне говорила и Очиева. Никаких доказательств их лжесвидетельства не приводится, одни лишь предположения.

Что противопоставляют их показаниям, чем опровергают это алиби? Показаниями работников милиции. Работники милиции говорят, что Кислицин добровольно признался в содеянном, никто никакого незаконного воздействия на него не оказывал, никто — упаси Бог! — его не бил. Ход мыслей обвинения прост: раз милиционеры утверждают, что они Кислицина не били и он сам добровольно признался, то все те, кто подтверждает алиби Кислицина и Москвичева, говорят неправду. А поскольку в суде все же надо объяснить, зачем им это нужно, то и объяснение обвинением предлагается самое простое: они выгораживают Кислицина и Москвичева. Но, спрашивается, а работники милиции никого не выгораживают? Разве они не выгораживают самих себя, когда пытаются доказать, что никто в здании МВД Кислицина и пальцем не тронул?

Здесь пора вспомнить о повязке на голове у Кислицина. В какой момент она появилась и в какой момент исчезла? У защиты может быть и возникли бы сложности в решении этих вопросов, если бы эти brave милиционеры хотя бы между собой договорились. Жена Кислицина, его сын, а также Орлович, Лежнева, Гуляев и Смирнов утверждают, что вечером у Кислицина никаких видимых травм и никаких повязок не было, никаких жалоб на то, что у него вообще хоть что-нибудь болит, он не заявлял.

Если же верить работникам милиции, то голова у Кислицина была перевязана еще до того, как его привезли в милицию; Мухин и Степанов говорят, что, когда они приехали за ним домой, повязка на голове Кислицина уже была, и что он повязку эту снял еще дома. Весьма сомнительно: если у него уже тогда была травма, зачем ему было снимать повязку? Безденежных и Грачев уверяют — в здании МВД он был без повязки. А вот Савинов говорит, что повязка у Кислицина в милиции была и снял ее он уже там. Опять-таки непонятно — зачем? Что, он актер, которого гримировали перед видеозаписью показаний?

Нас пытаются убедить в том, что повязки у него не было, не было телесных повреждений. В подтверждение приводят справки из ИВС и следственного изолятора, в которых утверждается, что повреждений у Кислицина не было, что при заключении под стражу он был «практически здоров».

Но ушная перепонка-то у него на самом деле была пробита! На голове шрам действительно есть! Судебные медики это подтвердили. И по сроку они вполне могли быть получены им во время «бесед» с ним в милицейских кабинетах.

Понятно почему «не заметили» повреждений у Кислицина в ИВС и в следственном изоляторе — почему работники милиции уверяют, что повреждений не было, потому и в изоляторе их «не увидели». Но, как только допросили в изоляторе Кислицина в присутствии защитника, когда затем пришлось этапировать его на экспертизу, так в медчасти следственного изолятора посмотрели на его голову и сразу обнаружили, что перепонка лопнула. А до тех пор человек с дырой в перепонке — а мы ведь понимаем, что безболезненными такие раны не бывают, человек, у которого рана на голове (и фотография в личном деле Кислицина это подтверждает, на ней еще и бровь у него заклеена пластырем), этот человек «не заявлял» никаких претензий, никаких жалоб у него нет, он, оказывается, практически здоров! Полуоглохший человек считается «практически здоровым». Это очень интересные представления о здоровье, совершенно не совпадающие с представлениями нормальных людей!

И после этого нам говорят, что все этом деле законно, что здесь нет показаний, полученных с нарушением закона!

Законно?!

Признания Кислицина и Москвичева зафиксированы в протоколах допроса их в качестве свидетеля. Но, позвольте, свидетели по закону — в силу статьи 155 УПК — вызываются на допрос иначе. Свидетелей не поднимают ночью с постели и под конвоем не везут в милицию. Свидетелей прежде, чем допросить, не обрабатывают в кабинете замминистра внутренних дел по полтора часа. Это все никакого отношения к законности не имеет.

Если считать, что, как нам тут пытались объяснить, это действие не допросом, а опросом в порядке закона об оперативно-розыскной деятельности, то этим законом такие «опросы» не предусмотрены, здесь нет такого опроса, который описан в законе. Да и протокол составлен — протокол допроса свидетеля.

Нам не только подсудимые, но и свидетели из числа работников милиции пояснили, что Кислицина и Москвичева водили и даже возили под конвоем из кабинета в кабинет, запирали в «боксы», они при этом были в наручниках. И это все с ними делалось, не только для того, чтоб они друг с другом общаться не могли, но чтоб вообще ни с кем не общались и чтоб никуда не ушли.

Многие следователи и прокуроры думают, что задержание — это когда человека помещают в изолятор временного содержания. Но это вовсе не так. Задержание — это когда человека изымают из его собственной, привычной для него микросреды, когда его берут под белые руки и привозят в милицию, когда его в

милиции запечатывают в помещение, которое свидетель Дорохов назвал «боксыком», а широкая публика называет «телевизором», — в клетку, за решетку, да еще и СОБРовца сажают рядом, чтоб он через решетку не просочился и никуда не убежал. Если они были свидетелями, как написано в протоколах их допросов, то их нельзя было оставить в милиции. Свидетель закончил давать показания — и ушел. Но ведь этого нет, не отпустили обоих. Ни Кислицин, ни Москвичев не имели реальной возможности уйти. И с самого начала никто их и не собирался отпускать. Значит, фактически задержание состоялось раньше того часа, который указан в протоколах задержания. Никаких оснований к задержанию, указанных в статье 122 УПК, не было. И, значит, задержаны они были незаконно и все показания, полученные от них, получены незаконно. Тем более, что допрашивал их следователь Жарков, принявший дело к производству после того, как было вынесено постановление о направлении дела по подсудственности в прокуратуру. Он не вправе был их допрашивать, точно также, как и Бахтин не вправе был допрашивать Крячка четвертого числа. Эти показания получены также незаконно, как и показания Крячка.

Бахтин пытался объяснить, что один из пунктов статьи 122 УПК имел, якобы, место — они, дескать, были опознаны потерпевшим. Но на тот момент, когда Кислицина и Москвичева задерживали, потерпевший их еще виновными не назвал. Его задержали и его показания появились позже.

В глубине веков древние славяне мальчика, на самом деле нареченного Владимиром, в быту называли Вовкой, то есть волком, — чтоб злые духи обманулись. Так и наши сыщики и обвинители: назвали иначе и вроде бы задержание — уже не задержание, и задержанные Кислицин с Москвичевым — вроде бы свидетели, и полученные от них в тот момент показания — получены законным путем. Но времена наивного детства человечества давно прошли и никого такие переименования не обманут. Его можно как угодно назвать, но фактически это было задержание — ведь уйти они из милиции никуда не могли: тут и охрана, и пресловутые «боксыки», и наручники, и СОБРовцы под конвоем ведут. Полный набор.

Просто представьте себе эту ситуацию: вошли в дом вооруженные люди, посреди ночи подняли из постели пьяных. Никакого отношения это к закону не имеет, даже если считать, что это был допрос не свидетелей, а подозреваемых. Надо было дать им хотя бы проспать. Никаким законом не предусмотрен

допрос не проспавшихся и пьяных — свидетелей ли, подозреваемых ли — все равно. Но не стали ждать, — ведь спросонья в таком состоянии человек в наибольшей степени уязвим и подвержен постороннему воздействию, его легче всего убедить, в том числе убедить признаться в чем угодно.

Что касается Кислицина, то его «убедили» нанесением травм. Это, кстати, подтверждается и видеозаписью его допроса. На видеозаписи прекрасно видна повязка у него на голове. Напрасно обвинитель ссылается на эту видеозапись как на доказательство того, что Кислицин добровольно признавал свою вину на этом допросе и был вполне искренен при этом. Во-первых, письменный текст допроса в достаточно существенных деталях не соответствует видеозаписи. Во-вторых, видеозапись прерывалась и имеет следы монтажа — на ней отсутствует хронометраж. А ведь записи такого рода всегда ведутся под хронометраж. Вы видели, например, видеозапись допроса свидетеля Егорова — там хронометраж был. Но Егоров — другое дело. От него не нужно было ничего добиваться и его не нужно было ни в чем убеждать. Видеозапись допроса Кислицина была прервана чуть не на два часа — как нам объяснил допрошенный в судебном заседании следователь — для ознакомления его с текстом протокола и самой видеозаписью. Но в судебном заседании совершены те же по содержанию действия — оглашение протокола допроса и просмотр этой же видеозаписи — и все это заняло гораздо меньше времени. А мы с Вами в судебном заседании еще и повторяли некоторые фрагменты! Что же происходило с Кислициним в остальное время? Может быть столь долго он рисовал гранату? Но ведь этот корявый набросок рисунка вовсе не «письмо запорожцев турецкому султану» Репина и такого времени не требует. Или, как он говорит, в это время ему снова грозили, заставляли подписать протокол, подтвердить правильность видеозаписи? Я склонен верить Кислицину.

Защита может оперировать предположениями, эти предположения защиты могут быть положены в основу выводов суда, если они не опровергнуты. Обвинение же, наоборот, ничего предполагать не вправе. Таковы недвусмысленные правила, вытекающие из принципа презумпции невиновности. Обвинение не смогло опровергнуть утверждений Кислицина и Москвичева о применении к ним незаконных методов получения показаний, не смогло опровергнуть их алиби. Все, что мы услышали здесь от обвинителя — это только предположения. Ничем иным, как предположением, являются заявления о том, что сви-

детели, подтверждающие алиби подсудимых, стремятся их выгородить и потому дают ложные показания. И тот выгораживает, и этот. Чуть не полгорода их выгораживает, а работники милиции при этом чисты. Так не бывает. Ну, никак не верится в ангельскую чистоту милицейских работников.

Заявления Кислицина о применении к нему насилия подтверждаются и медицинскими документами. Травматические повреждения перепонки. В двух медицинских документах это отмечено. И судебно-медицинский эксперт это сказал, и отоларинголог медчасти следственного изолятора это подтвердил. Когда же его избили? До задержания? Но он в милиции не жаловался на боли в ухе и вообще где бы то ни было. Сами работники милиции на этом настаивают. После — когда его уже доставили в изолятор? Но, во-первых, это не укладывается в сроки, названные судебным медиком, а во-вторых, где же была тогда прокуратура? Причинение таких повреждений собственной рукой, тем более в условиях следственного изолятора, более чем сомнительно. Если его избили сокамерники или работники изолятора — их надо привлекать к ответственности. Такие вещи положено расследовать! Никто, однако, на эти травмы внимания не обращает. Почему? Ответ один: следователи и прокуроры знают, как и когда эти травмы получены, кто виноват. А наказывать виновных никто не собирается.

Кислицина избили, а с Москвичевым вели торг. Ему показали кислицинские признания: «Смотри, дескать, все равно осудят!» Ему грозили: «Не признаешься — поместим в общую камеру». Да еще вместе с теми, кого он еще недавно сам изобличал в преступлениях. Что бы с ним сделали в такой камере объяснять не нужно и он, как бывший работник милиции, прекрасно понимал это. «А признаешься, — говорили ему, — облегчим твою судьбу, будем привлекать тебя по более мягкой статье Уголовного кодекса — не за покушение на убийство, а только за угрозу убийством». И ведь возбудили дело по статье 119 УК*, и задержание оформили по статье 119 УК! Чтобы нам ни говорил Бахтин о своей неопытности, но все же не настолько он неграмотен, чтоб не сообразить, что угроза убийством здесь вообще не при чем. Какая ж угроза, когда в человека кинули одну за другой две гранаты с выдернутой чекой?! В одном прав Бахтин — ему посоветовали так возбудить дело. И хотя Бахтин не называет фамилий, никакой тайны здесь нет. Этими

советчиками могли быть только сотрудники милиции, причем достаточно высокого ранга — ведь Бахтин не постовой милиционер, он следователь, лицо процессуально самостоятельное. Все это не соответствует здравому смыслу и закону, зато соответствует объяснениям Москвичева.

Итак, признания Кислицина и Москвичева получены явно незаконно и не могут быть использованы в качестве доказательств их вины.

Вообще попытка забросать жилое помещение, квартиру боевыми гранатами это явление, несмотря на все сложности криминальной обстановки последних лет, достаточно редкое все-таки. Это настолько неординарное явление, что оно собрало в здании министерства внутренних дел массу народа — от замминистра и начальников всех подразделений до рядовых оперработников. Здесь и угрозыск, и РУБОП, местные (и не только местные) начальники. И все озабочены надобностью это преступление раскрыть. Желание похвальное, если оно продиктовано заботой о безопасности граждан, но здесь сработал совсем другой интерес. Здесь была забота о том, чтоб как можно скорее показать раскрытие, как можно скорее отчитаться о раскрытии. Причем все равно какой ценой.

Допрошенные нами сотрудники милиции — и замминистра внутренних дел Кичкин, и начальники управлений МВД говорили об оперативных данных, в соответствии с которыми и были задержаны Кислицин и Москвичев. Но подумайте сами: в 22 с лишним, почти в 23 часа прогремел этот взрыв, пока прибыли на место пожарные, пока они вызвали милицию, пока прибывшие сотрудники хоть как-то сориентировались на месте, пока опросили потерпевших... А дальше ведь нужно связаться со своими оперативными источниками информации, получить информацию, осмыслить ее, принять решение о задержании, направить сотрудников на задержание. Между взрывом и задержанием Кислицина и Москвичева был слишком маленький промежуток времени, чтоб они успели все это сделать. Не было на самом деле никакой оперативной информации. Я думаю, что Крячок был прав, когда сказал, что приехавшая на место взрыва Бакутина, по-видимому, вспомнила о бывшем накануне конфликте, об этой истории с запиранием ее и Крячка в офисе. История была услышана и, ввиду отсутствия других, превратилась в версию. Прозвучавшее здесь заявление сотрудника милиции Соловьева о том, что был, якобы, какой-то очевидец, который и явился нелегальным информатором, нужно отнести к разряду

* Статья 119 УК РСФСР предусматривала уголовную ответственность за угрозу убийством.

мифов. Очевидцы становятся свидетелями, а не нелегальными информаторами. Свидетеля такого, который бы видел, как подсудимые бросали в Крячка гранаты, нет. Обвинение его в суд не представило. Показания Соловьева об этом по закону не могут быть приняты во внимание. Свидетельство по слуху судом не принимается у нас еще со времен Русской правды. И нынешний закон не позволяет это делать. Раз нет доказательств этому, то и не было, значит, у милиции такой информации.

Но взрыв был, и были люди, заинтересованные в одном — поскорее найти виновных, а если не найти, то назначить виновными кого-либо, не обращая внимания на факты. Если факты не вписываются в теорию, то тем хуже для фактов, если факты не вписываются в версию, то тем хуже для тех, кого назначили быть виновным.

Крячок и Егоров увидели гранату РГД, а взрывов было два, и вот из Кислицина и Москвичева выбиваются показания о том, что у них были две гранаты РГД. На самом деле это не так, одна из гранат была граната РГ-42, но это ни следователей, ни прокуроров не волнует. Показания Кислицина и Москвичева признаются истинными и кладутся в основу обвинения.

Крячку обещают свободу в обмен на показания о виновности Кислицина и Москвичева. Эти же показания Кислицина и Москвичева — в той части, где они говорят, что гранаты приобрели у Крячка, — становятся помехой — и тогда они считаются неверными и не принимаются во внимание. Но если эти показания недостоверны в одной части, то какие основания считать их достоверными в остальном?!

Это двойные стандарты, совершенно неприемлемые в нормальном человеческом общении. Извращенная логика: Крячок угрожал Кислицину и Москвичеву, но это считается доказательством вины Кислицина и Москвичева; Крячок обижен на Кислицина и Москвичева, за то, что его заперли в офисе фирмы, в Крячка бросали гранаты — но задерживают Крячка. В справке ИВС утверждается, что Кислицин при поступлении туда был практически здоров, но в судебном заседании выясняется, что этот практически здоровый человек на одно ухо не слышит.

Москвичев в выторгованном у него признании заявлял, что к месту преступления их привез на машине Яцко. Яцко этого не подтвердил, никто больше, как и сам Москвичев в последующих показаниях, машину эту не упоминал. Но пешком они бы не успели и гранаты бросить, и шашлыка поесть и домой попасть, следовательно это понимает. И тут рождается следственный

эксперимент, с помощью которого доказывают, что на машине можно успеть. Да действительно, сомнений нет, на машине в этом маленьком городе успеть можно куда угодно. Его вообще весь можно объехать за пять минут. На этом основании следствие, как записано в обвинительном заключении, «приходит к достоверному выводу», что «Кислицин В. Г. доехал на автомашине вместе с Москвичевым И. В. до квартиры Крячок С. С. и совершил инкриминируемое им преступление, после чего вернулся на рынок». На чем вывод основан? А на том, что пешком они не успели бы. Логика проста: раз пешком не успели бы, значит на машине. Нормальная логика требует иного вывода: раз они не успели, значит это не они, поскольку наличие автомобиля не установлено. Здесь рассуждают иначе — не от доказательства к выводам, а от предположения к утверждениям. С таким же успехом можно было сказать, что они летали на вертолете, — получилось бы еще быстрее.

Известно, что Бакутиной угрожали, пытались поджечь квартиру, бросали бутылку с зажигательной смесью к ней на балкон. Ее обращения в милиции, по-видимому, не зарегистрировали. Иначе вполне могли эти угрозы вменить подсудимым. Видимо, у милиции просто сообразительности не хватило. Мотивация ведь та же, а нарисовать бутылку Кислицину, безусловно, было бы гораздо проще, чем гранату.

Нам говорят, что если работники милиции отрицают насилие, значит они насилие к Кислицину не применяли. Если они отрицают вымогательство признаний у Москвичева, значит такого вымогательства не было. Ну, коли так, коли мы верим человеку, который отрицает предъявленное ему обвинение, то давайте верить и тем, и этим. Милиционеры говорят, — не били, подсудимые говорят, — не бросали. Почему надо верить милиционерам, а нельзя верить подсудимым? Потому, что они защищены мундиром и у них, якобы, нет оснований говорить неправду? Есть у них основания. Что, мало случаев во всей необъятной России, когда необоснованно предъявляют обвинение для того, чтобы прикрыть какие-то свои незаконные действия, для того, чтобы показать раскрытие преступления там, где его нет?! Москвичев заявлял ходатайство об обзрении судом документов учета оперативной информации. Он потом его снял. Я с самого начала не склонен был это ходатайство поддерживать ввиду полной бесперспективности действия. Один из основных показателей оперативных служб — раскрываемость преступлений. Раскрываемость бывает разная. Если

преступление раскрыто по заявлениям граждан, то это плохо, а если по оперативным данным — хорошо. И я прекрасно знаю, что все что надо будет вписано в нужные журналы учета, будут составлены нужные учетные карточки, чтоб показать раскрытие в самом выгодном для оперативников свете.

При расследовании этого дела закон нарушался часто. Это и незаконные задержания Крячка, Кислицина и Москвичева. Статья 122 УПК, что называется растоптана. И нарушения статьи 129 УПК, в силу которой предварительно следствие производится только по возбужденному уголовному делу. Это не помешало Крячка допросить и задержать по статье 222 УК, по которой дело не возбуждалось. Статья 129 УПК предписывает также лицу, производящему расследование, принять дело к своему производству, если дела у него в производстве нет, он не вправе этим делом заниматься. Здесь же это требование закона нарушалось сплошь и рядом. Бесспорно, нарушены требования части третьей статьи 20 УПК, запрещающей домогаться признания каким бы то ни было путем — как обещаниями каких-то поблажек, как это было с Москвичевым, так и, тем более, — насилем, как это было с Кислициным. Часть третья статьи 69 УПК, повторяя конституционное положение, запрещает использование в качестве доказательств сведений, полученных с нарушением закона. В настоящем деле нет ни одного доказательства, полученного в соответствии с требованиями закона, которое изобличало бы подсудимых.

Кислицина и Москвичева нельзя осудить. Их нельзя осудить как потому, что все, представленное в качестве доказательств, процессуально порочно и, значит, недопустимо, так и потому, что по своему содержанию эти, с позволения сказать, доказательства на самом деле их не изобличают. Если они и изобличают кого-либо, так это работников милиции в применении незаконных методов ведения следствия.

Я прошу Вас обоих подсудимых оправдать.

Послесловие автора

Приговором Верховного Суда Республики Марий Эл от 7 мая 2001 года Кислицин и Москвичев оправданы. По поводу нарушений закона при расследовании дела судом вынесено частное определение. Приговор в кассационном порядке опротестован не был.

Дело Голомидова

Комментарий автора

Йошкар-Олинский бизнесмен Голомидов обвинялся в даче взятки руководителю секретариата администрации президента Республики Марий Эл Петрову в виде автомашины «Волга» за оказание содействия в решении Марийской таможней вопроса о минимизации ответственности принадлежащего Голомидову А.П. ООО «Вереск» за совершенное якобы таможенное нарушение.

Выводы обвинения о виновности Голомидова и Петрова были основаны на показаниях Голомидова, данных им на предварительном следствии на допросе 9 октября 2000 года (от которых Голомидов отказался уже через два дня и которые в судебном заседании не подтвердил), на результатах прослушивания телефонных переговоров Петрова, на противоречиях в показаниях Петрова, его жены и Голомидова по вопросу об обстоятельствах получения Голомидовым денег за проданную им (как утверждают все трое) автомашину «Волга», и на информации об имущественном положении Петровых, которые, по мнению обвинения не имели средств для такой дорогостоящей покупки.

Голомидов был задержан в Йошкар-Оле в выходной день 5 октября утром, когда он вышел из дому, чтоб отправиться на охоту. Целый день его «опрашивали» и только вечером этого дня допросили с участием адвоката Гордеевой, названной самим Голомидовым. Задержка была вызвана занятостью адвоката в процессе по другому делу. Утром 6 октября Голомидова этапировали в Нижний Новгород и поместили в Нижегородский следственный изолятор. Несколько дней его не допрашивали и лишь 9 октября привезли в РУБОП по Приволжскому федеральному округу (в тот момент орган этот именовался Волго-Вятским РУБОПом). Следователь объявил Голомидову, что будет его допрашивать и что для участия в допросе приглашен адвокат Уркунов. Голомидов от помощи Уркунова отказался и попросил пригласить своего защитника — адвоката Гордееву. На это ему было объявлено, что Гордеева далеко и ее участие обеспечить трудно, а посему допрос будет производиться вообще без защитника, — что и произошло. Голомидов утверждал впоследствии (в том числе и в судебном заседании), что он во время производства допроса был в подавленном состоянии — из-за ареста, неожиданно и грубо прервавшего его мирную жизнь, перенесшего из радостной атмосферы выходного дня в милицейские казематы. К этим переживаниям добавлялось беспокойство за жену и дочь, ничего

не знавших о его аресте. Как он утверждал в суде, Голомидов обещали дать возможность позвонить домой, если он признает свою вину. Голомидов согласился. Во время допроса производилась его видеозапись. Таково происхождение «признательных», как теперь принято в милицейско-следственных кругах говорить, показаний. Фактически эти показания Голомидова были единственным доказательством вины его и Петрова в даче — получении взятки. До этого на допросе 5 октября с участием защитника Гордеевой Голомидов утверждал, что «Волгу» он действительно Петрову передал, но не бесплатно, а за полную ее стоимость, и вне всякой связи с делом о таможенном нарушении, якобы им совершенном. Всего через два дня — 11 октября — Голомидов был вновь допрошен, на этот раз с участием защитника — адвоката Гордеевой. На этом допросе Голомидов заявил, что признания его были вынужденными и ложными. С этого момента он вернулся к своим прежним показаниям и более их не менял.

В судебном заседании мной было заявлено ходатайство об исключении показаний Голомидова на допросе 9 октября из числа доказательств. Я привожу здесь это ходатайство полностью, поскольку оно сыграло определенную роль в дальнейшем (несмотря на то, даже, что было в судебном заседании оставлено без удовлетворения, как преждевременно заявленное).

Верховный Суд
Республики Марий Эл
адвоката Костанова Ю.А.
по делу Петрова Ю.П.
и Голомидова А.П.

ХОДАТАЙСТВО

В обвинительном заключении сделана ссылка на показания Голомидова А.П. на допросе его 9 октября 2000 года как на доказательство виновности его и Петрова Ю.П. в совершении инкриминированных им действий. Эти показания получены с нарушением закона и, в соответствии с частью 3 ст. 69 УПК РСФСР, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения.

Нарушения закона, допущенные следователем при получении от Голомидова А.П. этих показаний, заключаются в следующем: **1.** Допрос Голомидова А.П. произведен с нарушением ст. ст. 150 и 151 УПК РСФСР, что делает невозможной проверку в судебном заседании достоверности показаний, данных Голомидовым А.П. на этом допросе:

1.1. В силу ч. 5 ст. 150 УПК РСФСР «следователь выслушивает показания обвиняемого, а затем в случае необходимости задает обвиняемому вопросы». Между тем, как видно из видеозаписи показаний Голомидова А.П. на допросе 9 октября 2000 года, в нарушение указанной нормы закона, следователем не была предоставлена возможность Голомидову А.П. изложить свои показания, а, вместо этого, ему сразу же были заданы вопросы следователем, весь допрос состоял только из вопросов следователя и ответов Голомидова А.П. на эти вопросы.

1.2. В силу ч. 2 ст. 151 УПК РСФСР «показания обвиняемого заносятся в протокол в первом лице и по возможности дословно». Никаких обстоятельств, свидетельствующих о невозможности дословной записи показаний Голомидова А.П. не было, условия допроса (место и время его проведения) не препятствовали этому. Между тем, из сравнения текста протокола допроса Голомидова А.П. от 9 октября 2000 года и видеозаписи этого же допроса следует, что записи в протоколе зачастую не соответствуют словам Голомидова А.П., произнесенным им на допросе. Фактически вопросы следователя (вообще не внесенные в протокол) гораздо более пространны и подробны, чем ответы Голомидова А.П. на эти вопросы, некоторые вопросы носят наводящий характер. Смысл записанного не всегда соответствует смыслу произнесенного (например, Голомидов А.П. заявил на допросе, что не знает, зачем Петрову Ю.П. понадобился документ об уплате денег, а в протоколе записано, что Петрову Ю.П. квитанция понадобилась, «чтобы иметь на руках документ, свидетельствующий о покупке, а не безвозмездной передаче автомашины»; слова: «Таким образом, я понимаю, что совершил преступление — дачу взятки должностному лицу, а именно Петрову Юрию Павловичу. Давал взятку один раз, это было в 1999 г. и заключалось в передаче автомашины ГАЗ-3110 "Волга" за решение вопроса с Марийской таможней. Кроме этого я никаких преступлений не совершал», — Голомидов А.П. не произносил; эти слова, судя по видеозаписи, произнес сам следователь. Имеются и другие несовпадения письменного текста и фактически сказанного Голомидовым А.П.).

1.3. В силу ч. 3 ст. 151 УПК РСФСР «по окончании допроса протокол предъявляется обвиняемому для прочтения или по его просьбе прочитывается следователем». Между тем, как заявил Голомидов А. П. в судебном заседании, ему протокол допроса от 9 октября 2000 года предъявлен для прочтения не был и следователем также вслух не зачитывался. Не зафиксированы такие действия и на видеозаписи.

2. Допрос Голомидова А. П. 9 октября 2000 года произведен с нарушением требований ст. ст. 48 и 50 УПК РСФСР, что, также как и нарушение ч. 5 ст. 150 УПК РСФСР, привело к грубому нарушению права Голомидова А. П. на защиту:

2.1. В силу ч. 3 ст. 48 УПК РСФСР следователь и суд вправе предложить обвиняемому пригласить другого защитника или назначить обвиняемому защитника через коллегию адвокатов лишь «в тех случаях, когда участие избранного обвиняемым защитника невозможно в течение длительного срока». Голомидов А.П. был допрошен в качестве подозреваемого 5 октября 2000 года с участием им самим избранного защитника — адвоката Гордеевой А.М. В допросе Голомидова А.П. 11 октября 2000 года принимала участие в качестве защитника также адвокат Гордеева А.М. Из этого следует, что следователь был не вправе, как это им было сделано, предлагать Голомидову А.П. воспользоваться услугами другого защитника, поскольку никаких обстоятельств, свидетельствующих о невозможности участия адвоката Гордеевой А.М. в течение длительного времени в производстве следственных действий не было.

2.2. В силу ч. 1 ст. 50 УПК РСФСР обвиняемый вправе в любой момент производства по делу отказать от защитника, но «такой отказ допускается только по инициативе самого обвиняемого». Между тем, отказ Голомидова А. П. от помощи защитника при его допросе 9 октября 2000 года был заявлен не по собственной инициативе, а, как это видно из видеозаписи допроса, по инициативе следователя.

С учетом изложенного и на основании ч. 3 ст. 69 УПК РСФСР

ПРОШУ

Показания Голомидова А.П., зафиксированные в протоколе его допроса от 09 октября 2000 года и видеозаписи этого допроса исключить из числа доказательств по делу, как полученные с нарушением закона.

Защитник Голомидова А.П. адвокат Костанов Ю.А.

Как сказано выше, ходатайство это не было удовлетворено, что не мешало мне возобновить его, но уже в судебных прениях — в защитительной речи.

Вообще ходатайств по этому делу было заявлено только на предварительном следствии более десятка. Об одном и том же приходилось ходатайствовать по несколько раз — сперва мне от-

казывали и только после обращения в вышестоящую прокуратуру удовлетворяли. Так, например, рассматривалось ходатайство об исключении из обвинения как неосновательно предъявленного эпизода о даче взятки Голомидовым Петрову в виде турпутевки на Кипр. Эпизод этот был вменен для того, чтоб квалифицировать действия Голомидова как неоднократную дачу взятки и на этом основании не применять к нему амнистии. Никаких данных о том, что Петров с супругой ездили на Кипр за счет Голомидова у следователя не было. Фраза в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого о наличии достаточных оснований для предъявления обвинения выглядела совершенно издевательски. После обращения к заместителю Генерального прокурора РФ дело в этой части было прекращено. Несколько раз пришлось обращаться в прокуратуру и в связи с препятствиями, чинимыми мне и Голомидову в предоставлении свиданий. Меня заставили каждый раз дозваниваться из Москвы в Нижний, договариваться со следователем о свидании, для которого Голомидова из изолятора доставляли в РУБОП, и виделись мы с ним именно там. Предусмотренного Правилами внутреннего распорядка СИЗО* документа для следственного изолятора о том, что я допущен к делу, я так и не получил. Слава Богу, хоть кабинет отдельный в РУБОПе предоставляли. Правда, мы с Голомидовым не строили иллюзий — до сих пор уверены, что все эти сложности с предоставлением свиданий были организованы для того, чтоб в нарушение всех существующих на этот счет законов и правил подслушивать наши разговоры во время свиданий. Ну и выводы делали соответствующие... Как говорится: «Вы хотите песен — их есть у меня». Если нас подслушивали, в чем мы оба не сомневаемся до сих пор, то слышали именно то, что для этих удлинненных ушей нами предназначалось.

Нельзя не упомянуть и о режиме содержания арестованных в РУБОПе. Для того, чтобы этапировать Голомидова из изолятора в РУБОП, Голомидова поднимали затемно, долго — пока не соберут всю группу конвоируемых в суды и к следователям арестантов — содержали в боксе, часам к 11-ти привозили в РУБОП, откуда увозили по окончании рабочего дня. Потом все повторялось в обратном порядке. В камеру Голомидов возвращался часам к 9-ти вечера. Все это время Голомидова (как и других заключенных, вывозимых из СИЗО на допросы) не кор-

* По поводу нарушений права на защиту Голомидова при предоставлении ему свиданий с защитником я обращался потом в Верховный, а затем и в Конституционный Суд РФ.

мили, не давали пить и не выводили в туалет. По этому поводу я обратился к прокурору Нижегородской области с требованием привлечь виновных в этом безобразии к уголовной ответственности. Я считал, что лишение человека пищи и воды, непредставление ему возможности пользоваться туалетом следует квалифицировать как применение пыток. Прокуратура мне ответила, что это не пытки и в возбуждении уголовного дела было отказано. Тем не менее, прокурором области в РУБОП было внесено представление. В результате арестантов в РУБОПе стали выводить в туалет (зачем? Ведь есть и пить им все равно не давали). Впрочем, говорят, что и эту «льготу» уже отменили.

Все, что представило в суд следствие, помимо упомянутого протокола допроса, на самом деле не содержало никакой значимой информации об оказании Петровым за деньги (за автомобили, борзых щенков, загранпутевки и т. п.) содействия Голомидову на таможне либо где-нибудь еще. Исключения не составляли и записи телефонных переговоров. Вопрос этот, однако, как мне кажется, достаточно освещен в защитительной речи.

Защитительная речь

Ваша честь!

Уважаемые заседатели!

Человечество борется с коррупцией, со взяточничеством, с незапамятных времен. Еще в Библии, в Книге судей, сказано: «Не принимай даров, ибо дары закрывают глаза берущих и превращают дело правых». Вот как давно началась эта борьба, но что-то больших побед на этом фронте не видно. По-видимому одна из причин отсутствия успехов на этом поприще состоит в том, что те, кто борется, делают это кампанейски. Подменяют сложную и кропотливую работу по раскрытию преступлений и изобличению преступников чистой кампанейщиной. Увы! Такой подход характерен и для нашей страны.

Если в Москве чихают, то на периферии жутко простужаются. Когда центр призывает бороться с коррупцией, на периферии готовы палить из всех пушек. Желание показать работу оказывается несравненно сильнее желания что-либо сделать. Неумение и нежелание заниматься кропотливой каждодневной работой приводят к кавалерийским наскокам, в результате которых рождаются дела, подобные делу Петрова и Голомидова.

Острое желание показать, как успешно они борются с коррупцией, плохую службу сослужило всем тем, кто возбуждал это дело, расследовал его и поддерживал обвинение. Утрата объ-

ективности при расследовании — а объективность это не только моральное требование, но и требование закона, — приводит к тому, что люди собирают доказательства так, что собранные материалы нельзя считать доказательствами. Люди, которые все это делают, закрывают глаза на те обстоятельства, на которые закрывать глаза нельзя. Даже элементарные вопросы решаются абсолютно неправильно.

Вы приобщили к делу значительное количество ходатайств защиты и писем прокуратуры об отказе в удовлетворении этих ходатайств. Обоснованность ходатайств была очевидна, что никак не помешало их отклонить. В конце концов — после обращения к руководителю прокуратуры Приволжского федерального округа — заместителю Генерального прокурора России — ходатайства удовлетворены. Почему это не было сделано сразу? Отклоняли ради того, чтоб отклонить. Дело дошло до абсурдной ситуации, когда мне не давали документа о допуске к делу, необходимого для предоставления свидания с Голомидовым в следственном изоляторе. Им оказалось легче вообще выпустить Голомидова на свободу, чем выдать мне документ, на выдаче которого я настаивал. Настаивал в соответствии с законом. Не я придумал этот закон, он обязателен для всех, в том числе и для следователей и прокуроров.

Было заявлено ходатайство о прекращении дела по эпизоду, связанному с поездкой Петрова на Кипр. Речь шла о взятке. Изначально прокурорам было понятно, что никаких оснований предъявлять обвинение по этому эпизоду не было. Раз, два, три, четыре раза — четыре раза отказывали! Только после обращения к заместителю Генерального прокурора ходатайство удовлетворено. Почему не сразу? Что, разве основания к возбуждению дела имеют свойство исчезать в зависимости от того, кому из прокурорского начальства подана жалоба?

Посмотрите, как возбуждено это уголовное дело. В постановлении написано, что дело возбуждено по материалам проверки. А что послужило поводом для проверки? А поводом послужило анонимное заявление, принятое дежурным по милиции от неустановленного гражданина. Вы представляете себе эту картину? Под покровом ночи, в черном плаще или саване, неизвестный человек заскочил в милицию, бросил на стол свою бумагу и убежал. Неустановленный человек, не подписанное заявление... Со времен Петра Первого с анонимками положено разбираться, порвав их и выбросив в корзину. Если человек сам приходит в милицию, как об этом написано в рапорте, то

нужно его остановить, спросить имя — отчество, предупредить об ответственности за заведомо ложный донос, и потом уже решать вопрос — принимать ли этот документ или нет. Что, милиция не знает как надо действовать? Неужели статьи 118 и 119 УПК написаны столь непонятным языком? Да ничего подобного! Им нужно было поскорее показать, как они борются с преступностью. А для этого, как у них водится, можно и закон отложить в сторону. Вот так возбуждалось это дело.

Я еще вернусь к вопросу о возбуждении дела, о записях телефонных переговоров, которые к тому времени уже давно были в руках у милиции. Сейчас же я прошу Вас обратить внимание на другое. В речи обвинителя неоднократно утверждалось, что расследование велось объективно, что чуть не по двадцать раз проверялась прокуратурой законность следственных действий и прокуратура никаких нарушений не нашла. Но — обратите внимание на то, как сформулировано обвинение. За что, по мнению обвинения, дал Голомидов взятку Петрову? За то, что Петров использовал свой авторитет, не служебные полномочия, а авторитет должностного лица. Часть первая статьи 290 Уголовного кодекса предусматривает такой случай — когда должностное лицо получает взятку за действия, выходящие за рамки его служебных полномочий, за использование своего авторитета, когда в силу своего должностного положения оно может способствовать действиям в пользу взяткодателя. Действия Голомидова квалифицированы по части второй статьи 291 Уголовного кодекса потому, что он якобы давал взятку за якобы незаконные действия Петрова. В чем, по мнению обвинения, заключается незаконность действий Петрова? А в том, оказывается, что просить о чем либо начальника таможни не входит в круг его служебных обязанностей. Совершенно очевидно, что обвинение понимает в данном случае под незаконными действиями совсем не то, что законодатель. Обвинение считает незаконными любые действия должностного лица, выходящие за рамки его полномочий, потому только, что эти действия должностными полномочиями не предусмотрены. Это было бы так, если бы своими действиями должностное лицо ущемляло бы чьи-либо права и интересы. В данном же случае это неверно. Если бы законодатель признавал незаконными любые действия должностного лица, выходящие за рамки его полномочий, то часть первая статьи 290 в Уголовном кодексе вообще не была бы нужна. В данном случае в Уголовном кодексе под незаконными действиями понимаются не действия, не предусмотренные законом, а действия противоправные. Это известно уже сту-

дентам третьего курса, на котором начинают изучать Особенную часть уголовного права, это написано в учебниках. На это обращалось внимание прокуратуры в ходатайствах защиты. Но нет, не это им нужно, не чистота квалификации, им нужно задержать, посадить и наказать, непременно наказать и как можно строже. Безотносительно к тому, виновен обвиняемый в чем либо или нет.

Хочется верить, что все это дело — не результат каких-либо политических игр, политических «заказов». Я не любитель рассуждать о политике применительно к уголовным делам, хотя некоторые временные совпадения наталкивают на грустные размышления:

— прослушивание телефонных разговоров Петрова началось никак не раньше лета 1999 года. Сделка с автомобилем была осенью тоже 99-го. А дело когда возбуждено? А дело возбуждено осенью, но уже 2000 года, накануне президентских выборов в Республике Марий Эл.

Повторяю, мне не хотелось бы развивать этот мотив дальше. Я считаю, что Голомидов и Петров ни в чем не виноваты независимо от того, связаны происки обвинителей с выборами или нет.

Итак, «Волга» была передана Голомидовым Петрову осенью 1999 года. Что это, взятка, как утверждает обвинение, или купля-продажа, как говорят Голомидов и Петров? Я склонен здесь верить Голомидову гораздо больше, чем всем остальным участникам событий.

Во-первых, зачем Голомидову давать взятку Петрову? Для того, говорят нам, чтобы решено нормально было таможенное дело по поводу фирмы Голомидова на Марийской таможне. Однако в этом таможенном деле при ближайшем рассмотрении не обнаруживается состав таможенного правонарушения. Голомидов говорит об этом с самого начала и до сих пор, и он, по видимому, более прав, чем все, кто утверждает обратное. В обоих постановлениях — и таможенников и суда — записано: 29 июля — последний срок сдачи в уполномоченный банк выручки либо возврата экспортированного товара, а 28 июля, то есть на день раньше, товар возвращен. Нам говорят: но возвращена не вся выручка. Действительно, есть какая-то часть выручки, которая не вернулась. Но это та часть выручки, которая уплачена за перевозку товара, это накладные расходы. Они не могут входить в ту сумму, которую положено возвращать в уполномоченный банк. Я понимаю отношение обвинителей к нашему государству и нашей власти как к фискальному государству и фискальной власти. Даже если это и так, то не до такой же степени!

Или прокурор считает, что государство во всех своих ипостасях заинтересовано в том, чтобы угробить любой бизнес и вытащить из наших карманов все наши последние деньги?

Почему Голомидов не обжаловал решение суда по таможенному делу? Да потому, что, как и в первом варианте, когда дело было прекращено таможенниками, так и во втором суд прекратил производство за истечением срока давности и никаких последствий для Голомидова это не повлекло.

Наконец, еще до всех разговоров с Петровым, Голомидов подходил к начальнику таможни Васильеву со своим другом Полушиным. Известно, что на Руси нет уз сильнее товарищества. Мы привыкли все жизненные затруднения разрешать с помощью дружеских связей. Ведь сколько лет уж существуют нормы об обжаловании в суд незаконных действий, но россиянин прежде чем пойти в суд, обязательно прибегнет к помощи друзей или родственников. И происходит так не только из-за громоздкости судебной процедуры — она и не может быть иной, сколько, по-видимому, в силу национальных привычек. Может быть, носят эти привычки оттенок азиатчины, но они есть и от этого никуда не деться. Ведь немцу, к примеру, не придет в голову в Германии вместо суда пойти к приятелю, чтоб он заступился перед какими-нибудь начальниками. А россиянину всегда прежде всего в голову приходит именно это.

И вот Голомидов вместе с Полушиным идет в таможню к Васильеву. Васильев на предварительном следствии был допрошен, но в список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, не попал. Почему? Да потому, что его показания не укладываются в якобы стройную систему доводов обвинения. После этого визита у Голомидова надобность идти к Петрову с просьбой поговорить с Васильевым уже отпала. Зачем? Вопрос уже почти решен. Васильев уже обещал «разобраться повнимательнее». Ничего другого, и Голомидов это понимает, он и Петрову не пообещает. Именно рассмотреть внимательнее, а не отнестись спустя рукава. И ничего другого Голомидову и не надо: он ведь убежден, что никакого таможенного нарушения не совершал. Ему вполне достаточно, чтоб таможенники рассмотрели его дело внимательно, то есть, чтоб они не писали на черное белое, как это обычно бывает у российского чиновничества. Поэтому у Голомидова и не было никакой надобности обращаться к Петрову с просьбой о заступничестве.

Но, — говорят нам, — Петров же все-таки разговаривал с Васильевым о голомидовском деле. Да, но обстоятельства этого раз-

говора, цели его, в версии Голомидова и Петрова выглядят совершенно иначе, чем по версии обвинения. И, надо здесь отметить, что версия Голомидова и Петрова никакими доказательствами не опровергнута, никаких опровержений не прозвучало в речи прокурора, никаких опровержений и в материалах дела. Голомидов говорит, что в одном из разговоров с Петровым он обмолвился, что у него есть проблемы в таможне. Петров же, и он это в суде подтвердил, сказал, что с Васильевым они приятели. Здесь важно, как это заявление Петрова воспринимал Голомидов. Подумал ли он, что отношения у Петрова с Васильевым и в правду приятельские, или он считал, что отношения их на самом деле носят официальный характер. Воспринимал ли он возможные будущие звонки Петрова Васильеву как обращение с высоты своей должности — а обвинение считает эту должность очень высокой — или как обращение его знакомого к своему знакомому.

Никаких доказательств того, что Голомидов воспринимал телефонные звонки Петрова Васильеву как обращения официальные, как обращения авторитетного должностного лица, обвинением не представлено. Голомидов утверждает, что Петров назвал Васильева своим приятелем, других сведений об отношениях Петрова и Васильева он не имел, вопрос этот вообще его мало интересовал. Петров сказал, что поинтересуется у своего приятеля о голомидовском деле, и Голомидов не отказался. Сам Голомидов ни о чем таком Петрова не просил. Разве то, что Голомидов не отказался от вмешательства Петрова — если это вообще можно назвать вмешательством — наказывается по закону? Разве это можно считать использованием должностного авторитета Петрова?

Обратимся к записи телефонного разговора Петрова с Васильевым. О чем просил Петров? Просил помочь.

В качестве фона всего этого дела нам предлагается все время помнить, что Петров неоднократно оказывал Голомидову содействие в осуществлении его предпринимательской деятельности. С этого начинается обвинительное заключение и это продолжается в обвинительной речи как самостоятельная тема. Такой вот лейтмотив всего дела. В чем проявляется это содействие? Просил, — говорят, — помочь. Когда просил? Выясняется, что речь идет только о звонке Васильеву и звонках в «Марий Энерго». Самый объективный анализ показаний работников «Марий Энерго» Котикова и Зверевой не позволяет, однако, утверждать, что Петров всегда активно помогал Голомидову решать какие-то вопросы в «Марий Энерго». Если красноречиво прозвучали показания Зверевой на следствии на эту тему, то

здесь, в суде, она от этих показаний отказывалась, просила, как Вы помните, что-то убрать и что-то вычеркнуть. Мы привыкли думать, что если большой чиновник, то значит взяточник. Таких разговоров сколько угодно. А когда начинают копаться в конкретных вопросах, в конкретном деле... Оказывал, говорят, содействие. В чем конкретно? Назовите хоть один эпизод! Она ни одного конкретного эпизода назвать не смогла. Да, он звонил, но ведь ни о чем не просил при этом, только интересовался: пойдет в зачет, не пойдет в зачет. Звереву и просить-то было бессмысленно — функции Зверевой в том только состояли, чтобы узнать: были ли долги у организации, возможен ли сам зачет или нет, есть ли там что засчитывать или нет. И зачем же ее о чем-то просить? Тем не менее, нам говорят, что показания Зверевой дают основания считать, что Петров покровительствовал Голомидову, а значит и брал за это деньги.

Одно из другого, однако же, не вытекает. Эта логика — логика ошибок. «Если покровительствовал, то значит...» Да ничего такого это не значит. С таким же успехом можно утверждать, что если Петров покровительствовал Голомидову, то значит, Солнце встает на Западе. Логика того же порядка.

Да и в чем якобы покровительствовал Петров Голомидову? Нужно ли было вообще тому покровительство Петрова? Нужно ли было Петрову просить за Голомидова? Суть действий Голомидова, бизнеса его, в чем состояли? В том, что в результате его бизнес-операций долги Марийской Республики перед федеральным бюджетом, перед федеральными энергетическими системами уменьшались.

Мы слышали здесь показания бывшего министра экономики Республики Марий Эл Васильева, на которые прокурор тоже ссылается как на доказательство обвинения. На мой взгляд, эти показания если и обвиняют кого, то обвиняют сложившуюся в республике порочную систему управления. Васильев получил письмо за подписью Голомидова с просьбой разрешить одну из зачетных операций. Эта просьба так его обрадовала, что он тут же, вопреки сложившимся своим взаимоотношениям с президентом, наложил резолюцию: «Немедленно исполнить!» Потому что республика избавилась бы от громадного долга перед РАО ЕЭС России и перед федеральным бюджетом. Потом Васильев вспомнил, что Ваш президент не любит такого своеволия. Вот если бы президент сам принял такое решение!.. На мой вопрос — а если бы Ваша резолюция была иной — к примеру: «Проверить и доложить», что было бы тогда? — тогда,

оказывается, все было хорошо: он пошел бы к Кислицину и тот бы согласился. История, однако, как известно не знает сослагательного наклонения. В жизни случилось не так. Резолюция была такой, какой она была. Васильев, этой резолюции убоявшись, потребовал у Петрова письмо Голомидова со своей резолюцией уничтожить. А дальше что? А долги республики куда делись? А долги остались.

Если у нас вся страна вот так вот управляется, то нечего удивляться, что мы до сих пор живем в нищете. Никакие долги перед Россией, перед своим собственным народом, никакие долги Республики Марий Эл перед Россией никогда не будут погашены. Вот с этим надо бороться, а борются с Голомидовым.

Если Голомидов, делал такие вещи, если бизнес его состоял в том, что он помогал республике избавиться от долгов, то ничего зазорного в том, что нашелся чиновник, который позвонил другому чиновнику и сказал: «Надо бы этому Голомидову помочь»... Кому помочь? Да самим себе же и помочь, республике своей помочь. Что здесь дурного, спрашивается? Что здесь запретного? Что здесь незаконного? Но назвали ведь этот телефонный звонок незаконным! Почему же никто — ни следователь, ни прокуратура, ни гособвинитель не назвали нам закона, который запрещает такие действия? Да потому, что нет такого закона! Есть положение статьи 17 Конституции России, запрещающие действия, которые ущемляют чьи либо права. Ничего другого там нет. Но никаких прав Голомидов не ущемлял, никому жить не мешал. А ведь, что не запрещено, то разрешено, что законно, то допустимо.

На чем же еще, на каких доказательствах основано обвинение?

Это, конечно же, показания Голомидова на допросе 9 октября 2000 года. Это, конечно же, телефонные разговоры Петрова, прослушанные спецслужбами и исследованные в судебном заседании. Это некоторые нарушения, допущенные Голомидовым при оприходовании денег, полученных от Петрова. Наконец, показания Васильева — другого Васильева, не министра экономики, а начальника таможни. И вот тот самый «фон», о котором я уже сказал.

Начнем с конца, с этих «фоновых» обстоятельств. Мы видели, что ничего предосудительного здесь не было. Никаких попыток Петрова оказать на кого-то давление. Никакого «давления» не было. Ни Котиков, ни Зверева не называли эти разговоры Петрова «давлением». Вы могли слышать, когда в судебном заседании прослушивались записи телефонных разговоров Петрова

с Голомидовым, как Петров о чем-то просил Голомидова! Это в принципе соответствовало расстановке сил: ведь Голомидов, его действия нужны, полезны были республике Марий Эл.

Нам говорят, что Петров — это такая фигура, такой авторитетный человек, что своим авторитетом мог на всех давить и все решать, поэтому по всем вопросам к нему нужно было обращаться. Так сформулировано обвинение. Ну что ж, посмотрим. Петров правая рука президента Кислицина? Отчего же Петров, «правая рука», могучий соратник президента даже вместе с министром экономики не идут к Кислицину, чтобы сделать благое дело — добиться проведения той самой операции, о которой просил Голомидов и которую почти благословил Васильев? Они, оказывается, побоялись. Видимо правда жизни не очень укладывается в обвинительную версию.

Нам говорят, что квитанция о получении денег от Петрова оформлена с нарушением действующего порядка бухгалтерских расчетов и это, дескать подтверждает вину обоих. Так оно и есть — квитанция оформлена «задним числом». Но это ровным счетом ничего не подтверждает. Голомидову нужно было оприходовать какие-то деньги, что он и сделал. Сделал «задним числом», потому что это было удобнее тогда. Это бы подтверждало версию обвинения, если бы он сделал это тогда, когда возникло дело, когда появилась надобность таким образом завуалировать безвозмездный характер передачи автомашины. Но этого-то и нет. Квитанция оформлена задолго до возбуждения дела, когда еще никто Голомидову и Петрову по этому поводу и вопросов не задавал.

Что же делает следователь с этой квитанцией, которую изъяли при обыске в доме Петровых? Понимая, видимо, что само изъятие было не очень корректно, следователь кладет эту квитанцию в чемоданчик, привозит ее в больничную палату, где находился в то время Петров и где в тот момент оказалась и жена Петрова, и там вновь производит выемку уже однажды изъятой квитанции! Это, как Вы понимаете, никак не согласуется ни с одной статьей УПК. Не согласуется и со здравым смыслом. Я очень сомневаюсь, что послеоперационную палату, в которой лежал Петров, можно назвать местом, где заведомо для следователя хранилась эта бумага — а ведь в постановлении о производстве выемки положено точно указать место, в котором находится предмет, который предполагается изъять. Надо было указать в какой палате, в какой тумбочке да на какой полочке эта квитанция лежит. Таково требование закона. Но следователь об этом

почему-то «забывает». А вынимает следователь эту квитанцию из своего кейса, показывает Петрову — дескать, я эту квитанцию возвращаю, и тут же, даже не дав Петрову ее потрогать, водворяет обратно в тот же самый свой кейс. Это все зафиксировано в протоколе выемки и ни одним из следователей не опровергнуто. Заметьте, что эта бумага даже не попала в руки ни Петрову, ни его жене. А числится изъятой — у Петрова. Совершать такие манипуляции обвинение считает допустимым. А составление квитанции «задним числом» — считают нарушением закона и доказательством вины подсудимых.

Помилуйте, здесь не должно быть двойных стандартов! Давайте ко всему относиться одинаково. Вы требуете от Голомидова скрупулезного соблюдения всех правил в его собственной бухгалтерии, на его собственном предприятии, когда деньги из его собственного кармана перекочевали в карман его же предприятия — здесь нет других учредителей и акционеров, он генеральный директор, он единственный акционер, он хозяин. Если Вы в его кармане позволяете себе рыться и указывать ему, каким числом и что он должен оформлять, то извольте и сами быть столь же скрупулезны. Уголовное дело — не вотчина милиции, прокуратуры и РУБОПа, откройте закон, прочтите и делайте так, как там написано!

Далее — телефонные разговоры. Во-первых, они вызывают очень странное впечатление. Зачем записи этих разговоров вообще приобщены к делу? По содержанию своему они никого ни в чем не изобличают. Нам ведь важно установить не то, была ли вообще передана «Волга» Петрову или нет, а были ли уплачены деньги за эту «Волгу». Из этих разговоров на эту тему вообще ничего почерпнуть невозможно.

Второй момент. Мы с Вами понимаем, что это оперативно-розыскное действие не состоит в том, чтобы прослушать строго конкретно 1, 2, 3 разговора. Включается аппаратура с какого-то момента и слушаются всплошную все разговоры, которые ведутся с прослушиваемого телефона. Иначе как угадать тот разговор, в ходе которого будет идти речь об обстоятельствах, интересующих следствие? Итак, слушается все. Но, если так, где же упоминание в этих разговорах о переданной Петрову «Волге»? Нам говорят: Петров здесь первая скрипка. Голомидов возражает: нет, на первой роли была его жена. По-видимому, Голомидов прав — слишком мало Петров уделял внимания «Волге». Петров, как утверждает обвинение, сам договаривался с Голомидовым. Но, значит, он должен бы говорить об этом с Голомидовым, обгова-

ривать комплектацию, уточнять когда машина будет доставлена в Йошкар Олу. Должен бы говорить об этом, а — нет ничего!

Когда нам предлагают послушать, как Петров вступался за Голомидова, здесь есть некоторое лукавство, намек на то, что раз заступался, то и брал, только за руку поймать не смогли. Но ведь и разговоров таких практически нет. Мне вообще непонятно, на что тратятся деньги наших налогоплательщиков. Там был даже записан разговор на полторы минуты, который заканчивается фразой: «Я тебе поставлю бутылку минеральной воды». Может быть они думали, что бутылка минералки — это «магарыч» и сойдет за взятку?

Совершенно неинформативны эти разговоры.

Впрочем, определенную информацию из них извлечь можно. Только информация эта не в пользу обвинения, а наоборот. Ведь если эти разговоры что-то доказывают, то уголовное дело должно было быть возбуждено еще в 1999 году. Это оперативно-розыскное действие производилось тогда, в 99-м, в результате него были получены сведения о якобы совершенном преступлении — вот и возбуждали бы дело. Есть, как известно, в УПК статья 108, в которой написано, что возбуждать уголовное дело органы дознания должны из непосредственного обнаружения признаков преступления. Если Вы считаете это доказательством, которое непосредственно указывает на получение взятки, извольте дело возбудить! Но нет, дело возбуждается вообще вне всякой связи с этими телефонными разговорами. То есть сами органы дознания не признавали на тот момент доказательственного значения за этими телефонными переговорами. А вот когда появилась анонимка, когда все вплотную приблизилось к какой-то опасной дате для органов следствия, а еще вернее — для органов исполнительной власти, тогда вдруг и телефонные разговоры стали доказательством. А до тех пор те, кто слушал, и не думали, что это доказательство.

Любое доказательство может быть положено в основу обвинения только если оно получено законным путем. Если доказательство получено с нарушением федерального закона, то оно в силу Конституции Российской Федерации, в силу требований уголовно-процессуального законодательства не может быть положено в основу обвинения. Оперативно-розыскные действия должны совершаться в соответствии с законом «Об оперативно-розыскной деятельности». В статье 7 закона «Об оперативно-розыскной деятельности» указаны основания, при наличии которых только и можно проводить оперативно-розы-

ские действия, к числу которых относится и прослушивание телефонных переговоров.

Первое основание — возбужденное уголовное дело. Но настоящее дело было возбуждено почти через год после прослушивания.

Второе основание — ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения:

■ сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления. Но на момент прослушивания — летом 99-го года не было еще никаких преступлений и никаких сведений, никаких признаков, ничто не готовилось, даже тех деяний, которые потом стали считать преступными. Нет и здесь основания для прослушивания.

■ сведения о событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экологической или экономической безопасности Российской Федерации. — Но насколько я понимаю, Петров не готовился посягать на безопасность России или отдельных ее частей.

■ сведения о лицах, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда и уклоняющихся от уголовного наказания. — Ничего и этого здесь нет.

■ сведения о лицах без вести пропавших и об обнаружении неопознанных трупов. — И этого нет.

■ поручение следователей, органов дознания, указания прокурора по уголовным делам, находящимся в их производстве. — И намек на это нет.

■ запросы других органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. — Тоже не было никаких запросов по поводу Петрова.

■ постановление о применении мер безопасности в отношении защищаемых лиц. — Не относится Петров к защищаемым лицам и никто не подозревал его в том, что он собирается нападать на защищаемых лиц.

■ Запросы международных органов. — В черном сне ничего Интерпол о Петрове не знал, не знает и не запрашивал.

Оперативно-розыскные действия могут проводиться также при собирании сведений для принятия решений о допуске к государственной тайне, о допуске к работам, связанным с эксплуатацией объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья, и, наконец, о допуске к участию в оперативно-розыскной деятельности. Но если и надо было решать вопрос о допуске Петрова к государственным тайнам, то при

назначении на должность, а не теперь — после почти десяти лет работы в этой должности. Никто Петрова не собирался приглашать для работы на атомной электростанции, никто его не приглашал работать в РУБОП или УБЭП.

Итак, ни одного из обстоятельств, которое в силу статьи 7 закона «Об оперативно-розыскной деятельности» могло бы служить основанием для проведения оперативно-розыскных мероприятий, нет. А из этого следует, что ни один телефонный разговор из тех, на которые здесь ссылались, не может быть использован в качестве доказательства обвинения. Запрещает Конституция, запрещает закон. Если кто-то имеет горячее желание кого-либо обвинить в чем-нибудь, то он сам обязан соблюдать закон. Нарушения закона со стороны граждан гораздо менее опасны, чем нарушения закона со стороны государства. Это непреложная истина. К сожалению, россияне имели возможность в этом убедиться на практике. Эта атмосфера всеобщего простукивания, прослушивания, подслушивания, атмосфера чуть ли не 20-х годов! Должно же это когда-нибудь закончиться! Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» направлен именно на пресечение, уничтожение пережитков тех трагических лет. Увидев преступление, надо искать преступника, а не наоборот — был бы человек, а статья найдется. Давайте его прослушивать, авось что-нибудь и услышим, и посадим. Миллионы засадили, миллионы погибли — надо же когда-нибудь и остановиться.

Главным — по важности его в деле, бесспорно, является знаменитый теперь уже допрос Голомидова 9 октября. Казалось бы, о незаконности этого допроса сказано более чем достаточно. Ан нет, обвинитель все же ссылается на него, как на доказательство. Почему это можно, почему не усматривает обвинитель нарушений закона при этом допросе? Да потому, что, видите ли, прокуратура проверяла законность этого следственного действия и нарушений не нашла. Довод более чем сомнителен. Прокуратура точно так же проверяла законность предъявления Голомидову обвинения в даче Петрову взятки в виде бесплатной путевки на Кипр, прокуратура проверяла соблюдение законности при выводах Голомидова из следственного изолятора в помещение РУБОПа. И точно так же нарушений не нашла. А чем кончилось? Да тем, что в первом случае дело прекратили, а во втором — внесли в РУБОП представление. Может быть пора уже считать, что если прокуратура проверяла и не нашла нарушений, это является доказательством того, что на самом деле закон нарушался?!

В любом случае этот протокол допроса не может служить доказательством обвинения. Не может еще и потому, что по своему содержанию то, что написано, не соответствует тому, что сказано. Текст протокола не соответствует тем словам, которые мы услышали при просмотре видеозаписи. Текст протокола не соответствует стенограмме того же допроса, сделанной по видеозаписи. Процессуально опроверженные доказательства не могут доказывать обвинения. Это не способ защиты обвиняемых и подсудимых, это способ защиты закона, защиты правосудия. Законодатель хочет, чтоб у нас в стране появилось правосудие, а не обвинение всех, кого ни попадя. Нельзя назначать виновных по желанию ближайшего милиционера.

Дальше нам говорят о приходно-расходных документах, анализе доходов и расходов, о противоречиях в показаниях обвиняемых. Я скажу, что если бы эти показания совпадали до последнего слова, до последней точки, тогда уж точно они были бы выученными, вы зубренными. У Голомидова и Петрова было достаточно времени, у Голомидова — когда он уже был на свободе — и жены Петрова было достаточно времени и возможностей, чтобы согласовать свои показания, раз уж они расходятся. И до такой степени согласовать, что никому бы и в голову не пришло сказать, что они говорят разные вещи. Они этого не делали потому, что они честные люди. Они говорят правду — они говорят так, как помнят, как воспринимали события. Голомидов не обязан помнить то, что хочется следователю и так как помнит Петров. Когда два человека говорят об одном и том же, они всегда говорят по-разному. Потому что они смотрят с разных точек зрения, каждый со своей колокольни. Если у Голомидова эту машину приобрело семейство Петровых, он совершенно логично считал, что покупает Петров, а не Петрова. Он вообще не придавал значения ее появлению на арене событий. Не верить ему трудно. По крайней мере, доказательств его неискренности нет, а логическое объяснение, которое он привел, вполне приемлемо.

Анализ доходов и расходов семейства Петровых — задача неблагодарная, как и всякая попытка искать копейки в чужих карманах. Никаких доказательств, опровергающих то, что говорит Петров по этому поводу не приведено, а значит и не существует.

Ни Петров, ни Голомидов не обязаны подтверждать никакие свои заявления. А обвинение свои утверждения подтвердить доказательствами обязано. Если защита может исходить из предположений, то обвинение не вправе этого делать.

Обвинение основано на двух утверждениях. Во-первых, на утверждении, что деньги за машину переданы не были, и, во-вторых, что раз между показаниями Голомидова и Петрова есть различия, раз Петров и Голомидов не сговорились между собой, то значит они виновны. Но обвиняют-то их не в сговоре, не в отсутствии согласованности показаний. А доказательств того, что деньги не были переданы, нет.

Говорят, что станки в фирме «Ками» были куплены позже. Но Голомидов эти станки мог искать еще год — два, это его деньги, его фирма. Он приобрел станки? Приобрел! Есть доказательства, опровергающие это? Нет. Наоборот, есть станки, и стоят они у Голомидова на фирме. И какая разница, сегодня он за них заплатил или вчера, либо вообще заплатит завтра? Вот если бы он заплатил за эти станки до продажи автомобиля Петрову, то, естественно не мог бы утверждать, что купил их на полученные от Петрова деньги.

По всему изложенному я думаю, что обвинение на самом деле ничего не доказало. То, что могло быть положено в основу обвинения, да и то под большим сомнением, — допрос 9 октября — не может служить доказательством. А все остальное не дает оснований для четких выводов о виновности подсудимых. Получается какая-то каша из разрозненных сведений. Эта цепочка связывалась как-то замочком допроса 9 октября, но связывались ненадежно. И замочек хлипкий, и оказался не заперт, и вовсе даже и не замочек. Замочка нет и цепочка рассыпалась.

По сему случаю я прошу Вас Голомидова по предъявленному обвинению оправдать, поскольку ничего противоправного он не совершал. Закон ведь торжествует не только тогда, когда наказывают невиновных, но еще более торжествует тогда, когда не наказывают невиновных.

Послесловие автора

Приговором Верховного Суда Республики Марий Эл Голомидов и Петров оправданы. Приговор был опротестован государственным обвинителем, но протест этот прокурором Генеральной прокуратуры, участвовавшим в кассационном заседании, поддержан не был. Верховным Судом Российской Федерации приговор оставлен без изменения.

Раздел III

Ходатайства и жалобы

Настал черед перейти от речей устных к письменным. В этом разделе читателю представлены ходатайства и жалобы по некоторым уголовным делам. Дела эти показались мне интересными не только потому, что жалобы и ходатайства были удовлетворены. Мне показался поучительным (и для меня самого — век живи, век учишься — в том числе и на собственном опыте) подход к обжалованию, «настырность», что ли (а что еще у адвоката в запасе есть?).

«Опознание» по выражению лица

Дело Малышкина свидетельствует о необоснованности время от времени появляющихся в прессе утверждений о том, что, дескать, адвокаты «разваливают» уголовные дела, из-за чего якобы и «пробуксовывают» героические усилия милиционеров и следователей, пытающихся побороть преступность. Думается, что «разваливают» уголовные дела все же сами оперработники, следователи и прокуроры. Да и чего стоит тот следователь, который позволяет адвокату «разваливать» дело?!

По степени доказанности обвинения дело Малышкина вполне сравнимо с делом Пилипенко*. Я принял на себя защиту Малышкина, когда дело по его обвинению уже было в суде. Из материалов дела можно было уразуметь, что 19 июля 1993 года вечером некто на «Джипе» врезался в «шестерку», которой управлял Махалаев. «Шестерка» была разбита, что называется вдребезги. Виновник попытался было скрыться, но был перехвачен инспекторами ГАИ на следующем перекрестке. Поскольку «шестерка» заведомо не могла быть восстановлена, договорились о том, что виновник на следующий день отдаст Махалаеву деньги — 6000 долларов, для чего они встретятся днем возле театра на Таганке. Встреча произошла, но передача денег не состоялась. Оба — и Махалаев и его обидчик — явились с друзьями. Можно только гадать, что за разговор произошел между ними, но очень быстро слова сменились выстрелами. Через несколько минут на месте происшествия остался труп Махалаева с лежащей рядом с ним на асфальте гранатой, остались его друзья — Габиев и Данатури, оба раненые, а также раненый в пятку случайный прохожий Крошкин. Стрелявшие скрылись. Уже через несколько дней сотрудники милиции предъявили на опознание фотографии Малышкина (как положено в числе двух других фотографий) Габиеву, приятелю погибшего Бароеву, сотрудникам ГАИ Кармашову и Палкину, видевшим виновника накануне. Фотографии были черно-белые паспортного формата, что не помешало всем четверым опознать Малышкина по росту, телосложению и светлым (это на черно-белых снимках, где он выглядел жгучим брюнетом!) волосам. Ни в одном из протоколов не было указано, что имелось в виду под ростом и телосложением: высокий и коренастый или, к

примеру, низкий и щуплый. Угрозыск оказался выше этих «мелочей». Но этого мало: в протоколах опознания было указано, что Габиев и Бароев якобы опознали Малышкина также и «по внешнему виду, форме и выражению лица», а Кармашов и Палкин — также и «по внешности лица, подбородку, расположению губ». Естественно и этого не расшифровали: то ли по звериному оскалу, то ли по благодатной улыбке, то ли губы оказались за ухом. Почему из более чем полутора десятков очевидцев для опознания выбрали только этих четверых не знает никто. Никто — ни те же сотрудники угрозыска, ни принявший дело к производству следователь прокуратуры, никто не попытался сосчитать количество выстрелов, произведенных якобы Малышкиным и его спутниками. Поскольку на месте происшествия были обнаружены гильзы, стреляные из двух разных пистолетов, сразу решили, что стрелявших было двое. К моему удивлению, я оказался первым, кто сосчитал количество выстрелов (их оказалось не менее 28 без учета промахов; выстрелы подсчитывались по числу ранений и попаданий в одежду за минусом выходных отверстий и дублирующих отверстий на верхней и нижней одежде). Как читатель и сам понимает, эти данные не согласовывались с выводами следствия о числе стрелявших. Не было выяснено еще очень много важных вопросов. Пожалуй, единственное, что следствием было установлено достоверно, так это то, что лежавшая рядом с трупом на асфальте граната принадлежала убитому. Так как Малышкина по месту прописки дома не оказалось, сочли, что он скрывается от следствия, и дело через положенное время приостановили. Через два года — в августе 1995 года Малышкин был задержан, а затем и арестован. Следствие шло весьма вяло, но в январе 1996 года дело все же было направлено в суд. Я попал в этот процесс еще через два месяца — в марте. Дело фактически еще не было назначено к слушанию. Хотя шансы на оправдательный приговор и были достаточно высоки, я понимал, что приговор может быть очень не скоро — дело судом будет рассматриваться долго с неоднократными откладываниями ввиду неявки свидетелей и потерпевших (а где и как этих потерпевших — жителей Грозного — разыскивать в воюющей Чечне?). Мне казалось, что на предварительном следствии решение по делу будет принято быстрее. Доследование* представлялись поэтому гораздо предпочтительнее судебного разбирательства. Результатом таких рассуждений стало ходатайство о направлении дела на доследование при назна-

* См. с. 35 настоящего сборника.

* Напомню — дело происходит еще до упразднения института доследования, в эпоху УПК РСФСР.

чении дела к слушанию. О, как я тогда ошибался! Во-первых, дело было уже назначено, и потому мое ходатайство предстояло рассматривать в судебном заседании. Во-вторых, мои надежды на скорое решение вопроса на предварительном расследовании разбились о скалу непрофессионализма следователей и прокурорских надзирателей.

В июле 1996 года состоялось первое судебное заседание. Рассмотрев мое ходатайство на подготовительной стадии (еще до оглашения обвинительного заключения), суд ходатайство удовлетворил. Прокуратура не смогла стерпеть обиды — гособвинителем был принесен частный протест. Рассмотрев протест в конце августа (Фемида неспешна), Верховный Суд России позицию Мосгорсуда подтвердил. Судом (теперь уже и Верховным) было указано, что представленных доказательств недостаточно, а большинство из тех, что есть, процессуально опорочены.

Новое расследование тянулось неимоверно долго. Следователи менялись чаще перчаток. Сроки содержания Малышкина под стражей продлевались неоднократно при откровенных нарушениях процессуальных норм. Допускалось даже продление срока через несколько дней после окончания предыдущего с неоговоренными исправлениями продолжительности сроков в тексте постановления (представьте себе приговор, в резолютивной части которого зачеркнуто слово «условно», а поверх неизвестно кем написано: «расстрелять»). На мои возмущения отвечали просто и со вкусом: «Продление срока содержания под стражей Малышкина П.К. произведено в соответствии с законом», забыв, естественно, указать тот закон, в соответствии с которым такое возможно. После очередного продления дело месяцами (!) не возвращалось к следователю — находилось «на изучении» в Генеральной прокуратуре. Мои заявления о том, что вообще-то надо сперва изучить дело, а потом продлевать сроки содержания обвиняемого под стражей, а не наоборот, воспринимались как пустые и досадные придирки. Прокуроры разных уровней, выслушивая меня на личном приеме, сочувственно качали головами и говорили: «Надо принимать волевое решение». Под этим подразумевалось, что дело надо прекращать. Но никто не хотел брать на себя ответственность.

Добавило новое расследование немного. Допросили двух опознававших ранее Малышкина милиционеров, которые показали, что времени прошло много и они уже не помнят кого и по каким приметам когда-то опознавали. Допросили раненого в пятницу случайного прохожего — он заявил, что и тогда, в 1993 году, не

видел, кто в него стрелял, и теперь тоже не знает этого. Допросили женщину, бывшую в 1993 году понятой при опознании, — она сказала, что кого-то при ней опознали по фотографии, но кто и кого опознавал, она не помнит. И еще добавилось два письма из МУРа. В одном письме в ответ на запрос следователя сообщалось, что потерпевших Габиева и Данаури, так же как и свидетеля Бароева разыскать «не представилось возможным», т.к. чеченцы они, а на всех глобусах в милиции Чечня более вообще не значится. Во втором письме бравый начальник одного из подразделений угрозыка сообщал, что Малышкин является активным членом таганской преступной группировки, доказательств совершения преступлений другими членами которой добыть не удалось, но зато сам Малышкин имеющимися доказательствами изобличен в убийстве Махалаева, за что и арестован. Перл достойный Вышинского и его соратников! «Преступная» группировка, доказательств совершения преступлений членами которой не существует. Вывод о доказанности вины обвиняемого, который делает не следователь, а оперработник, нимало не смущаясь тем, то Верховный Суд страны признал, что ни в чем Малышкин «имеющимися доказательствами» не изобличен. Словом: «А у нас государство правовое?» — «Нет, это у нас экономика рыночная».

Ходатайства, жалобы и заявления по этому делу составили в моем досье толстенный том. В настоящем сборнике приведены лишь некоторые из них.

Генеральному прокурору
Российской Федерации

Вынужден обратиться к Вам в третий раз по поводу грубейших нарушений процессуального законодательства, допущенных при расследовании дела П.К. Малышкина, арестованного Таганской межрайпрокуратурой Москвы. На два предыдущих обращения я сперва вместо ответа получил сообщение по телефону о том, что срок содержания П.К. Малышкина под стражей продлен Вашим заместителем еще — на этот раз до 17 июня с. г. Затем (через два с половиной месяца после первого обращения и через полтора месяца после второго) я получил, наконец, и письменный ответ. Несмотря на то, что в моих обращениях шла речь о нарушениях уголовно-процессуального законодательства, допущенных Вашим заместителем, ответ мне дан должностным лицом, непосредственно ему подчиненным — начальником управления по надзору за расследованием преступлений. В моих обращениях

шла речь о том, что вина П.К. Малышкина в инкриминированных ему преступлениях вообще не доказана (единственное, что «подтверждает» его вину — это опознания по «выражению лица» и по «месту расположения губ», которые у него, как и у всех других людей, находятся между носом и подбородком), о том, что в нарушение закона срок содержания П.К. Малышкина под стражей продлевался через несколько дней после истечения ранее продленного срока, в тексте постановления о продлении срока (в самой существенной его части — в резолюции Вашего заместителя) допущена грубая фальсификация. На все эти беззакония закрывают глаза, мои жалобы и ходатайства вообще игнорируются. Если Ваши подчиненные не уважают лично меня — это их личное дело, от меня, как говорится, не убудет. Но они находятся на службе и в силу своего служебного положения обязаны рассмотреть мои ходатайства и, если они обоснованы, обязаны эти ходатайства удовлетворить. Никто из следователей и надзирающих прокуроров ни разу ни на один из доводов моих ходатайств по существу ничего не возразил: в лучшем случае отвечают, что П.К. Малышкина надо держать под стражей ввиду тяжести содеянного, в худшем — отвечают устно: «Надо принимать волевое решение. Пусть суд скажет свое слово, мы оправданий не боимся». Малышкин действительно обвиняется в тяжком преступлении — убийстве, но, прежде чем сажать в тюрьму, надо доказать, что это тяжкое преступление «содеяно» именно им. Суд действительно может Малышкина оправдать (и, скорее всего, так и поступит — Верховный Суд РФ уже один раз признал, что собранные по делу доказательства недостаточны, а те, что есть — опорочены). Но, спрашивается, зачем тогда эта армия следователей и прокурорских надзирателей?! При таком подходе к делу достаточно и постоянного милиционера: задержал, отвел в суд — вот и все «следствие». Все в этом деле сегодня держится на «двух китах» (даже по китам у них нехватка): на нашептываниях милиции, которая, как всегда, «располагает оперативными данными», и на стремлении прокуроров и следователей как-нибудь оправдать необоснованный арест и длительное содержание Малышкина под стражей.

На мои многочисленные доводы и подробный анализ доказательств, Генпрокуратура ответила одним предложением: «Вина Малышкина...подтверждается материалами уголовного дела...» И это по делу, по которому Верховный Суд страны признал все доказательства опороченными! На мои заявления о нарушении закона при продлении срока следствия — «...мера пресечения избрана в отношении него в соответствии с требованиями

закона». И далее — срок содержания Малышкина под стражей «продлен в Генеральной прокуратуре Российской Федерации в установленном законом порядке». Хорош «установленный законом» порядок, если в том же ответе констатируется, что срок содержания Малышкина под стражей продлен через несколько дней после истечения ранее продленного (интересно, какой статьей какого закона предусмотрен такой «порядок»? за что тогда строго предупреждены прокурор района и несколько других работников прокуратуры Москвы?!).

Не воспримите мои возмущения как хорошо оплаченную адвокатскую реакцию. Если Вы заставите своих подчиненных по-настоящему проверить дело (я знаю, что, несмотря на кадровый кризис, в прокуратуре остались все же грамотные люди), они убедятся, что я прав. Некоторая, весьма слабая и бледная видимость доказанности вины Малышкина в деле может быть усмотрена. Но я вспоминаю дело Кравченко, который был невинно расстрелян в Ростовской области за одно из убийств, на самом деле совершенное неизвестным Чикатило. В деле Кравченко доказательств было гораздо больше, чем в деле Малышкина, а обвинение Малышкина столь же тяжкое.

Еще раз прошу Вас дать указание о проверке законности ведения следствия по делу Малышкина и принятии соответствующих мер прокурорского реагирования. Убедительнейшим образом прошу не поручать эту проверку тому из Ваших заместителей, кто уже продлевал срок следствия и содержания под стражей по этому делу, и подчиненным ему сотрудникам. Они связаны ранее принятыми решениями и очень сомнительно, что смогут теперь быть достаточно объективными.

С уважением, Ю.А. Костанов

Это ходатайство, как и многие другие, было отклонено. По этому делу я пытался воспользоваться правом обжалования ареста в суд. Обычно я не прибегаю к этому средству защиты, считая его крайне неэффективным. Суды, как говорится, в пятнадцати случаях из десяти, отказываются изменить меру пресечения, подтверждают законность ареста и, тем самым, дают дополнительный козырь обвинению. После афронта в суде добиваться освобождения у прокуроров бессмысленно. Но здесь нарушения закона были столь вопиющи, что я не удержался, наивно надеясь, что уж на такие нарушения суд просто не сможет отреагировать иначе, чем отменив меру пресечения и освободив Малышкина из-под стражи.

Головинский районный суд г. Москвы
адвоката Костанова Ю.А. —
защитника обвиняемого
Малышкина П.К., содержащегося в
следственном изоляторе
№5 ГУВД г. Москвы

на продление срока содержания под стражей

ЖАЛОБА
в пор. ст. 220¹–220² УПК РСФСР

В производстве следователя Таганской межрайонной прокуратуры г. Москвы находится уголовное дело по обвинению Малышкина Петра Кирилловича по п.п. «а», «д» «з», «н» ст. 102, ст. 15 и п.п. «а», «д», «з», «н» ст. 102, ч. 1 ст. 218 УК РСФСР. Малышкин обвиняется в умышленном убийстве Махалаева и покушении на убийство Габиева, Данаури и Крошкина, совершенных 19 июля 1993 года по предварительному сговору с неустановленным следствием лицом из корыстных и хулиганских побуждений, способом, опасным для жизни многих людей. Кроме того, Малышкину вменено в вину незаконное приобретение, хранение и ношение огнестрельного оружия — пистолета «ТТ».

Малышкин П.К. был взят под стражу 22 августа 1995 года, через четыре с половиной месяца — 13 января июля 1996 года дело по его обвинению было направлено для рассмотрения в Московский городской суд, который 13 июня 1996 года направил его на следствие. Верховным Судом Российской Федерации 29 августа 1996 года определение Московского городского суда оставлено без изменения, а частный протест государственного обвинителя — без удовлетворения. С сентября 1996 года дело находится в Таганской межрайонной прокуратуре г. Москвы. После возвращения дела судом на следствие заместителем Генерального прокурора Российской Федерации срок содержания Малышкина П. К. под стражей продлен до семи месяцев — т.е. до 17 января 1997 года.

Этот срок 20 января 1997 года заместителем Генерального прокурора Российской Федерации незаконно продлен до девяти месяцев (т. е. на два месяца дополнительно к ранее продленному). Незаконность «продления срока» состоит в том, что срок содержания Малышкина П.К. под стражей «продлен» через три дня после истечения ранее продленного.

Вопреки недвусмысленным требованиям ст. 97 УПК РСФСР, п. 2 ст. 33 Закона «О Прокуратуре Российской Федерации», заместитель Генерального прокурора РФ, получив постановление о продлении срока содержания под стражей обвиняемого Малышкина П.К., не освободил его из-под стражи, хотя Малышкин П.К. к этому времени трое суток содержался под стражей незаконно.

Следственным изолятором № 5 ГУВД г. Москвы, где содержится Малышкин П.К., последний не был освобожден из-за того, что 17 января 1997 года Таганской межрайонной прокуратурой г. Москвы туда было представлено сообщение о продлении срока, чего на тот момент не было.

Содержание под стражей Малышкина П.К. является не только незаконным, но и необоснованным, поскольку никакими доказательствами вины Малышкина П.К. в инкриминируемом ему преступлении следствие не располагает. Такой вывод — не частное мнение адвоката, а позиция Московского городского суда и Верховного суда России, возвративших дело по обвинению Малышкина П.К. для дополнительного расследования.

В процессе дополнительного расследования, которое длилось пять месяцев (с сентября 1996 г. по январь 1997 г.), также не добыто никаких доказательств вины Малышкина П.К. За этот период допрошено 4 человека, категорически заявивших, что они не помнят, как выглядит преступник и опознать его не могут, а также получено два ответа ГУВД г. Москвы на запросы следователя (из которых следует, что еще двух человек, которых следовало допросить и которые проживают в Чеченской Республике, милиция разыскать не в состоянии).

Судебное признание недостаточности доказательств вины Малышкина П.К., добытых в ходе первоначального следствия, и невозможность получения новых доказательств в силу п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РСФСР является основанием не для продления срока содержания под стражей обвиняемого, а для прекращения дела.

Малышкин П.К. с учетом времени, когда дело находилось в Московском городском суде и Верховном суде РФ, содержится под стражей полтора года.

На основании изложенного прошу избранную в отношении Малышкина Петра Кирилловича меру пресечения в виде содержания под стражей отменить, Малышкина П.К. из-под стражи освободить.

Защитник Малышкина П.К.
Ю.А. Костанов — адвокат.

Надо ли говорить, что нам отказали!? Мало того, что суд, вопреки прямому указанию закона, несколько раз откладывал рассмотрение жалобы ввиду того, что прокуратура не представляла в суд материалы дела*, я в определении суда вычитал множество процессуальных новаций: здесь и утверждение о том, что срок содержания под стражей продлевается якобы следователем, а не прокурором; и остроумная ссылка на то, что срок вообще-то вроде бы и не нарушен, т. к. окончание его пришлось на выходной день, а продлен он был в первый рабочий день — понедельник; и признание выходным днем пятницы, ибо срок этот истекал именно в пятницу. Пришлось обжаловать определение в Московский городской суд.

Московский городской суд
адвоката Костанова Ю.А. —
защитника обвиняемого
Малышкина П.К., содержащегося в
следственном изоляторе № 5 ГУВД г. Москвы

ЧАСТНАЯ ЖАЛОБА

Постановлением Головинского районного суда г. Москвы (поименованного в самом постановлении «межмуниципальным (районным) судом Северного административного округа г. Москвы») от 20 марта 1997 года жалобы обвиняемого Малышкина Петра Кирилловича и его защитника на продление срока содержания под стражей оставлены без удовлетворения.

Малышкин П. К. обвиняется в умышленном убийстве Махалаева и покушении на убийство Габиева, Данаури и Крошкина, якобы совершенных им 19 июля 1993 года по предварительному сговору с неустановленным следствием лицом из корыстных и хулиганских побуждений, способом, опасным для жизни многих людей. Кроме того, Малышкину П. К. вменено в вину незаконное приобретение, хранение и ношение огнестрельного оружия — пистолета «ТТ».

Малышкин П. К. был взят под стражу 22 августа 1995 года, через четыре с половиной месяца — 13 января июля 1996 года де-

ло по его обвинению было направлено для рассмотрения в Московский городской суд, который 13 июня 1996 года направил его на следствие. Верховным Судом Российской Федерации 29 августа 1996 года определение Московского городского суда оставлено без изменения, а частный протест государственного обвинителя — без удовлетворения. С сентября 1996 года дело находится в Таганской межрайонной прокуратуре г. Москвы. После возвращения дела судом на следствие заместителем Генерального прокурора Российской Федерации срок содержания Малышкина П.К. под стражей продлен до семи месяцев — т.е. до 17 января 1997 года. Этот срок 20 января 1997 года заместителем Генерального прокурора Российской Федерации продлен до девяти месяцев (т.е. на два месяца дополнительно к ранее продленному).

Постановление Головинского районного суда г. Москвы от 20 марта 1997 года является незаконным и подлежит отмене по следующим основаниям

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 1993 г. № 3 (в редакции Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.93 № 11) «О практике судебной проверки законности и обоснованности ареста или продления срока содержания под стражей» под законностью ареста, равно как и продления срока содержания обвиняемого под стражей следует понимать соблюдение всех норм уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих порядок применения указанной меры пресечения и продления срока ее действия». При продлении срока содержания Малышкина П.К. под стражей до девяти месяцев нормы действующего уголовно-процессуального законодательства нарушены грубейшим образом.

Заместителем Генерального прокурора РФ срок содержания Малышкина П.К. под стражей до 9 месяцев «продлен» через три дня после истечения ранее продленного.

Вопреки недвусмысленным требованиям ст. 97 УПК РСФСР, п. 2 ст. 33 Закона «О Прокуратуре Российской Федерации», получив постановление о продлении срока содержания под стражей обвиняемого Малышкина П.К., не освободил его из-под стражи, хотя Малышкин П.К. к этому времени трое суток содержался под стражей незаконно.

Суд в обжалуемом постановлении указал по этому поводу, что «постановление о продлении срока содержания под стражей следователем было вынесено в установленный срок, т.е. 16 ян-

* Напомню, что в ст. 220¹ УПК РСФСР по этому поводу было записано: «В случае, если в заседание не были представлены материалы, подтверждающие законность и обоснованность применения заключения под стражу в качестве меры пресечения или продления срока содержания под стражей, судья выносит постановление об отмене этой меры пресечения и об освобождении лица из-под стражи».

варя 1997 года, утверждение постановления имело место 20 января 1997 года, поскольку эта дата являлась первым рабочим днем после 17 января 1997 года, т.е. после истечения срока содержания под стражей». Это утверждение суда противоречит действующему уголовно-процессуальному законодательству и не может быть положено в обоснование принятого судом решения.

В силу ст. 97 УПК РСФСР продление срока содержания обвиняемого под стражей не входит в компетенцию следователя, а производится надзирающим прокурором (в данном случае — заместителем Генерального прокурора РФ). В соответствии с этим, своим постановлением следователь не продлевает срок содержания обвиняемого под стражей, а лишь возбуждает перед соответствующим прокурором ходатайство о продлении этого срока, и прокурор не «утверждает» постановление следователя, а продлевает срок. Поэтому датой продления срока содержания под стражей следует считать не дату вынесения постановления следователя, а дату учинения на этом постановлении резолюции прокурора о продлении срока.

Положение ст. 103 УПК РСФСР в соответствии с которым «если окончание срока приходится на нерабочий день, то последним днем срока считается первый следующий за тем рабочий день», на определение истечения сроков содержания под стражей не распространяются, поскольку арестованные подозреваемые и обвиняемые находятся под стражей и в нерабочие (для следователей и прокуроров) дни. Кроме того, день окончания ранее продленного срока содержания Малышкина П.К. под стражей — 17 января 1997 года — был рабочим днем (пятницей).

Таким образом, продление срока содержания Малышкина П.К. под стражей до девяти месяцев состоялось 20 января 1997 года, т. е. через трое суток после того, как истек ранее продленный срок, в день, когда Малышкин П.К. уже три дня должен был находиться на свободе и для его дальнейшего содержания под стражей следовало при наличии к тому законных оснований вновь избирать такую меру пресечения.

Судом не дано оценки тому обстоятельству, что резолюция заместителя Генерального прокурора РФ о продлении срока содержания под стражей Малышкина П. К. до девяти месяцев содержит не оговоренное исправление в самой существенной части: слово «девяти» отпечатано на пишущей машинке с другим шрифтом поверх забеленного другого слова (что видно и на ксерокопии постановления). На это обстоятельство обраща-

лось внимание суда защитой, для его проверки рассмотрение жалобы дважды откладывалось. Суд истребовал и осмотрел подлинник постановления, при осмотре которого на просвет оказалось, что первоначально в резолюции заместителя Генерального прокурора РФ было напечатано слово «восьми». Считаю заместителя Генерального прокурора РФ добросовестным и квалифицированным юристом, не способным допустить в подписываемых им документах столь грубые нарушения, полагая, что поправка в его резолюцию была внесена после того, как он поставил там свою подпись. Из этого следует, **что срок содержания Малышкина П.К. под стражей до девяти месяцев фактически продлен не заместителем Генерального прокурора РФ, а кем-то другим, не имеющим на это законных полномочий.**

В соответствии со ст. ст. 220¹–220² УПК РСФСР суд обязан проверить не только законность, но и обоснованность продления срока содержания обвиняемого под стражей. Как указано в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 1993 г. № 3 (в редакции Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.93 № 11) «О практике судебной проверки законности и обоснованности ареста или продления срока содержания под стражей» под обоснованностью ареста либо продления срока содержания обвиняемого под стражей следует понимать «наличие в представленных материалах сведений, в том числе о личности содержащегося под стражей, которые подтверждают необходимость применения заключения под стражу в качестве меры пресечения или продления ее срока».

В данном случае судом эта обязанность не выполнена, несмотря на то, что в жалобах и обвиняемого и его защитника вопрос о необоснованности продления срока содержания Малышкина П. К. под стражей ставился. В обжалуемом постановлении вообще не приведено мотивов, по которым продление срока содержания Малышкина П. К. под стражей признано обоснованным.

Между тем, содержание под стражей Малышкина П.К. является не только незаконным, но и необоснованным, поскольку никакими доказательствами вины Малышкина П.К. в инкриминируемом ему преступлении следствие не располагает. Такой вывод — не частное мнение адвоката, а позиция Московского городского суда и Верховного суда России, возвративших дело по обвинению Малышкина П.К. для дополнительного расследования.

В процессе дополнительного расследования, которое длилось в течение 5-ти месяцев (с сентября 1996 г. по январь 1997 г.), также не добыто никаких доказательств вины Малышкина П.К. За этот период допрошено 4 человека, категорически заявивших, что они не помнят, как выглядит преступник и опознать его не могут, а также получено два ответа ГУВД г. Москвы на запросы следователя (из которых следует, что еще двух человек, которых следовало допросить и которые проживают в Чеченской республике, милиция разыскать не в состоянии).

Судебное признание недостаточности доказательств вины Малышкина П.К., добытых в ходе первоначального следствия, и невозможность получения новых доказательств в силу п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РСФСР является основанием не для продления срока содержания под стражей обвиняемого, а для прекращения дела.

Вместо принятия законного решения по делу органы предварительного следствия и прокуратура неоднократно продлевают сроки содержания Малышкина П.К. под стражей, фактически не производя расследования. С момента «продления» срока содержания Малышкина П.К. под стражей 20 января 1997 года активность следствия не возросла, по устному и неуверенному заявлению очередного (уже третьего после возвращения дела на доследование) следователя срок содержания Малышкина П.К. под стражей вновь продлен — еще на один месяц, но официальных уведомлений об этом защита не имеет.

Малышкин П.К. с учетом времени, когда дело находилось в Московском городском суде и Верховном суде РФ, содержится под стражей более полутора лет.

Уклоняясь от принятия законного решения, прокуратура, бесконечно продлевая срок содержания Малышкина П.К. под стражей, пытается тем самым придать видимость законности ранее принятым решениям о его аресте.

С учетом изложенного и на основании ст. 331 УПК РСФСР

ПРОШУ :

1) Постановление Головинского районного суда г. Москвы (поименованного в самом постановлении «межмуниципальным (районным) судом Северного административного округа г. Москвы») от 20 марта 1997 года об оставлении без удовлетворения жалобы обвиняемого Малышкина Петра Кирилловича и его защитника на продление срока содержания под стражей отменить.

2) Продление срока содержания под стражей Малышкина Петра Кирилловича до девяти месяцев признать незаконным и необоснованным, избранную в отношении Малышкина П.К. меру пресечения в виде содержания под стражей отменить, и его из-под стражи освободить.

Защитник Малышкина П.К.
Ю.А. Костанов — адвокат.

Увы! Мосгорсуд не воспользовался своим правом восстановить нарушенный закон и не счел это своей обязанностью. Я продолжал бомбардировать прокуратуру жалобами. Мне все также отвечали устно, что нужно принимать волевое решение, и письменно — что все в деле законно и правильно. В конце концов, из всех возможных «волевых решений» прокуратура приняла одно: дело вновь было направлено в суд. Судом оно вновь было возвращено на доследование. Вновь определение о доследовании было опротестовано и вновь протест был отклонен Верховным Судом. Дело вновь в прокуратуре и снова я ходатайствую о его прекращении. Мотивировка ходатайства, на мой взгляд, представляет определенный интерес — особенно оценка доказательств.

Прокурору Центрального округа
г. Москвы

по делу Малышкина П.К.

ХОДАТАЙСТВО о прекращении уголовного дела

В производстве следователя прокуратуры Центрального административного округа г. Москвы находится уголовное дело по обвинению Малышкина Петра Кирилловича по п.п. «а», «б», «д» «з», «н» ст. 102, ст. 15 и п.п. «а», «б», «д», «з», «н» ст. 102, ч. 1 ст. 218 УК РСФСР. Малышкин обвиняется в умышленном убийстве Махалалева и покушении на убийство Габиева, Данаури и Крошкина, совершенных 19 июля 1993 года по предварительному сговору с неустановленным следствием лицом из корыстных и хулиганских побуждений, способом, опасным для жизни многих людей. Кроме того, Малышкину вменено в вину незаконное приобретение, хранение и ношение огнестрельного оружия — пистолета «ТТ».

Малышкин с августа 1995 года находится под стражей. В январе 1996 года дело по его обвинению было направлено для рассмотрения в Московский городской суд. Определением Московского городского суда от 13 июня 1996 дело было направлено прокурору г. Москвы для дополнительного расследования. Участвовавшим в судебном заседании государственным обвинителем на это определение был принесен частный протест, который Верховным Судом Российской Федерации 29 августа 1996 года оставлен без удовлетворения.

Основанием для направления дела на дополнительное расследование послужили множественные недостатки предварительного расследования заведомо невосполнимые в судебном заседании.

Доказательства виновности Малышкина в инкриминированных ему деяниях фактически сводятся к опознаниям его по фотографиям потерпевшим Габиевым, свидетелями Бароевым, Кармашовым и Палкиным. Однако эти опознания произведены с нарушениями требований ст. ст. 165 и 166 УПК РСФСР, исключаящими возможность использовать их в качестве доказательств. Опознающими не были названы приметы якобы опознанного ими лица, а протоколы опознаний не содержат подробного изложения показаний опознающих, данных ими при опознаниях; показания, данные ими при производстве опознаний, не соответствует их же показаниям о приметах преступника на произведенных ранее допросах.

Так, Габиев и Бароев на допросах описали человека, повредившего автомобиль Габиева 18.07.93 и стрелявшего в Махалалева, Габиева и Данаури 19.07.93, как мужчину 25–30 лет, ростом 180–185 см, плотного телосложения, светловолосого, со шрамом на лице. Опознали они Малышкина по фотографии формата 4х6 см, на которой изображено только лицо Малышкина, причем Малышкин на этой фотографии — брнет, шрамов на лице у него не видно. В обоих протоколах вместо описания примет, по которым Габиев и Бароев якобы опознали Малышкина, приведена одна и та же фраза о том, что Малышкин опознан ими «по внешнему виду, форме и выражению лица».

Кармашов на допросе в качестве свидетеля показал, что водитель автомобиля, столкнувшегося 18.07.93 с автомобилем Габиева, был высоким, полным и с короткой стрижкой. Опознание им Малышкина произведено по той же фотографии паспортного формата по другим приметам: «по внешности лица, подбородку, расположению губ».

Палкин на допросе, описывая приметы этого же лица, указал, что тот был ростом примерно 180 см, с короткими светлыми волосами. Опознал Малышкина все по той же фотографии — по подбородку, губам, овалу лица и шраму на лице — на фотографии шрама не видно, волосы у Малышкина на ней черные.

Во всех четырех протоколах опознания приметы опознаваемого лица указаны неконкретно, в формулировках, не отражающих особенностей внешности: «выражение лица» — понятие ситуативное, не содержащее характеризующих опознаваемого особенностей; «расположение губ» не позволяет понять почему именно Малышкин опознан по этому признаку: у Малышкина на фотографии губы расположены там же, где и у всех остальных людей — в нижней части лица между носом и подбородком; чем отличаются «внешний вид и форма лица» или «внешность лица» Малышкина от внешнего вида и формы лица других людей (т.е. примет Малышкина) в протоколах не указано.

На предварительном следствии были опрошены и допрошены и другие лица, сообщавшие приметы виновного: Петров, Федюкова, Холодова, Воронин, Силькин, Маловеков, Апломбов, Кидалов. Однако никому из них Малышкин на опознание вообще (в том числе и по фотографии) предъявлен не был.

Описания очевидцами внешности стрелявшего совпадают только в части указания на цвет волос и телосложение: все упомянутые лица (как те, которым фотографии Малышкина предъявлялись на опознание, так и те, кому ни сам Малышкин ни его фотографии на опознание не предъявлялись) заявили, что стрелявший светловолос и плотного телосложения. Между тем Малышкин этим признакам не отвечает — он темноволос и узкоплеч.

Рост стрелявшего очевидцы определяли по-разному: Маловеков и Кидалов назвали его высоким, Данаури и Крошкин показали, что его рост был 190 см, Габиев — 185 см, Бароев — 180 см, Петров — 175–180 см, Холодова — 170–175 см, а Федюкова и Апломбов назвали его рост средним. Сотрудники милиции Кармашов и Палкин, описывая внешность водителя, управлявшего автомобилем «Ниссан патрул», столкнувшегося 18 июля 1993 года с автомобилем Габиева, определили его рост в 180 см (Палкин) и как высокий (Кармашов). Различия в показаниях слишком велики для того, чтобы ими можно было бы пренебречь.

По-разному описывают очевидцы и одежду стрелявшего: Габиев показал, что стрелявший был в джинсовом костюме, Бароев — что он был в джинсах и светлой рубашке, Крошкин — в куртке с длинными рукавами и теннисных брюках, Кидалов — в

рубашке без рукавов и теннисных брюках, Петров и Федюкова — в светлой ветровке, Холодова — в рубашке светло-серого цвета, Силькин показал, что на преступнике были зеленовато-коричневая рубашка и зеленоватые брюки-саксы.

Также отличаются в показаниях очевидцев и описания пистолета: Габиев и Бароев считают, что пистолет был похож на пистолет ТТ, при этом Габиев пояснил, что пистолет был зачищен и блестящий; Кидалов, не назвав марку пистолета, заявил, что пистолет был длинный и блестящий; Крошкин и Силькин увидели черный пистолет, причем Силькин еще и умудрился увидеть, что накладки на пистолете были коричневыми.

Эти противоречия следствием не устранены и в настоящее время, а ввиду того, что с момента преступления прошло почти четыре года, уже устранены быть не могут.

По мнению следствия, Малышкин 19 июля 1993 года примерно в 12 часов прибыл к дому № 2 по ул. В. Таганский тупик в гор. Москве, имея при себе пистолет ТТ и 8 патронов к нему, совместно с неустановленным лицом, вооруженным пистолетом ПМ и 8 патронами к нему. Итого, у обоих было на двоих всего 16 патронов и, таким образом, они могли произвести соответственно не более 16 выстрелов.

Между тем на одежде Махалаева, Габиева и Данаури, согласно заключению судебно-баллистической экспертизы имеется 40 огнестрельных повреждений. С учетом того, что одним выстрелом может быть причинено несколько отверстий в одежде, из указанного числа повреждений должны быть исключены отверстия, квалифицированные экспертами как выходные, а также совпадающие по расположению повреждения на верхней и не верхней одежде. В результате только на одежде Габиева, Данаури и Махалаева обнаружено 28 повреждений, которые могут свидетельствовать о производстве в них соответствующего количества выстрелов. Кроме того, еще, как минимум, один выстрел был произведен в Крошкина.

С места происшествия изъято 10 гильз от пистолетных патронов: 6 — от пистолета ТТ, и 4 — от пистолета ПМ. И потерпевшие, и свидетели в своих показаниях упоминают о нескольких выстрелах и никто из них — о нескольких десятках выстрелов.

Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы (л.д. 206–219) раневые каналы в трупe Махалаева направлены снизу вверх налево (для стрелявшего — снизу вверх направо), причем входные отверстия расположены в нижней части груди и на бедре, а сами выстрелы производились с расстояния не

ближе полутора метров. Как видно из заключения судебно-баллистической экспертизы на брюках Махалаева имеются входные огнестрельные отверстия как спереди, так и сзади, из чего следует, что выстрелы в него производились с разных сторон. Указанные обстоятельства исключают возможность причинения Махалаеву огнестрельных повреждений при обстоятельствах, описанных свидетелями и потерпевшими: т.е. с близкого расстояния стоящим напротив него человеком высокого роста.

О том, что выстрелы в потерпевших производились с разных сторон, свидетельствует также заключение судебно-баллистической экспертизы, исследовавшей одежду Габиева и обнаружившей на его брюках выходные отверстия как спереди, так и сзади.

Если (как это следует из показаний потерпевших и свидетелей, а также из протокола осмотра места происшествия) на месте происшествия было произведено всего несколько выстрелов при обстоятельствах, описанных в показаниях допрошенных по делу лиц, то кто, где и при каких обстоятельствах произвел остальные выстрелы? Из объективных данных (количество ранений и повреждений на одежде, направление раневых каналов) следует несостоятельность версии о совершении этого преступления Малышкиным (даже вдвоем с неустановленным следствием лицом).

Противоречия в показаниях очевидцев по вопросам внешности преступника, невыясненность вопросов о количестве выстрелов и взаиморасположении стрелявшего и потерпевших, усугубляются противоречиями в показаниях очевидцев при описании ими других обстоятельств происшедшего. Так, Бароев показал, что преступник сперва ударил Габиева, а затем выстрелил в него. Крошкин также показал, что стрельбе предшествовала драка. В показаниях Габиева, однако, отсутствует упоминание о драке и, в частности, о том, что стрелявший в него человек сперва ударил его. Габиев показал также, что 19 июля 1993 года разговор с ним по поводу происшедшего накануне столкновения автомобилей начал человек, назвавшийся накануне Петром, затем к «Петру» подошло еще трое мужчин, а когда началась стрельба с «Петром» было уже 10–12 человек. Описывая в своих показаниях ту же ситуацию, Данаури утверждал, что первым в него и его друзей начал стрелять не «Петр», а другой человек, подошедший к «Петру» (л.д.101–103). Имея в виду, что Крошкин, судя по его показаниям, был ранен после того, как получили ранения Махалаев, Габиев и Данаури, из приведенных показаний Данаури может следовать, что из пистоле-

та ТТ стрелял, и значит убил Махалаева, ранил Габиева и Данаури не «Петр» (по версии органов предварительного следствия им был Малышкин), а другое лицо.

Указанные противоречия органами предварительного следствия устранены не были и в настоящее время также устранены быть не могут.

Таким образом, в деле фактически нет доказательств, изобличающих Малышкина в инкриминированных ему действиях — все обвинение основано на четырех опознаниях Малышкина по фотографиям, доказательственное значение которых Верховным Судом РФ признано ничтожным. Все остальные доказательства (протоколы осмотров, вещественные доказательства, показания очевидцев, заключения экспертиз и т.п.) подтверждая сам факт убийства, никакой информации об участии в нем Малышкина не содержат.

Кроме убийства и покушения на убийство Малышкин обвиняется в незаконном приобретении, хранении и ношении пистолета «ТТ». Пистолета этого никто не обнаружил — в деле его нет. Никаких доказательств того, что у Малышкина когда-либо был такой пистолет, нет (именно потому в обвинительном заключении при первоначальном направлении дела в суд не было приведено вообще ни одного доказательства этого обвинения). Более того, судя по заключениям экспертиз, на месте преступления производилась стрельба из двух пистолетов — «ТТ» и «ПМ». По каким соображениям Малышкину вменили в вину приобретение, хранение и ношение именно «ТТ» остается глубокой тайной следствия.

С сентября 1996 года дело находится в прокуратуре. Никаких новых доказательств подтверждающих виновность Малышкина как в убийстве и покушении на убийство, так и в приобретении, хранении и ношении пистолета за это время не добыто. Допрошенные в ходе доследования лица не только не сообщили новых подробностей происшествия, но и заявили, что сейчас, почти через четыре года после случившегося, узнать человека, стрелявшего в Махалаева, Габиева и Данаури, не смогут. Каких либо следов, оставленных виновным на месте преступления, не обнаруженных непосредственно после совершения преступления, в настоящее время обнаружить тем более невозможно. Ввиду отсутствия самого пистолета ТТ, приобретение, хранение и ношение которого вменено в вину Малышкину, объективных доказательств принадлежности этого пистолета Малышкину в деле нет и обнаружить их также невозможно. Доказательств того, что

у Малышкина когда либо вообще был пистолет (следов металлизации на одежде, на предметах мебели по месту его проживания, свидетельских показаний и т. п.) в деле нет и в настоящее время такие доказательства также получены быть не могут.

Таким образом, доказательства, как имеющиеся в деле к моменту направления его судом на доследование, так и полученные в ходе доследования, не изобличают Малышкина в совершении инкриминированных ему деяний, а возможности собирания новых доказательств исчерпаны.

Дело Малышкина — яркий пример заикленности следствия и оперативно-розыскных служб на одной версии. Печальная прокурорско-следственная практика свидетельствует о пагубности подобного подхода. Это нередко приводило к осуждению невиновных и безнаказанности действительных преступников, продолжавших совершать преступления. Такие ситуации, в частности, имели место по большинству дел о так называемых «серийных убийствах».

В Ростове за убийство, совершенное в действительности неизвестным Чикатило, был осужден и **расстрелян** Кравченко. После его ареста Чикатило совершил еще почти полсотни убийств на сексуальной почве.

В Смоленске за убийства, совершенные в действительности впоследствии осужденным за них Стороженко, были привлечены к уголовной ответственности Гончаров и Поляков. Гончаров длительное время находился под стражей и был осужден за другое преступление. Поляков был осужден к длительному сроку лишения свободы и впоследствии реабилитирован.

В Свердловске за ряд убийств, совершенных разоблаченным впоследствии ФEFIЛОВЫМ, были арестованы, длительное время содержались под стражей 9 человек: Хабаров, Титов, двое братьев Яшкиных и их отец, Водянкин, Галиев, Карасев и Антропов, некоторые из них были осуждены, причем Хабаров — **к смертной казни (приговор исполнен), а Титов убит в следственном изоляторе**. Это далеко неполный перечень невиновных пострадавших только по трем уголовным делам. Главнейшая причина осуждения невиновных — односторонность следствия. Такая же односторонность проявляется следствием и по делу Малышкина. Нельзя не отметить, что в каждом из приведенных дел доказательств виновности несправедливо осужденных и впоследствии реабилитированных людей было несравненно больше, чем доказательств виновности Малышкина в настоящем деле.

Малышкин почти два года (в общей сложности) находится под стражей. Следствие по его делу длится уже четвертый год. За все это время никаких доказательств его виновности не добыто и вероятность того, что эти доказательства появятся, ничтожна.

В связи с изложенным

ПРОШУ

Уголовное дело по обвинению Малышкина П.К. за недоказанностью предъявленного ему обвинения производством прекратить, соответственно отменив избранную в отношении него меру пресечения и освободив его из-под стражи.

Защитник Малышкина П.К.
Ю.А. Костанов — адвокат.

К этому времени сменился прокурор Центрального округа Москвы. Новый прокурор округа — прокурорский работник с большим опытом, не боящийся «волевых решений», на которого не давил груз допущенных ранее по делу беззаконий (прежде всего многомесячного необоснованного содержания обвиняемого под стражей). Ходатайство мое о прекращении дела было наконец удовлетворено. Дело прекращено и Малышкин, просидевший более двух лет в следственном изоляторе, оказался на свободе

Дело Андреенкова

Сотрудник муниципальной милиции Андреенков был осужден одним из районных судов Москвы за убийство при превышении пределов необходимой обороны, которого не было. То есть, убийство-то было. Не было превышения пределов необходимой обороны.

Обстоятельства дела достаточно ясны из публикуемых здесь текстов. Приговор, состоявшийся по делу, иного мог бы и удовлетворить. В нашем обществе, уж так сложилось, большинство убеждено, что ежели человека не посадили в тюрьму, то значит, и вовсе не наказали (а многие думают, что и не осудили). Андреенков, во-первых, считал себя невиновным и потому несправедливо обиженным, во-вторых, мог из-за приговора испытывать некоторые сложности во взаимоотношениях с управлением кадров: хотя и считается по приговору несудимым, хотя отсутствие судимости аннулирует все последствия осуждения, но все же, но все же...

Справедливость требовала признания Андреенкова невиновным, ибо пределов необходимой обороны он не нарушил, а наоборот, действовал так, как велел ему служебный долг, как велел ему закон — в данном случае Закон Российской Федерации «О милиции».

Прокурор Москвы Г.С. Пономарев, у которого я побывал на личном приеме с соответствующим ходатайством, внял моим доводам, истребовал дело и поручил его проверить. В отделе по надзору за законностью судебных постановлений по уголовным делам Мосгорпрокуратуры дело изучили, убедились в моей правоте, подготовили проект протеста, но не успели доложить его Г.С. Пономареву. Бывший тогда и.о. Генерального прокурора России Алексей Ильюшенко, освободил Г.С. Пономарева от должности, воспользовавшись как поводом для этого, убийством Влада Листьева*.

* Это было абсолютно незаконное решение. По закону прокурор назначается на пятилетний срок и нельзя освободить его от должности раньше этого срока по такому поводу, как совершение в его регионе какого-либо, пусть даже и самого тяжкого, преступления. Ильюшенко, как мне представляется, не мог поступить иначе. До его назначения исполняющим обязанности Генерального прокурора он, будучи в составе Комиссии по борьбе с коррупцией среди высших должностных лиц, «разоблачая» вице-президента Руцкого, предъявил тогда еще Верховному Совету Российской Федерации ряд компрометирующих Руцкого документов. Документы эти были направлены в Генпрокуратуру, а оттуда в прокуратуру Москвы для расследования. В ходе расследования было установлено, что подпись Руцкого в упомянутых документах

Итак, Москва временно осталась без прокурора города и потому протест по делу Андрееenkova прокурором города принесен не был. И начались мои долгие походы в Генпрокуратуру. Эпопея эта длилась много месяцев. Ниже помещено первое (но далеко не последнее) ходатайство по делу Андрееenkova, адресованное в Генеральную прокуратуру:

Заместителю Генерального прокурора
Российской Федерации
от адвоката Костанова Ю.А.
по делу Андрееenkova А.В.

ХОДАТАЙСТВО

о принесении протеста в порядке надзора

Приговором Симоновского межмуниципального* (районного) суда г. Москвы от 15 июня 1994 года, оставленным без изменения определением судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 23 августа 1994 года

Андреенкoв Андрей Викторович

— осужден по ст. 105 УК РСФСР к 2 годам исправительных работ по указанию органов, ведающих исполнением этого вида наказания, с удержанием в доход государства 20% его заработка.

В соответствии с п. 4 Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 23 февраля 1994 года «Об объявлении амнистии в связи с принятием Конституции Российской Федерации» Андреенкoв А.В. от наказания освобожден.

Согласно приговору Андреенкoв осужден за то, что он, являясь сотрудником ОГАИ и ДН 2-го РОММ ЦАО** г. Москвы,

подделана. Естественно, что Ильющенко, как человек, пытавшийся с подложных документов «снять пенку», став и.о. Генерального прокурора едва ли не раньше всего остального истребовал дело (которое имело все основания стать делом о подлоге) в Генеральную прокуратуру. При ближайшей возможности Ильющенко избавился и от Г.С. Пономарева.

* Дело рассматривалось до принятия Федерального конституционного закона РФ «О судебной системе Российской Федерации», в тот период когда все районные суды Москвы в соответствии с Указом Президента РФ назывались межмуниципальными, ибо районы в Москве были упразднены, а территориальная юрисдикция судов распространялась на несколько муниципальных округов.

** Этот непроизносимый набор аббревиатур означает: Отдел Госавтоинспекции и дорожного надзора 2-го районного отдела муниципальной милиции Центрального административного округа.

21 февраля 1994 года, превысив пределы необходимой обороны, совершил убийство гр-на Рыбальникова при следующих обстоятельствах.

Примерно в 20 часов 21 февраля 1994 года у дома № 17 по ул. Володарского в г. Москве у пересечения этой улицы с 1-м Котельническим переулком Андреенкoв, совместно с инспектором того же отдела Щукиным, по подозрению в совершении дорожно-транспортного происшествия задержал автомашину «Москвич — 2141» гос. № 88 — 98 ММХ, которой управлял находившийся в нетрезвом состоянии Рыбальников. По требованию работников милиции водитель и двое пассажиров — Шиханов и Каблуков — вышли из автомашины и легли на землю. После этого Щукин отошел в сторону, чтобы вызвать помощь, а Андреенкoв остался один на один с задержанными. Как указано далее в приговоре: «Внезапно Рыбальников встал с земли и в тот момент, когда он находился в положении полуприседа спиной Андреенкoву, последний, полагая, что Рыбальниковым предпринимается нападение на него с целью расправы и завладения оружием, приняв, таким образом, его действия за реальное посягательство и имея умысел на лишение жизни, выстрелил в него из табельного оружие, причинив ему огнестрельное ранение, от которого Рыбальников скончался».

Приговор и кассационное определение в отношении Андрееenkova являются незаконными и подлежат отмене, а дело по его обвинению — прекращению за отсутствием в действиях Андрееenkova состава преступления.

При оценке действий Андрееenkova судом не приняты во внимание имеющие существенное значение для правильного разрешения дела обстоятельства, непосредственно предшествовавшие задержанию Рыбальникова.

Рыбальников, находившийся в сильной степени алкогольного опьянения (по заключению судмедэкспертизы у него в крови было 3,3 %0 этилового спирта), в районе Таганской площади не справился с управлением автомобиля и столкнулся последовательно одна за другой с двумя автомашинами, после чего не остановился, как того требуют Правила дорожного движения, а стал удаляться с места происшествия, проехав на запрещающий красный сигнал светофора через пешеходный переход, чем создал опасность для переходивших улицу людей. Находившиеся неподалеку в патрульном автомобиле Андреенкoв и Щукин стали преследовать нарушителя. На требования по громкоговорящей установке остановиться Рыбальников не ре-

агировал, что вынудило Андрееenkova произвести предупредительные выстрелы вверх, на которые Рыбальников также не реагировал, и остановился лишь после того, как работники милиции догнали их на улице Володарского.

Не оспаривая этих обстоятельств в приговоре, суд признал действия Андрееenkova при преследовании автомашины Рыбальникова не соответствовавшими характеру и опасности совершенных Рыбальниковым действий, поскольку, как указано в приговоре, «какими либо данными, свидетельствующими о совершении находившимися в преследуемой автомашине лицами тяжких преступлений ни Андрееenkov, ни Щукин не располагали». Между тем, действующее законодательство (п. 1 ч. 2 ст. 15 Закона РФ «О милиции») предусматривает возможность применения работниками милиции огнестрельного оружия для остановки транспортного средства не при наличии сведений о совершении находящимися в останавливаемом транспортном средстве лицами тяжких преступлений, а в тех случаях, когда водитель своими действиями создает реальную опасность жизни или здоровью людей и отказывается остановиться, несмотря на неоднократные требования работников милиции. Андрееenkov и Щукин еще до начала погони по характеру движения автомобиля поняли, что водитель его нетрезв. Попытки остановить этот автомобиль и последующее его преследование они предприняли лишь после действий Рыбальникова, создавших непосредственную опасность для находившихся на улице людей, и, тем самым, действовали правомерно.

Неверная оценка судом обстоятельств, предшествовавших задержанию, предопределила и неправильную оценку обстоятельств самого задержания.

Из материалов дела следует, что, не имея в патрульном автомобиле средств связи, Андрееenkov вынужден был направить своего напарника Щукина за помощью, а сам остался с тремя пьяными, физически здоровыми мужчинами, которые перед этим, совершили правонарушение и не подчинились неоднократным требованиям работников милиции остановиться (продублированным выстрелами вверх из пистолета). При этом у Андрееenkova, непосредственно перед этим правомерно применившего огнестрельное оружие для остановки автомобиля, пистолет все еще оставался в левой руке (находясь в автомобиле, Андрееenkov стрелял левой рукой, т. к. правой он продолжал управлять автомобилем; выскочив из автомобиля с пистолетом в левой руке, Андрееenkov не перекладывал его в правую руку). Рыбальников, Шиханов и Кулаков, как утверждают Андрееenkov и Щукин, вели

себя при задержании агрессивно, угрожали отнять оружие и расправиться с работниками милиции. (В силу конституционных требований презумпции невиновности суд обязан был принять за основу своих выводов показания Андрееenkova и Щукина, а не показания свидетеля Шиханова, утверждавшего, что никаких угроз ни он, ни Рыбальников с Кулаковым не произносили. Тем более, что Шиханов в момент задержания, так же, как и Рыбальников, был пьян). Для того, чтобы по возможности обезопасить себя, Андрееenkov со Щукиным и заставили задержанных лечь на землю. Когда Щукин отошел, Рыбальников вскочил на ноги, ударил Андрееenkova по ноге и пытался ударить кулаком в лицо. Это подтверждается не только показаниями Андрееenkova, но и заключением судебно-медицинской экспертизы, обнаружившей следы удара на ноге Андрееenkova (л. д. 101). Не отрицая этого обстоятельства, суд дал ему по меньшей мере странную оценку, указав в приговоре, что «нанесение Рыбальниковым удара по ноге Андрееenkova и попытка приподняться с земли не свидетельствовали о нежелании потерпевшего быть задержанным и совершении посягательства на Андрееenkova». Действия Рыбальникова объясняются в приговоре тем, что он «лежал на снегу в легком тренировочном костюме и тапочках». Даже если не принимать во внимание, что находившийся в сильной степени опьянения Рыбальников ввиду быстротечности событий не мог еще почувствовать холода, выводы суда в этой части опровергаются самими действиями Рыбальникова, выбравшего в качестве способа «согреться» нанесение удара вооруженному сотруднику милиции.

Не соглашаясь с доводами подсудимого и защиты о том, что Андрееenkov действовал в состоянии необходимой обороны и не превысил ее пределов, суд указал в приговоре, что «вынужденный характер применения огнестрельного оружия должен исходить из отсутствия иных способов, могущих обеспечить задержание, и причиненный вред не должен был быть более значительным, чем требовалось для достижения этой цели».

Приведенное положение приговора противоречит ст. 13 УК РСФСР (в редакции Закона РФ от 01.07.94)*, которая не предус-

* Часть вторая ст. 13 УК РСФСР в редакции Закона РФ от 01.07.94 гласила: «Правомерной является защита личности, прав и законных интересов обороняющегося, другого лица, общества и государства путем причинения любого вреда посягающему, если нападение было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия». В статью 37 нового УК РФ эта очень разумная норма была включена только в марте 2002 года при ожесточенном сопротивлении теоретиков. Но это уже другая история.

матривает каких-либо пределов необходимой обороны в случаях, когда посягательство было связано с угрозой жизни и здоровью. В данном случае нападение пьяного Рыбальникова, поддержанного Шихановым и Кулаковым, создавало реальную угрозу жизни и здоровью самого Андрееenkova, могло повлечь завладение Рыбальниковым оружием, что представляло опасность (с учетом нетрезвого состояния Рыбальникова и его агрессивного поведения) для жизни и здоровья не только Андрееenkova, но и других лиц.

Андрееenkov не только не превысил пределов необходимой обороны, но и действовал в соответствии с ч. 2 ст. 16 Закона Российской Федерации «О милиции», разрешающей сотруднику милиции применять огнестрельное оружие в случаях, когда оружие обнажено, а находящиеся поблизости граждане пытаются приблизиться к работнику милиции на расстояние, меньшее им указанного, либо пытаются завладеть оружием. В данном случае Рыбальников не только приблизился к Андрееenkovu на расстояние, меньше им указанного, но и ударил его. Это давало Андрееenkovu основания полагать, что Рыбальников пытается завладеть его оружием.

Судебная коллегия Московского городского суда вслед за судом первой инстанции сослалась на то, что Рыбальников, якобы, поднимался с земли спиной к Андрееenkovu и, следовательно, его действия не представляли опасности для последнего. Этот вывод суда и судебной коллегии ошибочен. Судом и судебной коллегией не принято во внимание, что пистолет Андрееenkov держал в левой руке, в тот момент, когда Рыбальников находился к Андрееenkovu правым боком в непосредственной близости от него при обстоятельствах, указанных Андрееenkovым, из-за чего выстрел и произошел в спину Рыбальникова. Показания Андрееenkova в этой части подтверждены результатами следственного эксперимента и медико-криминалистической экспертизы. Противоречия между показаниями и заключением экспертизы о направлении выстрела по вертикали носят частный характер и на вывод о взаиморасположении Андрееenkova и Рыбальникова в момент выстрела не влияют.

Наряду с неправильным применением уголовного закона органами предварительного следствия допущено нарушение права Андрееenkova на защиту, исключавшее возможность вынесения обвинительного приговора по делу.

Ни в постановлении о привлечении Андрееenkova в качестве обвиняемого, ни в обвинительном заключении вообще не ука-

зано, в чем состоит превышение пределов необходимой обороны, якобы допущенное Андрееenkovым, в результате чего Андрееenkov фактически был лишен предоставленного ему ст. 46 УПК РСФСР права знать, в чем он обвиняется. Поскольку суд в приговоре также не указал, какие именно действия Андрееenkova выходят за пределы необходимой обороны, он оказался лишенным возможности знать не только за что обвинялся, но и за что осужден. Кассационная коллегия, не усмотрев в этом нарушения процессуального закона, не приняла во внимание особенностей состава преступления, предусмотренного ст. 105 УК РСФСР, требующих не только описания в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и в обвинительном приговоре инкриминированных обвиняемому действий, но и специального указания на то, какие из этих действий нарушают пределы необходимой обороны.

Ни суд, ни судебная коллегия, фактически признав действия Андрееenkova не соответствующими ст. ст. 15 и 16 Закона Российской Федерации «О милиции», не мотивировали вывода об этом.

И. о. прокурора г. Москвы ходатайство об опротестовании состоявшихся по делу Андрееenkova судебных решений оставил без удовлетворения.

Полагая, что, лишив жизни Рыбальникова, осужденный Андрееenkov действовал в состоянии необходимой обороны и не превысил ее пределов,

ПРОШУ :

истребовать из Симоновского межмуниципального (районного) суда г. Москвы уголовное дело по обвинению Андрееenkova Андрея Викторовича по ст. 105 УК РСФСР и опротестовать состоявшиеся по делу приговор и кассационное определение на предмет их отмены и прекращения дела производством за отсутствием в действиях Андрееenkova состава преступления.

Приложение:

1. Копия ответа и. о. прокурора г. Москвы на 1 листе;
2. Ордер юридической консультации.

Защитник Андрееenkova А.В.
Ю.А. Костанов — адвокат.

Ходатайство это было отклонено. Далее последовали новые ходатайства и новые отказы. Наконец, после личного приема у Ге-

нерального прокурора, я вновь попадаю к его заместителю с новым ходатайством.

Заместителю Генерального прокурора
Российской Федерации
по делу Андрееенкова А.В.

ХОДАТАЙСТВО

о проверке уголовного дела в порядке надзора
(повторное)

Мною получен ответ за Вашей подписью на ходатайство о надзорном опротестовании приговора Симоновского межмуниципального (районного) суда г. Москвы от 15 июня 1994 года по делу Андрееенкова. К сожалению и этот ответ, как и все предыдущие, — всего лишь формальная отписка. Работники Генеральной прокуратуры, которые Вам докладывали материалы дела, мягко говоря, ввели Вас в заблуждение, по крайней мере, дважды: когда утверждали, что дело Андрееенкова разрешено верно, и когда утверждали, что в подготовленном ими письме содержатся ответы на хотя бы важнейшие доводы моего ходатайства (либо умолчали о том, что не на все мои доводы ответили — разница эта в данном случае никакого значения не имеет).

Во-первых, вопреки содержащемуся в ответе утверждению, вина Андрееенкова подтверждается только показаниями свидетеля Шиханова, а все другие доказательства вины Андрееенкова как раз не подтверждают. Из экспертных заключений, материалов следственного эксперимента, результатов медицинского освидетельствования самого Андрееенкова с непреложностью следует, в частности, что выстрел в потерпевшего Рыбальникова он произвел в тот момент, когда Рыбальников, правомерно им задержанный и вместе с двумя своими приятелями уложенный на землю, самовольно поднявшись, набросился на Андрееенкова и нанес ему удар ногой по ноге. Почему показания свидетеля Шиханова, который был, как зафиксировано в деле, сильно пьян, оказались весомее всех остальных доказательств — в ответе Генеральной прокуратуры от 28 ноября 1995 года, увы, не сказано.

Во-вторых, не даны ответы на следующие доводы моего ходатайства:

1. Я утверждал и утверждаю, что Андрееенков, обнажив оружие при задержании Рыбальникова и произведя в него выстрел, действовал правомерно, в соответствии с требованиями ст. 15

и 16 Закона РФ «О милиции», и потому в его действиях нет превышения пределов необходимой обороны. Ни следователь, ни суд, ни прокуратура (в том числе и Генеральная) так и не объяснили, почему Закон РФ «О милиции» не применим в данном случае. Любая попытка обосновать отказ в этой части привела бы к выводу о невинности Андрееенкова.

2. Я утверждал в предыдущих ходатайствах и утверждаю сегодня, что следователем, надзирающим прокурором и судом нарушено право Андрееенкова на защиту — ни в постановлении о привлечении его в качестве обвиняемого, ни в обвинительном заключении, ни в приговоре не указано, в чем именно состоит превышение пределов необходимой обороны, якобы допущенное Андрееенковым — из-за чего, в силу специфики состава преступления, предусмотренного ст. 105 УК РСФСР, обвинение не может считаться предъявленным. В ранее полученном мною из Генеральной прокуратуры ответе (от 10 августа 1995 года) утверждалось, что я в этом пункте не прав. В последнем ответе такого утверждения нет, по-видимому, из-за того, что в очередном ходатайстве я просил привести цитаты из процессуальных документов. Один из работников, готовивших подписанный Вами ответ, г-н NN, любезно принял меня и в беседе со мной признал, что я в этой части прав, но, по мнению г-на NN, это нарушение права на защиту не существенно. Г-н NN обещал в подготавливаемом им ответе указать, в чем же, как он считает, состоит в данном случае явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства — ведь именно так сформулировано понятие превышения пределов необходимой обороны в законе. Г-н NN разъяснил мне также в чем, по его мнению, состоит допущенное Андрееенковым превышение пределов необходимой обороны: во-первых, Андрееенков был вооружен, а Рыбальников со товарищи — нет; во-вторых, Андрееенков не надел на Рыбальникова и его приятелей наручники (дескать, если бы он это сделал, Рыбальников не мог бы на него напасть); в-третьих, Андрееенков слишком близко стоял от Рыбальникова (имеется в виду, что иначе Андрееенков сумел бы прицелиться и попасть Рыбальникову в менее значимую часть тела, в результате чего тот бы остался жив). Здесь действительно налицо «явное несоответствие», но явное несоответствие предложенных формулировок закону. А ведь это единственный случай, когда Андрееенкову и мне, как его защитнику, от официального органа стало известно в чем же его, Андрееенкова, обвиняют! Это именно тот случай, когда попытка сформулировать обвинение приводит к непреложному выводу об

отсутствии состава преступления в действиях моего подзащитного.

Учитывая изложенное, я убедительно прошу о следующем:

1. Поручить еще раз проверить дело Адреенкова в порядке надзора сотруднику Генеральной прокуратуры, ранее мои ходатайства по этому делу не рассматривавшему.
2. Если Ваши сотрудники вновь принесут Вам на подпись письмо об отсутствии оснований для опротестования, — вызовите меня к себе на прием и в присутствии этих сотрудников позвольте изложить мои доводы. Может быть вы в результате и не согласитесь со своими подчиненными.

Приложение:

1. Копия ответа Генеральной прокуратуры от 28.11.95;
2. Ордер юрконсультации.

С уважением, Ю.А. Костанов — адвокат.

Затем я добился приема у Генерального прокурора Российской Федерации, которого попросил только об одном — чтоб его сотрудники в соответствии с законом и его собственными приказами и инструкциями ответили на мою жалобу с приведением мотивов по каждому ее доводу. Юрий Ильич Скуратов, который был тогда Генеральным прокурором, удивился и спросил, почему я не прошу сразу принести протест. Я ответил, что это я уже просил — и без всякого результата. А ежели его подчиненные попытаются ответить мне по доводам жалобы, то они эту жалобу не удовлетворить не смогут. После моего визита к Генеральному прокурору его заместитель был сама любезность, полчасика рассказывал мне, как важно защищать работников милиции, и подписал уже подготовленный протест. Однако протест президиумом Московского городского суда был отклонен. Тогда заместитель Генерального прокурора перенес вопрос в Верховный Суд Российской Федерации, который протест удовлетворил, приговор и кассационное определение отменил, а дело прекратил за отсутствием в действиях Адреенкова состава преступления.

Дело Жигулиной

Весной 2001 года я возвращался в Москву из Йошкар-Олы после участия в Верховном Суде республики Марий Эл в судебном заседании, закончившемся оправданием подсудимых, и, «глядя в окошко вагонное», с грустью думал о том, что в маленькой Йошкар-Оле законности и справедливости оказалось зримо больше, чем в столице демократии, законности и справедливости — Москве. Вспомнил и о том, что уже несколько месяцев как лежит безответно в Мособлсуде жалоба по делу Марины Жигулиной — а пора бы и ответ получить. Будучи абсолютно убежден в отказе, стал обдумывать жалобу в Верховный Суд России.

Но тут самое время сказать, кто такая Марина Жигулина и почему я обратился в Московский областной суд по ее делу.

О деле этом я узнал, когда меня за месяцев восемь до Йошкар-олинского процесса пригласили участвовать в одной из телепередач программы, название которой к стыду своему я сейчас уже и не упомяну — не то «Суд идет», не то «Слушается дело». В основу программы были положены конкретные судебные дела, для участия в передачах приглашались потерпевшие, свидетели и осужденные (если к моменту передачи они были на свободе, если нет — то в передачу включались интервью с ними в местах лишения свободы). Замысел состоял в том, чтоб на телеэкране по всем правилам судебной процедуры заслушивалось конкретное дело. Приглашались не имевшие отношения к делу люди — «присяжные», которые по результатам рассмотрения дела должны были вынести свой вердикт. Для ведения дела приглашались профессиональные юристы — судьи, прокуроры и адвокаты. Меня, к этому времени уж несколько лет расставшемся с прокуратурой, как ни странно просили выступить в роли прокурора. Я согласился. О сути дела не догадывался даже, пока не пришел на запись. Председательствовала в «судебном заседании» действующий судья областного суда, защиту вел известнейший адвокат Генрих Павлович Падва. На скамье обвинителей оказалось нас трое — кроме меня в числе «обвинителей» оказался заместитель одного из московских районных прокуроров и женщина — адвокат, с которой я тогда знаком не был.

Марина Жигулина — молодая женщина, даже ко времени нашего «процесса» не достигшая еще и тридцати, мать шестилетнего мальчика, воспитывавшая его без отца, осуждена была за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью своему молодому мужу — она ударила его ножом в спину, причинив про-

никающее ранение грудной клетки. Дело это случилось поздно ночью, он вернулся домой с работы пьяным (что было, видимо, делом привычным — работал он грузчиком в продовольственном магазине). Когда Марина стала говорить ему то, что в такой ситуации говорит своим мужьям большинство жен, он ударил ее и заявил, что она вообще его не устраивает и что он на улице найдет женщин в сто раз лучше ее. Марина выскочила на кухню, схватила кухонный нож и, вернувшись в прихожую, где он обувался, сидя на скамеечке и нагнувшись, ударила его ножом в спину. Ранение оказалось проникающим. Вызвали «скорую», появилась милиция. Муж не стал скрывать кто его поранил. В результате — суд, приговор и колония.

Ситуация отягощалась тем, что ранее Марина уже была судима — по той же самой статье 108 УК РСФСР — за нанесение проникающего ножевого ранения в полость живота своему отчиму. Осудили ее тогда условно, срок условного лишения свободы к моменту вынесения нового приговора еще не истек, и к новому наказанию присоединили шесть месяцев от этого условно срока. Итого семь лет лишения свободы.

«Допросили» мы в нашем телевизионном суде и отчима, и мужа Марины.

Муж осужденной — этакий Илья Муромец районного масштаба — никаких претензий к Марине не имел, здоровье его не пошатнулось от рокового удара. В эпикризе было записано: «Находился на стац. лечении в хирургическом отделении с 27.12.97 по 9.01.98г. Из отделения ушел домой самовольно». В отделение он уже не вернулся, так как больным себя вовсе не чувствовал.

Отчим рассказал нам, что почти сразу у него с Мариной не заладились отношения. Очень она была своенравная. На мой вопрос, сколько же ей «своенравной» было лет, когда он появился в семье, ответил: «Четыре года», — и было видно, что, по его мнению, виновата в том, что отношения у них не заладились, была сама Марина. В своих «показаниях» на телестудии он сказал, что почти не помнит, как и почему Марина его ударила ножом — был пьян. Но пояснил, все же, что дело было на кухне, он подошел к ней схватил за шею, она обернулась (с ножом в руке) и он «наткнулся» на этот нож.

Оба «рыцаря», правда, Марине сочувствовали, но своей вины не ощущали.

Выслушали мнение эксперта-психолога. Эксперт, высказав целый ряд весьма полезных наблюдений, заявил, что Марина не находилась в состоянии аффекта. Смысл его рассуждений сво-

дился к тому, что не впервые муж явился домой поздно и пьяным, пора бы и привыкнуть. А раз ситуация привычная — то какой уж тут аффект. Соображения эти были сдобрены наукообразной аргументацией и на первый взгляд выглядели убедительно.

На самом деле выводы эксперта были неверными. Не вдаваясь в подробности его заключения, замечу только, что и привычная ситуация может породить аффективные состояния, когда очередное оскорбление оказывается той самой каплей, которая переполнила чашу. Да и вряд ли правомерно к категории «привычных» относить переживания, вызванные оскорблениями (причем не только словесными).

Короче, когда настал мой черед выступать в «судебных прениях», я в своей «обвинительной речи» с экспертом не согласился и просил присяжных признать Марину Жигулину виновной в причинении мужу тяжких телесных повреждений в состоянии аффекта.

Не успел я закончить, как судья, с возгласом: «Так не бывает!!» — выбежала в отведенную ей комнату. Всеобщее замешательство и, естественно запись была прервана. Во время этого вынужденного перерыва ассистент режиссера сказала мне, что мое выступление в «судебных прениях» надо переписать, ибо вся «изюминка» передачи состояла в том, чтоб показать, как необъективная прокуратура отказывает Жигулиной в праве на человеческие чувства и переживания, добиваясь осуждения ее за действия, якобы совершенные хладнокровно и продуманно, без всяких там аффектов. До начала передачи о такой режиссерской задумке мне никто не говорил. Мне эта «творческая идея» активно не понравилась. Честно говоря, я и сейчас думаю, что другие участники нашего «судебного заседания» тоже были не в курсе. Так или иначе, я, по вполне, думаю, понятным соображениям, отказался.

«Обвинительную речь» — теперь уже такую, какая требовалась — записали в исполнении другого участника скамьи обвинителей. Затем с блестящей, как всегда, защитительной речью выступил Генрих Павлович Падва. Затем... затем присяжные сказали свое слово, и слово это — в их вердикте оно было главным — аффект.

После записи я подошел к матери Марины Жигулиной и предложил ей свою помощь в решении Марининых проблем, поскольку усомнился в справедливости приговора (не нашего, телевизионного, а настоящего, на основании которого Марина Жигулина отбывала свой семилетний срок).

Будучи уверен в том, что она ударила мужа ножом в состоянии аффекта, я понимал, в то же время, что никто этот приговор из одних только этих соображений изменять не будет. Главным препятствием к этому я видел в ее прежней судимости. Мне бы, скорее всего, ответили, что никакого аффекта здесь и быть не может хотя бы потому, что для нее такой способ разрешения конфликтов с родственниками вошел в привычку.

Поэтому я начал с изучения первого дела. Еще слушая телевизионные «показания» отчима Марины, я понял, что, по-видимому, она неправильно была осуждена за умышленное причинение ему телесных повреждений. Его рассказ о том, как он «наткнулся» на нож, наводили на ту простую мысль, что ударила она ножом не умышленно, а по неосторожности. Изучение дела эту мысль подтвердило. С соответствующим ходатайством я обратился к председателю Московского областного суда*.

Председателю Московского областного суда
г-же С.В. Марасановой
адвоката Костанова Ю.А.
по делу Жигулиной М.В.

Ходатайство

о принесении протеста в порядке надзора

Приговором Орехово-зюевского городского суда Московской области от 09 декабря 1996 года Жигулина Марина Владимировна осуждена по ст. 108 УК РСФСР к 3 годам лишения свободы условно с отсрочкой приговора на два года.

Приговор в кассационном порядке не обжаловался и не опротестовывался.

Указанный приговор подлежит изменению в связи с неправильной квалификацией совершённого Жигулиной деяния.

Судом установлено, что 01 июля 1996 года Жигулина М.В. «В ходе ссоры с отчимом Метелёвым В.В. взяла кухонный нож и умышленно нанесла им удар Метелёву В.В. в область живота, причинив по заключению судебно-медицинской экспертизы проникающее ранение живота с повреждением печени».

Этот вывод суда противоречит фактическим обстоятельствам дела, поскольку в приговоре не указаны и в материалах дела отсутствуют доказательства, подтверждающие наличие у Жигулиной умысла на причинение Метелёву В.В. тяжких телесных по-

вреждений. Сам Метелёв В.В. обстоятельств причинения ему удара ножом, в виду того, что был сильно пьян, не помнит. Жигулина М.В. в судебном заседании показала, что 01 июля 1996 года около 22 часов её отчим пришёл домой пьяный и устроил скандал. Жигулина ушла в ванную стирать, а мать ушла в другую комнату к её ребёнку. У Жигулиной закончился стиральный порошок и чтобы открыть новую пачку она вышла в кухню за ножом. Нож лежал в раковине, и в тот момент, когда она взяла нож, Метелёв В.В. внезапно подошёл к ней сзади и схватил руками за шею, она резко повернулась к нему, держа нож в правой руке. Нанесение ножевого ранения Метелёву В.В. для неё самой было неожиданностью.

Мать Жигулиной М.В. — Метелёва Т.С. — показала, что вечером 01 июля 1996 года «муж пришёл домой пьяный, оскорблял её и дочь. Она старалась его успокоить, но безрезультатно; находясь в другой комнате, она услышала шум на кухне. Придя на кухню, увидела, что у мужа течёт кровь, дочь оказывает ему помощь. Со слов дочери она поняла, что дочь нечаянно ударила потерпевшего ножом в бок».

Из приведённых доказательств вывод об умысле Жигулиной М.В. на причинение Метелёву В.В. телесных повреждений любой тяжести не вытекает.

Фактические обстоятельства совершённого Жигулиной М.В. деяния, представляющие собой последовательность осознанных конкретных действий, не свидетельствуют об умышленном характере нанесения Метелёву В.В. ножевого удара. Жигулина М.В. пошла на кухню за ножом не затем, чтобы ударить им Метелёва В.В., а затем, чтобы открыть коробку стирального порошка.

Иных доказательств, характеризующих обстоятельства причинения Жигулиной Метелёву В.В. телесных повреждений — в том числе субъективную сторону деяния — в деле нет.

Таким образом, обвинение Жигулиной М.В. в умышленном причинении Метелёву В.В. тяжких телесных повреждений основано на предположении. В то же время из материалов дела усматривается, что Жигулина не проявила должной предусмотрительности в обращении с опасным предметом — ножом.

По делу не установлено, что она предвидела и желала либо сознательно допускала наступление таких последствий, что исключает возможность квалификации этих действий как умышленные. В то же время, держа нож в руке и резко повернувшись к Метелёву, она должна была и могла предвидеть, что может причинить ему телесные повреждения, в связи с

* По действовавшему в то время УПК РСФСР дело могло попасть в надзорную инстанцию (в данном случае — Президиум Московского областного суда) только по протесту председателя облсуда либо прокурора области.

чем ее действия следовало квалифицировать как причинение Метелёву телесных повреждений по неосторожности. Поскольку санкция ст. 114 УК РСФСР, предусматривавшей ответственность за причинение тяжких телесных повреждений по неосторожности в момент совершения преступления, строже чем санкция ст. 118 УК РФ, предусматривающей ответственность за аналогичные действия в настоящее время, с учётом требований ст. 10 УК РФ об обратной силе уголовного закона, смягчающего ответственность, действия Жигулиной, за которые она осуждена по настоящему делу, должны быть квалифицированы по ст. 118 УК РФ.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 342 УПК РСФСР,

ПРОШУ:

Принести в президиум Московского областного суда протест в порядке надзора с постановкой вопроса об изменении приговора в части квалификации деяния Жигулиной со ст. 108 УК РСФСР на ст. 118 УК РФ.

Приложение:

1. Копия приговора на 1 листе;
2. Ордер юрконсультации на 1 листе.

Защитник Жигулиной М.В.
адвокат Костанов Ю.А.

О судьбе этого ходатайства я и думал, возвращаясь в Москву из Йошкар-Олы. На работе меня ждал пакет из областного суда. «Ну, вот отказ — сейчас сяду писать жалобу в Верховный Суд». Судьба, однако, распорядилась иначе — председателем Московского областного суда С. В. Марасановой жалоба была удовлетворена. В пакете, который я открывал с тяжелым чувством заведомого неудовлетворения, было постановление Президиума Московского областного суда о переквалификации действий Жигулиной на статью УК о неосторожном причинении телесных повреждений.

Дальше все выглядело проще — даже если не согласятся с необходимостью квалифицировать действия Жигулиной как совершенные «в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного неправомерными действиями потерпевшего» (то есть в состоянии аффекта), все равно приговор надо изменять: осуждена Жигулина была за повторное умышленное причинение тяжких телесных повреждений, а раз

первое преступление признано совершенным по неосторожности, то признак повторности надо исключить. А это, в свою очередь, повод для смягчения наказания.

Об этом и было ходатайство на имя председателя Верховного Суда Российской Федерации.

Председателю Верховного суда
Российской Федерации В.М. Лебедеву
адвоката Костанова Ю.А.
по делу Жигулиной М.В.

ХОДАТАЙСТВО

о принесении протеста в порядке надзора
Жигулина М.В. осуждена по п. «в» ч. 3 ст. 111 УК РФ с применением ст. 64 УК РФ к наказанию в виде лишения свободы сроком на шесть лет и шесть месяцев. В соответствии с ч. 5 ст. 74 УК РФ условное осуждение по приговору Орехово-Зуевского городского суда от 09 декабря 1996 года отменено и на основании ст. 70 УК РФ к назначенному наказанию частично присоединено неотбытое наказание по приговору суда от 09 декабря 1996 года в виде шести месяцев лишения свободы. Окончательное наказание по совокупности приговоров назначено в виде лишения свободы сроком семь лет с отбыванием в исправительной колонии строгого режима.

Постановлением Президиума Московского областного суда от 06 декабря 2000 года приговор Орехово-Зуевского городского суда Московской области от 14 декабря 1999 года и определение судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 17 февраля 2000 года изменены. Назначенное Жигулиной М.В. по п. «в» ч. 3 ст. 111 УК РФ наказание смягчено до пяти лет шести месяцев лишения свободы и на основании ст. 70 УК РФ окончательное наказание по совокупности приговоров назначено в виде лишения свободы сроком на шесть лет с отбыванием в исправительной колонии строгого режима.

Жигулина М.В. осуждена за преступление совершенное, согласно приговору, при следующих обстоятельствах.

21 декабря 1997 года около двух часов Жигулина М.В., находясь в квартире № 98 дома № 5 во втором микрорайоне д. Давыдово Орехово-Зуевского района, в ходе ссоры с сожителем Лукиным Р.В. на почве внезапно возникших неприязненных отношений нанесла ему удар ножом в грудную клетку сзади, причинив тяжкий вред здоровью.

Как установлено приговором, 20 декабря 1997 года около 23 часов Лукин Р.В. вернулся с работы пьяным и между ним и Жигулиной М.В. произошла ссора, перешедшая в драку. Лукин Р.В. ударил Жигулину М.В. по лицу рукой, в ответ на это она поцарапала ему шею и грудь. Жигулина М.В. собралась уйти к матери, однако Лукин Р.В. ее не пустил и сам собрался уйти из квартиры. Жигулина М.В. не хотела его отпускать, потому что он был пьян. Лукин Р.В. не стал ее слушать и продолжал одеваться. Тогда Жигулина М.В. пошла на кухню и взяла столовый нож. Когда Жигулина М.В. вышла в прихожую, Лукин Р.В., нагнувшись, наделал ботинки, и она ударила его ножом в спину.

Настоящий приговор считаю незаконным, подлежащим изменению по следующим обстоятельствам.

В нарушение требований ст. 20 УПК РСФСР ни судом, ни органами предварительного следствия не исследовалось психологическое состояние Жигулиной М.В. в момент причинения телесных повреждений потерпевшему.

Не отрицая факта нанесения ножевого удара потерпевшему, Жигулина М.В. пояснила в судебном заседании, что нанесла удар Лукину Р.В. в ответ на его оскорбительные действия, находясь в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения.

Как утверждала Жигулина М.В. в судебном заседании, с нею «просто произошел какой-то срыв, я не хотела его отпускать» (л.д.116). Аналогичные показания Жигулина М.В. давала на предварительном следствии: «Лукин неожиданно оттолкнул меня, и я больно ударилась обо что-то в прихожей. Это обстоятельство окончательно вывело меня из равновесия. Испытывая внезапно возникшую неприязнь к Лукину, я вышла из прихожей на кухню, взяла кухонный нож, и, вернувшись к Лукину в прихожую, нанесла ему один удар ножом в область спины. Я не могу вспомнить, как мы находились друг к другу в момент нанесения удара, но я помню, что это случилось в прихожей и удар я нанесла сзади в область спины. Что произошло потом, я помню не очень отчетливо» (л.д. 82–82 об.).

То обстоятельство, что Жигулина М.В. нанесла удар потерпевшему в ответ на его оскорбительное поведение подтвердил в своих показаниях в судебном заседании и на предварительном следствии сам потерпевший: «за две недели до этого я сильно пить стал. Деньги домой не приносил. 20 декабря я приехал в состоянии подпития домой. Произошел скандал. Я стал обзывать и оскорблять подсудимую. Драться стали» (л.д. 54 об.). Суд в приговоре счел установленным, что Жигулина М. В. нанесла удар но-

жом потерпевшему на почве внезапно возникших неприязненных отношений, однако не учел этого обстоятельства при квалификации действий осужденной. Между тем, при таких обстоятельствах, поскольку по делу не установлено иное, действия Жигулиной М.В. следовало квалифицировать по ст. 113 УК РФ.

Кроме того, судом квалифицированы действия Жигулиной М.В. по п. «в» ч. 3 ст. 111 УК РСФСР на том основании, что приговором от 09 декабря 1996 года она была осуждена за умышленное причинение тяжких телесных повреждений по ч. 1 ст. 108 УК РСФСР. Однако, постановлением Президиума Московского областного суда от 04 мая 2001 года указанный приговор изменен, действия Жигулиной М.В. признаны совершенными по неосторожности и переквалифицированы на ст. 118 УК РФ, что исключает возможность квалификации ее действий в отношении потерпевшего Лукина Р.В. по п. «в» ч. 3 ст. 111 УК РФ.

На основании изложенного

ПРОШУ:

Приговор Орехово-зюевского городского суда от 14 декабря 1999 года, Определение судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 17 февраля 2000 года и Постановление Президиума Московского областного суда от 06 декабря 2000 года изменить, действия Жигулиной М.В. квалифицировать по ст. 113 УК РФ, по которой назначить наказание, не связанное с лишением свободы и освободить от наказания на основании Постановления Государственной Думы № 2038-ГД от 24 декабря 1997 года «Об объявлении амнистии».

Приложение:

1. Копия приговора от 14.12.99 на 4 листах;
2. Копия определения Мособлсуда от 17.02.00 на 3 листах;
3. Копия постановления президиума Мособлсуда от 06.12.00 на 2 л.;
4. Копия постановления президиума Мособлсуда от 04.05.01 на 3 л.;
5. Ордер юрконсультации на 1 листе.

Защитник Жигулиной М.В.
адвокат Костанов Ю.А.

Как я и предполагал, жалоба удовлетворена частично — пункт «в» ч. 3 ст. 111 УК РФ из обвинения исключен, наказание ввиду изменения объема обвинения смягчено, Жигулина вернулась домой к сыну и матери.

Раздел IV. Fiat justitia*

*У нас государство правовое?
— Нет, это у нас экономика рыночная.
(Ю. Костанов. Из ненаписанного)*

В жалобе одного осужденного я вычитал когда-то фразу: «Мы живем в замечательное время, особенно в последние дни». Кажется, нигде больше мне не довелось прочитать такую емкую характеристику времени, в котором нам довелось жить. Я далек от мысли сетовать на время — чтобы ни говорили об этом, но время делается людьми, а не наоборот. «Времена не выбирают, в них живут и умирают». И если сегодня совершенно очевидно наверху вновь оказались не самые лучшие представители человеческого рода, то виновато не время, виноваты мы сами, те, которым время не нравится, кто критикует окружающее и — давайте смотреть правде в глаза — при попустительстве кого время стало таким, какое оно есть.

В наше время слишком много объявилось желающих и наказывать без вины, и «назначить виноватым» независимо от доказательств. Это особенно опасно в эпоху оголтелой борьбы с терроризмом — нет конца рассуждениям о том, что якобы настала пора срочно и действие принципа презумпции невиновности ограничить по делам о терроризме, и срок задержания увеличить втрое, и наказание ужесточить. Ужесточение наказаний и ограничение процессуальных гарантий здесь упакованы «в одном флаконе». И невдомек законодателям и иным борцам с терроризмом, что чем страшнее преступление — тем строже должно быть наказание, а чем строже наказание — тем надежнее должны быть гарантии от невиновного осуждения.

Процессуальная культура упала сегодня до недопустимо низкого уровня. Небрежение процедурными правилами сегодня болезнь не только сотрудников спецслужб, следователей и прокуроров — суды и судьи больны этим не в меньшей мере. Суд, находящийся на вершине пирамиды, суд — главный гарант законности в судопроизводстве, суд, к которому мы вправе теперь обращать

ся с жалобой на любые действия кого угодно — занял ли он подобающее ему место? Увы, мы должны с грустью констатировать, что не оправдались наши надежды, связанные с передачей суду полномочий по избранию ареста в качестве меры пресечения, по санкционированию прослушивания телефонных переговоров, проникновению в жилище. Сегодня суды дают согласие на арест едва ли не легче, чем раньше давали санкции прокуроры. В средствах массовой информации возник термин «басманное правосудие» как синоним разгула обвинительного уклона, синоним произвола и беззакония в судах. Отказ судов вышестоящих инстанций от диалога с обращающимися туда людьми, отказ отвечать на доводы жалоб кассационных и надзорных (а без этого можно ли вообще-то считать, что жалоба рассмотрена?) — это отличительная черта отечественного правосудия, характерная не только для областных и краевых судов, но и для Верховного Суда России. Судебных ошибок стало больше, но механизм их исправления сломан и не заметно, чтоб кто-нибудь собирался его восстанавливать. В этих печальных условиях у многих опускаются руки — зачем адвокат, если его не слушают даже в суде? Не хочется служить фиговым листком демократии и законности на мощном теле произвола и беззакония.

Все это делает задачу адвокатуры безмерно сложной и трудной. Но врач, который бросает безнадежно больного на произвол рока — не врач. И адвокат, который оставит в тяжелой ситуации обвиняемого без своей помощи — не адвокат. Тем более, если обвиняемый не виновен. Да, защищать справедливость трудно, работа эта часто не благодарна — но кто обещал легкую жизнь? Жизнь вообще трудная штука. Если, конечно, речь идет о порядочном человеке. Аркадий Стругацкий говорил: «Нельзя бросать весла».

В таких ситуациях полезно вспомнить об опыте предков. В конце позапрошлого века председатель Санкт-Петербургского окружного суда Анатолий Федорович Кони председательствовал в процессе по делу Веры Засулич, стрелявшей в Санкт-Петербургского генерал-губернатора Трепова. Накануне процесса министр юстиции предложил Кони специально допустить какое-либо процессуальное нарушение при рассмотрении дела — дабы создать возможность принесения кассационного протеста, если вердикт присяжных не устроит власть предрешающую. Кони ответил: «Суд вершит правосудие, а не оказывает услуг». Засулич присяжными была оправдана, а Кони вынужден был оставить пост председателя суда. Было ему тогда 34 года.

* Это часть латинского изречения: «Fiat justitia, pereat mundus» («Да свершится правосудие, даже если погибнет мир!») В нашей стране эти слова, по-видимому, надо сопровождать пометкой: «Непереводимая игра слов». Не случайно ведь у статуи Фемиды на фронтоне здания Верховного Суда России отсутствует повязка на глазах. Один из видных юристов назвал ее: «Наша глазастая Фемида...»

Мешает ли УПК борьбе с преступностью

Выступление на «круглом столе» в Совете Федерации Федерального собрания РФ 01 июля 1998 года на тему: «О состоянии борьбы с преступностью и об укреплении правопорядка в Российской Федерации в современных условиях»

На слушаниях выступили руководящие работники правоохранительных органов (как федеральных, так и региональных), судьи, депутаты. Я выступал одним из последних.

Господа!

Очень интересно наши слушания проходят. Меня, в частности, заинтересовало: хоть кто-нибудь из выступающих — а выступали перед нами судьи, следователи, прокурорские работники — произнесет слово «законность»? Законность предварительного расследования, прежде всего. Ждал, но, увы, не дождался.

К сожалению, в последние годы очень модно стало говорить о том, что, дескать, УПК чуть ли не мешает бороться с преступностью. Ну, как же: мы должны бороться с преступностью, а тут права каких-то обвиняемых и так далее. И дальше развивается этот тезис в разных вариантах.

Позволю себе не согласиться с таким подходом не только потому, что я сегодня адвокат, но как вчерашний прокурор и как вообще гражданин этой страны, который смотрит на ситуацию не с правоохранительного ведомственного шестка и видит, что такое отношение к законности, прежде всего в деятельности оперативно-розыскных служб, а, во-вторых, — предварительного следствия, приводит как раз к тому, что никакой борьбы с преступностью не происходит.

Я в качестве примера сошлюсь только на три уголовных дела, достаточно известных в стране. Хотя я знаю, что каждое дело о серийных убийствах, каждое, без изъятия, сопровождалось тем, что прежде, чем найдут настоящего убийцу, кого-то невиновного перед этим подержат под стражей. Вот дело Чикатило. Всем известное, как я понимаю. За первое же преступление, которое совершил Чикатило, последовала кара — но не Чикатило привлекали. А там, судя не только по публикациям в прессе, но и по тому, что следователи и прокуроры об этом говорили, были реальные выходы на Чикатило: сразу, по первому же эпизоду. Но увлеклись наши розыскники другой совершенно версией: зачем им не суди-

мый никогда Чикатило, когда нашли ранее судимого Кравченко, он рядом живет, его арестовали и довели дело до того, что его расстреляли — не просто осудили, но исполнили смертный приговор. И вот эта увлеченность только одной версией виновности Кравченко позволила Чикатило, не пойманному не потому, что он был неуловим, а потому, что его никто не искал, совершить еще полсотни убийств. Это что, борьба с преступностью?

Дело Стороженко, тоже известное на всю Россию, Смоленск. Там, до того, как Стороженко был изобличен, увлеклись опять же, правда, уже двумя версиями, некоего Полякова успели осудить, сейчас не помню точно, не то на 10, не то на 12 лет, а еще одного — Гончарова, кстати, прокурорского работника, — года полтора продержали под стражей, потом выяснилось, что он к стороженковским делам вообще не имеет отношения. Поляков, был тоже реабилитирован, он тоже не имел никакого отношения убийствам.

Наконец, в Свердловске, тут только что говорили нам о Свердловске. Там, оказывается, было такое дело Фефилова, 6 или 7 эпизодов и почти по каждому из них успели осудить людей, 9 человек всего было «прокручено». В том числе одного осудили к расстрелу и приговор исполнили, а еще одного убили сокамерники.

Вот цена беззакония на предварительном следствии, цена недостаточного серьезного прокурорского надзора, цена того, что увлеклись одной версией и забывали об остальных.

С одной стороны — гибель невиновных людей, осуждение и страдание невиновных людей, их близких. А с другой — не наказанное преступление это реальная возможность действительному преступнику преступления продолжать. Совершенно неплевательское отношение, мягче сказать совесть не позволяет, к уголовному процессу, к процедуре (к сожалению, составляющее нынче чуть ли не национальное наше качество), которое объясняют интересами борьбы с преступностью, — это в конечном итоге ни к чему другому не приводит, кроме безнаказанности, повторяю, действительных виновников, ну и еще, конечно, к возможности показать, что мы действительно якобы с чем-то боремся. Да нет никакой борьбы, одна видимость.

Здесь говорили о росте раскрываемости*, о том, что снижа-

* Насколько мне известно С.В. Степашин, заняв пост Министра внутренних дел России, предпринимал меры к радикальным реформам ведомства, в частности — к отказу от «процента раскрываемости», как основного показателя работы милиции. Продолжили его наследники на этом посту. Увы, Бог им успеха не дал.

ются какие-то показатели преступности. Ничего на самом деле в жизни не снижается. Кроме, может быть, цифр. Я готов вам подарить к любимому милицейскому термину «раскрываемость» еще парочку терминов: обращаемость граждан в милицию и выгоняемость милицией обращающихся граждан вместе со всеми их обращениями. Почему у вас сейчас начинают расти проценты раскрываемости? Еще и потому, что люди не верят милиции, они не идут сейчас туда, они понимают, что милиция ничего не найдет, никого не разыщет. И они знают, что в пятидесяти процентах случаев этот же гражданин получит там столько «веселых» высказываний по своему же адресу, а если еще будет настырным, могут и самого привлечь, хоть он и потерпевший. Никто, однако, этой проблемой не занимается. Только пресса.

(Реплики из зала: «По существу!») Это по существу. Законность и борьба с преступностью, законность и правопорядок — слишком слиты. Это по существу. И если тот передовой отряд, который выдвинут на передовые рубежи — милиция — сегодня не встречает понимания у 90 процентов населения, то это кризис. О кризисе суда здесь уже говорили достаточно ярко. О кризисе, в котором постоянно, ну, не то, чтобы уж постоянно находится, она пытается как-то выкарабкаться, прокуратура, тоже понятно. Их и законодательной инициативы лишили, и целого ряда полномочий, и общего надзора толком нет, и то, что они делают в суде, это уже не надзор. Интересно, что по Судебным Уставам российский прокурор имел меньше полномочий, но это называлось надзором. А у нас это не надзор оказывается.

Вся система, так называемая система правоохраны, находится в кризисе. И то, чем мы сегодня занимаемся, это не называется строительством правового государства. Если судьям не на что послать повестки, если суды завалены настолько, что они не могут рассматривать дел, а единственные рассуждения властей на эту тему состоят в том, что эти ловят, а суды, такие сякие, оправдывают и отпускают, ну помилуйте... Здесь нет и тени, и намека на то, что исполнительная власть, а в ряде случаев, я сейчас это покажу, законодательная всерьез озабочены этой проблемой. Можно 20 раз собираться, много принимать законов, но и законы наши такие, которые тоже свидетельствуют о том, что не озабочены мы действительно проблемой укрепления законности и правопорядка.

Приняли недавно так называемый новый Гражданский Кодекс, успели его назвать прорывом в новое правовое простран-

ство. О недостатках УК уже говорили, я не буду повторять. Вот Гражданский Кодекс. Казалось, какое отношение имеет к преступности, к коррупции Самое прямое.

Все мы говорим, что коррупция основана на том, что чиновник имеет массу всяких полномочий — разрешать, запрещать и так далее. И для того, чтобы бороться с коррупцией, надо оставить чиновнику поменьше возможностей запрещать и разрешать. Правильно. Так вот, новый Гражданский кодекс на место нотариального удостоверения сделок с недвижимостью поставил государственную регистрацию, придав ей по объему полномочий как раз уровень нотариального удостоверения. Нотариус сегодня — это не государственный чиновник. У него достаточно высокие тарифы, которые он получает. Это человек реально независимый. У него это отбирают и отдают чиновнику.

По закону считается, что это будет чиновник органов юстиции. На сегодняшний день никакого закона о регистрации нет. И кто будет этим заниматься — неизвестно. По-видимому, каждый регион решит по-своему. Как правило, это уровень какой-то муниципальной и полумуниципальной, для Москвы — городской. Сонм мелких чиновников, которые сейчас могут решать все вопросы, связанные с недвижимостью. Есть тут база для коррупции или нет? Это одна сторона.

Другая сторона, тот же нотариат. Минюст, увы, я не слышал и не видел здесь представителей Минюста, с момента ухода с поста министра юстиции Николая Федорова, фактически объявил натуральную войну частнопрактикующему нотариату. И одно из направлений этой войны состоит в том, что сегодня всюду, во всех регионах и больше всего в Москве, увеличивают непомерно численный состав нотариусов. Казалось бы, какое отношение имеет к преступности Самое прямое. Я обращался по этому поводу к руководству и прокуратуры, и ФСБ, и МВД, и самого Минюста, естественно. Никакой реакции. А ведь вещь очень простая. Что такое, когда в регионе нотариусов больше, чем нужно. Это значит, что нотариусы начинают «гоняться» за клиентами. А «гоняться» за клиентами, они тихо-тихо под клиента «подгибаются». К чему это приводит. А к тому, что вы сегодня на всех заборах, во всех газетах в рекламных объявлениях найдете объявления: «Нотариус без проблем», «Нотариус круглосуточно» и тому подобное. К преступности имеет самое прямое отношение. Нужно отмыть какие-то теневые капиталы, какие-то «левые» деньги — идите к такому нотариусу, который «без проблем», а он без проблем потому, что он «гоняется» за

клиентами, потому, что у них, запрещенная нотариальным законом конкуренция, он «гоняется» за этим клиентом и он без проблем все, что угодно, удостоверит и любой сделке придаст видимость законной. Вооружите милицию хоть пулеметами, посадите ее хоть на «Мерседесы», хоть нет, на этих вещах нас с вами обойдут.

И последний, самый мелкий вопрос к законодателям и правительству. Я последние дни испытал просто жгучий восторг, когда услышал, что предлагали упразднить все льготы сотрудникам правоохранительных органов и в числе льгот указали право следователей и помощников прокуроров бесплатно ездить на общественном транспорте.

Ну, конечно же, это крайне необходимо, государство сможет сэкономить баснословные средства. Только если бы они добавили при этом обязанность государства обеспечить каждого следователя автомобилем и водителем, вот тогда было бы просто замечательно, особенно с точки зрения экономии.

Стыдно»

После этого и еще нескольких подобных выступлений меня (и не только меня — не один же я пытался поднимать те проблемы, о которых здесь сказано) на подобные совещания приглашать перестали. Судя по результатам «борьбы с преступностью» в стране это чуть ли не единственное реальное последствие бесчисленных совещаний на эту тему.

Perpetuum mobile, или Права человека на фоне ремонта

Клиент: Товарищ адвокат, Я хочу узнать, имею ли я право...

Адвокат (не отрываясь от бумаг): Имеете.

Клиент: Да Вы выслушайте, я хочу выяснить — имею ли я право...

Адвокат (все также не поднимая головы): Имеете.

Клиент (возмущенно): Выслушайте же меня, наконец. Мне надо знать, могу ли я ...

Адвокат (так и не подняв головы и не дослушав): Не можете.

Приведенная здесь обширная переписка — пример того, как много времени и усилий приходится затрачивать для решения, казалось бы, очевидных вопросов, давно разрешенных не только мировой практикой, но даже и нашим собственным законодательством. Это еще и пример откровенно циничного отношения исполнительной власти к закону и к суду. Но это и свидетельство того, что упорство в достижении благой цели может привести к искомому результату даже в нашем не очень правовом государстве.

Конституция Российской Федерации в статье 18 провозгласила: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием».

К сожалению, от провозглашения принципов до их реализации — «дистанция огромного размера».

С 1998 года Уголовно-исполнительная система передана из ведения МВД под крылышко Минюста. Считалось, что это повлечет коренные изменения в деятельности тюрем, колоний и — самое главное — следственных изоляторов: не отягощенное заботой о раскрываемости преступлений Министерство юстиции ликвидирует «пресс-хаты» и прочий беспредел, творимый ради того, чтоб арестованный признался в том, что он сделал и чего не делал. Кое-что и впрямь изменилось. Но, — увы!, — об ожидаемых коренных улучшениях говорить пока еще очень и

очень рано. Самое печальное — сохранился старый еще «энкаведешный» дух. В «Матросской тишине», к примеру, конвоиры, выводя обвиняемых в следственные кабинеты, стучат ключами о стены. Эта привычка сохранилась со сталинских времен: таким образом предупреждали встречных, чтоб не дать арестантам увидеть друг друга. Теперь водят обвиняемых группами, друг с другом они общаются почти свободно, дополняя этим четко работающую межкамерную «почту», смысла в постукивании ключами нет, но стучат. Но, Бог с ними, с конвоирами и их постукиваниями — от этого никто не страдает. Хуже другое. Не изменилось с тех дальних времен отношение к обвиняемому как к преступнику, а к его защитнику как к покровителю, чуть ли не пособнику, этого еще никем не признанного виновным, но все ж таки преступнику.

Казалось бы, Минюст — разработчик законов и блюститель наших прав — должен принять срочные меры к тому, чтоб подозреваемые и обвиняемые, попавшие в СИЗО, могли реализовать свое конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи — в частности право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения. Ан нет, из Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов эпохи МВД в аналогичные «Правила» Минюста без всяких изменений перекочевал пункт, в соответствии с которым подозреваемым или обвиняемым, содержащимся под стражей в следственных изоляторах, свидания с адвокатом, участвующим в деле в качестве защитника, предоставлялись «по предъявлении им документа о допуске к участию в уголовном деле, выданного лицом или органом, в производстве которых находится уголовное дело, на основании ордера юридической консультации».

В свое время газеты и телевидение (причем не только российские) сообщали об аресте Владимира Гусинского. Напомню: Гусинский был арестован в 18 часов, через четверть часа об этом узнал его защитник, но... рабочий день уже кончился, следователь рабочее место покинул и получить «документ о допуске к участию в уголовном деле, выданный лицом или органом, в производстве которых находится уголовное дело» было уже не у кого. В результате Гусинский смог увидеть своего защитника не с момента задержания, как предписано Конституцией, а почти через сутки — как захотел следователь. Арест этот длился, слава Богу, недолго. Но это Гусинский — лицо, извест-

ное всей России и далеко за ее пределами, и защитником его был адвокат Генри Резник — личность не менее известная. Если даже в столице усмотрение следователя значит больше, чем предписание Конституции, то что же твориться в остальной России? Ведь задерживают ежедневно по всей необъятной России тысячи людей, никому не известных, о которых никто ни в каких газетах не пишет, ни по какому телевидению не сообщает.

Был у меня подзащитный — предприниматель из Йошкар-Олы, обвинявшийся в даче взятки. Следователем, расследующим дело, со ссылкой на руководство Следственного управления по расследованию организованной преступной деятельностью при СК МВД РФ по Приволжскому федеральному округу в выдаче «документа о допуске к участию в уголовном деле» было отказано. Вместо этого мне было предложено каждый раз, как только я сочту необходимым получить свидание с подзащитным, обращаться к руководству Следственного управления с просьбой о выдаче никаким законом не предусмотренных «разовых разрешений». Такое «разрешение» в виде адресованного администрации следственного изолятора разового «Требования» о выдаче адвокату заключенного «для допроса» (?) мне удалось получить только один раз. В иных случаях мне приходилось согласовывать с начальством Следственного управления свои визиты в Нижний Новгород и свидания с подзащитным мне предоставлялись в кабинете следователя в здании Приволжского РУБОПа. Обвиняемый содержался под стражей в Нижнем Новгороде, руководство Следственного управления находится также в Нижнем Новгороде, а следователь большей частью находился в Йошкар-Оле, где производилось большинство следственных действий. Вот Вам и Конституция, в которой, как читатель должно быть помнит, есть статья 18, провозгласившая, что «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием».

В другом случае я более месяца не мог добиться свидания с двумя осужденными, этапированными в Москву из той же Йошкар-Олы для участия в заседании кассационной коллегии Верховного Суда РФ. Они уже были Верховным Судом Республики Марий Эл перечислены за Верховным Судом РФ, но уголовное дело туда еще не поступило. В результате оба Верховных Суда не могли дать мне желанного «разрешения».

Не лишне заметить, что в обоих случаях мои подзащитные оказались ни в чем не виноваты и в конечном итоге были оправданы*.

Не одному мне так «везло» — каждый адвокат сталкивался с этим безобразием. Едва ли не самый яркий случай такого рода произошел с адвокатом Ларисой Мове, которой следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры РФ сперва выдал разрешение на свидания с подзащитным (Боровским — обвиняемым по известному делу об убийстве журналиста Дмитрия Холодова), а затем аннулировал это разрешение и вообще чинил множество препятствий ее визитам в СИЗО к подзащитному — выяснилось, что с Боровским постоянно «беседовали» оперработники — без составления протоколов допроса и, естественно, без участия адвоката. Они убеждали Боровского признать вину, угрожая различными негативными последствиями отказа для его семьи**. Нельзя сказать, что адвокаты со всем этим мирились. В 1999 году адвокат Санкт-Петербургской городской коллегии адвокатов В.Э. Писаревский обжаловал в Верховный Суд РФ упомянутый пункт «Правил», тогда еще МВДшных. Верховный Суд Писаревскому отказал. Решение было опротестовано заместителем председателя Верховного Суда, но Президиум Верховного Суда протест отклонил. Позиция Верховного Суда была основана на том, что в УПК РСФСР применительно к вступлению адвоката в дело использовался термин «допуск адвоката»: в ч. 1 ст. 47 УПК РСФСР было указано, что «защитник допускается к участию в деле...», а в силу ч. 2 ст. 51 УПК РСФСР защитник наделялся правами «с момента допуска к участию в деле». Слово «допуск» во всех толковых словарях от Даля до Ожегова трактуется только как разрешение, «допустить» — значит разрешить. У кого дело, тот и разрешает. Не случайно в практике «документ о допуске к участию в уголовном деле» называется «разрешением». Тот же Верховный Суд РФ выдавал «разрешения», причем разовые (хорошая иллюстрация к положению закона о праве на свидание с защитником без ограничения количества и продолжительности этих свиданий). Председателем Мосгорсуда в районные суды Москвы было направлено письмо о том, что выдача разовых «разрешений» не противоречит закону.

* См. с. 147 и 165 настоящего сборника.

** Подробнее об этом см. А.Л. Мове, «За нулисами судебной защиты», т. 3. (изд. Международным Союзом (содружеством) адвокатов, Федеральной палатой адвокатов России и Федеральным союзом адвокатов России, М., 2004, с. 419–508).

«Борьба за свободу свиданий» — угрожающая статья бесконечной деятельности, которую я начинал почти как одинокий Дон Кихот, но продолжал уже при поддержке адвокатского сообщества. Понимая, что мне, ввиду сложившейся позиции Президиума Верховного Суда, все равно откажут, я злосчастный пункт «Правил» все-таки в Верховный Суд обжаловал. Это было необходимо, поскольку «Правила» были уже Минюстовские.

Вот эта жалоба:

Верховный Суд Российской Федерации
Гражданина Костанова Ю.А. —
адвоката Московской коллегии адвокатов
«Адвокатская палата»
(119121, Москва,
ул. Погодинская, д. 4-4а)

На действия
Министерства юстиции
Российской Федерации
(109830, Москва,
ул. Воронцово поле, д. 4)

ЖАЛОБА (в пор. ст. 239¹ ГПК РСФСР)

Пунктом 149 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации, утвержденных Приказом и.о. Министра юстиции РФ от 12 мая 2000 года № 148 установлено, что подозреваемым или обвиняемым, содержащимся под стражей в следственных изоляторах, свидания с адвокатом, участвующим в деле в качестве защитника, предоставляются «по предъявлении им документа о допуске к участию в уголовном деле, выданного лицом или органом, в производстве которых находится уголовное дело, на основании ордера юридической консультации».

Часть 1 ст. 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15 июля 1995 года для предоставления свидания с подозреваемыми или обвиняемыми, содержащимися под стражей, обязывает адвоката, участвующего в деле в качестве защитника, предъявить только ордер юридической консультации. Согласно ч. 4 ст. 47 УПК РСФСР документом, подтверждающим допуск адвоката к участию в деле, является ордер юри-

дической консультации. Следовательно требование для получения свидания с подзащитным, содержащимся под стражей, предъявлять не ордер юридической консультации, а документ о допуске к делу, выдаваемый следователем или иным должностным лицом либо органом, в производстве которых находится уголовное дело, является незаконным.

Частью 2 ст. 48 Конституции Российской Федерации, пп. «с» п. 3 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, пп. «b» п. 3 ст. 14 Международного пакта от 16 декабря 1966 года о гражданских и политических правах, ч. 4 и 5 ст. 46, ч. 1 и 4 ст. 47 ч. 2 ст. 51, ч. 2 и 3 ст. 52 УПК РСФСР, ч. 1 ст. 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» подозреваемым и обвиняемым, содержащимся под стражей, предоставлено право выбора защитников по своему усмотрению и право свободного общения с избранными ими защитниками. Соответственно, эти нормы предоставляют и защитникам право свободного общения с их подзащитными.

Обжалуемый пункт Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации ставит предоставление свидания в зависимость от усмотрения упомянутых должностных лиц и органов и тем самым создает препятствия для осуществления мной своей профессиональной деятельности, поскольку ограничивает мое право как адвоката, участвующего в уголовных делах в качестве защитника, на свободное общение с подзащитными.

С учетом изложенного и на основании ст. 116 и 239¹ ГПК РСФСР

ПРОШУ

1. Признать незаконным и не подлежащим применению пункт 149 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации, утвержденных Приказом и.о. Министра юстиции РФ от 12 мая 2000 года № 148, в части, обязывающей адвоката для получения свидания со своим подзащитным, содержащимся под стражей, в следственных изоляторах, предъявлять документ о допуске к участию в уголовном деле, выданного лицом или органом, в производстве которых находится уголовное дело.

2. Обязать Министра юстиции Российской Федерации исключить из пункта 149 Правил внутреннего распорядка следствен-

ных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации, утвержденных Приказом и.о. Министра юстиции РФ от 12 мая 2000 года № 148, указание об обязанности адвоката для получения свидания со своим подзащитным, содержащимся под стражей, в следственных изоляторах, предъявлять документ о допуске к участию в уголовном деле, выданного лицом или органом, в производстве которых находится уголовное дело.

Приложение:

1. Приказ Министра юстиции РФ от 12.05.2000 с извлечением из «Правил» — на 1 листе;
2. Копия жалобы — на 2 листах.

Ю. А. Костанов — адвокат.

Представитель Министерства юстиции в судебном заседании, естественно, возражал. Его позиция свелась к тому, что за адвокатами нужен глаз да глаз, а то они то и дело норовят проникнуть на свидание не к своему подзащитному и проносят в СИЗО запрещенные предметы — вплоть до наркотиков и оружия. Мое замечание, что самый известный канал проникновения в «зону» наркотиков, спиртного и прочего — сами сотрудники СИЗО, а оружие пронес в СИЗО (Питерские «Кресты») следователь, о чем даже кинофильм был снят, адвокаты же в сем зле замечены не были — успеха не имело. Мне, естественно, так же, как и до того В.Э. Писаревскому, отказали.

Однако, само право издавать правила, регулирующие право арестантов на свидания с избранным ими защитником, предоставлено Министерству юстиции пунктом 15 части 2 ст. 16 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15 июля 1995 г.

Тем самым реализация права обвиняемого на свободное общение с избранным им самим защитником была поставлена в зависимость от ведомственного усмотрения. Это положение «Правил», бесспорно, противоречит ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только федеральным законом, поскольку ставит предоставление свидания содержащемуся под стражей обвиняемому со своим защитником в зависимость от усмотрения органов следствия и создает возможность нарушения прав обвиняемого.

Поэтому пришлось обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобой и на УПК и на упомянутый Федеральный закон. Жалобы мной были поданы от имени упомянуты подзащитных из Йошкар-Олы. Здесь приводится текст только одной из них — вторая отличается от нее только фамилиями моих доверителей.

Конституционный Суд Российской Федерации

Лицо, обращающееся с жалобой:
гражданин Голомидов Александр Петрович,
содержащийся под стражей в
Учреждении ИЗ-32/1 ГУИН
МЮ РФ по Нижегородской области

Представитель лица, обращающегося с жалобой:
адвокат Костанов Ю.А.,
действующий по доверенности
119121, Москва, ул. Погодинская, д. 4-4а
МКА «Адвокатская палата»

Органы, издавшие обжалуемые акты:
Государственная Дума Федерального Собрания
Российской Федерации

Совет Федерации Федерального Собрания
Российской Федерации

Президент Российской Федерации

ЖАЛОБА

на нарушение конституционных прав в результате применения п. 15 ч. 2 ст. 16 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и ст. 47 и 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР.

Гражданин Голомидов Александр Петрович, на основании ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому судебную защиту его прав и свобод, и в соответствии с ч. 4 ст. 125 Конституции Российской Федерации, устанавливающей, что жалобы граждан на нарушение их конституционных прав и свобод в результате применения закона рассматривают-

ся Конституционным Судом Российской Федерации, в порядке, предусмотренном ст. 36 и 37 Федерального Конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», обращается к Конституционному Суду Российской Федерации за защитой предусмотренного ч. 2 ст. 48 Конституции Российской Федерации, ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации и п.п. «b» п. 3 ст. 14 международного пакта от 16 декабря 1966 года о гражданских и политических правах и п.п. «с» п. 3 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 04 ноября 1950 года) своего права на помощь адвоката (защитника), выбранного им самим, от необоснованного ограничения в результате применения п. 15 ч. 2 ст. 16 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», ст. 47 и 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (в ред. Указов Президиума Верховного Совета РСФСР от 26.06.72, 08.08.83; Закона РФ от 23.05.92 № 2825-1 — Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1972, № 26, ст. 663; 1983, № 32, ст. 1153; Ведомости СНД РФ и ВС РФ, 1992, № 25, ст. 1389).

Гражданин Голомидов А.П. был привлечен к уголовной ответственности Следственным управлением по Приволжскому федеральному округу Следственного комитета при МВД РФ, арестован и содержится под стражей в Учреждении ИЗ-32/1 ГУИН МЮ РФ в г. Нижнем Новгороде. В соответствии с ч. 2 ст. 48 Конституции Российской Федерации Голомидов А.П., будучи обвиняемым, имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения. Неотъемлемой частью конституционного права Голомидова А.П. на помощь адвоката (защитника) с момента заключения его под стражу является его право сноситься с выбранным им самим защитником и защищать себя через его посредство. Это право каждого подозреваемого и обвиняемого предусмотрено п.п. «b» п. 3 ст. 14 Международного пакта от 16 декабря 1966 года о гражданских и политических правах и п.п. «с» п. 3 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 04 ноября 1950 года), в силу ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, являющимися частью правовой системы Российской Федерации.

Следователем, расследующим дело по обвинению Голомидова А.П., 22 декабря 2000 года со ссылкой на руководство Следственного управления по расследованию организованной преступной деятельностью при СК МВД РФ по Приволжскому федеральному округу было отказано адвокату Костанову Ю.А. в

выдаче документа о допуске к участию в уголовном деле. Вместо этого адвокату было предложено каждый раз, как только он сочтет необходимым получить свидание с Голомидовым, обращаться к руководству Следственного управления с просьбой о выдаче никаким законом не предусмотренных «разовых разрешений». Впоследствии такие разрешения выдавались в виде адресованных администрации следственного изолятора разовых «Требований» о выдаче адвокату заключенного «для допроса» (?). В результате взаимные права Голомидова А.П. и его защитника на свидания без ограничения их количества и продолжительности были существенно ограничены, тем более, что Голомидов содержится под стражей в Нижнем Новгороде, руководству Следственного управления находится также в Нижнем Новгороде, а следователь большей частью находится в Июшкар-Оле, где производится большинство следственных действий. Это затрудняет получение даже упомянутых незаконных «требований».

Такое нарушение права Голомидова А.П. на защиту оказалось возможным из-за того, что п. 15 ч. 2 ст. 16 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» установление порядка проведения свиданий подозреваемых и обвиняемых с защитником — отнесено к компетенции ведомств, в подчинении которых находятся следственные изоляторы — Министерства юстиции, Министерства внутренних дел и Федеральной службы безопасности. Тем самым реализация права обвиняемого на свободное общение с избранным им самим защитником поставлена в зависимость от усмотрения этих ведомств. На основании указанного федерального закона Министерством юстиции изданы Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации (утверждены Приказом и. о. Министра юстиции РФ от 12 мая 2000 года № 148). В соответствии с п. 149 «Правил» подозреваемым или обвиняемым, содержащимся под стражей в следственных изоляторах, свидания с адвокатом, участвующим в деле в качестве защитника, предоставляются «по предъявлению им документа о допуске к участию в уголовном деле, выданного лицом или органом, в производстве которых находится уголовное дело, на основании ордера юридической консультации». Это положение «правил» противоречит ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только федеральным законом, поскольку ставит предоставление свидания

содержащемуся под стражей обвиняемому со своим защитником в зависимость от усмотрения органов следствия и создает возможность нарушения прав обвиняемого.

Положение указанных «правил», обязывающее адвоката получать у следователя либо иного органа, в производстве которого находится дело, документ о допуске к делу (а по фактическому положению и сложившейся практике судов и следователей России — разрешения) на свидания со своим подзащитным, было обжаловано в Верховный Суд Российской Федерации. Указанное положение Верховным Судом Российской Федерации в решении по жалобе Костанова в 2000 году признано соответствующим закону. Ранее аналогичное положение ранее действовавших Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно — исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденных приказом МВД России от 20 декабря 1995 года № 486, Верховным Судом Российской Федерации по жалобе Писаревского также было признано соответствующим закону. Позиция Верховного Суда Российской Федерации основана на том, что в УПК РСФСР применительно к вступлению адвоката в дело использован термин «допуск адвоката»: в ч. 1 ст. 47 УПК РСФСР указано, что «защитник допускается к участию в деле...», а в силу ч. 2 ст. 51 УПК РСФСР защитник наделяется правами «с момента допуска к участию в деле...». В результате применения этих статей УПК РСФСР право обвиняемого на свидание с выбранным им самим защитником по существу превращено в право следователя допустить или не допустить выбранного обвиняемым защитника к делу, предоставить или не предоставить ему свидание с подзащитным — равно как и обвиняемому с защитником.

Норма Уголовно-процессуального кодекса РСФСР о вступлении защитника в уголовное дело через процедуру его допуска к делу органом, в производстве которого дело находится, противоречит Конституции Российской Федерации, общепризнанным принципам и нормам международного права, международным договорам Российской Федерации. Конституция Российской Федерации, международно-правовые акты по правам человека, федеральные законы требуют от государства предоставления лицам, вовлекаемым в сферу уголовного судопроизводства, адекватных гарантий защиты их прав и свобод.

Требование о представлении документа о допуске адвоката к делу, выдаваемого органом, в производстве которого дело находится, неправомерно ограничивает конституционное право

гражданина на получение квалифицированной юридической помощи и право сноситься с выбранным им самим защитником, поскольку ставит реализацию этого права в зависимость от усмотрения упомянутых органов. Не случайно в правоприменительной практике такие документы носят название разрешений.

В силу ст. 18 Конституции Российской Федерации «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием». Из этого следует, что право Голомидова А.П. (как и других граждан, оказавшихся в такой же ситуации) на получение квалифицированной юридической помощи и право сноситься с выбранным им самим защитником не могут быть поставлены в зависимость от усмотрения органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, чем бы такое усмотрение ни объяснялось и как бы ограничения этих прав ни мотивировались.

В постановлении от 27 июня 2000 года № 11-П Конституционный Суд Российской Федерации признал положение, в соответствии с которым реализация права на защиту и права пользоваться помощью адвоката ставится в зависимость от усмотрения органов дознания и предварительного следствия, не соответствующим Конституции Российской Федерации и указал, что такое усмотрение «открывает возможность для недопустимых произвольных властных действий в отношении лица, чьи конституционные права и свободы ограничиваются, что не только противоречит принципам свободы и личной неприкосновенности (статья 22, часть 1, Конституции Российской Федерации), но и умаляет достоинство личности как основу признания и уважения ее прав и свобод (статья 21, часть 1, Конституции Российской Федерации)».

В силу статьи 17 Конституции Российской Федерации в Российской Федерации, во-первых, признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией (часть 1 статьи 17) и, во-вторых, основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения (часть 2 статьи 17). Статьей 55 Конституции Российской Федерации установлено, что в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина

(часть 2 статьи 55), и что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (часть 3 статьи 55). Из приведенных норм Конституции Российской Федерации следует, что Уголовно-процессуальный кодекс, как федеральный закон, не может ограничивать конституционные права и свободы без достаточных к тому оснований, указанных в части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации. Конституционное право обвиняемого на защиту и неотъемлемая часть этого права — право на свободное общение с выбранным им самим защитником — не может быть ограничено федеральным законом — в том числе и Уголовно-процессуальным кодексом. Такой закон не должен был быть принят, а если он был издан до принятия Конституции Российской Федерации, то действие его должно быть прекращено.

С учетом изложенного

ПРОШУ

Признать положения пункта 15 части 2 статьи 16 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», части 1 статьи 47 и части 2 статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в той мере, в какой они позволяют органу, в производстве которого находится уголовное дело, ограничивать право обвиняемого на свободное общение с выбранным им самим защитником, не соответствующими Конституции Российской Федерации — ее статьям 15 (части 4), 17 (частям 1 и 2), 18, 21 (части 1), 22 (части 1), 48 (части 2), 55 (частям 2 и 3).

Приложение:

1. Извлечение из Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»;
2. Извлечение из УПК РСФСР;
3. Извлечение из Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно — исполнительной системы МВД РФ;
4. Извлечение из Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно — исполнительной системы МЮ РФ;
5. Копия постановления президиума Верховного Суда РФ от 01.03.2000;

6. Копия решения Верховного Суда РФ от 14.09.2000;
7. Копия жалобы адвоката прокурору Республики Марий Эл;
8. Копия разового разрешения адвокату на свидание с Голомидовым;
9. Доверенность;
10. Квитанция об оплате госпошлины.

Представитель Голомидова А.П.
адвокат Костанов Ю.А.

Повторять, что сказал Конституционный Суд, нет нужды — читателям постановление Конституционного Суда от 25 октября 2001 года должно быть известно*.

Итак, пункт Федерального закона, предоставлявший Минюсту право регулировать порядок предоставления свиданий, признан не соответствующим Конституции. Прошло несколько месяцев, но никаких изменений в «Правила» Минюстом внесены не были. Да я, впрочем, и не ожидал иного. Теперь противостояние адвокатского сообщества с Минюстом превратилось в противостояние Минюста и Конституционного Суда РФ. Пришлось обратиться к председателю Верховного Суда РФ с ходатайством об опротестовании решения Верховного Суда по моей жалобе.

Председателю Верховного Суда
Российской Федерации
В. М. Лебедеву
Адвоката Костанова Ю.А.

ХОДАТАЙСТВО

о принесении протеста в порядке надзора

Решением Верховного Суда Российской Федерации от 14 сентября 2000 года оставлена без удовлетворения моя жалоба о признании незаконным и не подлежащим применению п. 149 «Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Рос-

* Хотя и постановление Конституционного Суда РФ не бесспорно. Признав оспариваемые положения УПК не противоречащими Конституции РФ, Конституционный Суд мотивировал это решение тем, что, положения частей первой и четвертой статьи 47 и части второй статьи 51 УПК РСФСР, не предполагают какого-либо особого — разрешительного — порядка вступления адвоката в дело. Между тем в словарях русского языка — от Даля до Ожегова слово «допуск», использованное законодателем в упомянутых статьях УПК, толкуется одинаково: «разрешение», «позволение».

сийской Федерации», утвержденных приказом министра юстиции РФ от 12 мая 2000 года № 148 в части, обязывающей адвокатов для получения свиданий со своими подзащитными, содержащимися под стражей в следственных изоляторах, предъявлять документ о допуске к участию в уголовном деле, выданный лицом или органом, в производстве которых находится уголовное дело.

Право издавать правила, регулирующие право содержащихся под стражей лиц на свидания с избранным ими защитником, предоставлено Министерству юстиции Российской Федерации пунктом 15 части 2 ст. 16 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15 июля 1995 г.

Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 14-П пункт 15 части 2 статьи 16 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» признан не соответствующим Конституции Российской Федерации как допускающий регулирование конституционного права на помощь защитника ведомственным нормативным актом, что служит основанием — по смыслу, придаваемому этому положению правоприменительной практикой — неправомерных ограничений данного права, ставя реализацию возможности свидания обвиняемого (подозреваемого) с защитником в зависимость от наличия специального разрешения лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело.

В связи с тем, что положение закона, предоставляющее Министерству юстиции РФ издавать правила, регулирующие взаимоотношения содержащегося под стражей лица с защитником, признано не соответствующим Конституции Российской Федерации, решение о соответствии закону упомянутых правил в части, вынуждающей адвоката (защитника) для получения свидания с содержащимся под стражей подзащитным представлять документ о допуске к делу (разрешение), выданный лицом или органом, в производстве которого находится уголовное дело, должно быть пересмотрено.

Несмотря на то, что с момента вынесения Конституционным Судом Российской Федерации упомянутого постановления прошло достаточно много времени, Министерством юстиции РФ в пункт 149 «Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации» никаких изменений не внесено.

С учетом изложенного
ПРОШУ

на решение Верховного Суда Российской Федерации от 14 сентября 2000 г. об отказе в признании незаконным и не подлежащим применению п. 149 «Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации», утвержденных приказом министра юстиции РФ от 12 мая 2000 года № 148 — принести протест в порядке надзора с постановкой вопроса об отмене указанного решения и вынесении нового решения по существу об удовлетворении жалобы.

Приложение:

1. Копия решения Верховного Суда РФ от 14.09.2000 на 4 листах;
2. Копия постановления Конституционного Суда РФ от 25.10.01 на 4 листах.

Ю. А. Костанов — адвокат.

Эта жалоба была удовлетворена и заместителем председателя Верховного Суда РФ В. М. Жуйковым в июле 2002 года решение было опротестовано. Протест, однако, долго не рассматривался. По моей просьбе президент Гильдии Российских адвокатов Г.Б. Мирзоев обратился к руководству Верховного Суда РФ с просьбой ускорить рассмотрение вопроса. В итоге 2 октября Президиумом Верховного Суда протест рассмотрен и удовлетворен. Президиум Верховного Суда постановил: «Решение Верховного Суда Российской Федерации от 14 сентября 2000 г. отменить и вынести новое решение о признании незаконным и недействующим со дня вступления решения в законную силу пункт 149 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации, утвержденных Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 12 мая 2000 года № 148 (в редакции Приказа Минюста РФ от 21.02.2002 г. № 55), в части, устанавливающей, что свидания подозреваемым или обвиняемым предоставляются с адвокатом, участвующим в деле в качестве защитника, по предъявлении им документа о допуске к участию в уголовном деле, выданного лицом или органом, в производстве которых находится уголовное дело»,

На запрос депутата Государственной Думы С.А. Попова начальник ГУИНа ответил, что на места направлено специальное письмо о постановлении Президиума Верховного Суда РФ и указание о недопустимости ущемления права обвиняемых (подозреваемых) на получение свидания со своими защитниками. Казалось бы, закон торжествует.

Как выяснилось, однако, эпопея на этом не закончилась. Так получилось, что с момента вынесения постановления Президиума Верховного Суда РФ у меня не было повода побывать в следственных изоляторах и убедиться в торжестве законности. Но в ноябре 2003 года мне сообщили, что в Бутырской тюрьме (Следственный изолятор № 77/2) требования закона продолжают нарушать. Приехав в «Бутырку», я убедился в этом — в бюро пропусков, у окошка, куда следует сдавать требования о вызове заключенных, была вывешена ксерокопия еще январского (2003 г.) указания УИНа Москвы о предоставлении адвокатам свиданий с содержащимися под стражей подзащитными по предъявлении разрешения органа, в производстве которого находится дело.

Я немедленно поставил об этом в известность президента Федеральной палаты адвокатов Е.В. Семеняко, который направил Министру юстиции РФ следующее письмо.

Министру юстиции Российской Федерации
Государственному советнику
юстиции Российской Федерации
Ю.Я. Чайке

Уважаемый Юрий Яковлевич!

В совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации поступили сведения о том, что Управлением исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве направлено начальникам следственных изоляторов Москвы и Учебного центра циркулярное письмо № 461, в котором предлагается предоставлять свидания защитникам с содержащимися под стражей подзащитными лишь по предъявлении ими документа о допуске к участию в деле, выдаваемого органом, в производстве которого находится уголовное дело. Циркуляр подписан и. о. первого заместителя начальника УИН МЮ РФ по г. Москве подполковником внутренней службы С.А. Поповым. Копия указанного циркуляра вывешена для всеобщего

го сведения, в частности, в помещении бюро пропусков Следственного изолятора № 2 — там, где адвокаты сдают требования о предоставлении свиданий. Указание мотивировано тем, что, по мнению С. А. Попова, «право на свидание у защитника устанавливается законом с момента допуска к участию в деле», в связи с чем «такое участие должно подтверждаться соответствующим документом органа, в производстве которого находится уголовное дело». Это указание принято к исполнению руководством следственных изоляторов Москвы.

В результате действий руководства УИН МЮ РФ по г. Москве, явно выходящих за пределы полномочий, которыми оно обладает по закону, в Москве грубо попираются права содержащихся под стражей обвиняемых (подозреваемых) и их защитников.

Действующее законодательство (часть вторая ст. 48 Конституции Российской Федерации, подпункты «а» и «б» пункта 3 части 3 ст. 49 УПК Российской Федерации) предусматривает, что защитник участвует в уголовном деле и, соответственно, получает право на свидание с находящимся под стражей подзащитным, не с момента, когда следователь соблаговолит выдать ему разрешение на это, а с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, либо применения к нему меры пресечения в виде заключения под стражу. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении № 14-П от 25 октября 2001 года, «реализация права подозреваемого и обвиняемого пользоваться помощью адвоката (защитника), в том числе иметь с ним свидания, не может быть обусловлена соответствующим разрешением лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело».

Как известно, постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации признан незаконным и недействующим пункт 149 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы МЮ РФ, утвержденный приказом МЮ РФ № 148 от 12 мая 2000 года (в ред. Приказа МЮ РФ от 21.02.2002 № 55) в части, устанавливающей, что свидания подозреваемым и обвиняемым предоставляются с адвокатом, участвующим в деле в качестве защитника, по предъявлении им документа о допуске к участию в уголовном деле, выданного лицом или органом, в производстве которых находится уголовное дело.

Просил бы Вас, уважаемый Юрий Яковлевич, принять необходимые меры для прекращения нарушений закона в следственных изоляторах г. Москвы при предоставлении адвокатам, участвующим

щим в уголовных делах в качестве защитников, свиданий с содержащимися под стражей обвиняемыми и подозреваемыми.

Президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации Е. В. Семеняко.

Довольно скоро Советом Федеральной палаты адвокатов из Министерства был получен ответ, из которого следовало, что незаконное указание еще в мае 2003 года отменено, а все устаревшие объявления из бюро пропусков и приемных помещений следственных изоляторов удалены. Читать эту бумагу было приятно. Сердце переполнялось гордостью за Главное управление исполнения наказаний и стало даже как-то неловко — незаконное указание оказывается более полугода назад отменено, а мы, не разобравшись толком, напрасно беспокоим ГУИН, в царстве которого царят законность и порядок.

Но смутное предчувствие, что не все так ладно в этом датском королевстве не оставляло. И верно — почти в тот же день, когда я прочел ответ ГУИНа на наше обращение, мне в руки попала копия представления, внесенного 21 ноября 2003 года заместителем прокурора Москвы на имя начальника столичного УИНа. В представлении утверждалось, что для предоставления свидания в следственном изоляторе со своим подзащитным адвокату недостаточно предъявить ордер. По мнению заместителя прокурора г. Москвы: «Ссылка на решение Президиума Верховного Суда РФ является несостоятельной, так как в указанном решении Президиум Верховного Суда РФ постановил: решение Верховного Суда Российской Федерации от 14 сентября 2002 года отменить и вынести новое решение. Такого нового решения Верховным Судом РФ не выносилось».

Это уже был даже не правовой нигилизм, а правовой цинизм. Я обратился к первому заместителю председателя Верховного Суда Российской Федерации В.И. Радченко.

Первому заместителю председателя Верховного Суда Российской Федерации В.И. Радченко

Уважаемый Владимир Иванович!

Президиум Верховного Суда Российской Федерации 2 октября 2002 года, рассмотрев гражданское дело по моей жалобе о признании незаконным пункта 149 Правил внутреннего распо-

рядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации, постановил вынести новое решение о признании незаконным и не действующим со дня вступления решения в законную силу указанного пункта «Правил». Прошу разъяснить, означает ли формулировка постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации, что указанное решение им вынесено, или в соответствии с этим постановлением Президиум должен выносить еще и отдельное решение.

Никаких сомнений по этому вопросу до последнего времени я не испытывал, однако мое мнение не является официальным и обязательным для администрации следственных изоляторов. Между тем, 21 ноября 2003 года должностным лицом, обязанным от имени государства осуществлять надзор за исполнением законов, чье мнение является официальным и чьи требования в силу ст. 34 Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» относительно исполнения порядка и условий содержания заключенных под стражу лиц подлежат обязательному исполнению администрацией следственных изоляторов — заместителем прокурора Москвы В.П. Юдиным — начальнику Управления исполнения наказаний МЮ РФ по г. Москве внесено представление, в котором указано, что для предоставления свидания в следственном изоляторе со своим подзащитным адвокату недостаточно предъявить ордер. По мнению заместителя прокурора г. Москвы: «Ссылка на решение Президиума Верховного Суда РФ является несостоятельной, так как в указанном решении Президиум Верховного Суда РФ постановил: решение Верховного Суда Российской Федерации от 14 сентября 2002 года отменить и вынести новое решение. Такого нового решения Верховным Судом РФ не выносилось».

Приложение:

Копия представления зам. прокурора Москвы от 21.11.03
на 2 листах.

С уважением,
адвокат Костанов Ю.А.

Считая, что здесь необходима реакция адвокатского сообщества, я обратился и к Президенту Федеральной палаты адвокатов.

Президенту
Федеральной палаты адвокатов
Е.В. Семеняко

Уважаемый Евгений Васильевич!

Как мне стало известно, заместителем прокурора Москвы В.П. Юдиным 21 ноября 2003 года начальнику Управления исполнения наказаний МЮ РФ по г. Москве внесено представление, в котором указано, что для предоставления свидания в следственном изоляторе со своим подзащитным адвокату недостаточно предъявить ордер. По мнению заместителя прокурора г. Москвы: «Ссылка на решение Президиума Верховного Суда РФ является несостоятельной, так как в указанном решении Президиум Верховного Суда РФ постановил: решение Верховного Суда Российской Федерации от 14 сентября 2002 года отменить и вынести новое решение. Такого нового решения Верховным Судом РФ не выносилось».

Полагая такую постановку вопроса явно неверной, я обратился к первому заместителю председателя Верховного Суда Российской Федерации В. И. Радченко с просьбой о разъяснении, означает ли формулировка резолютивной части известного постановления президиума Верховного Суда Российской Федерации от 2 октября 2003 года, что новое решение уже вынесено в самом этом постановлении.

Полагал бы необходимым Ваше обращение по этому вопросу к Генеральному прокурору РФ.

Приложение:

1. Копия представления зам. прокурора Москвы от 21.11.03 — на 2 листах;
2. Копия обращения к В.И. Радченко — на 1 листе;
3. Проект обращения к Генеральному прокурору РФ — на 2 листах.

Член совета ФПА Ю.А. Костанов.

Генеральному прокурору
Российской Федерации
Действительному государственному
советнику юстиции
В. В. Устинову

Уважаемый Владимир Васильевич!

Как мне стало известно, заместителем прокурора Москвы В.П. Юдиным начальнику Управления исполнения наказаний МЮ РФ по г. Москве внесено представление от 21 ноября 2003 года № 17-05-2993, в котором, вопреки известному постановлению Президиума Верховного Суда РФ от 2 октября 2002 года, указано, что для предоставления свидания в следственном изоляторе со своим подзащитным адвокату недостаточно предъявить ордер. По мнению заместителя прокурора г. Москвы: «Ссылка на решение Президиума Верховного Суда РФ является несостоятельной, так как в указанном решении Президиум Верховного Суда РФ постановил: решение Верховного Суда Российской Федерации от 14 сентября 2002 года отменить и вынести новое решение. Такого нового решения Верховным Судом РФ не выносилось».

Такая постановка вопроса противоречит действующему законодательству и судебной практике. Формулировка постановления президиума Верховного Суда Российской Федерации от 2 октября 2002 года (о котом идет речь в представлении заместителя прокурора Москвы) означает, что новое решение уже вынесено в самом этом постановлении. Ссылка заместителя прокурора Москвы на ст. ст. 49 и 53 УПК РФ несостоятельна, поскольку в силу ч. 4 ст. 49 УПК РФ адвокат для допуска к участию в деле (во всех формах этого участия — в том числе и для получения свиданий со своим подзащитным) должен предъявить только удостоверение адвоката и ордер.

Указанное представление заместителя прокурора Москвы приводит к нарушению конституционного права на помощь адвоката (защитника), относящегося к основным правам и свободам человека и гражданина, поскольку выполнение требований представления органами исполнения наказаний в следственных изоляторах Москвы приводит к неправомерным ограничениям данного права, ставя реализацию возможности свиданий обвиняемого (подозреваемого) с адвокатом (защитником) в зависимость от наличия специального разрешения лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело.

Обращает внимание нигилистическое отношение руководства прокуратуры г. Москвы к соблюдению конституционных прав граждан, к закону, решениям Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации.

С учетом изложенного, просил бы Вас, уважаемый Владимир Васильевич, принять меры к отзыву заместителем прокурора Москвы его представления от 21 ноября 2003 года № 17-05-2003, внесенного начальнику Управления исполнения наказаний МЮ РФ по г. Москве.

Приложение:

Копия представления зам. прокурора Москвы от 21.11.03 — на 2 листах.

С уважением, Президент Федеральной палаты адвокатов
Е.В. Семеняко.

24 декабря 2003 года — и месяца не прошло со дня получения Советом Федеральной палаты адвокатов письма из ГУИНа (того самого, в котором написано, что и следы незаконных указаний исчезли из СИЗО) — мне отказали в предоставлении свидания с моим подзащитным все в том же СИЗО №2 Московского УИНа («Бутырка»). И вновь закрутилось колесо переписки — с ГУИНа, с Верховным Судом, с Генеральным прокурором...

Президенту Федеральной палаты адвокатов
Е.В. Семеняко

Уважаемый Евгений Васильевич!

С чувством глубокого удовлетворения я ознакомился с ответом ГУИНа на Ваше обращение по поводу распоряжения Московского УИНа о порядке предоставления адвокатам свиданий со своими подзащитными в следственных изоляторах. Приятно было читать, что незаконное распоряжение отменено еще в мае, а развешанные всюду в изоляторах его копии оттуда убраны. К сожалению, письмо ГУИНа не соответствует действительности. Администрацией Учреждения ИЗ 77/2 («Бутырка») 24 декабря 2003 года мне было отказано в предоставлении свидания с моим подзащитным Бровченко С.В. из-за отсутствия разрешения суда, в производстве которого находится уголовное дело по обвинению Бровченко С.В., несмотря на то, что мной были предъявлены удостоверение адвоката и ордер на защиту Бровченко С.В.

Полагаю, что необходимо повторное обращение к Министру юстиции РФ и Генеральному прокурору РФ. Кроме того, необходимо любым способом форсировать принятие дополнений к Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», касающихся порядка выдачи ордеров. Это необходимо потому, что работники СИЗО справедливо задавали вопрос: «Откуда взялся предъявленный ордер, если ордер должен быть в деле?» В предложенном ранее законопроекте предлагалось предусмотреть в законе выдачу отдельных ордеров для предъявления в следственных изоляторах для получения свиданий.

Член Совета ФПА Ю.А. Костанов.

Прошел еще год. Объявление о необходимости предъявлять разрешение органа, в производстве которого находится дело, из бюро пропусков «Бутырки» убрали. Свидания стали предоставлять адвокатам, как это и положено, по предъявлению ордера и удостоверения. Но неделю назад один из адвокатов нашей коллегии сообщил мне, что в той же «Бутырке» ему предоставили свидание с подзащитным в помещении, в котором он был отделен от подзащитного бронестеклом и частой сеткой, а разговаривать с ним мог только по телефону. Говорят, что общаться можно, но передать ничего нельзя, а передавать, мол, запрещено. Очень, дескать, способствует борьбе с преступностью. Поистине инициатива тюремщиков по созданию преград для защитников безмерна. Эту бы энергию да в мирных целях — можно было и вечный двигатель построить! Непонятно, правда, как через стекло и сетку адвокат сможет ознакомить обвиняемого с документами или как обвиняемый сможет подписать подготовленную адвокатом жалобу. Неясно как гарантируется соблюдение требований закона о том, что свидание должно происходить при условиях, исключающих возможность слышать, о чем обвиняемый говорит со своим защитником — уж телефонный характер свидания создает для подслушивания почти идеальные условия!

Остается добавить, что в соответствии с пунктом 148 злосчастных Правил внутреннего распорядка в следственных изоляторах «Свидания подозреваемого или обвиняемого с защитником осуществляются наедине без разделительной перегородки и без ограничения их количества и продолжительности. Свидания могут проводиться в условиях, позволяющих сотруднику СИЗО видеть подозреваемого или обвиняемого и защитника, но не слышать».

Вице-президент ФПА обратился к Министру юстиции:

Министру юстиции Российской Федерации
Государственному советнику
юстиции России
Ю.Я. Чайке

Уважаемый Юрий Яковлевич!

Как стало известно из обращений адвокатов, в следственном изоляторе № 2 г. Москвы в нарушение п. 148 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации, утвержденных Вашим приказом от 12 мая 2000 г. № 148 (в редакции приказа от 21.02.2002 № 55), свидания адвокатам с их подзащитными, находящимися под стражей, предоставляются в помещениях, разделенных двойной стеклянной перегородкой с металлической сеткой. Общение адвоката с подзащитными осуществляется по телефону, что создает возможность прослушивания. Подготовленные адвокатом документы для ознакомления и подписания передаются через сотрудника следственного изолятора, который переносит их в отделенную часть помещения, где находится подозреваемый (обвиняемый) в условиях, исключающих визуальный контроль со стороны адвоката и подозреваемого (обвиняемого), что не исключает возможности ознакомления с содержанием документов и этого сотрудника и иных лиц.

Такой порядок предоставления свиданий подозреваемым (обвиняемым) с их защитниками нарушает требования конфиденциальности отношений адвокатов со своими подзащитными, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации и Федеральным законом «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

Просил бы вас, уважаемый Юрий Яковлевич, принять необходимые меры для обеспечения требований закона при предоставлении свиданий адвокатам, осуществляющим защиту подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации.

Был бы благодарен за информацию о принятых мерах.

Вице-президент Федеральной палаты адвокатов
Российской Федерации А.П. Галоганов.

На это обращение был получен ответ заместителя министра Ю.И. Калинина за № 18/8638-ЮК от 10.09.2004. Ответ был прост и ясен: в «Бутырке», дескать, производился ремонт, из-за чего приходилось адвокатам предоставлять свидания с подзащитными в ненадлежаще оборудованных помещениях. С августа положение исправлено — свидания предоставляются так, как положено:

Вице-президенту
Федеральной палаты адвокатов
А.П. Галоганову
На № 428-08/04
от 17.08.2004-10-24

Уважаемый Алексей Павлович!

Ваше обращение о нарушениях конфиденциальности при предоставлении свиданий подозреваемым и обвиняемым с адвокатами в следственном изоляторе №2 (далее СИЗО-2) Управления исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве рассмотрено.

Случаи предоставления свиданий с подзащитными в помещениях с разделительной перегородкой имели место в связи с проведением ремонта кабинетов следственного отделения СИЗО-2.

С августа текущего года свидания адвокатов с подозреваемыми и обвиняемыми проводятся в специально оборудованных для этих целей кабинетах конфиденциально в соответствии с требованиями статьи 18 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

Заместитель Министра Ю.И. Калинин.

Приятно, конечно, что нам объяснили, почему нарушали закон. Однако у меня лично этот ответ вызвал некоторые новые вопросы:

- Почему ремонт не помешал предоставлять следователям для допросов обвиняемых помещения без всяких перегородок?
- Почему начальник СИЗО-2 не додумался предоставлять адвокатам помещения для работы (употребим это слово как более точное, нежели «свидание») с подзащитными в таких же кабинетах, какие предоставлялись следователям?
- Разъяснено ли (и в какой форме) начальнику СИЗО-2, что его действия были незаконны?
- Будут ли и далее во время ремонтов в этом и других СИЗО

предоставлять помещения адвокатам для работы с подзащитными с нарушениями предусмотренных законом требований конфиденциальности?

Как всегда в нашей стране соображения организационные и хозяйственные поставлены выше конституционных принципов и прав человека. До сих пор выше этих соображений у них признавались «интересы следствия», теперь — соображения хозяйственные. Вчера следователь, сегодня — зам. по строительству, а кто завтра? Права человека на фоне ремонта и вообще вещь незаметная (а может, даже с точки зрения Минюста уже и лишняя?). Очевидно, что нам («нам» — это конечно адвокатскому сообществу прежде всего, но и правозащитникам в широком смысле и гражданскому обществу в целом) придется активизировать наши действия, направленные на защиту прав адвокатов — иначе мы не сможем защитить права тех, кто к нам обращается за помощью.

Колесо крутится, законы нарушаются, права человека вновь станоятся «факультетом ненужных вещей».

С начала эпопеи — со времени обращения адвоката Писаревского в Верховный Суд — прошло пять лет; воз тронулся с места, но продвигается с изнурительной медленностью и ужасающим скрипом. Жаль тратить время и силы на преодоление правового невежества тех, кто сам должен служить примером в строжайшем соблюдении законов. Но делать нечего — древние римляне говорили, что право написано для бодрствующих. И еще они говорили, что для благоденствия государства нужны две вещи: хорошие законы и чтоб они исполнялись. Всего-то.

В нашем Отечестве пророки есть!

На примере описанных выше жалоб по делам Андрееенкова и Жигулиной читатель, надеюсь, увидел, как важно, чтоб жалобы наши рассматривались внимательно, с подробным изучением доводов. Чтобы — если жалоба оставлена без удовлетворения — в ответах на жалобы приводились мотивы, по которым доводы жалобы признаны несостоятельными либо несущественными. Да и как иначе? Ведь рассмотреть жалобу — это и значит рассмотреть содержащиеся в ней доводы. Увы! И Андрееенкову и Жигулиной повезло. Но тех, кому не повезло, значительно больше.

Печальный рекорд такого, с позволения сказать, «рассмотрения» надзорных жалоб поставлен Верховным Судом Российской Федерации по делу Воскресова: постановление об отказе в удовлетворении жалобы вынесено судьей, который входил в состав кассационной коллегии, рассматривавшей дело (причем дело было рассмотрено коллегией по его докладу). Единственным основанием отказа в постановлении было утверждение, что все (!) доводы жалобы якобы уже были рассмотрены Верховным Судом в кассационном заседании и признаны несостоятельными. Упущено из виду, что в жалобе были доводы о нарушениях закона самой кассационной коллегией — уж эти доводы предвосхитить и рассмотреть кассационная коллегия никак не могла!

С таким же «вниманием» к доводам защиты рассмотрена в Верховном суде жалоба на решение суда об аресте московского предпринимателя Ващенко. Ващенко был арестован Тверским судом Москвы по ходатайству следователя, в котором утверждалось, что он скрывался от следствия и угрожал свидетелям. «Скрывался» Ващенко довольно странным способом. Местный отдел внутренних дел, которому был поручен розыск Ващенко, просил следователя розыск прекратить, поскольку Ващенко проживал по месту своей постоянной регистрации. Следователь постановления о прекращении розыска не вынес, а вместо этого направил Ващенко повестку (по почте). Получив повестку, Ващенко явился к следователю, который затем привез его в суд. Из суда Ващенко на свободу уже не вышел. «Угрозы» свидетелям выглядели не менее странно — Ващенко передал шести свидетелям письма с просьбой давать правдивые показания, иначе, мол, он обратится к прокурору с требованием привлечь этих людей к ответственности за дачу ложных показаний. Очевидно, что скрываться от следствия, являясь к следователю по почтовому вызо-

ву — нельзя. Очевидно также, что «угроза» обращением к прокурору, если свидетель будет лгать в суде, — это не та угроза, которая должна повлечь арест. (Кстати, если следовать этой практике, то все показания всех свидетелей во всех судах надо признавать данными под угрозой — ведь всех свидетелей следователи, прокуроры и судьи перед допросом предупреждают об уголовной ответственности за дачу ложных показаний). Более того, сданную в этот же суд жалобу на действия следователя по делу Ващенко мне из суда вернули по тем основаниям, что все вопросы досудебного производства Тверскому суду не подсудны — они должны рассматриваться тем судом, на чьей территории совершены вмененные Ващенко деяния. Не спорю, но почему тогда Тверской суд рассмотрел ходатайство следователя об аресте Ващенко, а затем и о продлении срока этого ареста? У них теперь что: два УПК — один для следователей, а другой для обвиняемых и защитников? Однако эти соображения судьей Верховного Суда не заинтересовали. В жалобе отказано потому, что «доводы, аналогичные изложенным в жалобах, проверялись при рассмотрении дела в различных судебных инстанциях». Я даже не говорю о том, что «различные судебные инстанции» на самом деле эти доводы в своих постановлениях тоже не упоминали — этим они нарушили права моего подзащитного, но на это и есть Верховный Суд, который должен разобраться и воздать всем. Ан нет — Верховный Суд мне отвечает в том смысле, что раз так было решено, то так оно и будет. Но зачем тогда вообще Верховный Суд!? Неужели только для того, чтоб отвечать отказом на том основании, что «Ваши доводы, дескать, уже проверены нижестоящими судами»? Но я же, как раз на неверные решения этих нижестоящих и жалуюсь!

Суды нижестоящего звена судебной системы — Верховные суды республик в составе РФ, краевые, областные суды рассматривают жалобы точно так же, как и Верховный Суд РФ. «Его пример — другим наука!» Адвокаты были вынуждены обратиться даже в Конституционный Суд Российской Федерации, который признал, что суды обязаны приводить мотивы, по которым доводы жалоб признаются ими несостоятельными или несущественными (определения от 8 июля 2004 года № 237-О и от 25 января 2005 года № 42-О). Увы! Приведенные выше примеры относятся ко времени после вынесения упомянутых определений Конституционного Суда. Более того. Определение Конституционного Суда от 8 июля 2004 года № 237-О было вынесено по жалобе осужденного Воскресова. К очередной жалобе по этому делу я приложил копию упомянутого определения (в жалобе шла речь о том, что гражда-

не видели, как во время процесса руководитель следственной группы встречался со старшиной присяжных; кассационная коллегия направила заявление этого гражданина в Ростовский областной суд, суд — прокурору области, прокурор области поручил проверку работнику, подчиненному по службе этому руководителю следственной группы). Но, по видимому, прочесть жалобу и ответить на ее доводы оказалось неважно. Ответ я получил такой же «подробный», как и ранее: «Доводы жалобы проверялись Верховным Судом при кассационном рассмотрении дела». И тот же вопрос — зачем нужен президиум Верховного Суда, если он не перепроверяет законность решений, принятых кассационной коллегией?

Я написал, что рекорд «безответности» был поставлен Верховным Судом при рассмотрении надзорных жалоб по делу Воскресова. Увы, я ошибся. Нет предела совершенству! Наиболее ярким проявлением снобистско-наплевательского отношения к правам граждан, правам адвокатов, толкованиям Конституционного Суда, к закону, наконец, является рассмотрение в Верховном Суде Российской Федерации жалоб по делу Хасанова. Многое здесь определяется тем, что дело Хасанова возникло на пике борьбы с терроризмом. Уже само обвинение в терроризме сегодня ставит обвиняемого в положение изгоя, не имеющего и не заслуживающего никаких гарантий правосудия*. В 2003 году Генеральный прокурор Российской Федерации направил в Верховный Суд заявление о признании террористическими и запрете сразу пятнадцати общественных организаций мусульманского толка. Верховный Суд, вместо того, чтоб это заявление вернуть и предложить сделать пятнадцать отдельных заявлений, это одно оптовое заявление рассмотрел и удовлетворил, причем сделал это в закрытом заседании и не вызывая представителей ответной стороны. Не заботясь о приличиях, наше государство пошло дальше — через некоторое время участников запрещенных организаций стали привлекать к уголовной ответственности, нимало не смущаясь тем, что о самом признании их организаций

* Характерную фразу услышал я из уст прокурора в кассационном заседании по одному из дел о террористических актах. Речь шла о том, что в этом деле оказалась подшитой копия вступившего в законную силу приговора по другому делу, по которому другие люди уже осуждены за преступление, вмененное моему подзащитному. Причем любая форма соучастия исключалась — либо те виноваты, либо эти, третьего не дано. Как говаривали еще древние римляне: *tertium non datur*. Но что нам древний Рим и все Европы! Этот закон формальной логики у нас, как оказалось, не действует. Осудили и тех, и этих. Так вот, в ответ на мои слова о том, что права осужденного судом были нарушены, а государство не вправе нарушать права обвиняемого: нельзя, дескать, бороться с незаконными методами — прокурор заметила: «Тут адвокат говорил о правах человека. Но какие у осужденного могут быть права? Ведь он — террорист!»

террористическими и их запрете эти люди узнавали, когда их вызывали в прокуратуру — от работников прокуратуры.

Ко мне обратились с просьбой представлять интересы одного из таких осужденных. Исполняя это поручение, я направил в Президиум Верховного Суда Российской Федерации надзорную жалобу, которую привожу здесь полностью.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации
адвоката Костанова Ю.А. **представителя заявителя —**

Хасанова Азата Дамировича,

зарегистрированного по адресу:

г. Казань, ул. Челюскина, д. 29, кв. 50,

в настоящее время отбывает наказание в ФГУ ИК-10, в г.

Менделеевске в Республике Татарстан.

по гражданскому делу № ГКПИ 03-116

по заявлению Генерального прокурора РФ

о признании террористическими Партии исламского освобождения («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»)

и ряда других организаций

и запрещении их деятельности на

территории Российской Федерации

Другие лица, участвующие в деле:

Генеральный прокурор РФ

101999, Москва, ул. Б. Дмитровка, 15а

Министерство юстиции РФ

109028, Москва, ул. Воронцово поле, 4а

Федеральная служба безопасности РФ

101000, Москва, ул. Б. Лубянка, 1/3

НАДЗОРНАЯ ЖАЛОБА

Решением Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 года, вынесенным в закрытом судебном заседании, одновременно были признаны террористическими 15 организаций, в том числе и организация Партия исламского освобождения («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»), членом которой являлся Хасанов А.Д.

Хасанов А. Д., состоявший в Партии исламского освобождения («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»), в силу ч. 1 ст. 376 ГПК РФ имеет право на принесение надзорной жалобы на указанное решение, поскольку это решение нарушает его права и закон-

ные интересы. Во-первых, это решение затрагивает предусмотренную частью первой статьи 30 Конституции Российской Федерации право Хасанова А.Д. на объединение, во-вторых, на основании признания террористической организацией Партии исламского возрождения («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами») за участие в деятельности этой организации приговором Авиастроительного районного суда г. Казани от 9 июня 2005 года Хасанов А.Д. осужден по ч.1 ст. 205-1 и ч.2 ст. 282-2 УК РФ.

Пропущенный срок на надзорное обжалование решения Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 года восстановлен по заявлению Хасанова А. Д. определением Верховного Суда Российской Федерации от 22 августа 2005 года.

Решение Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 года полагаю незаконным и подлежащим отмене по следующим основаниям.

При вынесении решения от 14 февраля 2003 года Верховный Суд руководствовался ст. 194, 195 и 198 ГПК РФ — т.е. статьями, регулирующими вынесение решения в порядке искового производства, что соответствует позиции, высказанной Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 20 января 2003 года № 2 «О некоторых вопросах, возникших в связи с принятием и введением в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации», в котором указано, что с 1 февраля 2003 г. дела об оспаривании решений и действий (бездействия) общественных объединений должны рассматриваться по правилам искового производства, как дела по спорам о защите субъективного права.

При рассмотрении гражданских дел в порядке искового производства суд обязан руководствоваться, помимо прочих, также и статьями 10 (гласность судебного разбирательства), 12 (осуществление правосудия на основе состязательности и равноправия сторон), 34, 35, 38 и 40 об участии сторон в судопроизводстве. В любом случае при рассмотрении дела в закрытом судебном заседании должны присутствовать лица, участвующие в деле, их представители, дело в закрытом судебном заседании рассматривается и разрешается с соблюдением всех правил гражданского судопроизводства (ч. 5 и 6 ст. 10 ГПК РФ).

Указанное решение было вынесено в закрытом судебном заседании по заявлению Генерального прокурора Российской Федерации и при участии представителей Министерства юстиции РФ и Федеральной службы безопасности РФ. Однако, несмотря на прямые указания упомянутых норм закона, дело о прекра-

щении деятельности Партии исламского освобождения («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами») и других организаций в нарушение требований ст. 12, 34 и 38 ГПК РФ рассмотрено в отсутствие представителей ответчиков, что исключило возможность реализации ими своих процессуальных прав (которых они ни одним законом не лишены), и лишило их возможности защищать права общественной организации. Представители ответчиков в судебное заседание не вызывались и не были уведомлены о дне проведения судебного заседания. Никаких попыток к уведомлению их о слушании дела не предпринималось.

Статьей 10 ГПК РФ установлено, что разбирательство дел во всех судах производится открыто. Разбирательство в закрытых судебных заседаниях осуществляется по делам, содержащим сведения, составляющие государственную тайну, тайну усыновления, а также по другим делам, если это предусмотрено федеральным законом. Разбирательство в закрытых судебных заседаниях допускается также при удовлетворении ходатайства лица, участвующего в деле и ссылающегося на необходимость сохранения коммерческой или иной тайны охраняемой законом, неприкосновенность частной жизни граждан или иных обстоятельств, гласное обсуждение которых способно помешать правильному разбирательству дела либо повлечь за собой разглашение указанных тайн или нарушение прав и законных интересов гражданина. Предусмотренных законом оснований для рассмотрения дела о прекращении деятельности экстремистских организаций в закрытом судебном заседании в данном случае не усматривается. Никаких сведений, содержащих государственную или иную охраняемую законом тайну в судебном заседании не исследовалось и обжалуемое решение Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 года не содержит. Исследованные в судебном заседании имеющие гриф «секретно» справки о деятельности запрещенных обжалуемым решением организаций содержат сведения о деятельности этих организаций неоднократно опубликованные в прессе (в частности — в сети «Интернет») и потому, как ставшие общеизвестными, секретными признаны быть не могут.

Согласно ст. ст. 195 и 198 ГПК РФ решение суда должно быть законным, обоснованным и мотивированным. В решении Верховного Суда от 14 февраля 2003 года в отношении Партии исламского освобождения («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами») указано лишь то, что данная организация «имеет целью устранение не-исламских правительств и установление исламского правления

во всемирном масштабе путём воссоздания «Всемирного исламского Халифата», первоначально в регионах с преимущественно с мусульманским населением, включая Россию и страны СНГ. Основные формы деятельности: воинствующая исламистская пропаганда, сочетаемая с нетерпимостью к другим религиям; активная вербовка сторонников, целенаправленная работа по внесению раскола в общество (прежде всего пропагандистская с мощным финансовым подкреплением). В ряде государств Ближнего Востока и СНГ (Узбекистан) запрещена законом».

В силу ч. 2 ст. 9 Федерального закона от 25 июля 2002 года 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» деятельность соответствующего общественного или религиозного объединения, не являющегося юридическим лицом, может быть запрещена по решению суда на основании заявления Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненного ему соответствующего прокурора без предварительного вынесения предупреждения лишь в случае осуществления общественным или религиозным объединением, либо иной организацией, либо их региональным или другим структурным подразделением экстремистской деятельности, повлекшей за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда личности, здоровью граждан, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности, собственности, законным экономическим интересам физических и (или) юридических лиц, обществу и государству или создающей реальную угрозу причинения такого вреда.

Никаких доказательств экстремистской деятельности данной организации в судебном заседании не представлено и не исследовалось. Как видно из текста решения, обстоятельства, упомянутые в ст. 9 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», в качестве оснований для прекращения деятельности «Партии исламского освобождения» Верховным Судом установлены не были. Упомянутые «справки» о деятельности организаций, которые признаны террористическими, — в том числе Партии исламского освобождения («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами») не содержат сведений о проведении этой организацией экстремистской деятельности на территории Российской Федерации (как, впрочем, и на территории других государств).

Между тем иных, помимо упомянутых в ст. 7 и 9 Федерального закона от 25 июля 2002 года 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» оснований прекращения деятельности организаций законодательством не предусмотрено. Во

всяком случае, пропагандистская деятельность, не сопровождающаяся призывами к насилию (а таких призывов Верховный Суд также не усмотрел), таким основанием служить не может.

В нарушение положений ст. 40 ГПК РФ дело в отношении разных ответчиков было необоснованно объединено в одно производство. Процессуальное соучастие в силу ст. 40 ГПК РФ допускается если:

- 1) предметом спора являются общие права и обязанности нескольких истцов или ответчиков;
- 2) права и обязанности нескольких истцов или ответчиков имеют одно основание;
- 3) предметом спора являются однородные права и обязанности.

Одинаковые права и обязанности — это не общие права и обязанности. Одинаковые основания прав — это не одно основание. «Оптовое» рассмотрение вопроса о прекращении деятельности разных организаций в рамках одного гражданского дела неминуемо приводит к ущемлению прав ответчиков.

Таким образом, решение Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 года является незаконным, как принятое с существенными нарушениями норм процессуального (ст. 10, 12, 34, 38, 40, 195 и 198 ГПК РФ) и материального (ст. 7 и 9 Федерального закона от 25 июля 2002 года 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности») права.

На основании изложенного

ПРОШУ

решение Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 года в части признания террористической организацией Партии исламского освобождения («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами») и запрещения ее деятельности — отменить.

Приложение:

1. Копия решения Верховного Суда РФ от 14.02. 2003 г. на 8 л.;
2. Копия определения Верховного Суда РФ от 22.08.2005 г. на 3 л.;
3. Копия приговора Авиастроительного районного суда г. Казани в отношении Хасанова А. Д. на 12 л.;
4. Квитанция об оплате госпошлины на 1 листе;
5. Доверенность — на 1 л.;
6. Копии надзорных жалоб для участников процесса — 2 экз. на 4 л. каждый;
5. Ордер — на 1 л.

Представитель Хасанова А.Д.
адвокат Костанов Ю.А.

Подозрительно скоро — 17 февраля — я получил ответ, который стоит того, чтоб быть опубликованным полностью.

**Верховный Суд
Российской Федерации**

Московская коллегия адвокатов
«Адвокатское партнерство»

103289, г. Москва,
ул. Ильинка, д.7/3
09.02.2006 г. № ПФ05-112

адвокату Костанову Ю.А.
(в интересах Хасанова А.Д.)

105005, г. Москва,
Плетешковский пер.,
д. 3 «А», оф. 31

Сообщаю, что в Верховном Суде Российской Федерации в порядке надзора рассмотрена Ваша жалоба, поданная в интересах Хасанова А. Д. на решение Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 года по делу по заявлению Генерального прокурора Российской Федерации в защиту интересов Российской Федерации о признании организаций террористическими и запрету по их деятельности на территории Российской Федерации.

Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 2006 г. в истребовании дела было отказано.

Оснований не согласиться с названным определением и вынесения в соответствии с ч. 6 ст. 381 ГПК РФ определения об истребовании дела не имеется.

Приложение:

материал на 35 л., подлинники доверенности и ордера адвоката на 2 л.

Заместитель председателя
Верховного Суда Российской Федерации А.И. Карпов.

Не мало подивившись такой скорости ответа — всего через десять дней в Верховном Суде было принято решение по моей жалобе — и находясь в большом недоумении по поводу определения судьи, который сумел 17 января рассмотреть мою жалобу, поданную 30 января — т. е. за две недели до того, как она в Верховный Суд поступила — я направил уважаемому заместителю Председателя Верховного Суда следующее письмо.

Заместителю председателя
Верховного Суда Российской Федерации
А.И. Карпову

Уважаемый Александр Иосифович!

Мной получен Ваш ответ на мою жалобу (Ваш № ПФ05-112 от 09.02.06), поданную в интересах Хасанова А.Д. В своем ответе Вы любезно сообщаете, что определением судьи Верховного Суда от 17 января 2006 года в истребовании дела отказано, а Вы не нашли оснований не согласиться с этим определением. К сожалению, упомянутое Вами определение мне выслано не было и я вообще не был информирован о том, что оно кем-либо выносилось. Соответственно мне не сообщено о том, по каким основаниям приведенные в жалобе доводы признаны несостоятельными либо не заслуживающими внимания. К еще большему моему сожалению, в Вашем ответе также эти доводы не приведены.

В связи с этим и из соображений, связанных с необходимостью избавить Верховный Суд Российской Федерации от моих необоснованных жалоб впредь, просил бы Вас разъяснить позицию Верховного Суда по следующим вопросам.

1. Считает ли Верховный Суд Российской Федерации, что толкование законов, изложенное в определениях Конституционного Суда Российской Федерации, является общеобязательным?

Если Верховный Суд Российской Федерации признает общеобязательность толкования законов, изложенного в определениях Конституционного Суда, то как объяснить отсутствие в ответах Верховного Суда мотивировки отказа по отдельным доводам надзорных жалоб (это касается не только жалобы по делу Хасанова)? Из определений Конституционного Суда Российской Федерации от 8 июля 2004 года № 237-О и от 25 января 2005 года № 42-О следует, что действующее законодательство не допускает «отказа судов кассационной и надзорной инстанции при вынесении определения (постановления) об оставлении обжалуемого решения без изменения от рассмотрения в полном объеме и оценки доводов жалобы, а также мотивировки своих решений путем указания на конкретные основания, по которым доводы отвергаются вышестоящим судом».

В соответствии со ст. 71 Федерального Конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» определения Конституционного Суда признаются его решениями наряду с его же постановлениями, а в соответствии со ст. 79 того же закона «Решение Конституционного Суда Российской Фе-

дерации окончательно, не подлежит обжалованию и вступает в силу немедленно после его провозглашения».

Позиция Верховного Суда по вопросу, затронутому в упомянутых решениях Конституционного Суда, имеет принципиальное значение и не ограничивается рамками одного дела.

2. Считает ли Верховный Суд Российской Федерации правомерным рассмотрение в одном судебном заседании представления прокурора о признании террористическими и запрещении деятельности одновременно нескольких общественных организаций без вызова в судебное заседание (или, хотя бы, попытки вызова) представителей этих организаций и без опубликования принятого решения?

3. Считает ли Верховный Суд Российской Федерации допустимым привлечение к уголовной ответственности за принадлежность к террористической организации, при том, что решение о признании этой организаций террористической принято в закрытом судебном заседании и не опубликовано, а в рассмотрении дела не участвовали представители (либо, хотя бы, те участники этой организации, которые впоследствии привлекаются к уголовной ответственности)?

Позиция Верховного Суда и по этим вопросам имеет принципиальное значение не только для рассмотрения дела Хасанова — лиц, обвиняемых в этих деяниях, не мало и, вряд ли можно с уверенностью сказать, что все они привлечены к уголовной ответственности обоснованно.

Никоим образом не сочувствуя террористам и терроризму, полагаю, однако, что ввиду строгости санкций, применяемых к лицам, признаваемым террористами, тщательное соблюдение процессуальных норм при рассмотрении дел этой категории особенно важно.

Ю. А. Костанов, адвокат.

Как читатель должно быть уже догадался, в установленный законом срок ответа я не получил. Это побудило меня направить уважаемому заместителю председателя Верховного Суда следующее письмо.

Заместителю председателя
Верховного Суда Российской Федерации
А.И. Карпову

Уважаемый Александр Иосифович!

Поскольку мной до настоящего времени, несмотря на истечение предусмотренного законом срока, не получен ответ на мое

предидущее к Вам обращение, я полагаю, что еще не поздно задать Вам еще один вопрос, возникший в связи с Вашим ответом на мою надзорную жалобу (**Ваш № ПФ05-112 от 09.02.2006**), поданную в интересах Хасанова А.Д.

Напомню — в своем ответе Вы любезно сообщили, что в удовлетворении моей жалобы отказано определением судьи Верховного Суда от 17 января 2006 года, а Вы не нашли оснований не согласиться с этим определением.

Мне бы хотелось узнать, каким образом неизвестный мне (копии определения мне так и не было выслано — видимо теперь знакомить заявителя с мотивами отказа считается излишним) судья Верховного Суда Российской Федерации сумел **17 января 2006 года** ответить на жалобу, сданную в Верховный Суд **30 января 2006 года**? Я убедился, что упреки в волоките, якобы имеющей место в Верховном Суде при рассмотрении надзорных жалоб, совершенно неосновательны. Ответить на жалобу за две недели до ее поступления — это высшее проявление профессионализма! Чрезвычайно интересно было бы узнать — предвидение, обнаруженное судьей Верховного Суда при рассмотрении моей надзорной жалобы по делу Хасанова — это проявление некоего природного дара или результат обучения? Если этому можно научиться, нельзя ли узнать адрес учебного заведения и условия приема? Допускаются ли к обучению все желающие или только судьи Верховного Суда Российской Федерации?

Извините за то, что я отрываю Вас от важных государственных дел, к которым, как я убедился, рассмотрение надзорных жалоб по делу Хасанова не относится. Но согласитесь — случай достаточно уникальный и заслуживает того.

Был бы благодарен за скорый (по возможности) ответ.

Ю.А. Костанов, адвокат.

Надеюсь, читатель не усомнится в моих умственных способностях — разумеется, я понял, что произошло: Хасанов, не поставив меня в известность, направил в Верховный Суд свою надзорную жалобу, которая и была оставлена без удовлетворения определением от 17 января. Догадка подтвердилась в самом скором времени.

Сперва я получил суровое письмо от и.о. Председателя судебного состава по гражданским делам Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда В. И. Нечаева, который мне сообщил, что «Верховный Суд дает разъяснения судам по вопро-

сам применения законодательства в форме Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации... Давать разъяснения гражданам и организациям вне установленных процессуальных форм Верховный Суд Российской Федерации в соответствии с действующим законодательством не вправе». Высокоуважаемого и. о. Председателя судебного состава не смутило то, что, не будучи, оказывается вправе это делать, он сам как раз и разъяснил мне компетенцию Пленума Верховного Суда. Не смутило его и то, что я не посягал на компетенцию Пленума — за разъяснениями по вопросу о признании Верховным Судом юрисдикции Конституционного Суда я обращался не к Пленуму, а к заместителю председателя Верховного Суда. Да и зачем вообще сообщать мне, что Пленум Верховного Суда дает разъяснения только судам и потому, дескать, мне никто так и не скажет, уважает ли Верховный Суд решения Конституционного Суда, который дает обязательное для всех* толкование законов или нет?

Это, как Вы понимаете, был ответ на первое мое письмо. Через некоторое время я получил ответ и на второе письмо (по поводу дара предвидения). Теперь уже за подписью А.И. Карпова, который и объяснил мне, что упомянутое определение вынесено по результатам рассмотрения жалобы Хасанова и, что отменять это определение нет никаких оснований. Одновременно мне было прислано и само это определение.

Напомню — в своем первом письме г-н А.И. Карпов сообщал, что рассмотрена и оставлена без удовлетворения определением от 17 января именно МОЯ жалоба. Надо ли объяснять, что доводы моей жалобы в этом определении рассмотрены не были?

Какие тут могут быть разговоры о конституционном праве на честь и достоинство! Очевидно, что для Верховного Суда — и господ А. И. Карпов и В. И. Нечаев великолепно это продемонстрировали — что адвокат Костанов, что осужденный Хасанов — все едино. Ни мы, ни доводы наших жалоб им вовсе не интересны. Мы для них — объекты их многотрудной деятельности, а не равноправные субъекты правоотношений.

Судебные ошибки были, есть и, по-видимому, будут. Приговор — дело рук человеческих, а людям, увы, свойственно ошибаться. Добиться того, чтобы судебных ошибок не было вовсе, — задача такая же несбыточная, как полное искоренение преступности. Совсем избавиться от них невозможно. Свести же к мини-

* В силу Федерального Конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». Каних либо исключений для Верховного Суда этот закон не предусматривает.

муму — можно и, конечно же, нужно. Для этого, собственно, и существует процессуальный закон. Беда только, что закон не всегда исполняется. Но если уж законодательные гарантии не сработали, если ошибка допущена, то на это существует кассация (а с появлением у нас мировых судей и апелляция), а также надзорный порядок пересмотра уголовных дел. Можно, однако, принять десятки очень хороших законов, а дело с места не сдвинется, права граждан будут нарушаться, если люди, призванные эти законы исполнять, не будут этого делать. Такие неисполняемые законы древние римляне называли «*jus nudum*» — голое право. В нынешнем УПК прямо не указана обязанность кассационного суда ответить на все доводы кассационной жалобы (Конституционный Суд России, тем не менее вынес решение о том, что такая обязанность все же существует). В ранее действовавшем УПК РСФСР была норма обязывавшая суд кассационной инстанции при оставлении без удовлетворения жалобы или протеста указывать основания, по которым доводы жалобы или протеста признаны неправильными или несущественными (ч. 2 ст. 351 УПК РСФСР). Но, норма была — а суды кассационной инстанции работали не многим лучше, чем сегодня, и распространенное в среде адвокатской (а также и в прокурорской — могу судить об этом как бывший прокурор) наименование кассационной инстанции как «штамповочной»* родилось не сейчас. Так что не только неудачными законодательными формулировками объясняется бездействие кассационных коллегий. По нынешнему УПК суды кассационной инстанции обязаны оглашать определение полностью — а оглашают как и раньше (даже и Верховный Суд России) только резолютивную часть. Почему? Ответ прост: ввиду ужасающей загруженности. Если на одно кассационное заседание одного только кассационного состава в Московском городском, например, суде приходится в среднем около 50 (пятидесяти!) уголовных дел, очевидно, что эти трое судей не в состоянии просто огласить (даже если сами тексты были написаны в нарушение всех законов заранее) определения по всей этой полусотне дел. Безусловно, они не могут внимательно выслушать сотню судебных ораторов — как минимум, по одному с каждой стороны. А ведь кроме прокуроров и защитников есть еще и потерпевшие, и гражданские истцы, и гражданские ответчики, которые нередко используют

* В семидесятых годах теперь уже прошлого века ко мне в здании Ростовского областного суда обратилась старушка с вопросом: «Сынок, где здесь затвердительная коллегия заседает?» Вот уж поистине: глас народа — глас Божий.

свое право на участие в кассационном рассмотрении дела и тоже выступают в кассационных заседаниях. Судьи не в состоянии уловить высказанные доводы, вникнуть в них и осмыслить должным образом.

Однако ссылки на перегрузку не всегда продуктивны. Нельзя забывать и о том, что, не отвечая на доводы жалобы, т. е. не разрешая жалобу по существу, суд кассационной инстанции тем самым порождает новые жалобы — теперь уже надзорные. А это вызывает дополнительную нагрузку не только адвокатов, но и судов.

Судебные ошибки, не исправленные в кассации, должны быть исправлены в надзорном порядке. Невооруженным глазом видно, однако, что права граждан на самом деле защищены оказались не лучше, чем в период действия старого УПК, а в чем-то даже и хуже. Возможно и лучше, что предварительное рассмотрение надзорных жалоб должно быть возложено на судей соответствующих судов. Раньше жалобу фактически предварительное рассматривал консультант суда, а председатели соответствующих судов только подписывали (причем первичный ответ на жалобу, поданную на имя председателя областного или к нему приравненного суда, подписывал, как правило, заместитель председателя суда — лицо, не имевшее права приносить надзорные протесты и, следовательно, не имевшее права принимать решение об отказе в принесении протеста). Однако и сегодня, по видимому, происходит то же самое — трудно поверить, что судьи (тем более — председатели судов и их заместители) сами стали изучать дела.

К очевидным ухудшениям порядка надзорного обжалования приговоров и определений судов по уголовным делам следует отнести упразднение личного приема надзорных жалоб судьями и руководителями соответствующего суда. Это лишило жалобщиков возможности изложить свои доводы более подробно судье, на которого возложено предварительное рассмотрение жалоб — при том, что не всякий жалобщик в состоянии грамотно составить надзорную жалобу и далеко не каждый в состоянии воспользоваться услугами адвоката (тем более, что возможность участия адвоката в надзорной инстанции по назначению либо бесплатно более чем сомнительна). Задача для первокурсника — если бы я мог изложить свои доводы по делу Хасанова на личном приеме, стал бы я писать свои письма заместителю председателя Верховного Суда?

Советы молодым

275

(Сумбурные заметки о доказывании и доказательствах)

Дабы защититься от возможных упреков должен сразу оговориться — это ни в коем случае не учебное пособие и вообще не систематическое изложение теории и практики доказывания*. Это именно то, что написано в подзаголовке — сумбурные заметки. Заметки сугубо практического свойства. Более или менее опытные прокуроры и адвокаты ничего нового для себя, скорее всего, здесь не найдут. Буду рад, если эти заметки окажутся полезны для начинающих.

Начинающие обвинители и защитники иногда весь свой пыл употребляют на то, чтобы убедить противника в своей правоте. Разумеется, это не верно. Доказывать надо не противной стороне, а суду. (Отсюда, кстати, следует и нелепость заявлений некоторых обвиняемых: «А Вы мне докажите!»)

Известно, что доказывать надо обвинение, а невиновность доказывать не обязательно (хотя, как правило, и полезно). Между тем чуть ли не 90% обвинительных заключений и обвинительных речей основаны на простом рассуждении о том, что обвиняемый (подсудимый) не смог доказать своей невиновности, не сумел доказать своего алиби... и т.д., и т.п. А сколько из этого и судебных ошибок проистекает!

Ошибка противной стороны — еще не доказательство ее неправоты. Доказать слабость позиции противника — еще не значит доказать правильность своей позиции. Если прокурор утверждает (может быть и обоснованно), что защита не права, этого еще, как правило, недостаточно, чтобы утверждать, что прав обвинитель. Но обратное неверно. Если защитой доказано, что обвинитель не прав, то этого теоретически достаточно, чтоб требовать оправдания. Практически же наш суд на 99% еще суд советский, в котором презумпция невиновности долгие годы считалась «факультетом ненужных вещей», и потому невиновность подсудимого доказывать все-таки приходится.

* Интересующихся должен переадресовать к блестящим (как, впрочем, все, что вышло из-под их пера) работам Ю.В. Корневского и Г.П. Падвы (Участие защитника в доказывании по новому уголовно-процессуальному законодательству. М., изд-во «Юристъ», 2004), Е.Ю. Львовой, Т.Л. Живулиной, Г.М. Резника, С.В. Травина и С. Теймана (Защита по уголовному делу. М., изд-во «Юристъ», 1998), — не говоря уже о бесмертном «Искусстве речи на суде» П. Сергеева.

Речь должна быть понятна аудитории. Говорите проще, говорите яснее — вас легче поймут и с вами быстрее согласятся. Сегодня произошла некоторая девальвация красноречия. Всеобщая спешка привела к тому, что мы перестали воспринимать красоты стиля. Мы привыкли к косноязычию политиков, косноязычию журналистов, косноязычию чиновников. Мы (увы!) привыкли к косноязычию нашей жизни. Поэтому гладкая, красивая речь воспринимается, как правило, хуже. Такому оратору сегодня, как правило, не доверяют, он — чужой. Отсюда и, самое может быть важное, правило — говорите проще. Не беда, если речь чуточку шероховата — гладкая речь усыпляет.

К тому же, сегодня, когда подавляющее большинство уголовных дел рассматривается судьей единолично (а из оставшейся толики — добрая половина коллегией из трех профессиональных судей) и на присяжных остается уж совсем чуть-чуть, а в гражданском судопроизводстве вообще не участвуют заседатели, — главное в речи — это профессиональный анализ доказательств и правового материала.

И, тем не менее, чтобы убедить, мало, чтоб тебя поняли, надо еще, чтоб тебе сочувствовали. Судебная речь — не математическое исследование, здесь речь не о числах, а о людях. В судебной речи необходим анализ мотивов людских поступков, психологической основы поведения, бытовой обстановки (бытового фона) часто задающего программу поведения человека. Именно этим и сильны речи русских юристов позапрошлого (и, отчасти, прошлого) века — А.Ф. Кони и всей плеяды его современников. Особенно Кони. В его речах психология поведения становится сама доказательством.

Доказывание — не перечисление доказательств. Необходимо обосновать доброкачественность доказательства (процессуальная допустимость, достоверность — внутренняя непротиворечивость, непротиворечивость внешняя (согласованность с другими доказательствами), соответствие месту и времени и т. п.). Необходимо показать взаимосвязь доказательств («цепочку»).

Думайте над структурой (от частного к общему и наоборот: возведение здания по кирпичикам и «каркасное строительство» — возведение каркаса, с последующим заполнением его деталями).

Совет, казалось бы, не о доказывании — об обращениях в Конституционный Суд Российской Федерации. Хотя, впрочем, как сказать. Если задача доказывания — убедить слушателя, то

приведение в поддержку своей позиции мнения Конституционного Суда — это тоже средство доказывания.

Первое и главное, о чем следует сказать, это повод для обращения в Конституционный Суд. Вообще-то, каждый адвокат должен это знать и без моих советов. Однако пришлось мне встречать юристов — и адвокатов в том числе — которые просто душно считают, что в Конституционный Суд следует обжаловать нарушение конституционных прав, не исправленное Верховным Судом. Они рассматривают Конституционный Суд как своего рода судебную инстанцию, находящуюся «над» Верховным Судом Российской Федерации. Это не так. Жаловаться в Конституционный Суд на решения Верховного Суда бессмысленно по той простой причине, что Конституционный Суд не пересматривает никаких судебных решений. Это не входит в его компетенцию. Он не наделен такими правами.

В соответствии со статьей 96 Федерального Конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» правом на обращение в Конституционный Суд Российской Федерации с индивидуальной или коллективной жалобой на нарушение конституционных прав и свобод обладают граждане, чьи права и свободы нарушаются законом, примененным или подлежащим применению в конкретном деле, и объединения граждан, а также иные органы и лица, указанные в федеральном законе. Т.е. Конституционный Суд рассматривает жалобы не на Верховный Суд (или любой другой суд), применивший закон, из-за чего оказались ущемленными конституционные права. Конституционный Суд рассматривает жалобы на закон, применение которого привело к нарушению конституционных прав.

Обращаясь в Конституционный Суд надо иметь в виду, что Конституционный Суд может, во-первых, признать закон не соответствующим Конституции (тогда дело, решенное на основании неконституционного закона, подлежит пересмотру)*.

Конституционный Суд может, во-вторых, признать закон соответствующим Конституции, но изложить при этом свое толкование этого закона, которое является обязательным. Так, признав соответствующей Конституции статью 15 УПК РФ, Консти-

* Так, постановлением от 25 октября 2001 г. № 14-П признан не соответствующим Конституции пункт 15 части второй статьи 16 федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», что позволило добиться надзорного пересмотра основанного на этом пункте решения Верховного Суда РФ по вопросу о предоставлении адвокатам свиданий со своими подзащитными в СИЗО (см. с. 305–307 настоящего сборника).

туционный Суд вместе с тем указал, что положения статьи 15 УПК РФ «не освобождают должностных лиц государственных органов — участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения от выполнения при расследовании преступлений и судебном разбирательстве уголовных дел конституционной обязанности по защите прав и свобод человека и гражданина, в том числе от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, иного ограничения прав и свобод»*.

Наконец, Конституционный Суд может отказать в принятии жалобы к рассмотрению, указав, что поставленный в жалобе вопрос уже решен Конституционным Судом по ранее рассмотренному делу. При этом нередко излагается мнение Конституционного суда по затронутому в жалобе вопросу — это так называемые позитивные определения**.

Во всех этих случаях решения Конституционного Суда могут помочь добиться пересмотра незаконных судебных актов.

Отдельные виды доказательств

Меньше всего это рассказ о том, как надо производить процессуальные действия. Эти строки — для тех, кто выступает в суде и должен оценивать уже произведенные следственные действия. Но и следователю это может быть полезно — следователь должен представлять себе достаточно ясно как собранные им доказательства будут выглядеть в судебном заседании

Многие юристы (чаще всего, естественно, этим грешат представители т. н. «обвинительной власти»: оперработники, следователи, прокуроры), а нередко и не юристы, совершенно искренне не могут понять, как можно сомневаться в доброкачественности доказательств, представленных следователем, как можно усомниться в правдивости работников милиции, в достоверности данных, полученных оперативным путем. Приходится иногда слышать рассуждения о том, например, что показания одного работника милиции нужно приравнять к показаниям двух «прочих» свидетелей, что вообще дело суда — только определить наказание (как часто наша самая демократическая пресса вещает:

«...теперь меру наказания ему определит суд...» — как будто ничего иного суду уже и не надо делать). Я и сам, на заре своей юридической юности — будучи молодым следователем, горячо спорил с каждым, кто говорил о нарушениях законности на следствии. Рассуждения мои были просты: «Если я сам не нарушаю законов, то какое право я имею подозревать в этом своих коллег?». Однако же там, где речь идет о судьбе человека, не должно быть места никакому априорному доверию, и, вообще, здесь нет места вере, обвинительный вывод может основываться только на достоверном знании, а достоверное знание — только на верифицируемых (т.е. доступных проверке) доказательствах (почему, в частности, и нельзя доверять собачке, которая облаяла заподозренного; ведь, если специально обученный пес найдет в чем-то багаже наркотики, доказательством будет служить не лай и виляние хвостом этого пса у чемодана, но факт обнаружения пакета с героином). Увы, но и сегодня все еще приходится возражать сторонникам использования доказательств, полученных с нарушением закона.

Вообще небрежение процедурными правилами стало уже нашей национальной чертой. Этим грешит и законодатель, и суды (включая даже и Верховный Суд РФ!). А уж о следователях и (пепел на мою седую голову — лучшие годы жизни отданы этому ведомству!) о прокурорах и говорить нечего.

Особого внимания заслуживают «признательные» показания обвиняемого (хотя кому и за что признателен этот человек? Но так, и уже давно причем, повелось называть показания человека, признающего себя виновным.). Профессиональная слабость следователей и оперработников, помноженная на горячее стремление раскрыть преступление во что бы то ни стало (иногда идущее от требований начальства и желания заслужить похвалу, иногда — от желания избавить свой район, город, поселок от очередного маньяка) приводят к распространению незаконных методов следствия, прежде всего — к «выколачиванию» показаний. В оправдание свое говорят: «Не виновен — не признается». Между тем, избиваемый может признаться во всем — вплоть до связи с потусторонними силами. «Признавались», к примеру, и невиновно расстрелянные жертвы «белорусского дела»* — призн-

* Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 г. № 13-П по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы.

** См. например определение Конституционного Суда РФ от 5 июня 2003 года № 277-О по жалобе Егорова А.Д. на нарушение его конституционных прав абзацем вторым части первой статьи 9 федерального закона «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации».

* В конце 70-х годов прошлого уже века в Белоруссии сексуальный маньяк Михасевич изнасиловал и убил несколько десятков женщин. За одно из его преступлений были привлечены к уголовной ответственности, осуждены и расстреляны два невиновных человека, которые на следствии и в суде признавали себя виновными. Впоследствии их реабилитировали, но это их не воскресило.

навались в судебном заседании областного суда. Да, в суде их никто и пальцем не тронул, но процесс длился не один день и в конце каждого дня они возвращались в следственный изолятор. Что же, какой ужас, какие издевательства сокамерников (инспирированные следователем и оперработниками) их ожидали в камере, если они перед реальной угрозой расстрела в суде продолжали себя оговаривать?!

В силу части второй статьи 50 Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона. В УПК РФ это положение сформулировано несколько иначе. Статья 75 УПК РФ называет недопустимыми доказательства, полученные с нарушением уже не всякого федерального закона, а только самого УПК. Между тем, доказательства могут появиться в деле в результате нарушения не УПК, а, например, Федерального закона «Об оперативно розыскной деятельности».

Так, по делу Петрова и Голомидова (см. с. 165 настоящего сборника) к делу была приобщена магнитофонная кассета с записью телефонных переговоров Петрова с расшифровкой. Вся история с этими записями телефонных переговоров Петрова свидетельствует о грубейшем нарушении законности в деятельности занимавшихся этим спецслужб. Как отмечено в защитительной речи по этому делу (а суды — и Верховный Суд Республики Марий Эл, рассмотревший дело по первой инстанции, и Верховный Суд Российской Федерации, рассмотревший дело в кассационном порядке, согласились с защитой — Петров и Голомидов оправданы и приговор этот оставлен без изменения) прослушивание телефонных разговоров Петрова производилось с грубыми нарушениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Привожу раздел защитительной речи, посвященный анализу этого «доказательства».

«... определенную информацию из них (т.е. из телефонных переговоров) извлечь можно. Только информация эта не в пользу обвинения, а наоборот. Ведь если эти разговоры что-то доказывают, то уголовное дело должно было быть возбуждено еще в 1999 году. Это оперативно-розыскное действие производилось тогда, в 99-м, в результате него были получены сведения о якобы совершенном преступлении — вот и возбуждали бы дело. Есть, как известно, в УПК статья 108, в которой написано, что возбуждать уголовное дело органы дознания должны из непо-

средственного обнаружения признаков преступления. Если Вы считаете это доказательством, которое непосредственно указывает на получение взятки, извольте дело возбудить! Но нет, дело возбуждается вообще вне всякой связи с этими телефонными разговорами. То есть сами органы дознания не признавали на тот момент доказательственного значения за этими телефонными переговорами. А вот когда появилась анонимка, когда все вплотную приблизилось к какой-то опасной дате для органов следствия, а еще вернее — для органов исполнительной власти, тогда вдруг и телефонные разговоры стали доказательством. А до тех пор те, кто слушал, и не думали, что это доказательство.

Любое доказательство может быть положено в основу обвинения только если оно получено законным путем. Если доказательство получено с нарушением федерального закона, то оно в силу Конституции Российской Федерации, в силу требований уголовно-процессуального законодательства не может быть положено в основу обвинения. Оперативно-розыскные действия должны совершаться в соответствии с законом «Об оперативно-розыскной деятельности». В статье 7 закона «Об оперативно-розыскной деятельности» указаны основания, при наличии которых только и можно проводить оперативно-розыскные действия, к числу которых относится и прослушивание телефонных переговоров.

Первое основание — возбужденное уголовное дело. Но настоящее дело было возбуждено почти через год после прослушивания.

Второе основание — ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения —
 ■ сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления. Но на момент прослушивания — летом 99-го года не было еще никаких преступлений и никаких сведений, никаких признаков, ничто не готовилось, даже тех деяний, которые потом стали считать преступными. Нет и здесь основания для прослушивания.

■ сведения о событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экологической или экономической безопасности Российской Федерации. — Но насколько я понимаю, Петров не готовился посягать на безопасность России или отдельных ее частей.

■ сведения о лицах, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда и уклоняющихся от уголовного наказания. — Ничего и этого здесь нет.

- сведения о лицах, без вести пропавших, и об обнаружении неопознанных трупов. — И этого нет.
- поручение следователей, органов дознания, указания прокурора по уголовным делам, находящимся в их производстве. — И намек на это нет.
- запросы других органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. — Тоже не было никаких запросов по поводу Петрова.
- постановление о применении мер безопасности в отношении защищаемых лиц. — Не относится Петров к защищаемым лицам, и никто не подозревал его в том, что он собирается напасть на защищаемых лиц.
- запросы международных органов. — В черном сне ничего Интерпол о Петрове не знал, не знает, и не запрашивал.

Оперативно-розыскные действия могут проводиться также при собирании сведений для принятия решений о допуске к государственной тайне, о допуске к работам, связанным с эксплуатацией объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья, и, наконец, о допуске к участию в оперативно-розыскной деятельности. Но если и надо было решать вопрос о допуске Петрова к государственным тайнам, то при назначении на должность, а не теперь — после почти десяти лет работы в этой должности. Никто Петрова не собирался приглашать для работы на атомной электростанции, никто его не приглашал работать в РУБОП или УБЭП.

Итак, ни одного из обстоятельств, которое в силу статьи 7 закона «Об оперативно-розыскной деятельности» могло бы служить основанием для проведения оперативно-розыскных мероприятий, нет. А из этого следует, что ни один телефонный разговор из тех, на которые здесь ссылались, не может быть использован в качестве доказательства обвинения. Запрещает Конституция, запрещает закон. Если кто-то имеет горячее желание кого-либо обвинить в чем-нибудь, то он сам обязан соблюдать закон. Нарушения закона со стороны граждан гораздо менее опасны, чем нарушения закона со стороны государства. Это непреложная истина. К сожалению, россияне имели возможность в этом убедиться на практике. Эта атмосфера всеобщего простуживания, прослушивания, подслушивания, атмосфера чуть ли не 20-х годов! Должно же это когда-нибудь закончиться! Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» направлен именно на пресечение, уничтожение пережитков тех трагических лет. Увидев преступление, надо искать преступника, а не на-

оборот — был бы человек, а статья найдется. Давайте его прослушивать, авось что-нибудь и услышим, и посадим. Миллионы засадили, миллионы погибли — надо же когда-нибудь и остановиться».

Итак, доказательство получено с нарушением не УПК, а Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Значит ли это, что, основываясь на положениях статьи 75 УПК РФ его можно признать допустимым? Да нет, конечно. Конституция — закон высшей юридической силы и нельзя с помощью УПК ограничивать ее действие. Поскольку Конституция гласит о недопустимости доказательства, полученного с нарушением любого федерального закона, а не только УПК, а Конституция, как известно, закон прямого действия, из этого следует невозможность основывать обвинение на доказательствах, полученных с нарушением Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Кроме того, и УПК, признавая недопустимыми доказательства, полученные с нарушением норм УПК, не запрещает признавать недопустимыми доказательства, полученные с нарушением других федеральных законов.

Приведенный пример характерен еще и тем, что обычно оценку законности проведения оперативно-розыскных действий ограничивают выяснением вопроса — было ли в необходимых случаях судебное разрешение на их проведение или нет. Между тем надо проверять еще и другое — а были ли у суда законные основания давать такое разрешение.

Протоколы

Протоколы — основа уголовного дела. Уголовное дело — это более или менее толстая пачка (а то и не одна, и даже не один десяток пачек) листов бумаги, исписанных, прошитых и пронумерованных. На этих листах зафиксированы судьбы — судьбы обвиняемых и потерпевших, гражданских истцов и гражданских ответчиков. Непомерная жадность, стремление к наживе, злоба и похоть одних, боль и страдания других — истерзанных и обворованных. И вся людская грязь, людское простодушие и доверчивость, вся эта кровь, все эти слезы, — на листах бумаги, в сухих формулировках постановлений, заключений и протоколов, протоколов, протоколов...

Протоколы — это основа, становой хребет уголовного дела. Суд первой инстанции хотя и воспринимает доказательства «вживую» — слушает показания, оглашает (а значит, тоже слушает) документы, осматривает вещественные доказательства,

но о многом судит и по протоколам, составленным следователем. Суды вышестоящих инстанций, как правило, составляют свое мнение о деле только по бумагам*. От того, насколько полно и точно составлен протокол процессуального действия, зависит очень многое, если не все.

Протокол любого процессуального действия надо оценить с точки зрения соответствия закону и полноты, сравнить с другими материалами дела. Законодатель постарался максимально упростить задачу правоприменителей, включив в Кодекс бланки процессуальных документов. Следователю остается только вставить нужные слова в соответствующие графы и строки и — «шаг вправо, шаг влево считается побег». Проблема в том, однако, что, во-первых, сами эти бланки не всегда соответствуют требованиям соответствующих статей УПК, и, во-вторых, следователи и дознаватели не всегда понимают (или не всегда хотят понимать) какие именно слова и в какое место нужно вставить.

Думается, что если в бланке нет какой-то необходимой графы, то дополнить протокол сообразно с текстом закона не возбраняется. В то же время нельзя, чтоб следователь не произвел в протоколе записи, предусмотренной соответствующим бланком, тогда протокол становится недопустимым доказательством.

Когда я работал следователем, довелось мне расследовать дело об убийстве. Смерть наступила от удара в висок тяжелой фарфоровой статуэткой. Признавшаяся в этом жена погибшего утверждала, что убивать мужа не хотела, бросив в него, лежавшего в тот момент на кровати, статуэтку, нечаянно попала в голову. Труп лежал головой к окну, у которого стояла кровать, дело происходило на пятом этаже, напротив, метрах в десяти за окном находилась глухая стена (брандмауэр) соседнего здания. По форме раны было видно, что удар был нанесен со стороны окна. Снаружи бросить статуэтку таким образом не могли, оставалось предположить, что разгневанная жена подошла и умышленно ударила мужа по голове. Именно на этом варианте настаивал прокурор, арестовавший ее, несмотря на мои возражения. Для подтверждения (или опровержения) версии подозреваемой я произвел следственный эксперимент. Пригласил

не только понятых, но и — для придания научного антуража происходящему — судебных экспертов — медика и баллиста — обложил комнату матрасами и подушками (боялся разбить статуэтку, как единственное вещественное доказательство), положил на кровати туго скрученный матрас (ему было доверено исполнять роль убиенного пьяницы мужа) и подозреваемая раз пятнадцать бросала злосчастную статуэтку в сторону кровати. Четырнадцать раз из пятнадцати (в силу принципа презумпции невиновности хватило бы и одного, но четырнадцать выглядело гораздо убедительнее) статуэтка, кувыркаясь в воздухе, падала именно так, как говорила подозреваемая. Версия ее оказалась не опровергнута и осуждена она было за неосторожное убийство. В протоколе следственного эксперимента необходимо было отразить подробно как статуэтка кувыркалась в воздухе, какой стороной, как и в какое место нашего «манекена» попала. То есть описать ход проведения эксперимента. Дело происходило в далекие уже годы, никакими типовыми формами (бланками) я связан не был и не сомневался в своей правоте, записав в протоколе все, что считал нужным. УПК РФ (ч. 4 ст. 166) требует в протоколе описывать процессуальные действия в том порядке, в каком они производились. Бланк же протокола следственного эксперимента (Приложение 107 к ст. 476 УПК РФ) предусматривает лишь запись того, что «следственным экспериментом установлено» (т. е. результата), и не предусматривает записи хода эксперимента (т. е. описания процессуальных действий, в том порядке, в котором они производились, как того требует статья 166 УПК). Очевидно, однако, что такая запись была совершенно необходима. Без этого протокол становился бы бессмысленным. Ведь все протоколы и существуют для обеспечения верификации — т. е. возможности проверить. Строго следуя «приложению № 107» я должен был бы записать в протоколе «Экспериментом подтверждено, что статуэтка могла попасть в височную часть головы потерпевшего именно таким образом, который описала обвиняемая в своих показаниях», — и все. Как и сколько раз статуэтку бросала обвиняемая, как она летела, в какую часть матраса, исполнявшего обязанности муляжа трупа, под каким углом попадала и т. п. — разве это не важно, разве это не должно интересовать прокурора и суд? Да и вообще возможно ли проверить достоверность результатов следственного эксперимента без описания в протоколе всех действий его участников?!

* Исключение составляет апелляция — по делам мировых судей, да еще очень редкие случаи исследования доказательств судами кассационной и надзорной инстанций.

Иногда бывает важно перепроверить правильность записей в протоколе путем допроса в суде всех лиц, участвовавших в производстве того или иного процессуального действия. По одному из дел, в рассмотрении которого мне довелось участвовать, едва ли не самым важным доказательством обвинения был протокол изъятия из автомобиля задержанного портфеля, в котором оказался пакет с кокаином. Сомнения начались с того, что в протоколе не были указаны фамилии всех участвовавших в этой акции сотрудников РУБОПа, составлял его не тот сотрудник, который изымал кейс из автомобиля. Читатель помнит, должно быть, что любой протокол начинается с фразы: «Следователь (дознатель, оперуполномоченный и т. п.) имярек с участием... произвел...» Так вот, оперуполномоченный, составлявший протокол, ничего вообще кроме составления самого протокола не произвел, а те, кто «производил» вообще в протоколе не фигурировали. В протоколе было указано, что в ходе упомянутого процессуального действия применялась видеокамера (даже тип и модель были указаны). В результате допросов всех этих сыщиков выяснилось, что видеосъемка производилась сотрудниками прессслужбы РУБОПа, приехавшими к месту событий позже, когда злополучный кейс из машины уже был извлечен. По крайней мере, именно это утверждали сами РУБОПовцы и сотрудники прессслужбы. По просьбе сотрудников прессслужбы кейс водворили обратно, и они запечатлели на кассете волнующий момент его повторного извлечения из машины. А по утверждению понятых кейс извлекался из машины всего один раз. Единственное (почти) доказательство обвинения оказалось не протоколом следственного действия, а протоколом инсценировки этого самого процессуального действия. Художественная самодеятельность, да и только!

С протоколами могут случаться разные истории. Иногда своевременное вмешательство защитника позволяет пресечь незавершенную фальсификацию протокола и уберечь клиента от необоснованного привлечения к уголовной ответственности.

Несколько лет тому назад ранним субботним декабрьским утром до меня дозвонился один из сотрудников некоей крупной инофирмы и попросил срочно (!) принять на себя защиту шофера этой фирмы — назовем его условно Сидоровым, накануне вечером раненого работниками милиции и взятого ими же под стражу в больнице, куда он был доставлен из-за ранения. В больнице я увидел молодого парня, лежащего на койке с под-

вешенной к специальному кронштейну ногой. Лицо его было не то чтобы бледно, оно было скорее даже зеленоватого цвета — от боли. В палате кроме него лежало еще восемь человек. Рядом сновала его жена: давала ему лекарства (анальгетики — чуть ли не горстями), ну и вообще ухаживала, исполняла обязанности сиделки (кои, как известно, в наших больницах не хватает). Из его рассказа выходило, что вечером в пятницу он на служебном автомобиле обслуживал делегацию руководящих сотрудников фирмы, прибывших в Москву на презентацию нового предприятия фирмы. Были встречи с руководством страны и города (не как-нибудь: на уровне Черномырдина и Лужкова), поездки по городу кавалькады из десятка машин в сопровождении ГАИ. Члены делегации останавливались в пятизвездочном отеле «Балчуг — Кемпински». Так получилось, что, когда остальные водители их группы уже увезли своих пассажиров на очередное мероприятие, Сидоров все еще сидел в своем автомобиле недалеко от отеля, ожидая припозднившихся двух членов делегации. На улице был мороз и он, согревая салон, включил двигатель. Вдруг к машине подскочил какой-то мужчина в камуфляжном костюме и маске с пистолетом в руке. Рванув дверь машины, он закричал: «Вылазь, сука!» (пусть читатель меня извинит, но из этой песни слова тоже не выкинешь). Сидорову бы по повадкам и лексике догадаться, что перед ним — работник милиции, но он почему-то решил, что это преступник, пытающийся захватить автомобиль. Сидоров рванул с места (благо машина была, что называется, «под парами»), надеясь подскочить ближе ко входу в гостиницу, где ему могла помочь охрана. Нападавший дважды выстрелил — оба раза попал Сидорову в ногу: одна пуля прошла навывлет через мягкие ткани, другая раздробила большую берцовую кость. Успев рвануть ручник, Сидоров вывалился на асфальт, корчась от боли. Через некоторое время прибыла «скорая», доставившая его в ту самую больницу, в которой мы наутро и встретились. Ему уже успели сообщить, что столь вежливо выпроваживал его из машины сотрудник РУБОПа и что у него в машине обнаружен пистолет. Слава Богу, сознания он не терял и никаких пистолетов ему в руку не вложили! Предупредив раненого о том, что ему не следует вступать ни в какие разговоры с сотрудниками милиции и следователями без моего участия, мы (со мной были работники фирмы) удалились.

Когда мы с сотрудниками фирмы выходили из больницы, нам сообщили, что возле палаты появилась охрана (видимо во вре-

мя нашего визита охранники удалялись покурить). Надо было выяснить, в чьем производстве находится дело, и я вернулся к палате. Там было два молодых милиционера с автоматами. Мои заявления о том, что я адвокат и направляюсь к своему подзащитному на них впечатления не произвели. «Туда нельзя, это приказ!» С трудом удалось установить, чей это приказ. Напомню — дело происходило в больнице, у дверей палаты, в которой лежало восемь (!) больных.

Отправились в 47-е отделение милиции, по приказу начальника которого у дверей больничной палаты и было выставлено боевое охранение. Дежурный по отделению пояснил, что Сидоров, хоть он и лежит на больничной койке, числится задержанным и милиционеры с автоматами — не его охраняют, а смотрят, чтоб он не сбежал из-под ареста. На мои требования предъявить протокол задержания, ответил отказом, мотивируя этот отказ тем, что протокол задержания находится в деле. Но недаром же я работал когда-то следователем. Дело в том, что протокол задержания составлялся в четырех экземплярах — один в дело, второй — администрации ИВС (или СИЗО), третий — для прокурора, и четвертый (он уже именовался корешком протокола, но кроме названия от самого протокола ничем не отличался) — оставался у дежурного. Вооруженный этими познаниями милицейского документооборота я потребовал ознакомить меня с корешком протокола. Дежурный был явно смущен моей настойчивостью и это его смущение подогревало мои подозрения в незаконности задержания. Я потребовал проводить меня к начальнику отделения либо его заместителю (по существовавшему тогда положению старшим дежурным по отделению должен был быть кто-либо из руководства). Тут мне, наконец, повезло — заместитель начальника отделения в этот момент как раз спустился в дежурную часть. Узнав в чем дело, он посоветовал мне отправиться в РУВД (районное управление внутренних дел), находившееся в двух кварталах: «Они там сейчас собрали целый консилиум — никак не придумают, что делать с этим парнем».

Через несколько минут я был в РУВД и потребовал встречи с начальником следственного отдела (в отделении милиции удалось узнать, что задержанный числился за следователем). Опущу некоторые подробности. Протокол задержания мне дали. В протоколе, в графе, в которой следовало указать основания и мотивы задержания, было записано: «В автомобиле «Вольво-940» гос. № знак *****». На цифрах номерного знака запись была оборвана — не успели еще написать что он

там делал в этом автомобиле. На мой вопрос, что же случилось «в автомобиле «Вольво-940» гос. № знак «*****», что он там — изменил Родине, перевозил красную ртуть, изнасиловал кого-либо? Мне ответили — там обнаружен пистолет. Какой пистолет? Это в другом протоколе! Положено в этом, — возмущился я и написал прямо на протоколе: «С протоколом задержания ознакомлен. В протоколе не записано что именно Сидоров совершил в автомобиле «Вольво-940» и, таким образом, в нарушение требований ст. 122 УПК РСФСР не указано, за что Сидоров задержан». Пока еще у меня не успели протокол отобрать, я сразу после роковой записи поставил большой «Z», чтоб никто ничего не дописал. На этом фактически дело было сделано. Оставив милиционеров в некотором смятении духа, я удалился.

Только приехал домой — звонок. Звонила жена Сидорова — ее выгнали из палаты и больше туда не пускали, в палату явились какие-то сотрудники МУРа и стали Сидорова допрашивать. Понимая, что доехать до больницы просто не успею, я стал дозваниваться до знакомого теперь уже начальника следотдела. К счастью он еще не ушел. Диалог был достаточно резкий.

— Почему, не пригласив защитника, Ваши люди пытаются допрашивать Сидорова!?

— Это не мои люди, это МУР.

— Сидорова задержал не МУР, протокол 122-й* составлен Вашим следователем. Сидоров числится за следователем и без его разрешения никто, никакой опер не вправе с ним разговаривать! И вообще вы что там все с ума посходили — какие допросы больного да еще ночью! Вы у врачей выяснили, можно ли его допрашивать, у него же тяжкие телесные повреждения! Зачем жену из палаты убрали!? Поставьте тогда сиделку — в больнице же сиделок нет. Кто ему будет таблетки давать и «утку» подносить?

— У нас нет людей для этого.

— Тогда незачем жену от раненого прогонять. Немедленно уберите от него оперов и верните к нему жену. Вы что, не понимаете, какие последствия могут быть для Вас из этого всего? Из допросов тяжело раненого человека, лишённого по Вашей вине медицинской помощи прямо в больнице. Почему ваши оперы там хозяйничают!? Кто дал им право, не обеспечив Сидорова сиделкой, убирать от него жену!?

* Статья 122 УПК РСФСР регулировала порядок и основания задержания.

- Он задержанный.
- Он прежде всего больной. Прекратите пытку!

В общем раскричался я. Огорошенный моим напором (и предыдущим «проколом с протоколом») начальник следотдела даже не пытался сопротивляться. На всякий случай я сам дозволил в больницу, вытребовал к телефону оперов МУРа, не стесняясь в выражениях, сказал им все, что о них думаю. Оперы ушли, жена вернулась в палату.

Наутро — в воскресенье — следователь (уже с моим участием) допросил Сидорова. Опять шла речь о пистолете, который обнаружен был якобы в «бардачке» автомобиля. Накануне самому Сидорову говорили, что пистолет обнаружен в багажнике, а еще через пару дней отцу Сидорова сказали, что пистолет лежал на асфальте рядом с выпавшим из автомобиля его сыном. Нечего и говорить, что у прокурора я появился в понедельник раньше следователя и все ему изложил, оставив подробную жалобу. Прокурор выслушал меня внимательно, посетовав на милицейские повадки: «И наркотики подкладывают, и оружие. Одно могу сказать, санкции на арест я не дам». Санкции он не дал, охрану сняли. Потом вынесли постановление о прекращении дела. Оказывается РУБОП перепутал — они там какую-то бандгруппу вылавливали. Думаю пока они стреляли в Сидорова и выдумывали какой пистолет ему подбросить, бандгруппа благополучно исчезла во мраке ночи.

Повезло. Повезло в том, что я (моей заслуги в этом никакой — просто так получилось) оказался случайно в следотделе, когда они еще не успели довершить фальсификацию протокола.

Показания

Показания подсудимых, потерпевших и свидетелей — эта, по выражению П. Сергеева, «живая основа уголовного дела» — наибольшая и самая важная часть всего массива доказательств.

По сути своей показания — это не только допросы, это и очные ставки, и опознания. Сюда следует отнести и проверку показаний на месте (преступления или каких-либо иных событий).

Проверяя в суде показания с точки зрения их допустимости, необходимо выяснить:

Были ли допрашиваемому разъяснены положения ст. 51 Конституции РФ.

Не был ли допрос произведен в ночное время и, если да, то были ли для этого законные основания.

Был ли допрашиваемый задержан и, если да, то было ли задержание законным — и прежде всего имели ли место обстоятельства, перечисленные в ст. 91 УПК РФ. До сих пор еще в практике распространены случаи, когда в протоколе задержания вместо указания этих обстоятельств в графе «Основания задержания» пишут без затей: «За убийство» (или соответственно делу — «За кражу», «За изнасилование», «За хулиганство» и т. д.). Так Кислицина и Москвичева (см. с. 155 настоящего сборника) задержали ночью дома — вытащили сонных из постелей, ни на них, ни на их одежде никаких следов преступления не было, потерпевший их к тому моменту не назвал*, бежать они никуда не пытались — мирно спали дома, упившись накануне.

Был ли арестован обвиняемый и насколько законным был арест (те же Кислицин и Москвичев, например, были арестованы с санкции Д-на — и. о. Зам. Прокурора Республики Марий Эл, назначенным на эту «и. о. должности» прокурором Республики Марий Эл, не имевшим права делегировать свои полномочия по даче санкций на арест)? Сегодня, когда решение об аресте принимает суд, необходимо уточнить, правомочен ли был именно данный суд рассматривать вопрос об аресте этого обвиняемого (в соответствии с частью первой статьи 47 Конституции Российской Федерации никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом — здесь это правило тоже применимо)? Из этого с непреклонностью следует неправомочность суда района, соседнего с тем районом, на территории которого совершено преступление.

Показания человека незаконно задержанного или незаконно арестованного должны быть признаны недопустимым доказательством, как полученные в результате нарушения закона.

Не были ли при допросе (или перед ним) применены незаконные методы воздействия, как-то: угрозы, побои, доставление из изолятора в служебное помещение милиции и оставление там без пищи (Так было, например, с йошкар-олинским бизнесменом Голомидовым: Для того, чтобы этапировать Голомидова из изолятора в РУБОП, его поднимали затемно, долго — пока не соберут всю группу конвоируемых в суды и к следователям арестантов — содержали в боксе, часам к 11-ти

* Это потом, когда его самого задержали (тут уже об основаниях задержания говорить и вовсе ни к чему — потерпевший он и есть потерпевший) посидев два дня в ИВС он «вспомнил», что в его квартиру бросили гранату именно Кислицин и Москвичев.

привозили в РУБОП, откуда увозили по окончании рабочего дня. Потом все повторялось в обратном порядке. В камеру Голомидов возвращался часам к 9-ти вечера. Все это время Голомидов, как и других заключенных, не кормили, не давали пить и не выводили в туалет. По этому поводу я обратился к прокурору Нижегородской области с требованием привлечь виновных в этом безобразии к уголовной ответственности. Я считал, что лишение человека пищи и воды, непредоставление ему возможности пользоваться туалетом следует квалифицировать как применение пыток. Прокуратура мне ответила, что это не пытки и в возбуждении уголовного дела было отказано. Тем не менее, прокурором области в РУБОП было внесено представление. В результате арестантов в РУБОПе стали выводить в туалет. (Зачем? Ведь есть и пить им все равно не давали). Впрочем, говорят, что и эту «льготу» уже отменили.

Участвовал ли при допросе адвокат, если нет — был ли отказ от адвоката добровольным (и вообще разъяснены ли допрашиваемому его права и обязанности, в частности — право воспользоваться помощью адвоката — в том числе и свидетелю/потерпевшему). Нередко следователь предлагает обвиняемому воспользоваться услугами «своего» адвоката из-за того, что адвокат, с которым у обвиняемого заключено соглашение якобы не может во время прибыть на допрос. Здесь надо помнить, что силу ч. 3 ст. 50 УПК РФ следователь, дознаватель, прокурор либо суд вправе предложить обвиняемому (подозреваемому) пригласить другого защитника только в случае неявки защитника, приглашенного самим обвиняемым (подозреваемым), не ранее пяти суток со дня заявления ходатайства о приглашении защитника. Только по истечении этого срока и только в случае отказа обвиняемого (подозреваемого) пригласить другого защитника следователь может принять меры по назначению защитника. Если участвующий в уголовном деле защитник в течение пяти суток не может принять участие в производстве конкретного следственного действия, а подозреваемый, обвиняемый не приглашает другого защитника и не ходатайствует о его назначении, то дознаватель, следователь вправе (точно также — не ранее истечения пятисуточного срока!) произвести данное следственное действие без участия защитника. В результате нарушения упомянутых норм закона судом (как судом первой инстанции, так и Верховным Судом Российской Федерации, рассмотревшим дело в кассационном порядке) были, в частности, признаны недопустимым доказательством показания на одном

из допросов уже упоминавшегося Голомидова (см. с. 174 настоящего сборника).

Предъявлялся ли протокол допроса допрашиваемому *de facto* имел ли он возможность внести в него свои замечания и дополнения

Если речь идет о показаниях, оглашенных в судебном заседании — соблюдены ли условия допустимости оглашения, предусмотренные законом.

Достоверными могут быть признаны только непротиворечивые показания. Можно выделить непротиворечивость внешнюю (соответствие иным доказательствам) и внутреннюю (согласованность отдельных частей рассказа свидетеля между собой).

Так, вряд ли можно поверить свидетельнице, если она утверждала, что видела, как подсудимый не впуская свою сожительницу в комнату, разговаривая с нею через узкую щель между дверью и косяком, ибо дверь была закрыта на цепочку, и в то же время в подробностях рассказывала, что она видела в комнате на кровати голую женщину — через узкую щель, да еще и прикрываемую изнутри самим подсудимым она умудрилась разглядеть даже прическу. Одно из двух — или дверь была почти закрыта и поэтому нельзя было увидеть, что творится внутри комнаты, или разглядеть можно было все, но тогда дверь была распахнута.

Необходимо убедиться, что допрашиваемый мог видеть и слышать, то, о чем говорит, с того места, на котором по его словам находился; мог вообще знать о тех обстоятельствах, о которых говорит; соответствует ли обстановка помещения, места происшествия, обрисованная в показаниях, фактической обстановке и т. п. (непротиворечивость объективная). Иногда для этого необходимо бывает произвести довольно сложные проверочные действия.

Нельзя, например, верить свидетельнице, которая утверждала, что, стоя у дверей своей квартиры на лестничной площадке шестого этажа, она видела как подсудимый у входа в подъезд во дворе наносил удары ее соседке. Для того, чтобы это проверить, нужно в ходе допроса выяснять подробности — кто где стоял, была ли открыта дверь, где расположены двери квартир и лифтов и т. п. Не грех провести следственный (судебный) эксперимент — видно ли с балкона то место, на котором происходили описанные свидетелем события, различает ли свидетель детали обстановки с этого расстояния и т. п. (См. например

анализ показаний свидетельницы Крикуновой — с. 26–27 настоящего сборника).

Нельзя забывать и о непротиворечивости субъективной: могли глухой слышать, слепой видеть, не знающий языка — понимать речь на этом языке и т. п.

Достоверные показания не должны противоречить другим доказательствам и житейской обстановке. Нельзя верить человеку, который утверждал, что в середине дня автомобиль ушел от погони по встречной полосе Ленинградского проспекта в Москве — днем автомобильное движение на этом проспекте настолько плотное, что, даже если преследуемый автомобиль и выскочит на встречную полосу, то не то что уйти — уползти он никуда не сможет. Нельзя верить утверждению о том, что в сумках с рук обвиняемого (подсудимого) обнаружены следы кокаина, если из других доказательств (показаний задержавших его работников милиции, протокола осмотра автомобиля и выемки пакета с кокаином) видно, что обвиняемый взял портфель (в котором затем якобы и был обнаружен пакет с кокаином) у водителя «скрывшегося потом по встречной полосе» автомобиля, но сам при этом портфель не открывал и пакета не трогал, а на внешней стороне портфеля (в том числе на его ручке) следов кокаина не обнаружено.

Оценкой содержательной стороны (если такое выражение вообще допустимо — содержание не сторона) ограничиваться нельзя. Анализ мотивации показаний дает пищу для выводов о достоверности иногда даже больше, чем анализ содержания. Если, например, свидетель дает показания, полагая, что он защищает подсудимого от навета, а на самом деле его показания изобличают, то скорее всего его показания правдивы.

Вообще заинтересованность допрашиваемого — важнейший критерий достоверности показаний. Наиболее достоверные показания, как правило, те, которые даны вопреки заинтересованности. Примером таких показаний служит рассказ свидетельницы Крикуновой о том, как и когда ее сосед Савкин забивал гвозди в доски, на которые он сбросил потом потерпевшего*. Крикунова видела только то, что Савкин забивал гвозди в какие-то доски. Что это были за доски и что потом с

* В гараже Савкина была вырыта яма двухметровой глубины, в которой при осмотре было обнаружено несколько досок длиной от полутора до двух с половиной метров. В каждую из досок было вбито насковзь в два ряда по несколько десятков 150-миллиметровых гвоздей. Доски лежали на дне ямы остриями гвоздей вверх. В эту яму и столкнул Савкин потерпевшего Канунникова.

ними сделал Савкин, Крикунова не знала. Савкин пытался убедить суд, что он мастерил помост для гаража, чтоб легче было заводить туда мотоцикл. По версии обвинения именно в тот момент, когда Савкин во дворе забивал гвозди («мастерил помост» по его уверениям), у него в квартире сидел потерпевший, с которым они должны были ехать за мотоциклом, для покупки которого потерпевший и пришел к Савкину с большой суммой денег.

«О том, что она видела, как Савкин забивал гвозди, Крикунова сказала впервые не тогда, когда ее позвали к следователю, не тогда, когда она успела переговорить с кем-нибудь из заинтересованных в этом происшествии лиц. Как только во двор к ним приехали работники милиции и по двору поползли слухи, что в гараже Савкина за полчаса до этого ранили Канунникова, Крикунова сказала собравшимся во дворе соседям: «Не может быть, чтоб это сделал Савкин». Не может быть потому, что она сама видела его всего лишь за полчаса до этого. У нее ведь и мысли такой не было, что доски с гвоздями предназначены для преступления. Она не знала, как эти гвозди вбиты и куда эти доски будут положены! Она считала, что Савкин занимался хозяйством, и думала, что ее заявление об этом как раз и свидетельствует о невиновности Савкина. Так что и следа оговора в ее показаниях нет».

Показания подсудимого нередко отличаются от его же показаний, данных на предварительном следствии либо на предыдущих этапах судебного разбирательства. Важно выяснить мотивацию этих изменений. Нередко подсудимые заявляют, что на следствии они себя оговаривали из-за незаконного воздействия на них следователя и оперработников. Сейчас УПК признает недопустимыми показания обвиняемого на следствии, данные без адвоката, если в суде подсудимый от них отказался. Однако присутствие адвоката на допросе не всегда может служить гарантией добровольности показаний обвиняемого. Обвиняемый не все время в следственном изоляторе проводит с адвокатом. После допроса он возвращается в камеру, где сокамерники по «просьбе» следователя или оперработников могут оказать на него давление, после допроса тот же следователь или оперработники по его просьбе (а нередко и без всяких просьб) тоже могут обвиняемого «обработать». Способов заставить человека оговорить себя и других человечество выработало достаточно. Надо оценивать изменения показаний подсудимого/обвиняемого исходя из

общих правил оценки достоверности и допустимости показаний.

Небезынтересны замечания по этому поводу Анатолия Федоровича Кони:

«Сначала заподозренный сознается совсем неправильно; потом, когда улики группируются вокруг него, когда сила их растет с каждым днем, с каждым шагом следователя, обвиняемый подавляется этими уликами, ему кажется, что путь отступления для него отрезан, и он дает показания наиболее правдивые; но проходит несколько времени, он начинает обдумывать все сказанное им, видит, что дело не так страшно, каким показалось сначала, что против некоторых улик можно придумать опровержение, и тогда у него является третье сознание — сознание деланное, в котором он признается лишь в том, в чем нельзя не признаться»*.

Цели подсудимого отличны от целей правосудия и даже когда он признает себя виновным, он вовсе не обязательно делает это для установления истины. Поэтому основывать выводы на показаниях подсудимого — в том числе тех, в которых он признает справедливым предъявленное обвинение, было бы по меньшей мере неосторожным. Гораздо более правильным представляется другой путь, когда на первый план выдвигаются доказательства, добытые независимо от его разъяснений. Собственно говоря, именно этого требует и закон — в силу части второй статьи 77 УПК РФ «признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств».

Для оценки показаний, данных на очных ставках, сказанного, однако, недостаточно. Здесь надо добавить несколько простых правил.

Необходимо проверить были ли оба участника очной ставки допрошены до ее проведения и есть ли (и какие) противоречия между их показаниями, полученные на допросах, проведенных до очной ставки. Дело в том, что очные ставки нередко проводится без необходимости — для того, чтобы заставить человека еще раз повторить свои показания. На этом основании в речах обвинителей (а иногда, увы, и в приговорах) появляется фраза: «Эти показания NN повторил и на очной ставке». Тем самым создается видимость множественности доказательств. У следователей это называется «закрепить показания».

* Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 3. М., 1967. С.165.

Опознание

Опознание почитают у нас едва ли не самым убедительным из доказательств. В самом деле, к признаниям (которые, несмотря на все филиппики против них произнесенные и писанные, считают до сих пор «царицей доказательств») отношение несколько настороженное — при горячей любви к ним дознавателей и следователей не исключена (и даже слишком часто «не исключена») добровольность этих признаний по принципу «признавайся добром, не то еще хуже будет». Не то опознание. Опознает, как правило потерпевший, а у нас, слава Богу, не дошло еще до выбивания опознаний из потерпевшего (впрочем, впрочем... сажали же в ИВС потерпевшего в Йошкар-Оле и держали там, покуда не признал в назначенных милицией виновными Кислицине и Москвичеве в нападении на него... — см. с. 155 настоящего сборника). Потому и опознанию веры едва ли не больше, чем «признательным» показаниям. (Не правда ли, славный языковой эквилибр: от обозначения благодарности — «Я Вам признателен...» — до самооговора. Впрочем возможно в этом и заключается таинство русской души применительно к правосудию?)

Казалось бы, чего проще — предъяви, как расписано в УПК...

Но стремление во что бы то ни стало раскрыть преступление и как можно скорее (само по себе вовсе ведь не предосудительное — кто будет спорить с тем, что преступления надо раскрывать и как можно быстрее?) усиленное желанием уبلажить начальство, которое всегда почти удовольствуется формальными показателями и задается мыслями о наказании за беззакония только в тех редких случаях, когда либо выявляется истинный виновник либо (что также редко) оправдают невиновно привлеченного; да и наказания за беззакония несоизмеримы бывают с похвалой за «раскрытие» — это самое стремление раскрыть во что бы то ни стало закрывает часто глаза «раскрывателей» и на опознание предъявляются люди настолько непохожие на подозреваемого (да еще если на подозреваемом явные следы «прикосновений» тех, кто его задерживал и допрашивал), что результат опознания бывает предрешен. И вообще, думает оперработник, убежденный в виновности задержанного даже еще до того, как ему стало известно о преступлении; «А если не опознает? Видел-то в темноте, обстановка нервная была» и т. д. и т. п. Проще, чтоб застраховаться от случайностей, заранее показать подозреваемого потерпевшему (или свидетелю — тому, кто опознавать будет). Провести, на-

пример, его в наручниках мимо потерпевшего, ожидающего в коридоре.

В бытность мою следователем довелось мне расследовать одно дело об изнасиловании. Насильника задержали «по горячим следам» и я предъявил его на опознание потерпевшей. Она опознала его сразу, все приметы, названные ею на допросе, совпали с приметами задержанного. Казалось бы, надо успокоиться — преступник пойман, дело раскрыто. Что-то, все-таки, меня беспокоило. Уж слишком сразу, слишком безоговорочно, слишком категорично она его узнала (потом выяснилось, что, сидя в коридоре отдела милиции, она видела, как подозреваемого конвоировали в кабинет, в котором производилось опознание, так что мои опасения не были напрасными). К счастью, подозреваемый во время опознания не произнес ни единого слова. Я решил произвести опознание по голосу: в ходе первоначального допроса потерпевшая утверждала, что у преступника был характерный голос с хрипотцой. Потерпевшую выпроводили из кабинета. По моей просьбе кабинет перегородили шкафом, за которым усадили подозреваемого и двоих мужчин, подвергавшихся вместе с ним этой процедуре; понятых посадили так, чтоб им было видно и этих троих и стоящий с другой стороны шкафа стул, предназначенный для потерпевшей. Вновь пригласили потерпевшую. Подозреваемый и сидевшие рядом с ним страдальцы за правосудие по очереди произнесли те несколько фраз, которые по заявлению потерпевшей произнес насильник во время изнасилования. Она узнала этот голос. Сомнений больше не было.

Говорят, что описать внешность даже хорошо знакомого человека затруднится и грамотный человек. Чего же, мол, ожидать от очевидца событий — человека, как правило, среднего интеллекта? Вспоминают эксперименты, проводимые многими преподавателями, которые предлагали своим студентам описать внешность заглянувшего в аудиторию человека — описания весьма разнились одно от другого. Отсюда и вывод, напрашивающийся чуть ли не сам собой: опознал — и ладно, нечего ворошить подробности, незачем вообще спрашивать о приметах. Но на то и учат юристов пять (и более) лет, чтоб уметь допрашивать, уметь помочь свидетелю вспомнить детали внешности, помогли правильно описать эти детали. На то и рассказывают студентам до сих пор (казалось бы, зачем — в век фотографии и видеозаписи?) о словесном портрете — изобретении позапрошлого века. Сам человек затрудняется опи-

сать лицо виденного им преступника нередко не потому, что плохо разглядел или плохо запомнил, а потому, что не умеет сказать, не знает, как сделать это. В этом и состоит задача следователя: объяснить, какие бывают лица, какие бывают отдельные черты лица, помощью «фоторобота», наконец, воспользоваться.

В суде необходимо проверить был ли вообще опознающий допрошен до опознания, называл ли он приметы опознаваемого человека (предмета), соответствуют ли эти приметы тем, по которым он опознал этого человека (этот предмет), мог ли он эти приметы разглядеть в момент, о котором говорит (видны ли они были по условиям освещенности либо с того места, с которого якобы наблюдались опознающим), имеются ли названные признаки у опознаваемого человека (предмета), являются ли указанные опознающим признаки специфическими, постоянными или ситуативными, насколько подробно описаны эти признаки в протоколе («по росту и телосложению», «по походке», «по одежде», и т. д. — без расшифровки).

При допросе опознающего в судебном заседании необходимо выяснять условия, при которых он наблюдал касающиеся дела обстоятельства (видел ли он опознанного им на следствии человека в лицо или со спины, при дневном свете или искусственном освещении, в теплое время года или зимой, в движении или в покое и кто, собственно говоря, двигался — опознающий гнался за обидчиком или наоборот и т. п.), выяснять подробности — во что одет и обут был опознаваемый, держал ли что-либо в руках или нет, были ли у него татуировки на руках или еще где-нибудь; что говорил и какой у него был голос (низкий — высокий, хриплый, манера говорить — скороговоркой, нараспев и т. п.), подробно выяснять иные приметы, по которым опознающий, как он считает, мог бы опознать виновного. Показания этого свидетеля (потерпевшего, подсудимого) надо сравнить с записями в протоколе опознания — если в протоколе указано, что опознан человек по росту, то указано ли какой рост имеется в виду — низкий, средний или высокий (а в ходе допроса опознающего полезно выяснить, какой рост он считает низким, а какой высоким — на примере его знакомых и родственников, на примере известных лиц — спортсменов, киноактеров), если упоминается походка, то какая походка имеется в виду (четкий строевой шаг или вразвалочку), если «по ли-

цу», то какое лицо — узкое и худощавое, широкое и полное, одутловатое, морщинистое, круглое, продолговатое и т. д.).

Памятуя о стремлении ретивых оперативников поскорее раскрыть преступление (см. выше), при оценке достоверности опознания необходимы осторожность и осмотрительность. Помнить надо и о том, что потерпевший или свидетель зачастую не очень хорошо запоминает внешность преступника — условия для запоминания, прямо скажем, далеки от идеальных — темные дела зачастую и делаются в темноте, да еще добавьте фактор неожиданности и быстротечность события, вызванное нападением возбуждение, и т. п., и т. д.).

Дело это попало ко мне, когда я работал в прокуратуре Союза ССР. Осужденный NN был приговорен к восьми годам лишения свободы за разбойное нападение, совершенное, как утверждалось в приговоре, при следующих обстоятельствах. Январским поздним вечером на не очень шумной улице одного из сибирских городов потерпевшую кто-то ударил сзади по голове, отчего она потеряла сознание — всего на несколько секунд, но и этого оказалось достаточно, чтобы злоумышленник затащил ее с тротуара в палисадник. На шум открылась дверь выходящего в палисадник учреждения (это была больница, и персонал там бодрствовал круглосуточно), оттуда выскочили люди. Злоумышленник бежал. Никто, кроме очнувшейся потерпевшей его не увидел. Да и она увидела его лишь в спину. Запомнила его рыжую дубленку, длинные волосы и синие джинсы. Немезида неспешна — подозреваемого задержали через полгода. Опознание производилось в июле. Потерпевшая «узнала» его: по лицу (как обычно, в протоколе следователь «забыл» указать, что это значит, а лица есть у каждого и подозреваемый не составлял исключения) и походке. Излишне добавлять, что привели его на опознание не в джинсах, а в легких летних брючках, дубленки и в помине не было (июль все-таки), да и пострижен он был коротко. (Ретивый следователь в обвинительном заключении, а вслед за ним и суд в приговоре, указал, что короткая стрижка изобличает подозреваемого, т. к. он специально постригся, чтоб не быть опознанным!).

Весьма характерными являются опознания, проведенные по делу Малышкина, которого мне довелось защищать. Из материалов дела можно было уразуметь, что 18 июля 1996 года вечером некто на «Джипе» врезался в «шестерку», которой управ-

лял Махалаев. «Шестерка» была разбита, что называется, вдребезги. Виновник попытался, было, скрыться, но был перехвачен инспекторами ГАИ на следующем перекрестке. Поскольку «шестерка» заведомо не могла быть восстановлена, договорились о том, что виновник на следующий день отдаст Махалаеву деньги — 6000 долларов, для чего они встретятся днем возле Театра на Таганке. Встреча произошла, но передача денег не состоялась. Оба — и Махалаев и его обидчик — явились с друзьями. Можно только гадать, что за разговор произошел между ними, но очень быстро слова сменились выстрелами. Через несколько минут на месте происшествия остался труп Махалаева с лежащей рядом с ним на асфальте гранатой, остались его друзья — Габиев и Данаури, оба раненые, а также раненый в пятку случайный прохожий Крошкин. Стрелявшие скрылись. Уже через несколько дней Габиеву, еще одному приятелю погибшего Бароеву, инспекторам ГАИ Кармашову и Палкину, видевшим виновника накануне, сотрудники милиции предъявили на опознание фотографии Малышкина (как положено в числе двух других фотографий). Фотографии были черно-белые паспортного формата, что не помешало всем четверым опознать Малышкина по росту, телосложению и светлым волосам — и это на черно-белых снимках паспортного формата, где он выглядел жгучим брюнетом и где ни роста ни телосложения разглядеть невозможно! Ни в одном из протоколов не было указано, что имелось в виду под ростом и телосложением: высокий и коренастый или, к примеру, низкий и щуплый. Угрозыск оказался выше этих «мелочей». Но этого мало: в протоколах опознания было указано, что Габиев и Бароев якобы опознали Малышкина также и «по внешнему виду, форме и выражению лица», а Кармашов и Палкин — также и «по внешности лица, подбородку, расположению губ». Естественно и этого не расшифровали: то ли по звериному оскалу, то ли по благостной улыбке, то ли губы оказались за ухом. Почему из более чем полутора десятков очевидцев для опознания выбрали только этих четверых не знает никто.

Во всех протоколах опознания приметы опознаваемого лица указаны неконкретно, в формулировках, не отражающих особенностей внешности: «выражение лица» — понятие ситуативное, не содержащее характеризующих опознаваемого особенностей; «расположение губ» не позволяет понять почему именно Малышкин опознан по этому признаку: у Малышкина на фотографии губы расположены там же, где и у всех остальных

людей — в нижней части лица между носом и подбородком; чем отличаются «внешний вид и форма лица» или «внешность лица» Малышкина от внешнего вида и формы лица других людей (т.е. примет Малышкина) в протоколах не указано (см. с. 186 настоящего сборника).

Произошло убийство. Соседка убитого, услышав какой-то шум, выглянула на лестничную площадку и увидела спускавшегося по лестнице молодого человека. Впоследствии решили, что это, по-видимому, и был убийца. Подозреваемого соседке показали, но она его не опознала. Тем не менее, в обвинительном заключении это опознание было упомянуто в числе доказательств, изобличающих обвиняемого. Нимало не смутившись тем, что свидетельница обвиняемого не опознала, следовательно в обвинительном заключении указал: «Несмотря на то, что NN не опознала обвиняемого, это не умаляет доказательственного значения опознания, поскольку у нее слабое зрение». Из обвинительного заключения эта милая фраза, немного погостив в речи прокурора, переключалась в приговор и (о боги!) в кассационное определение Верховного Суда России.

Осмотр

Если в протоколе осмотра записано, что на месте происшествия что-то обнаружено, то скорее всего так оно и есть. Но если в протоколе о чем-то не упомянуто, это вовсе не означает, что этого не было. Ну, забыл следователь, что с него взять — даже если ему выговор объявят, «поезд уже ушел». Так что, если в протоколе осмотра написано, что на месте происшествия обнаружен пистолет, то может быть этот пистолет там в действительности и находился, а если такой записи нет, это вовсе не значит, что пистолета там не было.

В 1983 году на киноэкраны был выпущен фильм «Грачи» с Леонидом Филатовым в главной роли. В основе сценария — реальное уголовное дело по обвинению братьев Билюков в бандитизме. Самым кровавым эпизодом (вернее эпизодами) было убийство односельчанина по дороге из кубанской станицы Медведовской на север (чтобы завладеть его автомобилем и, добравшись на этом автомобиле до Куйбышева — ныне Самара — совершать там бандитские нападения с использованием украденных в поезде у солдат автоматов Калашникова) и убийство двух сотрудников ГАИ на шоссе Ростов — Новочеркасск.

В протоколе осмотра места убийства сотрудников ГАИ было указано, что место это представляет собой участок шоссе Ростов — Новочеркасск на таком-то километре, что стоит у обочины автомобиль «Жигули» ВАЗ-2101 желтого цвета с синей полосой вдоль бортов, с надписью «ГАИ» белого цвета в синем круге на крышке багажника, с изображением на левой и правой передних дверцах государственного герба СССР (причем на левой дверце изображение герба было сильно исцарапано). Больше ничего в описательной части протокола записано не было. В конце протокола было написано, что на месте происшествия обнаружены и изъяты «автоматные гильзы в местах, указанных в описательной части протокола». И все бы было хорошо, если бы в описательной части было хоть что-нибудь кроме описания изображений государственного герба на дверцах автомобиля. Ни о каких пулях и гильзах там не было ни слова!

Протокол осмотра должен фиксировать те или иные объективно существующие обстоятельства, те или иные объективно существующие особенности осматриваемого предмета, обстановку на местности или в помещении. Иногда, однако, в протоколе пытаются отметить не объективно существующее нечто, а субъективные впечатления осматривающего либо сведения, сообщаемые потерпевшим свидетелем, обвиняемым) Мне довелось читать в одном протоколе такую фразу: «В северо-восточном углу комнаты стоит стол, на котором стоит графин с водой и место, на котором со слов потерпевшего стоял радиоприемник».

В обвинительных заключениях сегодня доказательства просто перечисляются. Нередко то же самое делает и суд в приговоре. Но если в обвинительном заключении так и может быть, то в приговоре уже доказательства не просто должны быть перечислены — здесь должно быть объяснено, как эти доказательства изобличают (или, наоборот, почему суд считает, что они не изобличают) подсудимого. Тем более недопустимо просто перечислять доказательства в судебной речи. Простое упоминание о протоколе осмотра и даже подробное его цитирование в судебной речи неуместны. Обвинитель, равно как и защитник должен показать связь обнаруженных (или не обнаруженных) при осмотре обстоятельств с главным тезисом дела — утверждением о виновности либо невиновности подсудимого.

«Протокол осмотра места происшествия зафиксировал обстановку в доме Пиголкиной на момент появления там работ-

ников милиции, местонахождение и позу трупа. Но никаких данных, изобличающих Пилипенко, протокол не содержит. Те следы Пилипенко, которые и могли бы быть обнаружены в доме, легко были бы объяснимы: Пилипенко там жил, Пилипенко вместе с Ларкиной был в доме, когда Пиголкина уже была мертва, подходил к кровати и касался трупа. Но нет — не зафиксировано в протоколе никаких следов его там пребывания. Нет в протоколе упоминаний и об обнаружении при осмотре орудия убийства — да еще и со следами рук Пилипенко» (см. с. 35 настоящего сборника).

При осмотре гаража обвиняемого в убийстве Савкина было обнаружено, что все мелкие отверстия в стенах и дверях, даже отверстия для электропроводки — заткнуты бумагой. Даже вентиляционные отверстия были заложены кирпичом, причем при осмотре было установлено, что кладка свежая. Свидетель Хабургаян, владелец гаража, смежного с гаражом Савкина, показал, что вентиляционные отверстия Савкин заложил вечером накануне того дня, когда по версии следствия в этом гараже Савкин пытался убить потерпевшего Котельникова (см. с. 13–34 настоящего сборника).

По-видимому, Савкин сделал все это не для того, чтоб, как он утверждал, неведомые злоумышленники с улицы не увидели его мотоцикла: заложены даже те отверстия, сквозь которые все равно мотоцикла не было видно. Вот как эти данные осмотра были интерпретированы в обвинительной речи:

«Действительная цель закладывания отверстий в гараже становится ясной, если сопоставить три обстоятельства:

- во-первых, заложены отверстия, через которые снаружи ничего разглядеть нельзя, но через которые в закрытый гараж проникает немного света;
- во-вторых, заложив вентиляционные отверстия, Савкин с помощью Малинина, допрошенного в судебном заседании, проверил — слышны ли снаружи крики из запертого гаража;
- в-третьих, как мы знаем из протокола осмотра, бумажные затычки не пожелтели от времени и не отсырели, что неминуемо должно было случиться, если бы они лежали достаточно долго; значит, затычки заложены накануне преступления и должны были ввиду недолговечности материала прослужить очень недолго, буквально 1-2 дня, т.е. именно то время, в течение которого Савкин намеревался осуществить свой преступный замысел.

Следовательно, закладывание отверстий в гараже сделано для того, чтобы во время совершения преступления ни один луч света не проник внутрь и ни один крик не вырвался наружу».

Обыск и выемка

Доказательственное значение предметов и документов, обнаруженных у человека — в карманах его одежды, в его жилье, на рабочем месте — чрезвычайно велико. Иногда одного этого достаточно для вывода о виновности: обнаружили в кармане наркотики — и вот уже их владелец обвиняется в хранении (а раз хранил, раз белый порошок или зеленая травка у него были — значит приобрел где-то, «в не установленном месте у неустановленных лиц, в неустановленное время и при неустановленных обстоятельствах», но ведь приобрел же! Вот уже и виноват в незаконном приобретении и незаконном хранении! Надо ли объяснять российскому гражданину какой простор открывается здесь для борьбы с неприятными людьми, для демонстрации активности в борьбе с распространением зелья, для любых злоупотреблений! Да и почему только наркотики? А оружие?! Вот и подкидывают, подкладывают и обнаруживают потом подкинутое и подложенное. Для проверки достоверности такого доказательства надо изучать подробности «обнаружения» — допрашивать понятых, допрашивать экспертов, исследовавших все эти порошки и травки, проверять как осматривалась одежда, как и кем транспортировались наркотики на экспертизу, осматривались ли пакеты с ними перед экспертным исследованием, во что и как это все было упаковано.

При обыске на квартире Б., обвиняемого в незаконном приобретении с целью сбыта большого количества кокаина, был изъят пиджак, в карманах которого эксперты обнаружили следы этого наркотика. В суде жена обвиняемого показала, что пиджак этот она сдавала в химчистку и получила обратно только за день до обыска. Показания эти подтвердились — на пиджаке отсутствовали пуговицы, споротые при сдаче в химчистку и не пришитые еще обратно. Из этого неопровержимо следовало, что свой пиджак после получения его из химчистки подсудимый не надевал, а следы наркотика в карманах появились без его участия — скорее всего стараниями оперработников и следователей.

Особое внимание надо обращать на то, где находились понятые в момент обнаружения изъятых при осмотре предметов и

могли ли они видеть как этот предмет был обнаружен. Верховный Суд не признал доказанным факт обнаружения при осмотре патронов (человек был осужден за хранение боеприпасов) в случае, когда патроны нашел в ящике гардероба один из участников осмотра, при этом рядом с ним находился один понятой (второй был в это время в другой комнате) а нашедший патроны оперработник заслонял от понятого своей могучей спиной ящик, в котором он нашел патроны.

По УПК РФ при обыске «вправе присутствовать защитник, а также адвокат того лица, в помещении которого производится обыск». Если грамотно толковать закон, то это означает одновременно обязанность следователя уведомить защитника (адвоката) о производстве обыска, есть право — значит есть и обязанность соответствующих должностных лиц это право обеспечить. Однако же наши следователи почти всегда это положение толкуют иначе: поскольку адвокат не сообщил о своем желании присутствовать при обыске, постольку уведомлять его об обыске нет необходимости. Обжалование действий следователя в суд в этих случаях, как правило, успеха не имеет. Для того, чтобы обезопасить своего подзащитного (или доверителя — если речь идет не об обвиняемом либо потерпевшем) в ордерах адвоката полезно указывать, что в объем поручения входит не просто защита либо участие в допросах, но и участие во всех следственных действиях, проводимых с участием подзащитного (доверителя), включая обыски и выемки в его служебных и жилых помещениях.

В последние годы обыски нередко стали проводить с участием спецназа и ОМОНа. В народе эти действия получили название «Маски-шоу». Доказательственное значение добытого при таких «обысках» чаще всего не слишком велико. Язык не поворачивается назвать эти массовидные устрашительные представления процессуальными действиями. Выемка документов (а, как правило, такие «обыски» производятся в офисах юридических лиц и изымаются именно документы) производится чуть ли не по весу. Понять что изъято часто не может и сам следователь.

Ведь протоколы обыска и выемки составляются по одинаковым правилам. И там, и там не только должны быть перечислены все изъятые предметы, но и должны быть описаны индивидуальные признаки изъятых предметов, их упаковка (приложение 80 к ст. 476 УПК РФ). Но эти премудрости по-видимому не

доступны людям, являющимся в бухгалтерию в бронезиловках и с автоматами на перевес, в масках, закрывающих лица. Изымаемые предметы и документы подробно не описываются, а иногда и вовсе не перечисляются. Так, в протоколе обыска по делу уже упоминавшегося Голомидова (с. 174 настоящего сборника) в графе «в ходе обыска обнаружено и изъято» было указано: «Документы в зеленой папке на 12 листах», «Бухгалтерские документы за 1–4 кварталы 1999 года на 298 листах». Что это были за документы оставалось только догадываться. Вместе с документами были изъяты и печати фирмы. После моей жалобы в прокуратуру все изъятое было возвращено в бухгалтерию, а через день изъято вновь. Надо ли говорить, что при возвращении документы были переписаны столь же «подробно» сколь и при их выемке, а протокол повторной выемки ничем не отличался от первого. Все эти действия по поручению следователя произвели сотрудники РУБОПа. На мой скромный вопрос по поводу выемки следователь гордо заявил: «Вот Вы пожаловались прокурору и мы свою ошибку исправили!» Он был несколько обескуражен, когда я ему объяснил, что исправить эту «ошибку» вообще невозможно, да еще повторив ее в деталях. К сожалению, для многих следственных и оперативных работников осталось тайной за семью печатями то простое соображение, что закон не позволяет описывать в протоколах изъятые предметы и документы «гамузом» именно потому, что такой протокол не позволяет проверить: а не было ли что-либо, потом названное изъятым при выемке, привнесено самими изымаемыми. А уж если эти килограммы бумаги побывали в РУБОПе, да еще при том, что и печати изымались, — сомнения могут только усилиться. Могут ли работники бухгалтерии подтвердить, что среди изъятых, возвращенных и изъятых вновь «бухгалтерских документов за 1–4 кварталы 1999 года на 298 листах» не попало ни одного лишнего, которого там ранее не было?! Могут ли представленные суду при таком протоколе документы служить доказательством хоть чего бы то ни было?! Голомидов судом был оправдан и Верховный Суд Российской Федерации с оправдательным приговором согласился.

В протоколах обысков за редчайшими исключениями не указывают почему-то, в каком месте обнаружено то, что бывает (хотя и чрезвычайно редко) обнаружено. А нередко ведь имеет значение не только что именно, но и где именно было что-то найдено. Вообще протокол обыска чаще напоминает опись изъятых

вещей (а еще чаще — в соответствующих строках содержит лишь одну фразу: «ничего не обнаружено и не изъято»). Бланк обыска (приложение 80 к ст. 476 УПК РФ) и не требует указывать в каком именно месте обнаружены искомые предметы или документы. Этого, однако, требует норма процессуального закона о производстве обыска (ч. 13 ст. 182 УПК РФ) и потому указывать в протоколе место, в котором обнаружено искомое, нужно, и, если в протоколе обыска не указано место, в котором обнаружено изъятое, нужно настаивать на признании такого протокола обыска недопустимым доказательством (равно как и изъятого неизвестно откуда предмета либо документа).

Казнить нельзя помиловать — где поставить запятую?

Предлагаемое читателю эссе об уголовных наказаниях было издано в 2002 году небольшим тиражом и предназначалось для депутатов Государственной Думы. Мной руководила наивная вера в то, что изложенные здесь доводы разума (как я самоуверенно считал) могут оказаться полезны при обсуждении вопросов об изменении и дополнении уголовного законодательства. Однако попытки заинтересовать депутатов (за мизерным исключением) оказались тщетными — «чукча не читатель, чукча писатель»*.

Между тем мысли эти (я не боюсь упреков в нескромности — основа не моя, идеи восходят к французским просветителям, к «Персидским письмам» Монтескье) — как мне кажется, не потеряли своей актуальности и сегодня. Какие-то изменения в УК были внесены, последние по времени поправки называли даже либерализацией уголовного законодательства, но в целом тенденции сохранились те же. А теперь и вовсе — пришли другие времена и зазвучали другие песни. Страна переживает ужас террористических атак, кажется, что мы живем в условиях перманентного теракта, не ограниченного в пространстве и времени. Но, как ни странно, основные нравственные и идеологические ценности (я имею в виду идеологию права прежде всего) самым мощным атакам подвергаются со стороны власти. Мне довелось услышать из уст прокурора (!) выступавшего в кассационной коллегии Верховного Суда России знаменательную фразу: «Адвокат пытается доказать, что у террористов и государства — равные права. Но разве у террористов могут быть права!?»** Может быть, на то и был расчет террористов — вызвать паниче-

* Да не заподозрят меня в великорусском шовинизме и неуважении к малым народам. До сих пор почитаю одним из самых остроумных старей анекдот о том, как чукча показывал путь во льдах нашим подводникам (Сидит на берегу океана чукча. Вдруг из глубин поднимается американская подводная лодка. Из рубки высовывается штурман и спрашивает в какой стороне находится мыс Дежнева: Where is the cap of Degnev, sir? — To Nord-Ost, sir. — Thank you, sir. Через какое-то время вновь из глубин поднимается субмарина, на этот раз наша. Тот же диалог, но уже с нашим штурманом: Куда к Дежневу плыть? — На Норд-Ост. — Ты че вы...аешься, рукой покажи!)

** Я говорил разумеется, не правах террористов, а о правах обвиняемых, о правах граждан, о том, что государство не вправе нарушать им же установленные законы, что нарушение закона — это наказание невиновного, что само уже есть преступление, это безнаказанность виновного, что суть попустительство преступлениям. О правах террористов сказано не было, что, очевидно, не исключает наличия у них этих прав. Весьма характерная подмена понятий: обвиненный — уже преступник, обвиненный в терроризме — уже террорист, и зыбкость нравственных позиций (а как иначе назовешь отношение к человеку, кем он ни был, как к бесправному существу?)

скую реакцию, заставить нас отступить от того, чему поклонялись, обратить нас в свою веру? Ведь уничтожение всех без разбора («мочение в сортире») это признак как раз их «отморозочного» сознания.

В результате таких размышлений я и решил поместить это непрочитанное депутатами эссе в настоящем сборнике — авось кому-нибудь будет интересно, а кому-то и полезно.

Закончилось полугодие* активной законодательной работы, и депутаты Госдумы отправились на заслуженный отдых — начались думские каникулы. Это полугодие знаменательно не только ускоренным принятием Уголовно-процессуального кодекса, но и в целом активизацией законотворческой деятельности, направленной на усиление борьбы с преступностью — по крайней мере, так казалось самим депутатам.

О качестве законотворчества ярче всего говорит то, что еще до вступления УПК в силу принято два закона о внесении в него изменений и дополнений — всего «поправлено» больше пятидесяти статей УПК. Создана специальная рабочая группа по «мониторингу введения УПК в действие» — читай: по исправлению недостатков. Ситуация легко объяснима — законы нельзя печь как блины. Технология другая.

Впрочем, о «достоинствах» нового УПК говорено уже много. На этом фоне остались почти незамеченными усилия законодателей, направленные на улучшение Уголовного кодекса. А ведь первого января 2002 года исполнилось пять лет со дня вступления в силу УК РФ! Юбилей прошел почти незамеченным. А зря. Когда решался вопрос о принятии УК, даже его разработчики откровенно признавали, что Кодекс плох, но надо, мол, торопиться с его принятием — УК принимали накануне президентских выборов**. Боже мой, знали бы мы тогда, каким будет УПК, нам бы УК показался бы верхом совершенства!

За истекшие пять лет — с марта 1997 по март 2002 года в Думу было внесено более 160 законопроектов о дополнениях и изменениях УК, касающихся около двухсот статей Кодекса. Из этих законопроектов отклонено в первом чтении тридцать, снято с рассмотрения — сорок, принято — двадцать. Принятыми законами УК дополнен семью новыми статьями, в пятьдесят одну статью (пятнадцать — Общей части, тридцать шесть — Осо-

бенной) внесены изменения и дополнения. Многовато для пятилетия. Учитывая торопливость при подготовке и принятии Кодекса, удивляться не будем — исправление ошибок должно идти на пользу.

Настораживает, однако, четко выявившаяся тенденция ужесточения наказаний. Многие законодатели полагают, что жесткостью наказания можно исправить криминогенную ситуацию в стране. Начнем с того, что УК РФ значительно репрессивнее ранее действовавшего УК РСФСР — **Уголовный кодекс свободной и демократической России репрессивнее Уголовного кодекса тоталитарного советского государства**. Достаточно отметить, что верхний предел лишения свободы поднят до двадцати лет, появилось неизвестное УК РСФСР пожизненное лишение свободы (вспомните каменный мешок замка Иф, куда был заключен Эдмон Дантес — граф Монте Кристо). Ужесточены санкции ряда статей Особенной части УК. Этого показалось мало — едва ли не половина законопроектов о дополнениях и изменениях УК состоит в предложениях об ужесточении санкций. Кажется, забыты все достижения уголовно-правовой мысли начиная с эпохи Возрождения. Кажется, что положение о том, что эффективность уголовного наказания определяется не столько его суровостью, сколько неотвратимостью выброшено на свалку — уж не потому ли, что десятилетиями оно приписывалась В.И. Ленину — дескать, все, исходящее от развенчанного вождя подлежит развенчанию? Но ведь мысль эта вовсе не ленинская. Сам Ленин никогда и не пытался приписать себе этой идеи и высказался об этом так: «Не нами еще сказано, что эффективность наказания определяется не столько его суровостью, сколько его неотвратимостью»*. Ленинское «не нами еще сказано» относилось к просветителям XVIII века. Мысль эта была впервые высказана еще Монтескье в «Персидских письмах», а затем и в «Духе законов»: «Вникните в причины всякой распущенности, и Вы увидите, что она происходит от безнаказанности преступлений, а не от слабости наказаний»**. Но, в отличие от В.И. Ленина, его критики, по-видимому, Монтескье не читали, да и труды Ленина познавали, скорее всего, по цитатам из учебников. Монтескье же очевидно не виноват в том, что его идеи были использованы впоследствии большевиками. Да и сами эти идеи не стали от этого ошибочными.

* Ленин В.И., Полн. собр. соч. Т. 4. С. 412

** Монтескье Ш. О духе законов. СПб., 1900. С. 89.

*Напомню, что речь идет о первом полугодии 2002 года.

** 1996 года.

Стоит ли говорить, как обстоит дело с неотвратимостью наказания в нашей стране сегодня? И суды ли виноваты в бесчисленных оправданиях людей, привлекаемых к уголовной ответственности? Что же касается суровости — то здесь мы если еще и не впереди планеты всей, то явно стремимся к мировому первенству. Сейчас стало модным числить нашу историю с дооктябрьских времен. Вот и прокуратура отпраздновала свой 275-летний юбилей, Минюст отметил свое двухсотлетие. Может быть и систему наказаний — со времен допетровских? Может вообще восстановить монастырские подвалы, пыточный приказ, дыбу и колесование? К чему нам эти интеллигентские хлюпки Монтескье и Беккариа? Если в экономике мы стремимся вперед к капитализму, то, может быть, в уголовном праве пора призывать «вперед к средневековью»!

Сейчас в наших колониях и тюрьмах находится осужденных чуть ли не в два раза больше, чем в СССР к моменту его развала. А ведь отошли 14 республик — Украина, Белоруссия, Закавказье, Казахстан и вся Средняя Азия. Поверьте, там осуждалось к лишению свободы не меньше, чем в РСФСР. Но — в начале 80-х годов в СССР был принят ряд законов, направленных на упорядочивание практики применения мер уголовного наказания, сокращение применения лишения свободы. За короткий срок показатель применения судами лишения свободы сократился с 69-70% до примерно 29-30%. Слава Богу, этот показатель, по крайней мере пока, превышен незначительно*. Мы же сегодня вернулись к прежнему уровню репрессии.

Нет спора, преступники, совершившие опасные преступления, прежде всего насильственные, скорее всего, должны быть изолированы для того, чтоб мы были защищены от повторения ими таких же (а может быть и более тяжких) преступлений. Но сколь продолжительной должна быть эта изоляция? Сколь жестоки должны быть условия в местах лишения свободы?

Вопрос не так прост. Наказание чрезмерно суровое — это не наказание, а расправа. Наказание чрезмерно мягкое — это не наказание, а попустительство преступлению. В некоторых случаях санкции статей Особенной части УК, может быть, и нуждаются в ужесточении.

* Справедливость требует сказать, что сегодня этот показатель ниже, однако, тревогу вызывает то, что снижение в основном объясняется изменением конструкции статей о хулиганстве и краже, а вовсе не гуманизацией практики применения наказаний.

Неоправданно мягкой представляется, например, санкция части первой статьи 256 УК РФ, предусматривающей за незаконную добычу рыбы, морского зверя и иных водных животных или промысловых морских растений при отягчающих обстоятельствах штраф в размере от двухсот до пятисот минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы осужденного за период от двух до пяти месяцев, либо исправительные работы на срок до двух лет, либо арест на срок от четырех до шести месяцев. Арестные дома у нас еще не созданы, исправительные работы ввиду отсутствия рабочих мест отбывать негде, поэтому фактически самое строгое наказание за это преступление — штраф. Отягчающие обстоятельства, перечисленные в части первой статьи 256 УК — это причинение крупного ущерба либо применение самоходного транспортного плавающего средства или взрывчатых и химических веществ, электротока либо иных способов массового истребления указанных водных животных и растений, это лов указанных животных и рыб в местах нереста или на миграционных путях к ним либо на территории заповедника, заказника или в зоне чрезвычайной экологической ситуации. Это преступное ремесло чрезвычайно доходно, а люди, им занимающиеся, чрезвычайно опасны. Достаточно вспомнить, как они борются с теми, кто пытается пресекать их преступный бизнес: взрыв жилого дома пограничников в Каспийске, убийство генерала Гамова на Камчатке, многочисленные расправы с инспекторами рыбнадзора. Доходы от реализации рыбы ценных пород и осетровой икры столь велики по сравнению с грозящим преступникам наказанием, что делают преступный бизнес выгодным.

Но Уголовный кодекс — это система норм и править его надо тоже системно. Законопроект об усилении санкции части первой статьи 256 УК РФ был внесен на рассмотрение Госдумы Народным собранием Республики Дагестан, и, по-видимому, обоснованно. Но этот законопроект не затрагивал других частей той же статьи 256 и других статей главы УК об экологических преступлениях.

Предлагая усилить наказание за незаконную добычу рыбы, морского зверя и иных водных животных или промысловых растений, авторы законопроекта упустили вопросы ответственности за незаконную добычу других видов животных. Это особенно проявилось в случае с незаконной добычей котиков, морских бобров или иных морских млекопитающих. Уголовная ответственность за незаконную добычу этих животных предус-

мотрена часть второй той же статьи 256. Однако эту часть статьи 256 законопроект не затрагивал. В то же время в законопроекте предлагалось усилить наказание за деяния, предусмотренные частью третьей статьи 256. Но часть третья статьи 256 — об ответственности за совершенные при отягчающих обстоятельствах деяния, предусмотренные частями первой и второй статьи 256, т.е. не только за совершенную при отягчающих обстоятельствах незаконную добычу водных животных и растений, но и незаконную добычу котиков, морских бобров или иных морских млекопитающих. В результате получился слишком резкий разрыв в санкциях частей второй и третьей статьи 256, что не желательно.

По-видимому, необходимо дополнительное изучение вопроса о системе санкций всех статей главы 26 УК РФ (Экологические преступления). Вряд ли уссурийские тигры, например, нуждаются в меньшей уголовно-правовой охране, чем водные животные или растения, о которых обоснованно пекутся дагестанские законодатели. В последнее время, судя по сообщениям печати, получил распространение незаконный экспорт ловчих птиц (беркутов, соколов), приносящих значительный доход браконьерам и не меньший ущерб природе России. Комплекс проблем здесь возникает тот же. Вряд ли можно считать эффективными действующие нормы об ответственности за посягательства на окружающую среду, особенно с учетом явно кризисной экологической ситуации в стране.

Но и в этих случаях все же к вопросу об усилении санкций надо подходить очень осмотрительно. Повышение уровня риска в результате ужесточения санкций может в определенной мере стимулировать совершение более опасных преступлений. Карл Маркс, критикуя прусский ландтаг в связи с введением смертной казни за кражу валежника, отмечал, что эта мера может подтолкнуть к убийству лесных сторожей: если до этого человек, застигнутый лесным сторожем с вязанкой валежника, по крайней мере не боялся за свою жизнь, то после введения смертной казни уже не только за убийство лесного сторожа, но и за кражу валежника, он мог избежать смертной казни только еще и убив лесного сторожа. — все равно хуже не будет: двум смертям не бывать, а так, может быть, вовсе удастся скрыться.

Несмотря на резкий рост преступности в последнее десятилетие, было бы неверным считать, что вся система санкций в УК нуждается в глобальном реформировании в сторону ужесточения и, тем более, что большинству осужденных место именно

за решеткой. По различным оценкам от одной трети до половины, а то и более, «населения» наших исправительных колоний составляют люди, которых вполне можно было бы исправить и без лишения свободы.

Мне как-то попало в руки уголовное дело, по которому женщина за кражу двух гусей была осуждена к двум годам лишения свободы. Такая вот цена человеческой судьбы: один год человеческой жизни стоит столько же, сколько один гусь. Когда я пытался добиться смягчения наказания, мне стали говорить: и поделом, дескать, ей, пускай не ворует.

Но хоть кто-нибудь верит в то, что эти два года тюрем, пересылки и колоний произведут на осужденную такое впечатление, что она на веки вечные отучится воровать? Бросит пить и станет трудолюбивой и законопослушной?

Увлечение лишением свободы в сталинские времена объяснялось надобностью обеспечить дешевой рабочей силой экономику страны. Что двигает законодателем сейчас?

Какой смысл было, например, верхний предел санкции части второй статьи 136 (Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина) повышать с трех до пяти, а в санкциях части первой статьи 222 (Незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств) и части первой статьи 223 (Незаконное изготовление оружия) — с трех до четырех лет лишения свободы? Кто доказал, что три года лишения свободы за эти преступления — мало, а четыре — уже в самый раз?

На каких аптекарских весах было определено, что в санкции части первой статьи 198 (Уклонение физического лица от уплаты налога или страхового взноса в государственные внебюджетные фонды) лишение свободы на срок до одного года надо заменить лишением свободы на срок до двух лет, а в санкции части второй той же статьи лишение свободы на срок до трех лет — заменить лишением свободы на срок до пяти лет? Какой практический смысл в повышении верхнего предела санкции части первой статьи 199 (Уклонение от уплаты налогов или страховых взносов в государственные внебюджетные фонды с организаций) с трех до четырех лет? При этом обе статьи стали «безразмерными»: если раньше в диспозициях этих статей были четко определены способы уклонения от уплаты налогов, которые делали это деяние преступным, то теперь в уголовном порядке преследуются эти действия, совершенные любым способом.

Будет ли способствовать уплате таможенных платежей включение в санкцию части первой статьи 194 (Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица) лишение свободы на срок до двух лет? Неужели невдомек законодателям, что применение наказания в виде имущественных взысканий за экономические преступления более эффективно?

Никто не хочет думать о том, что лишение свободы (как, впрочем, и другие наказания) применяется именно для этого: чтобы человек стал законопослушным и не совершал более преступлений. Рассуждения об искупительном значении наказания, о возмещении морального вреда потерпевшим — от лукавого. Ничего наказание не искупает и не возмещает. Не почитающие Ленина и не читавшие Монтеסקье наивные (только ли наивные?) законотворцы (а и мы все тоже — какие мы, такие и выбранные нами депутаты, а какие депутаты — такие и законы) по крайней мере, большинство из них — полагают, видимо, что чем строже наказание, тем оно эффективнее. Стремление к ужесточению наказаний основано не только на «святой» вере в то, что сурово наказанный не совершит нового преступления, но и на убеждении в том, что, узнав о суровом наказании, окружающие изначально будут запуганы и побоятся воровать, грабить и убивать. Между тем, как писал Карл Маркс (не успевший к моменту написания этих строк стать основателем марксизма — тогда он считал себя поклонником Гегеля) «Жестокость, не считающаяся ни с какими различиями, делает наказание совершенно безрезультатным, ибо она уничтожает наказание как результат права»*.

Здесь действуют непростые законы, вполне объективные, о существовании которых мало кто и догадывается. Если в стакан с водой сыпать соль, то по достижении какого-то уровня соль перестанет растворяться — наступит насыщение. Точно также и с наказанием: оно должно соответствовать тяжести содеянного, а в случае превышения этого уровня соответствия наступит насыщение и прекращается его (наказания) позитивная роль. Человек, наказанный строже, чем надо для его исправления, будет либо озлоблен несправедливостью приговора, либо запуган. Озлобление, направленное против приговора, суда и закона, против общества в целом, — бесспорно плодотворнейшая почва для любых новых преступлений. Запуганность, страх, ло-

мают личностный хребет, делают человека легко подвластным чужой воле (увы, зачастую злой); в лучшем случае он не совершает преступлений, пока на него смотрит милиционер, но когда тот повернется к нему спиной...

От женщины, чью жизнь общество оценило из расчета один год судьбы — один гусь, трудно ожидать уважения к «общечеловеческим ценностям», равно как и от тех, кому стало об этом приговоре известно. Если человека все время называть свиньей, он, в конце концов, захрюкает. Фразу эту приписывают древним китайцам. Не знаю, как там насчет китайцев, но люди, которым общество отказывает в человеческом к ним отношении, не станут относиться к обществу по-человечески.

Легко любить человека «вообще», красиво выступать с трибун (в том числе и парламентских) с проповедями о защите прав абстрактного человека. А как согласуется с этими проповедями отношение к осужденным как к средству для запугивания других людей, еще не совершивших, но, может быть, задумавших совершить преступление? Какое право мы имеем наказывать человека ради того, чтобы запугать других?

Законодателям не грех узнать и о главном противоречии лишения свободы: для того, чтобы приспособить человека к жизни среди законопослушных людей и сделать его самого законопослушным, его изолируют от этих самых законопослушных и помещают среди таких же, как он преступников. Очевидно, что чем дольше срок лишения свободы, тем сильнее могут проявиться негативные стороны этого наказания, тем сильнее влияние «тюремных университетов». Выход — в такой организации исполнения наказания, которая будет направлена на пробуждение в осужденном самых высоких человеческих качеств — прежде всего уважения к обществу, к окружающим его людям и к себе самому. Могут ли наши тюрьмы и колонии справиться с этой задачей? Да и ставится ли обществом перед ними такая задача? Можно ли вообще говорить об уважении к человеческой личности в условиях многократного переполнения тюрем и колоний, в условиях нищенских сумм, отпускаемых на питание и лечение осужденных? И — что еще важнее — можно ли упоминать об уважении к человеческой личности там, где человеческую судьбу оценивают в гусях?

Преступник — тоже человек и законодатель обязан об этом помнить. Чтобы человек сохранил свои человеческие качества после отбытия наказания оно должно быть таким, чтоб после его отбытия у него оставались маломальские жизненные перспективы. Если в конце туннеля света нет, если ситуация тупико-

* Маркс К., Дебаты по поводу закона о краже леса. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 123.

ва и беспросветна, то — как реакция на ситуацию — может появиться (и часто это так и бывает — тем более, что биография отягощена прошлым преступным опытом) глобальная ненависть, неприятие общества и его законов. Происходит взаимоотчуждение человека и государства, человека и общества. И первично тут отношение общества к человеку. Когда человек понимает, что он обществу не нужен, что общество в лучшем случае, готово использовать его как инструмент, сырье, материал, но не собирается думать о его нуждах, о его потребностях, тогда и он относится к обществу в лучшем случае как потребитель. По-видимому, закон, известный по школьному курсу физики как третий закон Ньютона — действие равно противодействию — носит всеобщий характер. Как общество относится к человеку, так и человек относится к обществу. Если общество не заботится о детях, если детская беспризорность по масштабам догоняет двадцатые годы прошлого века, то чего ждать потом от этих подростков, когда они вырастут?

Эта проблема имеет и четко выраженный процессуальный аспект. Неуважение к человеку, его правам начинается еще до назначения наказания — на предварительном следствии и даже до возбуждения уголовного дела. Во-первых, к подозреваемому (особенно если он задержан или, тем более арестован), обвиняемому зачастую относятся как к виновному, хотя надо ли объяснять, что это далеко не всегда так?! Во-вторых, права его, зафиксированные в законе, нередко нарушаются самым беспардонным образом.

Избиение задержанных («приглашенные» в милицию для «беседы», но не попавшие еще в ранг задержанных привилегиями не пользуются), применение к ним самых изощренных пыток (пресловутых «слоников», например, когда на человека надевают противогаз и перекрывают шланг подачи воздуха, или натягивают на голову полиэтиленовый пакет и тоже не дают дышать) распространены самым широким образом. Прокуратура и даже суды настолько вяло реагируют на это, что возникает мысль: а нет ли негласного позволения высших властей применять пытки? А как еще прикажете это понимать? Женщину из ресторана доставленную в УЭП по подозрению в совершении незаконных сделок с драгоценными камнями, трое здоровых мужчин в служебном кабинете избивают и терзают электрошоком. Явные следы этого через два дня в следственном изоляторе видят на ее лице и теле следователь (не принимавший участия в избиении), адвокат и посторонний человек — свидетель, доставленный в

следственный изолятор для проведения очной ставки. Всем понятно, что до задержания никаких синяков и отметок электрошока на лице и теле у нее не было: женщины не ходят в ресторан с кровоподтеком во всю левую сторону лица. Все попытки добиться возбуждения уголовного дела по факту применения пыток кончились ничем: в нарушение всех законов заявления защитника «проверялись» прокуратурой по несколько месяцев. На возмущенное недоумение отвечали просто: «Мы продлили срок», хотя никакого продления срока свыше десяти дней УПК не предусматривал. Затем отказывали в возбуждении дела за... отсутствием состава преступления в действиях работников милиции! Вышестоящей прокуратурой постановление было отменено, и — все опять повторилось сначала: вновь двухмесячная «проверка» и отказ в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления; значит, признают, что событие было, что избивали эту женщину, но делали это правомерно! Каким законом это позволено?! Нельзя же думать, что она сама набросилась на трех отважных сыщиков в их служебном кабинете, а они действовали в состоянии необходимой обороны!

Другой случай. Арестованный в следственном изоляторе теряет зрение. Администрацией следственного изолятора он направляется на освидетельствование в Институт глазных болезней имени Гельмгольца. Диагноз: травматическая атрофия обоих зрительных нервов. Проверка его заявления об избиении работниками милиции ограничивается опросом самих работников милиции (причем даже не тех, о которых он заявлял), естественно, все отрицающих. Требование защиты назначить судебно-медицинскую экспертизу отвергается как следователем, так и судом по тем мотивам, что обстоятельства его ослепления не имеют отношения к делу. Это при том, что на выбитых из него показаниях основано обвинение*! Неоднократные об-

* И старый и новый УПК позволяют суду и следователю отклонить ходатайство защиты о представлении доказательств по таким мотивам. Конституционный Суд РФ признал эти нормы соответствующими Конституции РФ, поскольку суд вправе решать вопрос об относимости доказательств. Думается, решение не вполне верное. Оценить доказательство с точки зрения его относимости, не исследовав это доказательство не всегда возможно. Тем более, что в таких случаях следователи и суды, как правило, предрешают и выводы экспертов и показания свидетелей. В приведенном случае, например, и следователь и суд утверждали, что травматическая атрофия зрительных нервов не могла быть получена при задержании, т. е. слепота наступила не в день задержания, а позже — уже в следственном изоляторе. Таким образом, следователь и суд ответили на явно выходящий за пределы их компетенции медицинский вопрос о сроках причинения травмы.

ращения в прокуратуру, вплоть до Генеральной, и в Верховный Суд успеха не имели. Из Верховного Суда вообще ответили: «От этого заболевания осужденный лечился и ранее, еще до привлечения к уголовной ответственности», — это от травм, последствия которых проявились в следственном изоляторе! Прокуратура обязана была возбудить уголовное дело в данном случае: в изоляторе арестованному причинили травму, в результате которой он ослеп. Если не милиционеры, то надзиратели, сокамерники, кто-то же причинил тяжкий вред здоровью этого человека! Причинение тяжкого вреда здоровью влечет уголовную ответственность по статье 111 УК РФ, преступление это относится к категории тяжких, и уголовные дела о них не являются делами частного обвинения.

В обоих случаях добиться возбуждения уголовного дела по признакам части второй статьи 302 УК РФ (Принуждение к даче показаний, соединенное с применением насилия, издевательств или пытки) так и не удалось.

Правосознание правоприменителей часто находится на средневеково-бытовом уровне. В ответ на мои «домогательства» соблюдения закона и возмущения по поводу нарушений прав обвиняемых нередко (впрочем «нередко» не то слово — почти всегда) отвечали: «Ах, его нельзя бить, а ему можно было... — и далее в зависимости от обстоятельств — ...убивать, воровать, торговать алмазами» и т. д. И не только следователи и прокуроры — судьи, на которых мы возлагаем столько надежд в связи с усилением судебного контроля за предварительным следствием. Мне довелось услышать от судьи при рассмотрении ею ходатайства следователя об аресте обвиняемого: «Вот вы тут стоите, а он (потерпевший) не смог сюда прийти!» Обвиняемый уверял, что действовал обороняясь, поскольку был сильно избит потерпевшими, получил черепно-мозговую травму, компрессионный перелом позвонка, ушиб почки и другие повреждения, из-за чего был нетрудоспособен с апреля и по рассмотрению судьей вопроса о его аресте в августе. Тот, кому он причинил телесные повреждения, не смог явиться в суд исключительно потому, что его в суд никто не вызывал: два неизгладимых шрамика на правой щеке длиной три и полтора сантиметра не повлекли утраты трудоспособности и никак не ограничили его способности ходить*. Но даже если обвиняе-

мый действительно виноват в том, в чем его обвиняют, разве это повод для ограничения его прав, не говоря уже о применении пыток? Если государство приняло определенные правила, то эти правила должны быть обязательны для всех участников, ведь по нашим законам гражданин и государство перед судом равны. Если же правила обязательны только для гражданина, а государство играет без правил, то это уже очевидно не правовое государство.

Небрежение интересами человека характерно не только для уголовной юстиции, но для наших властей всех ветвей, уровней и направлений. Недавно молодая адвокатесса поделилась со мной, так сказать, «профессиональной радостью»: она выиграла дело — страшно подумать! — у Министерства имущественных отношений Российской Федерации. Порадовавшись вместе с коллегой ее успеху, я приуныл, однако. Предметом спора была тринадцатиметровая комната в бревенчатом доме районной ветлечебницы. В здании ветлечебницы испокон веку помещалась двухкомнатная квартира «с удобствами во дворе» (слава Богу, хоть с отдельным входом). В одной из комнат жили две женщины — клиентки моей коллеги. Вторая комната была занята кем-то другим, но около десяти лет тому назад освободилась. Женщины эти заняли ее, и все это десятилетие проживали уже в двух комнатах, исправно внося квартплату. Наконец, попытались оформить свое проживание. Здание ветлечебницы оказалось имуществом федеральным. И федеральное министерство оказалось строжайшим блюстителем всенародной собственности. Несмотря на законность просьб, оно гордо отказалось расставаться с тринадцатью метрами бревенчатого жилья без удобств. Понадобился небыстрый у нас судебный процесс, чтобы отвоевать законное право людей жить под этой крышей. И стало мне, как сказал поэт, «и грустно и смешно». Неужели наше могучее народолюбивое государство, без всяких к тому оснований раздавшее и раздарившее Бог знает сколько заводов, пароходов, дворцов, вокзалов, целых отраслей промышленности и кто его знает чего еще, не могло сразу отдать эту халупу? Неужели из-за этого надо было судиться?

Стремление к ужесточению наказаний, естественно, привело к обращению группы депутатов к Президенту с просьбой отменить мораторий на смертную казнь. Невмоготу стало. Кажется им (некоторым вполне искренне), что вот станут расстреливать — и преступность резко пойдет на убыль.

Вопрос не так прост.

* Через два с лишним года после вынесения приговора уголовное дело в части осуждения за причинение этих повреждений было все-таки прекращено за отсутствием состава преступления.

Как известно, по призыву зарубежных демократий в нашей стране принимаются меры к полной отмене смертной казни, как наказания жестокого и необратимого. На нынешнем этапе объявлен пока на нее мораторий. В обоснование этого много говорят и пишут о гуманизме. Приводят обширную статистику, свидетельствующую о том, что преступность в периоды применения смертной казни не снижается, а в периоды ее отмены не растет, что якобы свидетельствует о бессмысленности смертной казни, как наказания, не способного предупредить новые преступления. Наконец, ссылаются на то, что общество не давало человеку жизни и потому не вправе его жизни лишать. Пусть меня не заподозрят в мизантропии и кровожадности, однако же, эти доводы неверны и потому не убедительны. Гуманизм по отношению к преступнику не должен иметь своей обратной стороной попустительство убийцам.

Рассуждения об отсутствии предупредительного воздействия смертной казни и вовсе лукавы — любое уголовное наказание характеризуется предупредительным воздействием двух видов: общим (т. е. способностью предупредить совершение преступлений другими лицами) и частным (т. е. способностью предотвратить совершение новых преступлений самим осужденным). Говорят, и, видимо, не без основания, что применение смертной казни не способно запугать потенциальных убийц — и верно, почти никто из убийц, приступая к своему черному делу, не думает быть пойманным, и потому казнь других людей его от убийства, как правило, не отвратит. Так вот, даже если с этим согласиться, то ведь остается еще частнопредупредительное воздействие. Здесь без всякой статистики все ясно — расстрелянный из могилы не встанет и новых убийств не совершит.

Наконец об отсутствии у общества права лишать человека жизни, т. к. оно ему, человеку, жизни якобы не давало. Позволю себе с этим не согласиться. Во-первых, человек не появляется на свет в результате самозарождения, как протоамеба из океана. Для того, чтобы зародилась жизнь каждого конкретного человека, необходимы усилия двух других. Для того, чтоб только что вылезший на свет комочек кричащей материи стал человеком, нужны усилия многих — его надо вскормить, вспоить и воспитать. Гуманисты этого сорта намекают (а многие и не намекают, а говорят об этом достаточно открыто), что жизнь человеческая — порождение Творца, душу в человека вдохнул Бог и ему — не человеку — решать оставаться кому-то в живых или нет. И здесь лукавство. О том, что и как считает Бог по тому или

иному поводу трудно судить человеку, ибо неисповедимы пути Господни. И смертный грех гордыни — приписывать своим собственным воззрениям силу Божественного предначертания. Есть, правда, один источник, притом письменный, из которого говорят можно почерпнуть божественный промысел: Ветхий завет. Так вот, если верить Ветхому завету (а истинно верующий и усомниться в букве священного писания не должен!), то, оказывается, всепрощенчество как идеологическое основание для отмены смертной казни, оттуда вовсе не следует. Обратимся к первоисточнику. «Кто ударит человека так, что он умрет, да будет предан смерти» (Исх. 21:12). «Если кто с намерением умертвит ближнего коварно [и прибежит к жертвеннику], то и от жертвенника Моего бери его на смерть». (Исх. 21:14). «Кто ударит человека и продаст его, или найдется он в руках его, то должно предать его смерти» (Исх. 21:16). «Кто ударит отца своего или свою мать, того должно предать смерти» (Исх. 21:15). «Кто украдет человека и, «Кто злословит отца своего или свою мать, того должно предать смерти» (Исх. 21:17). «Но если кто будет врагом ближнему своему и будет подстерегать его, и восстанет на него и убьет его до смерти, и убежит в один из городов тех, то старейшины города его должны послать, чтобы взять его оттуда и предать его в руки мстителя за кровь, чтоб он умер; да не пощадит его глаз твой» (Втор. 19:11–12, 13). И этот перечень не полный — всего деяний, за которые предписано казнить смертью, не меньше, наверное, чем в нашем УК составов с такими санкциями.

Общество применяет уголовное наказание как средство самозащиты. Если у общества нет других способов сделать человека не опасным (путем убеждения или иным способом), то оно должно иметь право уничтожить того, кто опасен для жизни окружающих. Не из мести (публицисты ее красиво называют возмездием), а из прагматических соображений безопасности. Иное абсурдно, ибо означает отрицание права общества на самозащиту адекватными средствами, отрицание права общества на уничтожение убийц при сохранении права убийц на существование (с возможными повторными убийствами) несмотря ни на что. Когда я работал в прокуратуре и выступал в судах в качестве государственного обвинителя, мне иногда приходилось по самым одиозным делам настаивать перед судом на расстреле подсудимых, и суд со мной почти всегда соглашался. Но я требовал расстрела убийцам не для того, чтобы отомстить за убитых ими людей, а из тех соображений, что они в любой

тюрьме и любой колонии не стали бы мирно отсидживать срок, а стали бы активно искать возможности освободиться и продолжать вести захребетный образ жизни — в том числе ценой жизни других. Они доказали это самым образом жизни, который и состоял у них в грабительской добыче денег, ублажении самых низменных своих страстей и убийствах — как привычном способе удовлетворения страстей и страстишек.

Однако же все это не дает оснований для отмены моратория на смертную казнь. Все рассуждения о праве общества на наказание касаются только права наказывать виновных, права наказывать невиновных ни у какого общества быть не должно. Когда это происходит, то говорить приходится уже не о праве, а о произволе. Именно поэтому сегодня я категорически против смертной казни, **ибо при нынешнем уровне предварительного следствия, прокурорского надзора и правосудия мы никогда не можем быть уверены в том, что наказан действительный виновник.**

Сегодня процессуальная культура предварительного (да и судебного) следствия упала до недопустимо низкого уровня, а презумпция невиновности, несмотря на ширококвещательные заявления руководителей страны о строительстве правового государства и судебной реформе, вновь становится «факультетом ненужных вещей».

И раньше было беззаконие, и теперь есть. Однако раньше, в тоталитарные времена, руководители правоохранительных органов всех рангов и всех ведомств, ратую за усиление борьбы с преступностью, не забывали все же о законности. Не всегда они были искренни при этом, но даже самые жесткие борцы с преступностью не забывали хотя бы говорить о том, что эта борьба должна вестись в рамках закона. Грустно от того, что теперь — даже на парламентских слушаниях по вопросу об укреплении законности и правопорядка слова автора о законности вызвали гневные выкрики милицейских генералов из зала*. Сегодня, во времена демократические, даже самые высшие иерархи тех же ведомств откровенно призывают: «Хватит бороться за права преступника, пора отстаивать права потерпевшего». На деле это означает, что ущемляются права не преступников, а обвиняемых, что далеко не одно и то же. **По каждому, например, делу о серийных убийствах, прежде чем разоблачат действительного преступника, привлекают к ответственности (и осуждают, и наказывают) невиновных людей, а преступники**

* См. с. 230 настоящего сборника.

тем временем продолжают вершить свои кровавые дела. Достаточно здесь вспомнить о широко известном деле Чикатило. Напомню: за первое совершенное Чикатило убийство был привлечен к уголовной ответственности, осужден и по приговору расстрелян не совершавший этого убийства Кравченко; Чикатило же, пользуясь тем, что оперработники и следователи увлеклись «разоблачением» Кравченко, совершил еще полсотни убийств. Нужно ли приводить другие примеры?

В нормальном, цивилизованном обществе эта информация должна была бы вызвать бурю негодования — невиновные осуждены, невиновные расстреляны! Я огласил этот нехитрый тезис на парламентских слушаниях в Совете Федерации. Увы! «Парламентские слушатели» встретили мои слова полнейшим безразличием. Я, впрочем, и не ожидал от них бурной реакции, но чтобы полное безразличие чтобы вообще никакой реакции?! Мысль эта, вообще-то, впервые высказана была не мной, а, гораздо раньше меня, Ольгой Чайковской в книжке об И.М. Костове — старшем следователе по особо важным делам прокуратуры России (к сожалению, бывшем — сегодня он является членом Совета Федерации)* — и тоже никакого, по сути, резонанса.

Несть числа нападам на суд: дескать, отважные сотрудники УОПов, УЭПов и УГРО денно и ночью излавливают главарей преступного мира, но продажные адвокаты разваливают дела, а сердобольные (во многих публикациях намекают на то, что и подкупленные) судьи отпускают разных «авторитетов» и «воров в законе» на свободу. Будучи достаточно близко знаком с ситуацией, готов утверждать, что «разваливают» дела не адвокаты, а сами следователи — своей безграмотностью, увлечением только одной (простейшей) обвинительной версией, небрежением к процессуальным нормам. Результат процессуальной безграмотности оперработников и следователей, прокуроров и судей — осуждение невиновных и оправдание виновных. Большинство следователей, прокуроров и, как ни странно, судей настроено скептически по отношению к суду присяжных: «Наши следователи, — мол, — не готовы к такому суду. Всех преступников присяжные будут оправдывать. Надо сперва научить следователей собирать и закреплять доказательства, а потом

* О. Чайковская «Необходимое послесловие» — в кн. Ричард Лурье «Охота на дьявола» перевод с английского, М., изд-во Олимп. Что касается моего сожаления, то оно относится не к продвижению Исы Магомедовича по службе, а к тому, что следователь такого уровня в кузнице у бога — изделие штучное и я не убежден, что надлежащую замену ему найти удалось до сих пор.

уже думать о присяжных». Неясно только, а необоснованно осужденные, они что? — должны в тюрьмах гнить, пока следователи научатся работать, пока они дорастут до уровня требований суда присяжных? Опять, как и в годы сталинских репрессий, интересы борьбы с преступностью поставлены выше интересов отдельного человека. Как будто борьба с преступностью выиграет от осуждения невиновных (и, естественно, от безнаказанности действительных преступников, за которых будут отбывать наказание невиновные люди)!

Недавно на мой вопрос о том, не смущает ли его низкое качество следствия и судопроизводства, из-за чего осужденными нередко оказываются невиновные люди, один из сторонников отмены моратория на смертную казнь — видный гуманист, депутат и кинодеятель — ответил: «Нет, не смущает». Вот так-то; нет, не случайно в фильме этого депутата слова об эре милосердия (напомню — выведенные авторами экранизированного романа в заголовок) прозвучали весьма приглушенно, на втором плане, под сурдинку. Давайте назовем вещи своими именами: государство руками своих оперов, следователей, прокуроров и судей убивает невиновных, законодатели (принявшие УПК не дающий гарантий от необоснованных осуждений, но зато удобный для нерадивых «раскрывателей» преступлений) попустительствуют этим убийствам, а деятели, требующие отмены моратория на смертную казнь, — подстрекают к убийствам. До эры милосердия еще, по видимому, еще очень и очень далеко, но это не повод, чтобы возродить эру произвола и массовых казней невиновных.

Здесь я должен привести слова моего коллеги адвоката Суворова:

Им плевать, что в России-Матушке
За один только прошлый век
Все лимиты на смертные казнюшки
Исчерпали на тысячу лет.

Наивно ждать цивилизованного человеколюбивого взгляда на проблему уголовного наказания от законодателей, «подаривших» нам в УПК РФ возможность применения судьей единолично любого наказания вплоть до двадцатилетнего лишения свободы — только смертную казнь судья единолично назначить не вправе (может и позволили бы законодатели, да Конституция не дает). Однако же именно это обстоятельство, то есть что теперь судья может приговаривать к столь длительным

срокам лишения свободы, и требует от законодателя особой осмотрительности при включении этого вида наказания в санкции статей Уголовного кодекса.

«Разве каждый из граждан не связан с государством тысячами жизненных нервов, и разве оно вправе разрезать все эти нервы только потому, что этот гражданин самовольно разрезал какой-нибудь один нерв? Государство должно видеть и в нарушителе... человека, живую частицу государства, в которой бьется кровь его сердца, солдата, который должен защищать Родину, свидетеля, к голосу которого должен прислушиваться суд, член общины, исполняющего общественные функции, главу семьи, существование которого священо, и, наконец, самое главное — гражданина государства. Государство не может легкомысленно отстранить одного из своих членов от всех этих функций, ибо государство отсекает от себя свои живые части всякий раз, когда оно делает из гражданина преступника»*.

Увы, государство слишком часто этого не хочет видеть и понимать. Так надо ли удивляться, что граждане нередко платят этому государству той же монетой?

Власть должна существовать для людей. А люди бывают разные — это и пропивший свой бывший колхоз «Путь Ильича» (ныне ЗАО «Россия»), пахнувший навозом скотник, и гениальный виолончелист, и нобелевский лауреат во фраке с галстуком-бабочкой, и грязный бомж на вокзале, давно не бритый, не мытый и не помышляющий о галстуках. И преступник — из этого же человеческого ряда. Время от времени раздаются стенания на тему о том, что народ наш не так хорош, как его лакировочно изображали раньше, — и вороват, и ленив, и пьет чрезмерно. Что ж делать, господа, другого, запасного народа Бог Вам не дал. И у этого именно народа вы на службе, а не наоборот. Не худо бы подумать о том, что у народа нашего (то есть у нас самих, ибо мы и есть народ, от бомжа до академика) власть не столь хороша, как нам бы хотелось, но вот тут как раз замена возможна (как минимум раз в четыре года).

* Маркс К. Там же С. 132.

Независимый экспертно-правовой совет

Костанов Ю.А.
Слово и «Дело»

Подписано в печать
с готового оригинал-макета 07.08.2006
Формат 60х90/60. Бумага офсетная. Гарнитура «Univers»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,5. Тираж 1000 экз.
Распространяется бесплатно.

Редактор серии Парамонов А.А.
Корректор Сокольская К.О.
Компьютерная верстка Мичурина В.П.
Художественное оформление Мичурина В.П.,
Парамонов Д.А.

«Р. Валент»
(Издательская лицензия РЛ № 066590 от 18.05.1999. Госкомитет РФ по печати)
103062 Москва, ул. Покровка, д. 38а.